

63.5(2)
Ф 33

Е.Г.ФЕДОРОВА

РЫБОЛОВЫ И ОХОТНИКИ
БАССЕЙНА ОБИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ
ХАНТОВ И МАНСИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)

^

АДМИНИСТРАЦИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ОБСКО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Е.Г.ФЕДОРОВА

РЫБОЛОВЫ И ОХОТНИКИ
БАССЕЙНА ОБИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ .
КУЛЬТУРЫ
ХАНТОВ И МАНСИ

Европейский Дом
Санкт-Петербург
2000

ББК 63.5
Ф33

Книга посвящена проблемам формирования культуры обских угров (хантов и манси). На археологическом и этнографическом материалах автор рассматривает пути сложения хозяйственных занятий и материальной культуры хантов и манси, а также некоторых аспектов их религиозных представлений. В работе использованы данные литературных источников, полевые материалы автора, музейные коллекции. При рассмотрении ряда вопросов привлекался сравнительный материал по другим народам.

Книга предназначена для этнографов, археологов, культурологов, историков.

Ответственный редактор:

к.и.н. Е.А. Алексеенко

Рецензенты:

<, д.и.н. Е.А. Окладникова, к.и.н. В.А. Казьмин

Утверждено к печати

*Ученым советом Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)*

ISBN 5-88431-0016-1

© Е.Г. Федорова, 2000
© А.Ю. Харитонова — художественное
оформление, 2000
© МАЭ РАН, 2000
© НИИ ОУН, 2000
© Европейский Дом, 2000

ВВЕДЕНИЕ

Культура хантов (остяков) и манси (вогулов) — рыболовов и охотников бассейна реки Оби — формировалась на протяжении столетий. Языки этих двух народов относятся к угорской группе уральской языковой семьи. Лингвисты выделяют внутри каждого из них диалектные группы, имеющие привязку к какой-либо конкретной территории: как правило, к бассейну одного из притоков Оби [Ромбандеева, 1976. С.231—233; Караулов, 1976. С.243—246]. В научной литературе хантов и манси принято объединять под общим названием «обские угры».

Несмотря на свою малочисленность (по данным переписи 1989 г. на территории РСФСР хантов насчитывалось 22 283 человека, манси — 8279 чел. [Национальный состав, 1990. С.8]),* ханты и манси заселяют обширную территорию, площадь которой превышает 1500 тыс. кв.км. Небольшие по численности группы обских угров занимают обычно бассейн какой-либо реки: ханты живут сейчас в низовьях Иртыша и его притоков в этой части, по левым и правым притокам Средней и Нижней Оби, манси обитают в бассейне р. Конды (левый приток Иртыша), за исключением ее низовьев, в верховьях рек Лозьвы и Пельма, большая их часть живет по левому притоку Оби — р. Северной Сосьве и ее притоку р. Ляпину. По современному административному делению — это территории Ханты-Мансийского и части Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области, северная часть Свердловской и северо-западная Томской областей.

Значительная часть территорий, занимаемых хантами и манси в настоящее время, была освоена их предками до включения обских угров в состав Государства Российского. В то время граница обско-угорского ареала была несколько сдвинута на юг и на запад. Так, еще 150—200 лет назад манси (вогулы) жили по берегам рек,

* Материалы переписей свидетельствуют о постоянном росте численности хантов и манси, особенно заметном в XX в. [подробнее см.: Соколова, 1985а. С.94; Народы Севера России, 1992. С.13].

начинающихся на восточных склонах Урала и соединяющихся через Тобол и Иртыш с Обью.

В научной литературе принято выделять этнографические и территориальные группы обских угров. По определению З.П. Соколовой, первые из них характеризуются значительными языковыми отличиями (порядка групп диалектов, приравняваемых к самостоятельным языкам), этнографическими особенностями, самоназванием, заключением браков только в своей среде, расселением на большой территории. В основе этих групп могут лежать разные этнические компоненты. Вторые, территориальные, — это группы, отличающиеся некоторыми незначительными этнографическими особенностями в хозяйстве, культуре, быте, говорами или диалектами, местным самоназванием, отражающим географическое название местности, с преимущественным заключением браков внутри группы и проживающие на территории главным образом замкнутого речного или горного бассейна [Соколова, 1975. С.210].

Этнографические группы совпадают с теми диалектными группами, которые легли в основу лингвистической классификации обских угров. У манси их четыре: северная (по рекам Северной Сосьве, Ляпину, Оби, верховьям Лозьвы), западная (в среднем и нижнем течении р. Лозьвы, по рекам Пелыму и Вагильску), восточная (по р. Конде), южная (по р. Тавде) [Ромбандеева, 1976. С.232]; у хантов — три: северная (по Оби от дер. Шеркалы до района Салехарда), южная (по Иртышу с притоками и части Оби в районе устья Иртыша), восточная (в Сургутско-Васюганском Приобье) [Караулов, 1976. С.244—245]. Такого деления придерживается в настоящее время значительная часть исследователей, хотя существует и другая классификация, которая признается сейчас наравне с первой. Ее предложили В. Штейниц и Н.И. Терешкин, выделившие в хантыйском языке две большие диалектные группы: западную и восточную [Там же. С.245]. Но в этнографическом отношении все же существуют различия, причем немалые, между северными и южными хантами, хотя в их культурах имеется больше общего, чем в культурах западных и восточных хантов, что позволяет предполагать более тесную генетическую связь между южными и северными группами. Последние исследования культуры манси выявляют на конец XIX—начало XX в. значительные различия только между двумя группами этноса: северной и южной.

Более четким (и осознаваемым самими хантами и манси) представляется деление на территориальные (локальные) группы. К перечисленным выше признакам, характеризующим террито-

риальную группу, нужно добавить представление о наличии общего для группы территориального духа-покровителя, с чем связываются в сознании самих хантов и манси некоторые особенности культуры, а также существование собственного фонда орнаментальных мотивов, по которым определяется локальная принадлежность владельцев орнаментированных вещей. Нужно отметить, что из-за значительной территориальной разобщенности ханты и манси некоторых групп не имеют сведений о других подразделениях своего народа. В XVII—XVIII вв. территориальные группы соотносились с волостями, лежащими в основе административно-территориального деления. Однако в пределах этнографической группы происходили постоянные перемещения населения, вызванные, не в последнюю очередь, направленностью брачных связей. Они были преимущественно межволостными. Кроме того имели место миграции населения, вызванные необходимостью поиска новых промысловых угодий.

В антропологическом отношении обские угры принадлежат к уральскому типу западносибирской расы [Багашев, 1998а. С.324]. Ему свойственно наличие своеобразного комплекса европеоидных и монголоидных признаков, сочетание которых не характерно для метисных групп. Этот факт постоянно подчеркивают современные исследователи, развивающие высказанное еще В.В. Бунаком [1924, 1956, 1965, 1980] предположение об участии в расогенезе уралоязычных народов недифференцированного древнеуральского компонента: А.Г. Козинцев [1987, 1988], Г.М. Давыдова [1989, 1992], А.Н. Багашев [1991, 1998а и др.], В.А. Дремов [1991; Дремов, Багашев, 1993], Ю.Д. Беневоленская [1993, 1995 и др.], В.Г. Моисеев [Козинцев, Моисеев, 1995; Моисеев, Козинцев, 1998; Моисеев, 1999]. В последние годы среди специалистов, эта точка зрения становится преобладающей. Она совмещается и с той, что рассматривает метисацию как единственный фактор расообразования в уральском ареале, поскольку никто из исследователей не возражает против того, что в формировании уральских народов принимали участие также европеоидные и монголоидные компоненты. Установлено, что основной европеоидный компонент, вошедший в состав манси, — южного, а не северного происхождения, а монголоидный близок к катангскому типу [Давыдова, 1989. С. 114—116]. У манси же, а также у среднеобских хантов, как показывают краниологические данные, в большей степени, чем у других уралоязычных народов, выражен древнеуральский субстрат [Козинцев, Моисеев, 1995. С.86; Моисеев, Козинцев, 1998. С.146; Моисеев, 1999. С.110].

Наиболее четко по данным краниологии выделяется три антропологических типа обских угров: северные манси, южные

ханты и восточные ханты. На периферии обско-угорского ареала они выражены в смешанном виде [Беневоленская, 1995. С.226].

Антропологи обнаруживают сходство и различия между отдельными группами хантов и манси. Среди северных манси верхнесосьвинские обладают большей монголоидностью по сравнению с близкими друг другу ляпинскими и среднесосьвинскими, которые, в свою очередь, ближе к ивдельским и пельымским (западным) манси, а также к березовским (северным) хантам. Таким образом, подтверждается возможность прихода ляпинских и среднесосьвинских манси с запада, смешения их с северными хантами, а также участие северных манси в формировании березовских и сынских хантов. Верхнесосьвинские же манси обнаруживают некоторое сходство с кондинскими, которых принято относить к восточной группе. В составе верхнесосьвинских манси выявляется еще и центральноазиатский или южносибирский, предположительно, тюркский, компонент [Давыдова, 1989. С.111—114].

С манси Северной Сосьвы сближаются иртышские (южные) ханты, обнаруживающие сходство с нижеобскими (северными) и салцмскими (восточными) хантами, а также с коурдакской группой тоболо-иртышских татар [Багашев, 1991. С.33].

Антропологи считают, что тип восточных хантов в наиболее чистом виде выражен у хантов р. Балык, в наименее чистом — у васюганских, тяготеющих к нарымским селькупам [Дремов, 1991. С.13; Беневоленская, 1995. С.226]. Балыкские ханты выделяются еще и тем, что они в антропологическом отношении близки достаточно далеким от них территориально чулымским селькупам и части барабинцев [Багашев, 19986. С.166].

Еще одна периферийная группа восточных хантов — ваховских, как установлено, сближается с томскими и чулымскими тюрками, тувинцами и теленгитами [Дремов, 1991. С.13; Багашев, 19986. С.166]. С тюркоязычным населением (часть чулымцев, коурдакские и обские татары) обнаруживают сходство и левобережные группы восточных хантов (салымские, юганские, васюганские), объединяемые антропологами в один расовый комплекс [Багашев, 19986, С.166]. Таким образом, данные антропологии свидетельствуют о достаточно сложном пути формирования обских угров и других народов Западной Сибири.

Археологические исследования показали, что население таежной полосы Западной Сибири еще в эпоху неолита (5—3 тысячелетия до н.э.) вело оседлый образ жизни, занимаясь рыболовством и охотой. Эти виды деятельности в качестве основных у коренных народов сохраняются до настоящего времени. Но

в духовной культуре хантов и манси выделяется значительный пласт, происхождение которого может быть связано только со скотоводческим миром, что наряду с другими фактами и заставляет большинство ученых, вслед за В.Н. Чернецовым, говорить об изначальной двухкомпонентности культуры обских угров, возникшей на базе слияния культур таежных охотников и рыболовов и кочевников-скотоводов, поскольку трудно предположить, что такое существенное присутствие идеологии скотоводов у хантов и манси может объясняться лишь тем, что в течение какого-то времени их предки имели контакты с кочевым населением, сохраняя, при этом хозяйство, базирующееся на присваивающих отраслях. В данном случае речь должна идти о каком-то очень сильном этническом компоненте, игравшем важную роль в формировании обских угров. Нельзя исключать и того, что внедрение скотоводческой идеологии могло происходить под влиянием какого-либо политического образования.

Позиция исследователей относительно времени сложения хантов и манси неоднозначна. Некоторые из них говорят о второй половине 1-го тысячелетия до н.э. [например, Вереш, 1978. С.109], другие считают, что процесс формирования обских угров закончился к середине 1-го тысячелетия н.э. [например, Чернецов, 1946. С. 156] — к этому времени завершилось слияние аборигенов тайги, охотников и рыболовов, и пришельцев с юга — скотоводов.

То, что таежные охотники и рыболовы бассейна Оби испытали на себе влияние скотоводов, наложившее отпечаток на их хозяйство, материальную и духовную культуру, не исключено, что и на социальную организацию, является бесспорным. Накопленный к настоящему времени материал позволяет говорить о трех возможных источниках этого влияния. Первый — пришедшие во 2-м тысячелетии до н.э. с юга угры-кочевники, сформировавшиеся на базе уралоязычных же племен в степях Казахстана [см., например: Вереш, 1978. С.105—108] (эта точка зрения является наиболее распространенной, хотя до настоящего времени не определена археологическая культура или группа культур, достоверно связываемых с уграми-кочевниками); второй — ираноязычное население, оказавшееся на рубеже нашей эры в Южном Приуралье и Зауралье (что доказано исследованиями археологов [см. например: Могильников, 1992. С.309]); третий — еще более позднее внедрение в среду обских угров сильного тюркоязычного компонента. Влияние южных скотоводов на различные группы таежного населения изначальное могло быть неравномерным. Если же по тайге расселялись уже сформировавшиеся обские угры, культура которых

включала в себя элементы не только таежной, охотничье-рыболовческой, но и южной, скотоводческой культур, черты последней в процессе продвижения в более северные районы, в связи со сменой условий, были частично утрачены. Поэтому удельный вес этих черт в культурах отдельных территориальных групп обских угров различен.

Обские угры, несмотря на сложность их культуры, на все происходившие изменения в результате различного рода исторических процессов, представляют собой образование, характерное для ранних этапов общественного развития. Исследователи неоднократно отмечали определенную консервативность их культуры. Возможно, возникновению этого суждения способствовало и то, что архаика ярче выделялась на общем фоне обско-угорской культуры, определение которой как в основе своей охотничье-рыболовческой далеко не бесспорно. То что в культуре обских угров в целом, а также в культурах каждого из двух народов, их этнографических и территориальных групп сочетаются, на первый взгляд, несовместимые черты, позволяет думать, что и сама известная по этнографическим источникам культура хантов и манси как таежных охотников и рыболовов сложилась не так уж рано.

Ханты и манси в этнографической литературе определяются как представители следующих хозяйственно-культурных типов (ХКТ): 1) рыболовы больших рек; 2) охотники и рыболовы таежной полосы; 3) таежные охотники-оленоводы [Левин, 1947. С.84—86; Чебоксаров, Чебоксарова, 1971. С.181, 183—184; Андрианов, Чебоксаров, 1972. С. 14; Андрианов, 1985. С.48, 55]; 4) представители интегрированного типа рыболовов-охотников-скотоводов-земледельцев [Томилов, 1979. С. 127]. Формирование первых двух типов относят к эпохе неолита. Естественно, можно говорить лишь о том, что в это время только закладываются основы ХКТ, которые не представляют собой нечто застывшее.

В рамках ХКТ функционировали всегда живые культуры, со своими особенностями, различающиеся по ряду признаков, сформировавшихся уже под воздействием исторических и других факторов. В одной из своих работ эти факторы обобщил В.Н. Чернецов, разделив их на две большие группы: внешние и исторические [1964б. С.2]. В первой группе выявляются внешний фактор общего значения (зонально-географическая среда и вековые колебания климата, которые обусловили широтный сдвиг географических зон; сочетание их с уровнем развития производительных сил дало возможность возникновения стадийно-конвергентных форм хозяйства и культуры) и внешний фактор локального воздействия

(характер и направление речной системы, особенности ландшафта, наличие полезных ископаемых и т.п.), который мог приводить к выделению частных форм хозяйства и специализированных культур [Там же]. Насчитывается и несколько исторических факторов. Первый — это диффузионное распространение хозяйственных и культурных достижений, для чего требовалась сплошная заселенность территории, возможно, и с незначительной плотностью населения, поскольку нужны были хотя бы спорадические контакты. Вероятно, диффузия коснулась лишь основных производственных идей, а не конкретных форм предметов, орудий, особенно типов орнамента [Там же. С.2—3]. Если относительно орнамента практически нет сомнений, то диффузионное распространение конкретных форм предметов и орудий все же, вероятно, имело место, хотя трудно не согласиться с мнением (Х. Ларсен), что в древности на территории Северной Азии с ее редким и разбросанным населением роль диффузии была невелика. К этой же "группе факторов относится прямое заимствование культурных явлений в зоне постоянных контактов и ассимилированных воздействий. Опять же чаще заимствовалась принципиальная часть конструкции, непосредственно связанная с ее функцией, функционально обусловленные черты предмета или орудия, а конкретное его оформление зависело уже от местных традиций. Существенным здесь является то, что вместе с предметом, как правило, заимствовалась и терминология (она подвергалась лишь фонетической переогласовке), что помогает часто выявить заимствованные элементы культуры. Совершенно справедливо, что контактное заимствование, как правило, не распространялось на сферу искусства (в первую очередь, на орнамент), поскольку семантика этого явления была чужда для иной этнической среды [Чернецов, 1964б. С.3].

Наконец, последний исторический фактор — миграционные явления, к которым относятся как первичное заселение территорий, так и расселения и передвижения более позднего времени. Именно миграции были причиной наиболее важных историко-культурных процессов, «разнообразие которых определялось и степенью генетической и культурной близости приходивших в соприкосновение этнических групп, и соотношением их хозяйственных форм, и уровнем общественного развития. Происходившие в этих условиях процессы ассимиляции могли приводить в результате к сочетанию очень разнообразных этнокультурных признаков у вновь возникших смешанных групп» [Там же. С.3—4]. Ярким подтверждением последнего служит именно культура обских ургов, представляющая собой сочетание разнообразных этнокультурных признаков.

Таким образом, возникает ряд важных вопросов: какую роль при формировании культуры народа — представителя определенного ХКТ — играют функционально не обусловленные, традиционные, явления, в каком контексте они сохраняются, какова направленность их трансформаций и как они влияют на функционально обусловленные элементы культуры? Кроме того, важно еще и соотношение местного и привнесенного культурных комплексов в данной культуре и на данной территории. Эти вопросы непосредственно связаны с одной из самых сложных проблем этнографической науки — определением механизмов заимствования элементов и явлений культуры. Первой ступенью в решении этой проблемы можно считать выявление признаков, обусловленных ХКТ, и признаков, не связанных с ним, которые, собственно, и несут основную этническую нагрузку.

Предлагаемая работа ставит перед собой несколько задач. Во-первых, дать читателю представление о культуре обских угров в целом и, по возможности, показать культурную специфику локальных групп хантов и манси. Во-вторых, проследить, насколько это позволяют сделать материалы, пути формирования элементов и явлений культуры рыболовов и охотников бассейна Оби. В-третьих, выявить, где это возможно, те направления, по которым следует вести поиски этнопоказательных признаков.

Основные хронологические рамки настоящей работы — конец XIX—первая половина XX в. Этот период достаточно хорошо представлен этнографическими материалами. И хотя, если говорить в целом о стране, он отмечен резкими социально-экономическими сдвигами, состояние этнической культуры обских угров в это время было относительно стабильным. Целый ряд ее элементов продолжает сохраняться и сегодня, что также получило отражение в этой книге.

Основным источником при написании работы послужили материалы этнографической литературы. Это многочисленные публикации отечественных и зарубежных авторов, вышедшие в свет на протяжении двух столетий.

Подавляющее большинство работ, появившихся в дореволюционный период, носит описательный характер. К числу наиболее содержательных следует отнести трехтомный труд А.А. Дунина-Горкавича «Тобольский Север» [19046, 1910, 1911], в котором особо значимыми можно назвать материалы, освещающие хозяйственные занятия обских угров. Не меньшую ценность представляют работы С.К. Патканова [1891a, 1894, 1897, 1898, 1900, 1912 и др.], на базе богатого фольклора южных хантов

реконструировавшего облик той эпохи, что не нашла отражения в этнографических источниках.

Важную роль в изучении культуры обских угров в дореволюционный период сыграли финские и венгерские исследователи (А.М. Кастрен, А. Алквист, Б.Мункачи, И Папай, К.Ф. Карьялайнен, А. Каннисто, К. Доннер, У.Т. Сирелиус), работы которых ценны не только из-за содержащихся в них конкретных сведений. Многие из них включают анализ материалов в плане определения корней тех или иных культурных явлений и путей их развития.

Наиболее активное изучение культуры обских угров в XX в. приходится на вторую его половину. В начале этого периода выходит в свет большинство обобщающих трудов В.Н. Чернецова, выдвинувшего остающуюся актуальной и в наше время гипотезу происхождения обских угров. В дальнейшем создаются работы по различным аспектам этнографии «антов и манси: хозяйственным занятиям (В.И. Васильев, А.И. Пика, А.В. Головнев, В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, В.А. Козьмин, Е.Г. Федорова, Е.В. Перевалова и др.), материальной культуре (Н.Ф. Прыткова, З.П. Соколова, Д.В. Лукина, Е.Г. Федорова, З.И. Рандымова, А.А. Богордаева и др.), религиозным представлениям и обрядам (З.П. Соколова, В.М. Кулемзин, И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев, А.П. Зенько, Е.И. Ромбандеева, Е.П. Мартынова, Т.А. Модданов, Н.М. Талигина и др.), социальной организации (З.П. Соколова, В.Г. Бабаков, Е.П. Мартынова, Е.В. Перевалова), этикету (М.А. Лапина), этнодемографии (З.П. Соколова, А.И. Пика, Е.П. Мартынова, Е.А. Пивнева), орнаменту и декоративно-прикладному искусству (О.М. Рындина, Т.А. Модданова, А.М. Сязи, Н.Н. Федорова и др.).

При выявлении путей формирования отдельных элементов культуры и культурных комплексов оказалось необходимым привлечение археологической литературы. Археологические раскопки в течение длительного времени проводились главным образом в южной части территории, занимаемой обскими уграми. Сейчас в наиболее выигрышном положении в плане изученности находится, пожалуй, Сургутское Приобье. Но нельзя забывать о том, что археологический материал представлен неравномерно не только в территориальном, но и во временном отношении. Постоянно появляющиеся новые данные заставляют пересматривать уже устоявшиеся точки зрения на некоторые вопросы относительно датировок и этнической принадлежности археологических культур [см., например, Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1971; Чемякин, 1995]. Правда, для настоящего исследования это не всегда играет существенную роль, так как здесь рассматривается культура

населения, занимающего в этнографической действительности бассейн Оби. Ее происхождение связано с влиянием разных этносов на разных исторических этапах (рамки которых не всегда можно обозначить), что выявляется при сопоставлении данных исторических источников. Чужие первоначально элементы культуры вошли в культуру обских угров и стали неотъемлемой ее частью, стали «своими».

Вторым важным источником при написании настоящей работы послужили музейные коллекции (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, Российский этнографический музей, Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник).

Кроме того, в книге использованы полевые материалы, собранные автором во время экспедиционных поездок (1976—1978, 1981, 1987—1988, 1990—1991, 1993, 1998—1999) к манси и хантам. Хочется выразить благодарность информантам, оказавшим наиболее существенную помощь при сборе этнографического материала. Это С.В. Пеликова, А.В. Самбиндалова, А.И. Мони́на (Няксимволь), семья Самбиндаловых (Ясунт), Д.С. Самбиндалова, Н.Я. Анемгурова, Н.Т. Пеликов, В.В. Алгадьева, П.П. Алгадьева, Г.К. Алгадьева, Валя Сюмина (Хулимсунт), П.Е. Шешкин, У.Ф. Москвина, М.В. Кимлобозов, А.В. Бахтияров, А.Д. Хозумова, А.В. Кимлобозова, Л.Т. Костин (Сосьва), П.Е. Вынгилев, П.С. Таратов, Е.П. Номина, А.К. Вынгилев (Верхнее Нильдино), В.Н. Сайнахов, А.Д. Хозумова, П.П. Хозумова, В.В. Хозумов (Ломбовож), А.П. Пуксикова, А.С. Гышдыбина, Е.И. Вадичупова, В.В. Лыткин, Д.Д. Таратова, А.М. Гышдыбина, Е.И. Сангилев, М.Д. Сайнахова, Д.Г. Вынгилева, М.И. Гындыбин (Кимкьясу́й), В.А. Лелятов (Шомы), Е.Е. Качанова, Г.Е. Качанов, М.П. Качанова, Д.Е. Неттина-Качанова, А.Н. Пузина, Е.К. Сетова, Н.В. Албина, Г.Р. Мерова (Саранпауль), Е.М. Сайнахова, А.Г. Сайнахова, М.И. Хозумова, В.Д. Вьюткина, А.Д. Сайнахова (Щекурья), М.Е. Хатанев (Ясунт), М.С. Мерова (Хошлог), А.С. Мерова, Р.В. Меров (Хурумпауль), В.Н. Шесталов, И.С. Шесталова, Е.Н. Гышдыбина, А.Е. Курлина, М.Е. Таратова, М.М. Мелентьева, Е.А. Шесталов (Ванзетур), Н.А. Тышзянова, Ал.А. Тынзянов (Новинские) — Березовский район; В.Т. Бешкильцева, М.Е. Смолина (Полноват) — Белоярский район; В.К. Харина, Т.Н. Непкина, Н.Н. Алексеева, Н.А. Шадрин, А.И. Костин, М.П. Костина, Е.Я. Тавлатова, Е.И. Шадрина, П.Т. Тарлина, Е.Г. Ярлина (Перегребное), В.Б. Яркий, Т.С. Савин (Верхние Нарыкары), Н.П. Карсканова, Г.Я. Тыманов, М.А. Гришкина (Нижние Нарыкары) — Октябрьский район; Е.С. Вахрушева (Карым), С.А. Вахрушев, С.В. Илькин, Л.В. Чалкина, Д.Т. Антисумов,

П.Н. Антисумова, Ю.С. Вахрушев, Е.А. Кутмарова, А.А. Шестакова, В.Т. Чалкина, Е.И. Селиванова (Шугур) — Кондинский район; А.Д. Каюков, П.Д. Каюкова, А.А. Каюков, Т.А. Каюкова, А.Н. Каюков, Н. Ярсомова, Е.Н. Каймысова (Пунси-2), И.Я. Совкунин, А.А. Вторушина, Д.С. Милясов, Т.Г. Аламин (Лемпино) — НефтеюганскTM район Тюменской области; А.К. Хандыбина, П.К. Куриков, М.В. Хандыбина, П.А. Хандыбин, Н.П. Хандыбина (юрты П. Хандыбина), С.Г. Куриков, М.Я. Курикова, П.Г. Куриков, Н.Г. Куриков, П.П. Курикова (юрты П. Курикова), А.Е. Есаулков, Е.А. Курикова, Р.Я. Самбиндалова, А.Н. Хворостова, С.П. Анямов (Хорпия), К.Е. Шешкин (Бурмантово), В.А. Хандыбин, Е.В. Хандыбин, Т.Т. Пеликова (Верхний Пелым), А.В. Анямова, П.В. Анямова, Т.Н. Пеликов, Е.А. Бахтиярова, В.П. Анямов, А.А. Анямова, М.А. Бахтияров, Т.П. Бахтиярова (Керсколья) — Свердловская область. *t*

Слова искренней благодарности автор выражает также своим коллегам, этнографам и археологам, — Е.А. Алексеенко, И.В. Богословской, В.П. Дьяконовой, И.А. Карапетовой, В.А. Киселю, С.Н. Соломатиной, М.М. Хасановой (Санкт-Петербург), К.Г. Карачарову, Л.Л. Косинской, П.А. Косинцеву, Н.В. Федоровой (Екатеринбург), Е.П. Мартыновой (Тобольск), оказавшим неоценимую помощь и консультации при обсуждении ряда рассматриваемых в книге вопросов. Особую признательность хочется выразить коллегам и помощникам по экспедициям З.И. Ивановой, Н.И. Новиковой (Москва), Е.П. Мартыновой, О. Давлятовой, И. Черной, В. Петрученя (Тобольск), В. Беллендир (Ивдель), А.Н. Багашеву (Тюмень), Е.К. Сетевой, Г.Р. Меровой (Саранпауль), А.М. Хромовой, Н.П. Вынгилевой (Ханты-Мансийск), а также тем, кто оказал помощь в организации экспедиционных исследований (И.П. и А.С. Бешкильцевым, А.О. Федотову — Сосьва; А. Беллендиру — Ивдель; Л.П. Стакановой — Саранпауль; Т.А. Клименовой — Ханты-Мансийск) и в публикации этой книги (М.А. Лапиной — Ханты-Мансийск).

ГЛАВА I

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

В последние годы появился ряд работ, посвященных хозяйственным занятиям различных этнографических и территориальных групп обских угров. Эти публикации основаны на литературных источниках, полевых и архивных материалах. Наряду с описаниями в них анализируются статистические данные, связанные с хозяйством (А.И. Пика, А.В. Головнев, Е.В. Перевалова, Е.П. Мартынова и др.). Особое место в методологическом плане занимают труды М.Ф. Косарева [1979б, 1979в, 1981, 1984, 1986, 1987, 1991], наиболее последовательно использовавшего экологический подход и данные этнографии при реконструкции хозяйства и образа жизни древнего населения Западной Сибири. В результате стала возможной разработка классификации хозяйства.

В свое время З.П. Соколова выделила три основные группы обско-угорского населения: 1) оседлые рыболовы Оби, Иртыша, низовьев их крупных притоков (основную роль в их хозяйстве играло рыболовство, подсобную — сельское хозяйство, извоз, лесные промыслы, у некоторых — охота и транспортное оленеводство); 2) хозяйства верховьев рек и некоторых, бедных рыбой, обских и иртышских притоков в среднем течении (эти хозяйства были ориентированы главным образом на добычу промысловой пушнины; подсобными занятиями являлись рыболовство, лесные промыслы, транспортное оленеводство); 3) переходная группа — хозяйства средних течений большинства притоков Оби и Иртыша, где охота и рыболовство имели почти равное значение, подсобными занятиями были оленеводство, лесные промыслы, извоз [Соколова, 1968. С.26].

Более детально вопрос был разработан А.В. Головневым, что позволило ему выделить ряд типов хозяйственных комплексов обских угров (преимущественно, на хантыйских материалах). Это следующие типы: 1) таежный предуральский, распространенный среди северных манси и хантов левобережья Оби, занимавшихся горно-таежным отгонным оленеводством, запорно-сетевым пред-

горным рыболовством, предгорной охотой на копытных и глубинно-таежным промыслом пушного зверя; 2) глубинно-таежный (ханты верховьев притоков Оби), основанный на запорно-сетевом рыболовстве, глубинно-таежном пушном и оленно-лосином промысле, таежном оленеводстве; 3) приречно-таежный (ханты предпойменных районов Средней и Нижней Оби), который характеризовался неводно-запорным рыболовством, приречно-таежным пушным промыслом и охотой на лося, транспортным коневодством или собаководством; 4) южнотаежный (южные манси и иртышские ханты), включавший промыслы, животноводство, в том числе и транспортное коневодство, товарное собирательство, элементы земледелия; 5) тундрово-лесотундровый (самые северные группы хантов, близкие в культурном отношении ненцам), основанный на крупностадном или лесотундровом оленеводстве, тундровом сетевом или низовом неводном рыболовстве, на пушной охоте с преобладающей долей песка в ней, с незначительного размера охотой на морского зверя у групп, достигавших побережья Карского моря [Головнев, 1986. С.11—12; 1993. С.122—132].

Тупы хозяйственных комплексов, выделенные А.В. Головным, основаны на сочетании выявленных уже внутри каждого вида хозяйственной деятельности типов, признаками которых выступают особенности промыслового цикла, набор инвентаря, географическая обособленность [Головнев, 1993. С.29, 121]. При сопоставлении с разработкой З.П. Соколовой выясняется, что первая группа обско-угорского населения (по З.П. Соколовой) может быть соотнесена с приречно-таежным и южнотаежным типами хозяйственных комплексов (по А.В. Головнему), вторая — с таежным предуральским и глубинно-таежным; третья представляет собой переходные варианты названных комплексов. В свою очередь, первая группа соотносится с ХКТ рыболовов больших рек, вторая и третья — с ХКТ охотников и рыболовов таежной полосы, а пятый тип (по А.В. Головнему) — это ХКТ северных скотоводов.

В другой своей работе, уже с учетом типологии хозяйственных комплексов А.В. Головнева, З.П. Соколова обозначает следующие ХКТ хантов и манси XVIII—начала XX в.: 1) кочевые и полукочевые оленеводы тундры и лесотундры (реки Обь, ниже Березова, Сыня, Куноват, Казым, Вогулка, Северная Сосьва, Лозьва); 2) оседлые рыболовы по преимуществу, с меньшим значением охоты, оленеводства, лесных промыслов и земледелия с животноводством (бассейны Оби и Иртыша, нижнего течения их притоков — Северной Сосьвы, Конды, Казыма, Большого Югана, Васюгана); 3) оседлые и полuosедлые охотники по преимуществу,

при подсобном значении рыболовства, транспортного оленеводства и лесных промыслов (верховья рек — притоков Оби и Иртыша — Казыма, Назыма, Северной Сосьвы, Малой Сосьвы, Лозьвы, Тапсуя, Тавды, Пелыма, Конды, Демьянки, Ваха, Сабуна, Большого и Малого Югана, Васюгана); 4) хозяйства с почти равным значением рыболовства и охоты, дополненные транспортным оленеводством, лесными промыслами (среднее течение тех же притоков Оби и Иртыша, а также рек Тромъегана, Агана, Лима, Балыка [1991. С.51]. При этом кочевым предлагается считать население, не имеющее постоянных поселений и жилищ; полукочевым — население с зимними постоянными жилищами и селениями, проживающее летом в переносных постройках; оседлым — население, круглый год живущее в постоянных селениях и жилищах; полuosедлым — население, зимой живущее в постоянных селениях и жилищах, а с весны — в сезонных и временных селениях с сезонными и временными постройками [Там же. С.57].

Здесь представляется более правильным рассматривать, прежде всего, большие группы населения, объединенные наиболее общими признаками, имеющими основополагающее значение. К числу таких признаков, связанных с материалом данной главы, относятся образ жизни людей и те хозяйственные занятия, на которых базируется их экономика. Таких больших групп (о них было сказано выше) всего несколько и они соотносятся с ХКТ. На локальной специфике перечисленных признаков групп может быть, в принципе, основано выделение уже подтипов конкретных ХКТ.

Как хорошо известно, основополагающим фактором при формировании ХКТ является географическая среда. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на ее характеристике.

Территория, занимаемая хантами и манси, в этнографически зафиксированной действительности, — эта часть Западно-Сибирской равнины и Северного, Приполярного и Полярного Урала. Западно-Сибирская равнина, в свою очередь, делится на ряд низменностей (Среднеобская, Вахская, Кондинская и др.) и возвышенностей (Северо-Сосьвинская, Лилинвор и др.). От верховьев Тоболо-Сосьвинского водораздела в широтном направлении располагаются Сибирские увалы, разделяющие равнину на Нижне-Обскую и Средне-Обскую котловины, соединенные между собой понижением, по которому протекает Обь. Отсутствие препятствий позволяет перемещаться большим воздушным массам: холодным с севера на юг и теплым из Средней Азии и Казахстана. Теплые и влажные воздушные массы, влияющие на погоду, приносят из районов

Атлантики и Средиземного моря западные и юго-западные ветры. В целом климат Западно-Сибирской равнины определяется как континентальный, с увеличением континентальное™ к юго-востоку. Зима обычно холодная, а лето теплое, весной же и осенью особенно часто наблюдается изменчивость погоды. Зимой отличаются также сильные ветры, а большая часть осадков, наоборот, приходится на теплый период. В среднем в году их выпадает 400 мм, в засушливые годы — 200 мм, а во влажные — 600 мм и выше. С количеством осадков связана и толщина снежного покрова, которая в среднем в тайге достигает 90 см, а в тундре — 40 см и влияет на весенний разлив рек [Никонов, Тарасенков, Черезов., 1968. С.6—7, 16—17].

На значительной части территории распространена вечная мерзлота. Хотя она не является сплошной и отсутствует в пониженных местах, где много снега, а также под большими озерами и реками, все же наличие мерзлых пород, неглубоко залегающих и протаивающих в летнее время на небольшую глубину — до 2 м в подзоне северной тайги, способствует поверхностному стоку вод, а в понижениях — заболачиванию [Там же. С.27]. Многолетняя мерзлота, сравнительно большое количество атмосферных осадков, их слабая испаряемость, равнинность рельефа, ослабляющая поверхностный сток вод, обусловили обилие водоемов на значительной части Западной Сибири. Основной водной артерией здесь является Обь. Сначала она течет в широтно-меридиональном направлении, затем, на довольно большом участке, — в широтном (эти два ее отрезка определяются как Средняя Обь), потом поворачивает на север и течет уже в меридиональном направлении (Нижняя Обь). Это — равнинная река с медленным течением, широко развитой поймой, с весенним разливом на десятки километров, во время которого затопляются большие пространства. На Нижней Оби в течение всего летнего периода высок уровень воды, на плесовых участках в это время глубина составляет 20—30 м [Там же. С.31-32].

Большинство менее значительных рек также имеет равнинный характер. Они отличаются медленным течением (0.2—0.8 м/сек.), малым уклоном, извилистостью, широко развитой поймой. Более быстрое течение (2—3 м/сек.) свойственно рекам, стекающим с Урала [Там же. С.29] (рис.1, 2).

Во всем бассейне Оби на территории Западно-Сибирской равнины водосборные площади сильно заболочены (рис.3). В зимнее время из-за уменьшения в воде запасов кислорода, вызванного окислительными процессами («ржавление воды» из-за большого содержания в ней железа), происходит замор, вызывающий гибель

Рис. 1. Река Северная Сосьва.
Фото автора (МАЭ, И-2157-31).

Рис. 2. Верховья Пелыма.
Фото автора (МАЭ, И-2125-2).

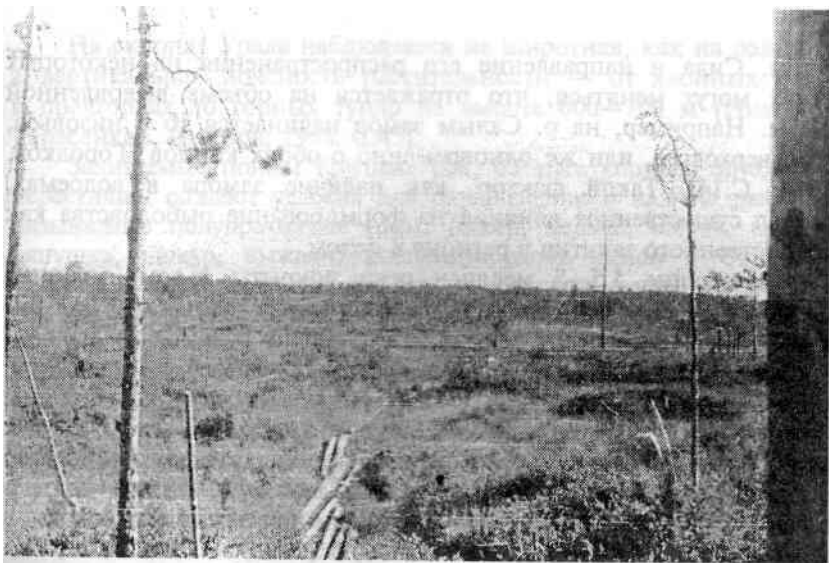

Рис. 3. Болота в верховьях Большого Салыма.
Фото автора (МАЭ, И-2167-31).

Рис. 4. Озеро Большое Каюково.
Фото автора (МАЭ, И-2167-58).

рыбы. Сила и направление его распространения на некоторых реках могут меняться, что отражается на объеме выловленной рыбы. Например, на р. Салым замор начинается то с низовьев, то с верховьев, или же одновременно с обоих концов [Городков, 1914. С. 14]. Такой фактор, как наличие замора в водоемах, оказал существенное влияние на формирование рыболовства как хозяйственного занятия в регионе в целом.

В течение 5.5—8 месяцев реки покрыты льдом, толщина которого в северной части бассейна может достигать 100 см, а на реках Полярного Урала, где сильно развиты наледи — 2—2.5 м. Поскольку реки текут среди легкоразмываемых пород, они часто меняют русла и фарватер, образуя протоки, старицы (пойменные озера) и отмели. Водоемы питаются за счет грунтовых вод, последние — за счет атмосферных осадков. Большое количество снега вызывает весенний разлив рек, высокий уровень воды в которых поддерживается за счет оттаивания вечной мерзлоты в летний период [Никонов, Тарасенков, Черезов, 1968. С.29, 31].

Равнинным рельефом, близким залеганием к поверхности водоупорных горизонтов, распространением вечной мерзлоты и геологическим прошлым территории обусловлено обилие озер (рис. 4), покрывающих Западно-Сибирскую равнину. Во время весеннего половодья с озерами и болотами сливаются реки, затопляется почти половина площади. Болота занимают свыше 50% площади лесной зоны и располагаются главным образом в долинах рек, реже — на водоразделах (лесные верховые, а также бугристые торфяники) [Там же. С.33, 36, 38].

Территория обитания обских угров входит главным образом в лесную (таежную) зону, а на севере — в зону лесотундры. Подзона средней тайги покрыта сосново-темнохвойно-березовыми лесами с примесью лиственницы и осины, а подзона северной — лиственнично-темнохвойными лесами с примесью сосны и березы. В лесотундре произрастают редкостойные и предтундровые леса из лиственницы, ели, березы, в южной части — с примесью кедра. В поймах Оби, Иртыша, Конды и других крупных рек располагаются заливные (коренные) луга с довольно высокими кормовыми свойствами трав, несмотря на их сравнительное однообразие. Средняя урожайность сена в благоприятные годы может достигать двух тонн с гектара [Там же. С.44, 46—47; Ханты-Мансийский автономный округ. С. 12]. И в тайге, и в тундре много дикорастущих ягод, на отдельных участках имеются лишайники, служащие кормом для оленей.

На склонах Урала наблюдается не широтная, как на равнине, а вертикальная поясность растительности — от хвойных лесов в предгорьях до горных тундр на высоте 600—700 м [Никонов, Тарасенков, Черезов, 1968. С.45].

Заливаемые поймы крупных рек, богатые кормом, множество нерестилищ создают условия для размножения и нагула рыб. Так называемые полупроходные рыбы (осетр, нельма, сырок, муксун, ряпушка, щокур, пыжьян) концентрируются зимой в Обской и Тазовской губах и мигрируют оттуда ежегодно вверх по течению рек для нагула и размножения и обратно осенью. В зависимости от миграций находится общая биомасса и видовой состав ихтиофауны в различных водоемах. Группа местных (туводных) рыб — стерлядь, язь, лещ, сорога, чебак (елец), окунь, щука, налим, карась, линь, голян — также является объектом промысла уже, видимо, с давних пор. Биоцикл этих рыб протекает в притоках Оби, соровой системе рек, в озерах [Пика, 1988. С.132; Головнев, 1993* С.18].

Как уже отмечалось, рыболовный промысел формировался с учетом явления замора, который начинается в Оби в районе устья р. Кеть, в декабре или несколько ранее распространяется вниз по течению, доходя в мае до южной части Обской губы. Замор охватывает притоки Оби вплоть до Иртыша (последний — только в нижнем течении), а в низовьях Оби остаются незаморенными левые притоки, берущие начало в предгорьях Урала. Там, а также у родников-живунов собирается зимой рыба [Никонов, Тарасенков, Черезов, 1968. С.52].

Чрезвычайно богат животный мир таежной зоны. Здесь насчитывается около 70 видов млекопитающих и более 220 видов птиц [Там же. С.48], но распределены они неравномерно. Достаточно широко распространен лось. Он отсутствует там, где снежный покров превышает 65—70 см и препятствует движению животного. Рыхлый снег тайги не выдерживает тяжести зверя, несмотря на широко раздвинутые копыта. Последнее считается характерным признаком млекопитающих, передвигающихся зимой по поверхности снега, хотя относительно лося, именно в силу его большого веса, данный признак рассматривается как приспособление к передвижению по топким болотам. Лось может свободно бежать по рыхлому снегу толщиной в полметра, пробивая его ногами до самой земли [Бобринский, 1960. С.130].

В отдельных местах (бассейн Конды, Малой Сосьвы, часть междуречья Большого Салыма и Большого Югана и некоторых других рек) сосредоточен дикий северный олень [Ханты-Мансийский автономный округ, 1980. С.13], численность которого местами значительна. Например, зимой в бассейне Конды скапливалось в 1960-е годы 7—8 тысяч животных [Штильмарк, Азаров, 1975. С. 187].

Практически повсеместно распространены белка, заяц-беляк, бурый медведь, волк, лисица, горностай, соболь, куница, рысь, встречается выдра и др. Концентрация животных в тех или иных местах зависит от многих причин, в первую очередь, от состояния кормовой базы. При возникновении неблагоприятной обстановки животные могли мигрировать, причем иногда и на значительные расстояния, что происходит обычно осенью. Белки, например, идут даже через многолюдные селения, переплывают широкие реки [Бобринский, 1960. С.136].

Для тайги характерно и большое разнообразие видов птиц (за исключением певчих), из которых промысловое значение всегда имели глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка, утки, гуси.

Таким образом, биоресурсы территории проживания обских угров обеспечивают наличие следующих видов хозяйственных занятий: рыболовства, охоты, животноводства, собирательства.

Формирование современного (имеется в виду период с середины XIX в. по настоящее время как достаточно хорошо документированный этнографическими источниками, позволяющими реконструировать в деталях культурный облик обских угров) состояния природной среды — процесс длительный и сложный, происходивший на протяжении тысячелетий. Важно установить, когда образовались предпосылки возникновения тех или иных видов деятельности, прослеживается ли непрерывность в их развитии, что в целом позволяет определить время конкретных занятий населения на рассматриваемой территории, а в ряде случаев и выявить связь с какими-либо этносами.

Как известно, изменения характера ландшафта происходили под влиянием изменения климата [подробнее см.: Косарев, 1984. С.32—48]. Устанавливаются 1850-летние климатические периоды, которые совпадают с повторяющимися максимумами приливообразующей силы Луны и Солнца. Каждый из них, в свою очередь, состоит из двух основных фаз (влажной, продолжительностью 300—500 лет и сухой — в 600—800 лет) с переходной фазой в 700—800 лет между ними [Шнитников, 1969. С.113—114]. Наиболее значительные колебания климата соотносятся с конкретными историческими периодами. Так, период повышенной увлажненности второй половины 3-го и начала 2-го тысячелетия до н.э. — это переходное время от неолита к бронзовому веку; период пониженной увлажненности — 2-е тысячелетие до н.э. — бронзовый век; период очередной повышенной увлажненности — середина и конец 1-го тысячелетия до н.э. — эпоха раннего железа [Шнитников, 1957. С.262—265; Косарев, 1981. С.20; 1984. С.34—35]- 1850-летние

климатические циклы, с одной стороны, происходят на фоне более длительных климатических периодов, с другой — служат фоном для более мелких климатических ритмов, имеющих разное происхождение и разную продолжительность [Косарев, 1984. С.32-34].

Периодические изменения степени увлажненности и температурного режима приводили к колебаниям ландшафтно-растительных границ, обуславливавших, в свою очередь, миграции населения [подробнее см.: Косарев, 1979в. С.22; 1984. С.46; 1987. С.249—250]. Миграции в иную ландшафтно-климатическую зону приводили к смене хозяйства «со всеми последствиями социального порядка» [Косарев, 1986. С.7]. Характер ландшафта дает возможность предполагать, что продвижение групп населения с юга происходило не фронтально, а отдельными потоками по долинам крупных рек [Хотинский, Немкова, Сурова, 1982» С.151].

Увеличение увлажненности приводило к резкому усилению заболачиваемости территорий, сокращению пищевых ресурсов и, как следствие, к увеличению подвижности населения. В такие периоды болота, возникшие в Сибири 9—12 тыс. лет назад, в некоторых районах могли создать предпосылки глубокой изоляции отдельных групп населения. В период же стабилизации процесса заболачивания появилась возможность проникновения в таежную зону отдельных групп степняков [Львов, 1979. С.12, 18]. Такая ситуация существовала, видимо, в эпоху неолита и бронзы в долине Оби — степень заболоченности там в этот период была ниже, чем в настоящее время [Киришин, Малолетко, Фирсов, 1979. С.59—60].

Как уже говорилось, периодически сдвигались границы ландшафтных зон. Так, в бореальный период (9—8 тыс. лет назад) на территории Сибири происходит расцвет темнохвойной тайги, еловые леса распространяются до низовьев Оби. В начале следующего, атлантического, периода из-за похолодания произошло сокращение ареалатемнохвойных лесов [Долуханов, 1989. С.11—12]. Аналогичная ситуация устанавливается для Обского Севера и на период последних 900 лет. Мелкие климатические ритмы вызывают то наступление леса на тундру (1200-1260, 1320-1370, 1535-1600, 1650-1695, 1790—1800 гг. и с 1920 г. по настоящее время), то деградацию древесной растительности и отступление полярной границы леса (1120-1190), 1260-1310, 1480-1525, 1600-1650, 1800-1840, 1865-1910] [Шиятов, 1979. С.22].

Таким образом, основные предпосылки для возникновения характерных для обских угров хозяйственных занятий на территории их обитания существовали практически изначально. Эти

предпосылки выражены в особенностях природной среды Северо-Западной Сибири. Но, как писал М.Ф. Косарев, «экстремальные природные условия северной тайги и полярной тундры не давали возможности местному населению перейти к высокопродуктивным хозяйственным занятиям; поиски более рациональных форм экономики могли идти здесь лишь в сторону некоторой рационализации традиционных присваивающих промыслов, однако эти поиски не должны были по своей эффективности превышать способность местной природы иметь лишь определенный (причем весьма скудный) запас естественного пищевого продукта» [Косарев, 1986. С.8]. Этим и объясняется, главным образом, та консервативность ряда элементов культуры таежного населения Западной Сибири, которую отмечали многие исследователи. Вместе с тем, рационализация традиционных присваивающих промыслов помогла формированию их современного облика, а интеграция в систему хозяйственных занятий таежного населения производящих отраслей (животноводства, в незначительном объеме — земледелия) заключила процесс сложения этой системы.

1. Рыболовство

Сведения о рыболовстве хантов и манси содержатся в подавляющем большинстве публикаций дореволюционного периода, посвященных этим народам. Особое место среди них занимает капитальный труд У.Т. Сирелиуса [Sirelius, 1906], в котором рассматривается заповное рыболовство финно-угорских народов. Несмотря на критику ряда позиций У.Т. Сирелиуса, появившуюся в более поздних изданиях, его работа сохраняет важное значение для науки, прежде всего из-за содержащегося в ней богатейшего этнографического материала. В первой половине XX в. вышли еще работы, заслуживающие упоминания как содержащие богатый материал по рыболовству, дополненный статистическими данными [Дунин-Горкавич, 1904а, 1904б, 1910, 1911; Шульц, 1913, 1924, 1926; Шатилов, 1931].

К проблеме происхождения орудий заповного рыболовства обращался также В.И. Васильев [1962], обобщивший накопленный по этой теме материал и уточнивший некоторые датировки. В дальнейшем рыболовству уделяют внимание исследователи, занимающиеся разработкой типологии хозяйства (А.В. Головнев)

и изучением локальных особенностей культур хантов и манси, включая и их современное состояние (В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, А.И. Пика и др.).

Считается, что рыболовство на территории Сибири зародилось в конце плейстоценовой эпохи. Основной причиной его появления было глобальное изменение климата и, как следствие этого, сокращение или исчезновение большинства видов крупной мамонтовой фауны, появление многочисленных водоемов и мелкой фауны, что потребовало совершенствования уже существующих занятий и поиска новых. В эпоху раннего голоцена рыболовство, хотя и неодновременно в разных районах, превращается в самостоятельную отрасль хозяйства. С этим периодом связывается усовершенствование имевшихся орудий труда и изобретение сети [Эверстов, 1988. С.20, 24, 117].

В эпоху неолита, во время климатического оптимума (6800 ± 4610 лет назад), рыболовство распространяется по Сибири, за исключением тундровой зоны, уже как специализированное хозяйство. К этому времени на территории Приобья и Зауралья сложились все известные по этнографическим материалам способы лова рыбы: сетевой, колющий и крючковый, запорный [Там же. С.118; Сериков, 19936. С.22]. Как предполагают, древнейшие типы запоров, известных впоследствии обским уграм, сформировались на основе изгороди для загонной охоты, существовавшей еще в палеолите. С эпохой неолита, в частности, связывается возникновение котцов [Васильев В.И., 1962. С.142—144]:

О наличии рыболовства свидетельствуют материалы неолитических слоев торфяников Зауралья, поселений Нижнего и Среднего Приобья (5—3-е тысячелетия до н.э.). В частности, обнаружены наконечники гарпунов, наконечник остроги с деревянными вставными зубьями — орудия для поволоки рыбы; костяные крючки и свидетельства использования сетей — грузила и поплавки. Ранненеолитические грузила делались из крупных и мелких галек с выбоинами для удобства фиксации. Позднее появляются новые типы грузил — с центральным просверленным отверстием, с желобками и грузила-кибасы в виде одного камня или нескольких камешков в футляре из бересты. Кроме того, найдены грузила из плиток четырехугольной формы с выбоинами на длинных сторонах и глиняные, биконической или цилиндрической формы. По материалам Шигирского торфяника известны деревянные кольца для крепления каменных грузил. В целом же, на территории Зауралья выявляются почти все известные для каменного века Сибири (их восемь) типы грузил [Эверстов, 1988. С.26—28,

112]. Факт использования сетей неолитическим и энеолитическим населением Зауралья подтверждается и находками в торфяниках поплавок для сетей (двух типов: из свернутой в трубочку бересты и из коры дерева), игл для вязания сетей [Там же, С.28].

Археологические материалы с территории лесного Зауралья показывают, что в неолите здесь существовало специализированное круглогодичное рыболовство с использованием главным образом сетевых снастей, наиболее удобных для данной территории (она характеризуется множеством озер). Это подтверждается наличием рыболовных грузил нескольких типов, большим количеством рубящих орудий, применявшихся при сооружении простейших заграждений для ловли рыбы и плавательных средств, находкой остатков вешала для сушки сетей в нижнем слое 6-го разреза Горбуновского торфяника. О том, что рыболовство играло ведущую роль в комплексе хозяйственных занятий населения лесного Зауралья, свидетельствует и сам характер поселений (их топография, размеры жилищ) [Там же. С.23, 29—30, 118].

В конце неолита, с изменением климатических условий в середине атлантического периода, усиливается процесс обмельчания и заболачивания водоемов, исчезает рыба, в результате чего население лесного Зауралья было вынуждено переместиться в районы, более благоприятные для ведения традиционного хозяйства [Алексашенко, Кернер, 1990. С.25].

Относительно территории Среднего и Нижнего Приобья нужно сказать, что на основании археологических материалов о роли рыболовства в системе хозяйственных занятий населения этих районов судить трудно. Мнение, согласно которому у неолитических племен Приобья главным источником существования было рыболовство, основано на данных, полученных преимущественно с памятников Верхнего Приобья (Эверстов, 1988. С.34—41).

По мнению М.Ф. Косарева, на севере таежной зоны Западной Сибири нельзя было существовать без рыболовства, поскольку охотничий промысел не являлся здесь надежным занятием из-за того, что эта территория лежала в стороне от наиболее активных путей сезонных миграций копытных животных (в отличие от Урала и тундры), хотя в целом ландшафтно-климатические условия характеризуются большей стабильностью, чем, например, на юге Западной Сибири [Косарев, 1981. С.210].

На рубеже каменного века и эпохи раннего металла (последняя треть 3-го—первые века 2-го тысячелетия до н.э.), судя по данным палеогеографии и палеоклиматологии, значительные возможности для рыболовства давал район Нижнего Приобья с

большой площадью озер, многочисленными протоками с высокой степенью их проточности. Среди промыслового инвентаря археологических памятников с этой территории преобладает рыболовный, свидетельствующий о способах лова рыбы при помощи стрел, гарпунов, острог, крючковых снастей, сетей и ловушек типа вентирей. Хотя остатков запорных сооружений здесь не найдено, расположение поселений в местах, удобных именно для запорного рыболовства (у озерных проток, у истоков и при устье впадающих в озеро рек), заставляет предполагать широкое распространение данного способа [Косарев, 1979а. С.20—21].

В этот период рыболовство играло важнейшую роль и в хозяйстве населения бассейна Конды. Это подтверждается остатками ихтиофауны, многочисленными находками сделанных из глины и камня грузил от сетей. Судя по размерам грузил и их скоплениям, реконструируются небольшие сети, «которые могли быть средством индивидуального лова и использоваться промысловиками, находившимися вдали от места проживания. Основная же масса рыбы добывалась, вероятно, с использованием запоров [Кокшаров, 1992. С.10]. Отсутствие жилищ на некоторых поселениях говорит о том, что они были сезонными. Археологическими материалами устанавливается существование поселений, которые могли быть использованы в период половодья и зимой, и тех, в которых жили в период спада воды. Причем достаточно четко (по типу керамики, характеристикам жилища) выделяется население, круглогодично занимавшееся рыболовством, и население, для которого рыболовство было сезонным занятием [Визгалов, Фильчаков, 1988. С.22—23].

Эпоха ранней бронзы в таежном Обь-Иртыше характеризуется дальнейшим развитием рыболовства, сложившегося еще в эпоху неолита. Предполагают, что рыболовство здесь было сезонным: основной запас рыбы делался летом с помощью запоров с ловушками типа котцов и вершей, установленных в протоках и «запирающих» озера с зашедшей туда весной рыбой. В зимнее время применялись способы с использованием естественных или искусственных заморов [Косарев, 1991. С.63—64].

Наиболее значительное событие («скачок», по определению М.Ф. Косарева) рассматриваемого периода, связанное с рыболовством, — это распространение стационарного запорного рыболовства, что позволило более эффективно использовать на проточных озерах и в небольших реках сети и рыболовческие ловушки типа вентерей [Косарев, 1984. С.102; 1987. С.310].

В эпоху бронзы (первая треть 2-го—начало 1-го тысячелетия до н.э.) с наступлением засушливого периода происходит понижение

уровня озер и заболачивание проток, в частности в Нижнем Приоболье. Запорное рыболовство здесь становится нерацональным и с конца бронзового века «оседлорыболовческий уклад перемещается на север» [Косарев, 1991. С.69]. В связи с изобретением усложненных сетевых ловушек [Васильев В.И., 1962. С.151], что подтверждается появлением на археологических памятниках особой разновидности грузил [Косарев, 1987. С.310], возникает возможное «освоения в рыболовческом отношении крупных сибирских рек» [Косарев, 1984. С.102]. К числу таких ловушек относят снасть типа калдана [Васильев В.И., 1962. С.151]. В результате к концу бронзового века активизировалось рыболовство в низовьях Оби, Иртыша и их крупных притоков [Косарев, 1991. С.69].

В эпоху железа (VII в. до н.э.—вторая половина 1-го тысячелетия н.э.), судя по костным остаткам рыб с поселений территории Приобья, здесь уже были широко распространены почти все виды рыб, имеющие промысловое значение в этнографической действительности. Преобладал так называемый «крупный частик» (щука, язь, крупный карась и окунь). Вероятно, рыбу ловили ловушками типа котцов с большими просветами между прутьями или юнговыми запорами-самоловами, а также крупной Крючковой снастью с естественной наживкой. Рыбу добывали кроме того и с помощью остроги [Гундризер, Вершинин, 1979. С.27]. Удельный вес рыболовства в этот период не был одинаковым на всей территории. Так, в лесном Зауралье оно, скорее, играло вспомогательную роль [Борзунов, 1992. С.118—119], а в Нижнем Приобье — ведущую [Мошинская, 1965. С.41]. Там было распространено главным образом запорное рыболовство с применением ловушек корзиночного типа и котцов. Рыбу ловили также сетями [Мошинская, 1953б. С.74]. По археологическим материалам реконструируются еще и поколк острогой, лов с помощью крючков [Там же. С.73].

В эпоху средневековья (вторая половина 1-го—начало второй половины 2-го тысячелетия н.э.) картина меняется мало. О наличии рыболовства в лесном Зауралье в этот период говорят находки чешуи рыб, рыболовных крючков и стрел с гарпунными наконечниками, а также само расположение поселений около устья небольших рек, где существовали благоприятные условия для занятия сетевым и запорным рыболовством [Могильников, 1987. С.175]. Находки чешуи и костей рыб (язя, стерляди, окуня, щуки) подтверждают и наличие рыболовства в лесном Прииртышье [Могильников, 1968. С.290]. Рыбу добывали при помощи стрел с гарпунными наконечниками из рога оленя, железными крючками, а также плетеными ловушками и сетями. Основные рыболовные угодья —

это пойменные озера вблизи поселений, р. Иртыш и ее притоки [Могильников, 1987. С. 192, 201].

На рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н.э. в Нижнем и Сургутском Приобье рыболовство не всегда занимало ведущее место в системе хозяйственных занятий населения.

В Нижнем Приобье лов рыбы велся, видимо, в течение всего года, предположительно орудиями заборного типа [Там же. С.206]. Помимо заборов, рыбу ловили сетями, о существовании которых говорят находки грузил. Вероятно, к концу 1-го тысячелетия н.э. распространяются усложненные сетевые ловушки типа калдана, с помощью которых ловили крупную рыбу, и исчезают гарпуны [Там же. С.206, 212—213]. Нужно отметить, что в целом в памятниках Нижнего Приобья и Северного «Зауралья» эпохи средневековья рыболовство представлено значительно меньшим, чем охота, количеством находок [Морозов, 1989. С.146].

По сравнению с археологическим, намного выигрышнее выглядит этнографический материал. На огромной территории бассейна Оби фиксируется бесчисленное количество вариантов основных способов лова рыбы, что объясняется спецификой конкретных местных условий.

Одни виды рыб водятся в обском бассейне повсеместно. Это — налим, щука, ерш, елец (чебак), сорога, окунь, сырок (пелядь). Ареал других видов рыб ограничен. Например, тугун (сосьвинская селедка) водится только в р. Северной Сосьве. В реках с быстрым течением, стекающих с Урала, встречаются таймень, хариус, в озерах водятся карась и голян, в нижнем течении Оби и ее притоков — муксун. Обь, Северная Сосьва, нижнее течение Иртыша — места обитания стерляди, Обь — осетра, который заходит и в Иртыш, так же как и нельма, ареал которой включает еще и Северную Сосьву [Кориков, 1898. С. 15; Арнольд, 1934. С.29-33; Мануйлов, 1955. С. 153; ПМА, № 1555, л.35]. Эти виды рыб были промысловыми и в прошлом.

Анализ названий некоторых рыб, частей рыб (например, слова «жабры», «ерш», «язь») говорит о том, что они восходят ко времени существования финно-угорской языковой общности [Краткий этимологический словарь коми языка, 1970. С.87,181,189]. Другие слова, видимо, еще более древнего происхождения (например, название сига [Хелимский, 1982. С.248]). Способы их лова и используемые при этом орудия, как уже говорилось, были обусловлены биоциклом рыб. На Оби и в низовьях ее крупных притоков наиболее результативным был летний промысел полупроходных и местных видов рыб. До начала спада воды рыбу ловили в сорах (заливаемых в весеннее

половодье котловинах в поймах рек) сетными орудиями. Затем там устраивали так называемые варовые (частичные) заграждения, использовавшиеся при лове рыбы после спада воды, когда рыба начинала выходить из соров. Со второй половины июля до рекостава рыбу ловили на песках с помощью невода, в близлежащих озерах и речках — с помощью запоров и ставных сетей. С осени до наступления полного замора (приблизительно февраль) рыбу ловили сначала плавными сетями и сетевыми орудиями типа важана и саиба (переходный тип от плавных сетей к ставным), котцами (практически постоянно), а затем — орудиями запорного типа и ставными сетями, а также крючковыми снастями. С началом замора рыба собиралась у живунов, и промысел мог осуществляться только там [Дунин-Горкавич, 1911. С.95—96]. Причем зимой в заморах Оби рыбу можно было вычерпывать из проруби сачком или доставить просто руками [Поляков, 1877. С. 175] — настолько велика была степень ее концентрации в местах, обеспеченных кислородом. С наступлением полного замора рыболовство на Оби прекращалось до весеннего вскрытия рек [Дунин-Горкавич, 1911. С.96]. Весной, когда протоки освобождались ото льда, их перегораживали и добывали в таких заграждениях рыбу с помощью малого невода или рукава. А в половодье ловили уже без заграждений в заводях сетевым орудием «кривда» [Там же. С.95].

На крупных притоках Оби роль рыболовства возрастает по мере продвижения от верховьев к низовьям. То же относится и к притокам Иртыша. Нужно отметить, что рыболовство практически на каждом из крупных притоков этих двух рек имело свои особенности, связанные главным образом с наличием или отсутствием замора, с его сроками, с тем, какая рыба там водилась. Общим же является соотношение способов и орудий лова с определенными периодами рыболовного цикла.

Наибольший улов приходился на период летнего промысла, когда рыбаки спускались нередко всей семьей в низовья рек или же выходили непосредственно на Обь. Важно и то, что в это время и здесь основную часть улова составляла рыба ценных пород. Сроки летнего рыболовства в низовьях рек и на Оби зависели от времени прохождения рыбы и освобождения рек ото льда. Например, население Северной Сосьвы спускалось в низовья этой реки и на Обь в мае и находилось там до конца июля [Кориков, 1898. С.15; Северная Сосьва, 1992. С.15]. Жители притоков Оби, расположенных в ее среднем течении, выезжали в низовья и к руслу Оби на весенне-летний лов «вслед за льдом», а некоторые — и по последнему зимнему пути [Дунин-Горкавич, 1910. С.186].

Ханты р. Казым (правый приток Оби в ее нижнем течении) на Обь отправлялись в начале июня [Касум-ѐх, 1993. С.34].

Нужно отметить, что не все обитатели притоков Оби спускались в их низовьях и на Обь для весенне-летней рыбалки. Отдельные поселения находились в непосредственной близости от богатых рыболовных угодий. Причем некоторые из таких селений располагались на сравнительно небольшом расстоянии от Оби, как, например, Лемпинские юрты на р. Салым (приток Оби). Другие же — в нескольких сутках езды до Оби, как Хурумпауль в среднем течении Ляпина (приток Северной Сосьвы). Состояние рыболовных угодий вполне допускало возможность вести промысел здесь в летнее время [Носилов, 1904. С.218].

При массовом ходе рыбы в низовьях притоков и по Оби население, спускавшееся туда, использовало невода и сетевые орудия. В другое время года рыбу ловили уже рядом с постоянным местом жительства: в конце лета—начале осени неводом и сетями, с осени до середины зимы, а в некоторых районах и до весны применяли орудия заборного рыболовства. Весной рыбу ловили сетками по старицам и озерам до начала спада воды, в устьях речек устанавливали запоры, рыбу били из лука и острогой [Носилов, 1897. С.5].

Манси и ханты, не спускавшиеся в летний период в низовья рек, практиковали в этот период заборное рыболовство на ближайших озерах, в устьях речек и проток [Дунин-Горкавич, 1910. С.285].*

Наименее продуктивным было рыболовство в верховьях притоков Оби (особенно тех, которые подвергались замору). Причем его объем постепенно сокращался [Арнольд, 1934. С.34]. То же относится и к рыболовству в верховьях притоков Иртыша [ПМА, № 1555, л.35]. Рыболовство также было слабо развито и у хантов Малой Сосьвы [Дунин-Горкавич, 1904а. С.42].

Население верховьев рек широко использовало орудия рыболовства заборного типа — для летнего и зимнего промысла. Весной и осенью рыбу ловили сетями и малыми неводами. Кроме того, осенью и зимой сети применяли при подледном лове рыбы. На некоторых реках (например, на Казыме) заборное рыболовство практиковалось и в начале осени. Рыбу также ловили крючками, добывали с помощью остроги. Различие в рыболовстве обитателей верховьев левых и правых притоков Оби заключалось, в частности, в том, что в первых, не подверженных замору, можно было

* Подробное описание рыболовства в системе хозяйства населения притоков Оби см.: на примере манси — «Северная Сосьва», 1992. С.14—15, 19—26; на примере хантов — Шатилов, 1931. С.153; «Касум-ѐх», 1993. С.34—38.

ловить рыбу неводом и запорными орудиями, в то время как во вторых в заморный период рыбу добывали саком у ключей-живунов [Головнев, 1993. С.28-29; Касум-ёх, 1993. С.37].

Таким образом, ресурсы водоемов бассейна Оби не обеспечивали равномерного выхода продукции. Хотя мелкий рыболовный промысел производился в течение всего года, наиболее выгодным рыболовство было в летний период в низовьях крупных притоков Оби и непосредственно на самой этой реке: улов достигал значительных размеров, в его состав входили самые ценные породы рыб. В удачные годы немало рыбы вылавливали и в водоемах среднего течения притоков Оби, но удельный вес ценных пород здесь был меньше. Существовать за счет рыболовства могло только население Оби и низовьев ее крупных притоков, причем этническая принадлежность этого населения в данном случае роли не играла. Жители среднего течения притоков Оби, видимо, в значительной степени с помощью рыболовства удовлетворяли собственные потребности в пище, но вряд ли это занятие здесь обеспечивало прибавочный продукт, который могли бы использовать для обмена или торговли.

Рыболовство обских угров характеризуется различными способами добычи и многообразием используемых при этом орудий. Наиболее существенную роль среди них играло запорное рыболовство. По подсчетам Н.В. Лукиной, у хантов и манси фиксируется более 200 вариантов способов лова с применением запоров [Лукина, 1986а. С.124], что отражено и в терминологии [Sirelius, 1906].

Основной принцип запорного рыболовства заключается в том, что рыба ловится в загороженном пространстве. Использование же конкретных видов запоров обусловлено особенностями водоемов, биоциклом рыб. Можно выделить два основных типа заграждений: земляные (песчаные, ледяные) плотины с каркасом из кольев или без него и заграждения из дерева, веток и т.п. Недостаток материалов, касающихся плотин, не позволяет более подробно описать этот способ. Следует отметить, что, по имеющимся данным, применялся он значительно реже другого. Помимо того, что не устанавливается степень распространенности таких сооружений, неясно и по каким причинам они делались: вызывалась ли необходимость устройства именно плотин, а не других заграждений особенностями водоемов или же здесь нужно искать другие объяснения.

Запор устанавливался в местах, где наблюдалось наибольшее скопление рыбы в определенное время года. Например, у поворотов речек, где образовывались омуты; на пути хода рыбы весной и

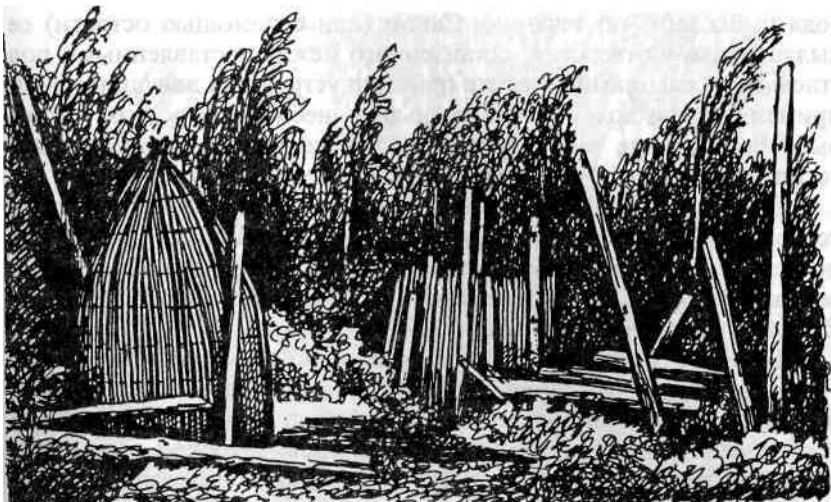

Рис. 5. Запор со снятой ловушкой.
Междуречье Большого Салыма и Большого Югана.

осенью; у ключей-живунов зимой. Все детали запора могли служить в течение длительного срока. Нередко в то время, когда запор «не работал», его заграждения не убирали, а снимали лишь ловушки (рис. 5), которые устанавливали снова перед подъемом воды, перед началом замора. Кстати, его время определяли по количеству шедшей рыбы — когда ее много, значит начинается («подходит») замор [ПМА, № 1698, л.53]. Заграждения могли перекрывать всю реку (ез, запор), или же только часть ее (заезка) [Чернецов, 1949. С.23].

Наиболее примитивным видом запора можно считать, вероятно, изгородь из хвороста, которую устанавливали кондинские манси весной или осенью на небольших речках, полностью их перегораживая. Изгородь была настолько частой, что рыба запутывалась в хворосте [Устное сообщение В.Н. Чернепова. Цит. по: Васильев В.И., 1962. С.139]. Вместе с тем, такое сооружение могло быть и прообразом сети: рыба запутывалась в снасти, а не концентрировалась в какой-либо емкости (как в ловушках).

К числу наиболее простых типов относится тот, при котором с помощью решеток ограждалась часть водоема. Там скапливалась рыба, и ее вычерпывали специальными сачками. В загражденных частях водоема рыбу ловили и с помощью невода, вспугивая ее специальной длинной палкой-боталкой. Более сложный вариант использовали манси на быстрых горных речках осенью, во время

хода рыбы вниз по течению. Саком (или с помощью остроги) ее вылавливали у отверстия, оставленного между поставленными под углом заграждениями. Этот же принцип устройства ловушки манси применяли при лове налима осенью на небольших речках. Чтобы рыба была лучше заметна, дно в проходе между заграждениями устилали берестой [Васильев В.И., 1962. С.139].

Один из простейших типов запоров — котец (ловушка устроенная по принципу лабиринта). Он применялся практически повсеместно. Особенно эффективен был котцовый лов на маленьких речках и на озерах [подробнее см., например: Шатилов, 1931. С.152; Кулемзин, Лукина, 1977. С. 19—20].

Большое распространение получили запоры в виде заграждения с ловушками. Заграждения (решетки, щиты) делали из различного материала. Если они должны были быть низкими, то использовали сосновые планки. На высокие решетки (для глубокой воды) шли тонкие стволы елей [Sirelius, 1906. S.3]. В некоторых случаях, если решетку требовалось нарастить в высоту, использовали и куски мережи [ПМА, № 1698, л.54]. Различные материалы служили и для переплетения планок решетки: кедровый корень (Васюган, Аган", Юган), черемуховая сарга (Аган, Юган), тальник (Сосьва, Нижняя Обь, Вах, Верхняя Сосьва), лыко (Конда) [Sirelius, 1906. S.3; Шатилов, 1931. С.152; Источники, 1987. С.147]. Кроме того, для устройства решеток применяли тальник, хворост, березовые и еловые ветки, хвою [Васильев В.И., 1962. С. 140; Sirelius, 1983. S.205 и др.]. В некоторых случаях заграждение делалось из толстого теса, вбитого в дно и соединенного под водой тесаным бревном-мостиком (Салым [Городков, 1913. С.63], верховья Пелыма [ПМА, № 1555, л.35]).

Решетка должна была достигать дна, а также выходить на берег, чтобы перекрыть путь рыбе при подъеме воды. В ней оставлялось одно или несколько отверстий («окна») для ловушек (летом, когда запором не пользовались, отверстия могли служить для прохода лодок). Отверстия закрывали специальной 'решеткой, по необходимости убиравшейся. Решетка укреплялась при помощи наклонно поставленных шестов или тонких бревен, врытых в дно.

Ловушки устанавливались в заграждениях заходом по течению или против него (а иногда — по нескольку ловушек в разные стороны одновременно) в зависимости от направления движения

* Подробное описание рыболовства в системе хозяйства населения притоков Оби см.: на примере манси — «Северная Сосьва», 1992. С.14—15, 19—26; на примере хантов — Шатилов, 1931. С.153; «Касум-ёх», 1993. С.34—38.

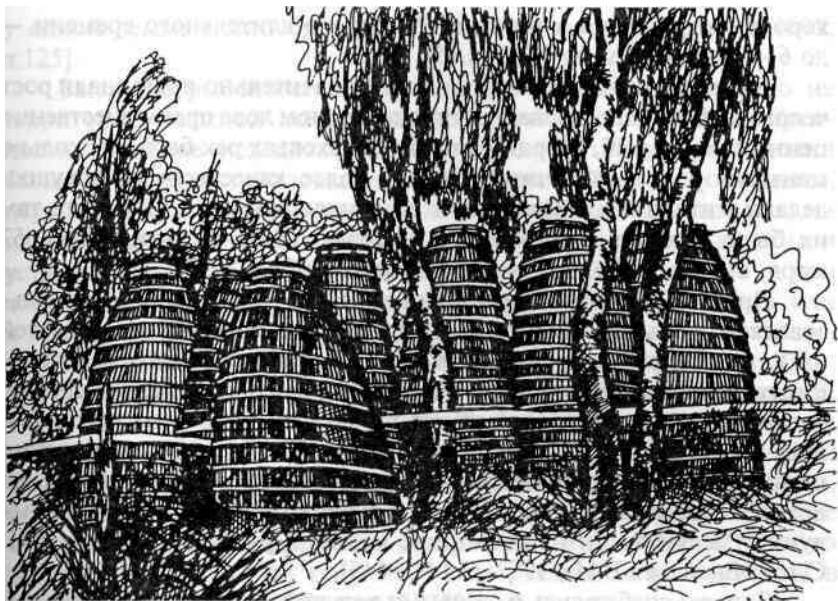

Рис. 6. Орудия запорного рыболовства (ловушки-морды). Низовья Оби.
Рис. с фото В.С. Адрианова (МАЭ, И-795-135).

рыбы. Это ловушки корзиночного типа (верши) — морды (хант. *rip, рби*; манс. *камка*) и рукава (хант. *рос, рас*, манс. *рос, рио\$*).

Наиболее широкое распространение получила ловушка-морда (рис. 6). Ее применяли во все времена года, практически на всех водоемах и для разных пород рыбы, в соответствии с чем варьировались размеры и форма ловушки. Она состояла из основания, остова и внутреннего вставного горла. Последние делались из сосновой дранки (Иртыш, Конда, Юконда, Салым), лиственницы (Ляпин, Казым, Нижняя Обь), тальника, корня сосны, черемуховых прутьев, переплетенных корнями кедра, лиственницы, сосны [Носилов, 1904. С.20; Sirelius, 1906. S.8; Скалозубов, 1907. С.9; Городков, 1913. С.63; Руденко, 1914. С.5; Чернецов, 1949. С.23; Васильев В.И., 1962. С.145; ПМА, № 1698, л.105 и № 1721, л.15].

Таким образом, для изготовления ловушек использовался имевшийся под рукой материал, подходивший по своим качествам. Гибкий тальник, специально обработанные корни отличались эластичностью и прочностью, поэтому удобны были для соединения деталей. Выбор деревьев хвойных пород для рек объясняется тем, что из-за большой смолистости они не впитывают воду, и ловушка

хорошо сохраняется в течение достаточно длительного времени — до 6-7 лет [ПМА, № 1721, л. 15].

Размеры самых больших ловушек значительно превышали рост человека. Они использовались при подледном лове преимущественно ценных пород рыб. Морды заповор в верховьях рек были несколько меньших размеров. Считалось, что более качественные ловушки делали жители верховьев рек, и в количественном отношении там их было больше. Например, в низовьях Ваха насчитывалось 57 морд, а в его верховьях — 91 [Шатилов, 1931. С.139].

Другая ловушка корзиночного типа — рукав — использовалась меньше, хотя, по мнению некоторых исследователей (У.Т. Сирелиус), в линии развития заповорного рыболовства предшествовала ловушке-морде. Рукав делался из того же материала, что и морда, но отличался от нее по форме: он состоял из горла в виде усеченного конуса и собственно рукава — узкого вытянутого цилиндра. Рукав устанавливали в заграждениях в верховьях рек, во время спада воды, когда рыба идет в русло реки из озер и с заливных лугов. Рассчитан он на добывание крупной рыбы [Шатилов, 1931. С. 152; Васильев В.И., 1962. С. 144-145].

Заповры снабжались и сетевыми ловушками (важан или чердак), лов рыбы с их помощью требовал более активных действий со стороны человека. Ваян получил распространение преимущественно в южной подзоне тайги, на реках Иртыш, Конда, Салым, Вах, Васюган. Ббльших размеров ваянные мешки были на Иртыше (10.7 х 14.5 м), в то время как на Вахе их длина составляла 2.85 м, а ширина — 2.6 м [Sirelius, 1906. S.15; Васильев В.И., 1962. С.147—148]. Использование этой снасти имело смысл в районах, богатых рыбой.

Заповры были как частными, так и общественными. В последнем случае частные лица имели в заповре свой пай, получали часть улова по числу ясачных душ в семье, или же каждой семье отводилась часть (причем ежегодно новая, чтобы рыболовные угодья равномерно распределялись между семьями) общественного заповра, где она уже самостоятельно устанавливала свои ловушки [Носилов, 1888. С.65—67; 1904. С.170; Городков, 1913. С.64]. Соотношение частных и общественных заповров сейчас выявить трудно из-за недостатка материалов. Видимо, общественные преобладали на больших реках, там, где плотность населения была сравнительно высокой. Известно, например, что на Салыме было мало частных заповров, их разрешалось ставить ниже по течению реки относительно общественных [Городков, 1913. С.64]. На Юконде же, наоборот,

у одной семьи могло быть до 75 ловушек-морд [ПМА, № 1698, л.125].

Запорное рыболовство, как уже было показано, известно на территории таежной зоны Западной Сибири с глубокой древности. Если же исходить из того, что прототипом заграждений были изгороди, использовавшиеся при загонной охоте, то, видимо, первоначально, огородив часть водоема, рыбу вылавливали руками или сачками. В таком случае запоры сначала должны были устанавливаться на мелководье, что совершенно естественно — при отсутствии плавсредств рыбу можно ловить только с берега или в мелкой речке. Таким образом, запорное рыболовство, вероятно, возникло в верховьях рек. В процессе его дальнейшего развития, как свидетельствует анализ лингвистических материалов [Munkacsı, 1903; Sirelius, 1906; Хайду, 1953; Collinder, 1955 и др.], появляется котец (4—3-е тысячелетия до н.э.), затем морда и рукав (3—2 тысячелетия до н.э.) [Васильев В.И., 1962. С. 145, 147]. Наконец, последний этап — применение в запорах сетевых ловушек, в основе которых, как считается, лежат дрейфтерные и драговые орудия из прутьев. Их делали по типу морд или рукавов и использовали в сочетании с запорами [Там же. С. 150].

Запорное рыболовство, как широко известно, чрезвычайно широко распространено практически по всему земному шару. В частности, оно охватывает весь финно-угорский мир (У.Т. Сирелиус, В.И. Васильев), тюркоязычное население западносибирской тайги [Томилов, 1980. С.24—25; Тюрки таежного Причулымья, 1991. С.29—36; Селезнев, 1994. С.24—30]. Причем, в ряде случаев обнаруживается и терминологическое сходство. Немаловажную роль играло запорное рыболовство в хозяйстве кетов [Алексеенко, 1967. С.60—62], различных групп эвенков [Василевич, 1969. С.84]. Вместе с тем, у народов Нижнего Амура, которые, как и обские угры, относятся к ХКТ рыболовов бассейнов больших рек и охотников и рыболовов тайги, запорное рыболовство, насколько можно судить, существовало в значительно меньшем объеме [Смоляк, 1984. С.33].

Особенности орудий запорного рыболовства обских угров на общем фоне явления из-за недостатка сравнительных материалов выявить трудно. На уровне основных признаков, таких как конструкция, этнопоказательные особенности пока обнаруживаются слабо. В способах использования орудий, скорее, существует местная, а не этническая специфика. Обращают на себя внимание параллели в названиях запорных сооружений, обнаруженные в обско-угорских и иранских языках. Это хантыйское *var* (запор) и мансийское *veri* (котец), сопоставляемые исследователями с

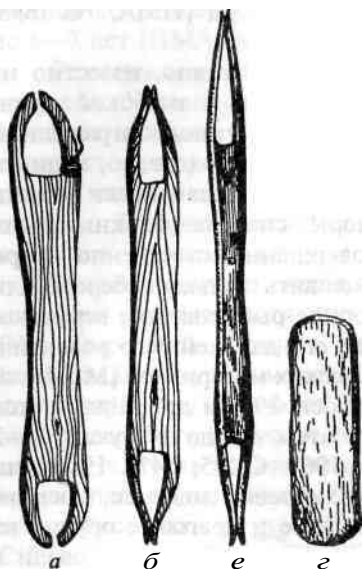

Рис. 7. Иглы

для плетения сетей (а, б, в);
мерка для ячеи сети (г).

участие протоиндоиранцев в формировании культур Среднего Зауралья и Нижнего Приоболья [см., например: Ковалева, 1993а. С.83—85]. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что в рассматриваемом регионе запорное рыболовство формировалось среди населения, проживавшего еще в неолите именно в этих районах, откуда и распространилось по всей территории Западной Сибири.

Что касается современного состояния запорного рыболовства, нужно сказать, что оно продолжает сохраняться у тех групп хантов и манси, которые проживают в верховьях и по среднему течению притоков Оби. Относительно населения собственно обского, а также низовьев притоков, сведений не имеется.

На рассматриваемой территории немалое значение с глубокой древности имело рыболовство с применением сетевых снастей (ставных и плавных), о чем свидетельствуют, как уже говорилось, археологические материалы.

Ставные сети использовались весной (во время половодья их устанавливали в заводях), летом, до начала спада воды, а также зимой [Дунин-Горкавич, 1911. С.95—96]. Сетью ловили карася, сосьвинскую селедку и др.

иранским *vary, very* (запор), что позволило Б. Мункачи [1903. S.383] высказать предположение, к которому присоединился и У.Т. Сирелиус [1906. S.372], об иранском происхождении этих названий в обско-угорских языках. В.И. Васильев [1962. С.142—143], основываясь на сходстве названий ряда орудий рыбной ловли и их деталей в финно-угорских, а также индоевропейских языках, определил время появления рассматриваемых типов запоров концом 4-го—3-м тысячелетием до н.э., когда, во-первых, существовала финно-угорская общность, во-вторых, иранские языки еще не выделились из индоевропейского праязыка. Эта датировка вполне соотносится с приведенными выше археологическими материалами. Кроме того, в данный период предполагается

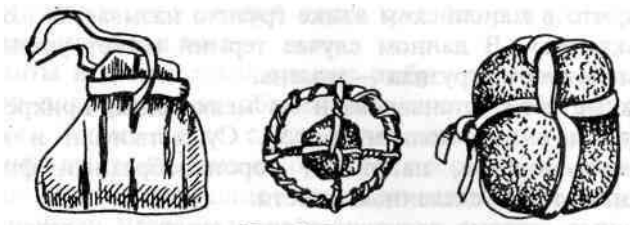

Рис. 8. Грузила

Основной материал для изготовления сетей — крапивные нитки, производство которых было хорошо развито у хантов и манси. Качество ниток зависело от того, на какие предметы они шли. Благодаря зеленоватому цвету крапивных ниток сеть меньше была заметна в воде.

Для изготовления сетей использовали также конопляные нитки и нитки из конского волоса [Попов, 1955. С.98] (рис. 7). Канаты сетей делали из корней и коры ивы, поплавками служили прямоугольные кусочки толстой коры или свернутые спиралью полоски бересты. В качестве грузил чаще всего использовали камни. Камень помещали в «футляр» из сложенного пополам куска бересты, в верхней части обвязанного крапивной веревкой, или же в кольцо из черемухового прута, привязанное к камню саргой, либо обвязывали расщепленным кедровым корнем (рис. 8). У хантов зафиксированы также грузила в виде берестяного мешка, наполненного песком, ягодами, грибами и пр. [Кулемзин, 1978. С.122]. Кроме того, применялись и кости оленя [Сирелиус, 1907. С.67]. Интересно

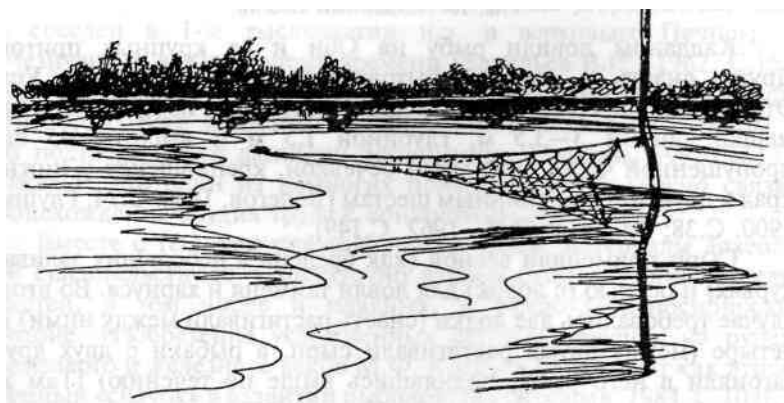

Рис. 9. Ставная сеть.

отметить, что в мансийском языке грузило называется *ахтас*, что значит «камень». В данном случае термин может указывать на изначальную форму грузила — камень.

Ставные сети устанавливали на мелководье, прикрепляя их к воткнутым в дно кольям (рис.9). Существовали и ловушки из сетевого полотна, например, воронкообразный фитиль, в заграждении, также сделанном из сети.

Плавные сетевые ловушки обских угров — калдан и сырп. Калдан — это примитивный трал, использовавшийся для ловли рыбы (главным образом осетра) с лодки. Он представлял собой мешок (1.8 x 4.1 x 2.2 м) из мережи, «пришитый» к шесту-кормыслу длиной около 4 м. К середине последнего привязывался специальный камень (грузило), удерживавший калдан у дна реки (рис. 10). Рыбак, сплавляясь на лодке по течению, тянул за собой на длинной веревке калдан и по содроганию привязанных к нему сигнальных ниток определял, что рыба попала в снасть, после чего ее и вытаскивал [Чернецов, 1949. С.10, 46; Васильев В.И., 1962. С.148-149].

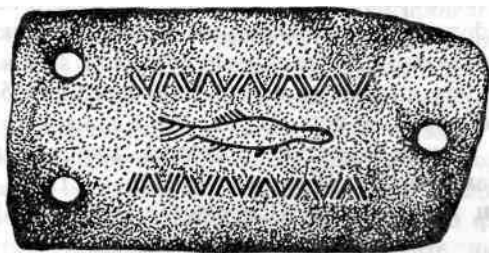

Рис. 10. Калданный камень.

Калданом ловили рыбу на Оби и ее крупных притоках. Другая снасть — сырп — бытовала у манси предгорьев Урала. Это небольшое орудие типа бредня, состоявшее из прямоугольного мешка длиной 3—3.5 м, глубиной 1.5 м и высотой 45 см с пропущенной через ячеи устья бечевкой, крепившейся у нижнего края к двум тонким длинным шестам [Вологов, 1860. С.74; Глушков, 1900. С.38; Васильев В.И., 1962. С.149].

Сырп применяли весной (как бредень в небольших заливах и курьях) и осенью (с лодок) для ловли тайменя и хариуса. Во втором случае требовались две лодки (снасть растягивали между ними) или четыре (между двумя растягивали сырп, а рыбаки с двух других загоняли в него рыбу, поднявшись выше по течению) [Там же].

Один из сидевших в каждой лодке греб, второй непосредственно принимал участие в лове.

Ханты и манси ловили также рыбу с помощью невода. Весной, до подъема воды, облавливали протоки малым (60—70 м) неводом. Летом, после спада воды, неводили в варовых заграждениях, устраиваемых в сорах. На песках промыслили рыбу с помощью невода с середины июля до рекостава, зимой осуществляли подледный лов неводом на озерах.

Малый невод забрасывали с одной лодки, большой — с двух, соединенных настилом, для его вытягивания использовали конный привод. Такие большие неводы были только на Оби, ими владели русские и коми-зырянские рыбопромышленники.

Невод мог принадлежать и целой общине. Добычу делили по паям по числу участников. Кроме того, паи выделяли и тем членам «общества», которые не могли принимать участия в ловле рыбы (вдовы, сироты, калеки) [см., например: Инфантьев, 1910. С.58].

Если относительно местного происхождения орудий запорного рыболовства у исследователей сомнений практически нет, то по поводу возникновения сетевых снастей устоявшихся позиций, пожалуй, не существует. Достаточно широко распространено мнение, согласно которому, неводы, ставные сети, фитили ^были заимствованы от русских [см., например: Шульц, 1924. С.186]. Нет однозначного мнения и по поводу происхождения снасти сырп. Ее считают «чисто вогульским орудием», «сетью вогульского изобретения, которую используют и русские» [Глушков,,1960.С-5;; Остроумов, Т9Т4. ~ СЛ70], или же заимствованием от коми [Жеребцов, Г9Т4. С.29ТЛ] интересна точка зрения, согласно которой манси восприняли сырп от финского или финно-угорского народа — их соседей в 1-м тысячелетии н.э. в верховьях Печоры, — исчезнувшего к настоящему времени [Васильев В.И., 1962. С.151]. Сырп достаточно четко определяется как мансийская снасть; кроме того, как известно, манси жили в верховьях Печоры — что подтверждается данными топонимики [Туркин, 1991. С.133]. Пожалуй, это один из немногих примеров, когда можно связать происхождение орудия труда с конкретным этносом.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, материалы археологии свидетельствуют о достаточно давнем существовании сетевых снастей, в том числе и плавных, в Урало-Западносибирском регионе. Изобретение усложненных сетевых ловушек на рубеже бронзового и железного веков М.Ф. Косарев определяет как второй крупный «скачок» в развитии рыболовства [Косарев, 1984. С.102], — появилась возможность «освоения в рыболовческом отношении

крупных сибирских рек». По мнению А.В. Головнева, снасти, изготовленные из крапивного волокна, занимали значительное место в промысловом инвентаре коренного населения [Головнев, 1993. С.30]. Этот автор также подчеркивает большую роль русских в развитии неводного рыболовства обских угров [Там же. С.30—32], что, прежде всего, связано с формированием промышленного рыболовства.

Распространение сетевых орудий настолько широко, что говорить о какой-либо этнической среде, где они могли возникнуть, просто не представляется возможным. Сама идея изготовления сети могла быть связана с наблюдением над тем, как рыба запутывается в траве во время спада воды или, как уже говорилось, в примитивном плетеном запоре.

Специфические черты сетевых снастей, их применения, формировались под влиянием конкретных местных условий — особенностей водоемов, состава ихтиофауны. Раз возникнув, орудие продолжало совершенствоваться, достигая оптимальной формы и предела возможных вариантов. В его развитии могло принимать участие все местное население, независимо от этнической принадлежности, — оно в равной степени было заинтересовано в получении с помощью этого орудия продукта в максимальном объеме. При миграциях населения то или иное орудие, безусловно, могло распространяться вместе с ним, но оно должно было как бы «приспосабливаться» к особенностям новой среды. Кроме того, оно накладывалось на уже имеющийся в новой среде набор орудий (если, конечно, она была освоена человеком).

На материалах сетевого рыболовства также крайне сложно выявить те признаки, которые можно считать этнопоказательными. Определенные особенности в конструкции орудий рыболовства у разных народов, естественно, существуют. Например, по данным А.В. Смоляк, плавные сети обских угров и амурских народов имеют различия в деталях [Смоляк, 1984. С.72]. Но, судя по всему, эти детали не несут никакой знаковой нагрузки, т.е. не обладают рядом характеристик, показывающих их принадлежность к тому или иному народу. В частности, наличие или отсутствие грузил на верхнем подборе тех же плавных сетей диктуется необходимостью, и любое население, сменившее на данной территории то, в среде которого сформировались эти орудия, воспримет их именно в таком виде. Этнопоказательным же признаком, возможно, следует считать форму грузила и его особенности, например способ крепления при помощи желобков или просверленного отверстия. Во всяком случае сейчас дать какое-либо функциональное объяснение этих особенностей затруднительно, хотя

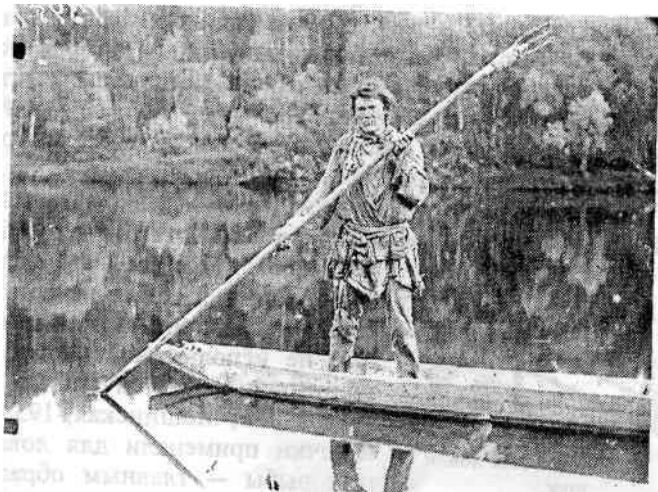

Рис. 11. Рыбак с острогой. Северные манси (верховья Лозьвы)
 Фото И.К. Зеленова (МАЭ, И-1345-16)

некоторые суждения высказать все же можно. В частности, грузило из берестяного мешочка, наполненного тем, что имелось под рукой сделать значительно проще, чем обработать соответствующим образом камень. Известно, что ханты, уходя на промысел, брали с собой кусок сети, снимая с него грузила, чтобы легче было нести. Грузила делали уже на месте, нередко - именно в виде мешочков из бересты [Кулемзин, 1978. С.122]. Таким образом, последние могли носить временный характер.

Возможно, в качестве этнопоказательного признака следует рассматривать и пропорции игл для вязания сетей. Просмотренные автором данной работы музейные материалы по разным народам свидетельствуют о различиях, хотя и незначительных, в пропорциях игл, что требует специального изучения.

У обских угров развитие сетевого рыболовства шло не только по линии усовершенствования орудий труда. Менялся и сам материал но уже под инокультурным воздействием. Первоначальным материалом, использовавшимся, впрочем, до середины XX в была крапива. Уже в глубокой древности население южной части лесного Зауралья могло делать сети из конского волоса, материала

и в о я с о в я з и с н з ч а л о м р а з в е д е н и я л о ш а д е й [Эверстов, 1933]. С влиянием русских связывается применение для

993^{КО} С о ^ Т н и т с я и , в о з м о ж н о , б о л ь ш о г о н е в о д а
 1993. С.31]. Кроме того, уже в XX в. в качестве грузил стали использоваться различные металлические предметы,

подходящие по форме и весу, лебедка для вытягивания невода (до нее — конная тяга). Самый последний этап — вторая половина XX в. — характеризуется внедрением капроновых ниток для плетения сетей и пенопластовых поплавков.

Запорное и сетевое рыболовство наиболее характерны для обских угров, причем для всех групп без исключения. А вот ловля рыбы крючковыми снастями, с помощью лука и остроги (рис. 11) не играла существенной роли. Хотя эти способы, судя

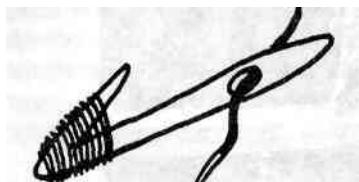

Рис. 12. Крючок для ловли шук.

по археологическим материалам, как уже говорилось, были известны еще в глубокой древности, ни тогда, ни после они не использовались особенно на территории Западной Сибири [Шульц, 1924. С. 186; Мошинская, 19536. С.74].

Крючки применяли для ловли хищной рыбы — главным образом шук (рис. 12), налимов. Этнографические материалы показывают, что крючки делали из смолистого дерева (считалось, что оно действует на рыбу отравляюще [ПМА, № 1698, л. 107]), привязывали к сыромятному ремню, веревке из лыка или размочаленному кедровому корню. Приманкой служила мелкая рыба или кусок шкуры [Кулемзин, 1978. С. 122; МАЭ, кол. оп.2383-62]. Крючки использовались для ловли рыбы осенью. Зимой на Оби ловили рыбу с помощью металлического крючка, привязанного к деревянной палке. Рыбак, лежа на животе на льду, опускал его в прорубь и выуживал проплывающих налимов [РЭМ, кол., оп.1710-109]. Обязательной принадлежностью подледного рыболовства был специальный сачок для вычерпывания из проруби кусочков льда (рис. 13).

В качестве орудия рыбной ловли во время поездок служила так называемая «дорожка», на которую ловили преимущественно шук и окуня. Она состояла из бечевки с крючком и приманкой (сейчас в некоторых районах — блесна) на конце. На Юконде рыбак, плывя в лодке, закладывал бечевку за ухо, чтобы чувствовать, когда клонет рыба, конец же держал во рту. После того, как рыба «дергала», ее вытаскивали [ПМА, № 1698, л.91].

Займствованием от русских считается снасть перемет — бечевка с прикрепленными к ней крючками, которая использовалась для ловли налима, шуки, осетра.

Крючковые снасти были сравнительно мало распространены и у ряда других народов таежной зоны: чулымцев [Тюрки таежного Причулымья, 1991. С.37], селькупов [Пелих, 1972. С.13]. Другие

Рис. 13. Вычерпывание кусочков льда из проруби. Северные манси (р. Ляпин).
Фото автора (МАЭ, И-219-124).

народы применяли их более активно. Это эвенки [Василевич, 1969. С.83—86], кеты [Алексеев, 1967. С.64—65], народы Анура [Смоляк, 1984. С.43—44]. Интересно, что у обских угров крючковые снасти (удочки) представляются детскими орудиями [см., например: Шульц, 1924. С. 186].

Вполне допустимо, что деревянные крючки — довольно древнее орудие рыболовства [см., например: Косарев, 1981. С.219]. Они сосуществовали с костяными, но не сохранились на археологических памятниках. Если иметь в виду то, что крючковые снасти занимали далеко не первое место среди орудий рыболовства обских угров, можно предположить, что их усовершенствованию особого внимания не уделялось, хотя от других народов и воспринимались уже готовые формы, как, например, перемет.

Повсеместно в осенний период практиковалось лучение рыбы. Один из рыбаков освещал воду, находясь в лодке, берестяным факелом, другой бил рыбу острой [см., например: Кулемзин, Лукина, 1977. С.20].

Добыча рыбы с помощью остроги, лука и стрел — способы, также хорошо известные практически всем народам, занимавшимся рыболовством на территории Сибири и Дальнего Востока. Это и тюркоязычные народы [Томилов, 1980. С.25; Тюрки таежного Причулымья, 1991. С.37—38], и кеты [Алексеев, 1967. С.64], и различные группы эвенков [Василевич, 1969. С.80—83], и народы Амура

[Смоляк, 1984. С.39,42—43]. Нужно отметить, что, судя по имеющимся материалам, доля такого способа, как лужение рыбы, увеличивается в промысле в целом по мере продвижения с запада на восток. Правда, нельзя исключать и того, что у эвенков и народов Амура способы добычи рыбы с помощью остроги лучше изучены и описаны.

Нельзя не отметить и еще некоторые параллели, связанные с рыболовством, в лексике других народов. В частности, у тюрков Причудымья сетная снасть *вазган* совпадает с обско-угорским важаном не только по названию, но и по конструкции [Тюрки таежного Причудымья, 1991. С.36]. По названию близка мансийскому сырпу плетеная ловушка томских карагасов *сурпа* [Там же]. Если параллели в лексике обских угров и других народов уральской языковой семьи, а также ближайших соседей-тюрков или пришедших позднее на территорию Западной Сибири русских вполне естественны, то обнаруженное А.В. Смоляк сходство в названиях запора у нивхов (*мыр*) и плетеной ловушки у финнов (*мерта*) и карел (*мерда*) [Смоляк, 1984. С.71] требует специального объяснения. Распространенное у современных обских угров название той же ловушки «морда» (из русского или коми языков) встает в этот же ряд.

Этнографические материалы показывают, что все народы Сибири, независимо от их этнической принадлежности и образа жизни, используют одни и те же основные способы добычи рыбы и орудия труда. Здесь не привлекается материал по другим регионам, поскольку не ставится задача определить пути формирования тех или иных орудий и способов в столь широких масштабах. Вполне возможно, что прямые параллели обнаружались бы в культурах народов других континентов. В данном случае важно определить то, какое место занимает конкретное хозяйственное занятие и используемые орудия труда в системе экономики населения, а также имеет ли оно местное происхождение или же пришло извне и приспособилось к местным условиям.

Материалы, приведенные выше, показывают, что рыболовство обских угров развивалось на местной основе. Как представляется, наиболее благоприятными для его возникновения были условия лесного Зауралья (меньшая глубина и ширина рек, меньшая заболоченность), а также примыкающего к нему Нижнего Притоболья.

Экономика, базирующаяся на рыболовстве, требует оседлого образа жизни. Археологические материалы говорят о высокой плотности населения с неолита до эпохи раннего металла на территории Нижнего Притоболья — своеобразного района на юге

таежной зоны, включающего в себя реки Туру, Тавду, Исеть, берущие начало на Урале и обеспечивающие высокую проточность множества расположенных здесь озер. Высокая рыболовецкая производительность этих водоемов в эпоху неолита и раннего металла и привела к возникновению оседлости [Косарев, 1981. С.215].

Менее благоприятными для развития рыболовства в древности были северные таежные районы. Несмотря на то, что там было множество водоемов, постоянных стабильных по производительности рыболовецких угодий из-за заморозов все же не хватало [Там же. С.210].

Как хорошо известно, экономика таежного населения никогда не базировалась на каком-либо одном виде деятельности — охоте или рыболовстве, — она всегда была комплексной. Но на протяжении всей истории неоднократно происходило перераспределение ролей этих занятий под воздействием различного рода причин: начиная от изменения климатических условий и кончая влиянием фактора государственно-экономической политики.

Этнографические материалы показывают, что к концу XIX в. рыболовство занимало второе место в хозяйстве жителей верховьев рек и первое — низовьев. К этому времени сформировалось промышленное рыболовство. Процесс его становления увязывается с активизацией пушной охоты (см. ниже), что уменьшило возможность использования зимнего периода для создания пищевых запасов и заставило делать их летом [Пика, 1982. С.14; 1988. С.138—139]. Поскольку в летнее время рыболовство в верхнем и среднем течении рек было малопродуктивным, коренному населению пришлось осваивать новые рыболовные угодья на Оби и в низовьях ее крупных притоков. Произошло изменение образа жизни — возникли так называемые «челночные миграции»: в весенне-летний период к Оби, в конце лета—начале осени — обратно. Образ жизни, включающий «челночные миграции», сложился в течение XVII—XVIII вв. и считается завершившимся к концу XVIII в. [Там же; Головнев, 1993. С.35—36].

Но на Оби и в низовьях ее крупных притоков летнее рыболовство обеспечивало не только необходимый для каждой семьи запас продуктов (сушеной рыбы), оно позволяло создавать излишек продукции для последующей реализации, причем обычно после окончания сезона или во время него. Возможность получения прибавочного продукта вела, в свою очередь, к усовершенствованию орудий промысла.

Коренное население в низовьях Оби работало также у русских рыбопромышленников. Нанимались к ним обычно на период с первой половины мая до первой половины сентября за определенную плату, которая дополнялась еще и предоставлением питания, одежды, табака. Существовали целые промысловые заведения с временными стоянками-станами, оборудованными всем необходимым для ведения промысла [Дунин-Горкавич, 1904б. С.213-214,218].

Наконец, еще один способ получения дохода от рыболовства — сдача коренным населением рыболовных угодий-песков в аренду русским купцам-рыбопромышленникам [Там же. С. 189].

Уровень продуктивности рыболовных угодий на рубеже XIX и XX вв. можно проиллюстрировать несколькими примерами. В частности, манси, промышлявшие рыбу (главным образом тугуна) в низовьях Северной Сосьвы, помимо продажи заготавливали на зиму еще и по 5—6 пудов сушеной рыбы. Летнее заповное рыболовство в устье ляпинских проток в удачные годы давало до 10 пудов сушеной рыбы и от 100—1000 голов сырца на человека [Дунин-Горкавич, 1910. С.262—285]. Казымские ханты добывали на семью по 10—20 пудов сырца и до 5 пудов окуня [Там же. С.239]. По всему Югану, где рыбные ресурсы были незначительными, и для собственных нужд заготавливали (сушили) даже мелкую рыбу, получали для продажи 200 пудов и для себя 600 пудов [Там же. С. 146]. Ханты низовьев Салыма, для которых рыболовство было главным занятием, ежегодно продавали около 600 пудов сухой рыбы и 2000 пудов мороженой. Жители населенных пунктов, расположенных выше по Большому Салыму и его притокам, ежегодно получали около 500 пудов сушеной рыбы и 800 пудов мороженой [Там же. С. 186]. В верховьях Ваха в первой четверти XX в. на одно хозяйство приходилось в среднем около 640 кг рыбы, в среднем течении этой реки — около 1000 кг, а в низовьях — свыше 2410 кг [Шатилов, 1931. С.138].

Хозяйства верхних и средних течений рек различались не только по объему вылавливаемой ими рыбы, но и по размерам, количеству орудий рыболовства и соотношению их друг с другом. Например, во второй половине лета на песках Оби и Иртыша рыбу ловили полуневодом длиной до 150—200 м, а на притоках — малым неводом длиной до 100 м. Кроме того, установлено, что в южных районах тайги пользовались неводом меньшего размера, по сравнению с северными, а в верховьях рек количество неводов было меньшим, чем в низовьях [Головнев, 1993. С. 19—20]. Например, в верховьях Ваха их насчитывалось 40, а в низовьях — 132,

сетей в низовьях было 314, а в верховьях — 102 [Шатилов, 1931. С.139]. В среднем же на одно таежное хозяйство приходилось 1—3 сети [Головнев, 1993. С.21]. Время заборного рыболовства могло не совпадать у населения различных частей бассейна Оби — оно зависело от того, когда в той или иной части водоема концентрировалась рыба. Подзона средней тайги характеризуется большим разнообразием ловушек, по сравнению с северной. Хотя в верховьях рек запоры были меньше по размерам, чем в низовьях, там на одно хозяйство их приходилось в среднем вдвое больше [Там же. С.22].

Анализ количественных характеристик распространения отдельных видов рыболовного инвентаря показал, что обитателям берегов крупных рек присуще неводно-сетевое рыболовство, а населению отдаленных районов — заборно-сетевое по преимуществу [Там же. С.22—23]. А.В. Головнев» по набору инвентаря, особенностям рыбопромыслового цикла выделяет следующие типы рыболовства обских угров конца XIX—начала XX в.: 1) таежный неводно-заборный, основанный на летнем неводном и попутном сетевом, заборном, переметном, калданном промысле проходных и местных видов рыбы в Оби и устьях ее притоков, с осенним заборным, сетевым, крючковым и остроговым ловом на Оби или ее притоках, с зимним подледным ловом и «черпанием» у ключей, с сетевым промыслом в ряде мест поздней весной; 2) таежный заборно-сетевой, традиционный для верховьев притоков Оби и Иртыша, с использованием в летний период больших и малых, а в зимний — малых индивидуальных заборов различных конструкций, сетей, малых неводов, в ряде мест и сетных ловушек в весенне-осенний период, характеризующийся также ловом рыбы крючковыми снастями, в зимний заборный период — вычерпыванием у ключей, осенью — лучением; 3) низовой неводный (самые низовья Оби), основанный на специализированном неводном и полуневодном промысле проходных пород рыбы в летний период на песках, с одновременным ловом сетями и переметами и со значительно меньшим по масштабам осенне-зимним подледным сетевым и неводным промыслом в реках и озерах [Там же. С.27-28].

Рыболовством последнего типа занималось лишь небольшое число хантов нижнего течения Оби. Внутри первых двух типов выделяются еще и варианты. Так, в таежном неводно-заборном типе — это северотаежный вариант с большой долей ценных проходных пород рыбы в улове, значительная часть которого приходится на большие запоры, а также с использованием калдана, и

среднетаежный вариант, отличающийся многообразием конструкций запоров и преобладанием в улове местных рыб. В рамках таежного запорно-сетевого типа у обских угров выделяется подтип предгорно-таежного рыболовства оленеводов, проводивших лето на Северном Урале, с эпизодическим промыслом там хариуса крючковой снастью и сетями и подледным неводно-запорным рыболовством в верховьях левых незаморных притоков Оби в зимне-весенний период [Там же. С.28-29].

Хотя рыболовство обских угров после включения их в состав Российского государства и развивалось под воздействием русских, роль этого воздействия не везде была одинаковой. Больше оно отразилось на рыболовстве жителей Конды, низовьев Иртыша и Оби, меньше — Средней Оби и среднего и верхнего течения притоков. Количество пригодных для промышленного рыболовства угодий там было ограничено, кроме того традиции использования разнообразных орудий запорного рыболовства оказались очень устойчивыми [Там же. С.32—33]. Нужно отметить, что и в конце XX в. у хантов и манси, живущих в верховьях притоков Оби, продолжают сохраняться те же способы и орудия рыболовства, что были здесь много веков назад [ПМА, № 1555, л.35; № 1721, л.15—16].

2. Охота

В этнографической литературе, посвященной обским уграм, охоте внимания уделялось не меньше, чем рыболовству. Без сведений о ней не обходится практически ни одна публикация дореволюционного периода (за исключением, может быть, узкоспециальных). К числу наиболее важных следует отнести работы А.А. Дунина-Горкавича, в которых материалы об охоте (включая и детальнейшие описания орудий труда) занимают одно из ведущих мест. Не менее содержательны и глава, посвященная охоте в книге М.Б. Шатилова о ваховских хантах, а также работы Л.Р. Шульца. Во второй половине XX в. продолжается изучение охоты локальных групп обских угров (В.М. Кулемзин, Н.В. Лукина, А.И. Пика, Е.П. Мартынова и др.), разрабатывается типология комплексов охотничьих хозяйств (А.В. Головнев).

Охота — это то занятие, на котором, наряду с рыболовством, базировалась экономика населения лесного Зауралья и таежной

полосы Западной Сибири с глубокой древности до этнографически зафиксированной действительности. В пределах Западно-Сибирской равнины не имеется каких-либо существенных преград, препятствующих расселению и миграциям животных. Это «идеальная аккумулятивная равнина со слабым уклоном по долинам Оби и Иртыша» [Смирнов, 1988. С.5]. Но на разных этапах роль охоты была различной, неодинаков ее удельный вес и в системе хозяйственных занятий у конкретных групп населения.

В эпоху неолита, в силу того, что в этот период крайне благоприятными были условия для развития рыболовства, охота занимала второе место в хозяйстве населения Приобья [Эверстов, 1988. С.41]. В лесном Зауралье важную роль играла охота на лося и северного оленя — там было много этих животных, поскольку Уральские горы находились на пути их сезонных миграций с запада на восток. О наличии охоты свидетельствуют находки костей лосей и оленей, каменных и костяных наконечников стрел, деревянных луков, деревянных же скульптурных изображений лосей, а также присутствие в орнаменте на керамике схематических изображений этих животных [Там же. С.30—31]. Но, предположительно, охота на крупных копытных не имела первостепенной важности для населения этих мест. Как уже отмечалось, при ведущей роли рыболовства основной продукт обеспечивал этот вид деятельности. Вероятно, именно при такой системе хозяйства население получало пищевой продукт в большем объеме, т.е., занятие круглогодичным рыболовством и частично охотой было более выгодным, чем только охотой [Там же. С. 119].

Древнее население лесного Зауралья охотилось не только на крупных копытных, но и на водоплавающую птицу, которой должно было быть много на озерах и в поймах рек [Там же. С.31]. Это подтверждается и находками (пос. йсетское Правобережное) мелких галечек — остатков желудков промысловых птиц [Алексашенко, Кернер, 1990. С.30], и наличием сцены охоты на линковую дичь на одной из писаниц Восточного Урала (по В.Н. Чернецову), и находками множества наконечников стрел (роговых, обычно удлиненных, игловидных), возможно использовавшихся (по В.М. Раушенбах) для охоты на водоплавающую птицу [подробнее см.: Косарев, 1984. С.91].

В эпоху бронзы, по мнению М.Ф. Косарева, в лесном Зауралье на первое место выступает охота на лося с помощью длинных изгородей, сооружение которых стало возможным с появлением металлических орудий типа топоров, кельтов, лопаток и пр. [Косарев, 1991. С.61]. Такие изгороди с системой ловчих ям и сторожевых

луков пришли на смену индивидуальным приемам охоты на лесных копытных, характерным для мезолита—неолита [Там же].

Крупные копытные были основным объектом охоты и населения бассейна Конды эпохи позднего энеолита—бронзы. На втором месте шел бобр, а затем — другие мелкие пушные звери и птицы, в том числе и боровая дичь. Охота на копытных производилась с помощью изгородей с ямами-ловушками. Различные ловушки, а также лук и стрелы использовали при охоте на пушных зверей и птиц. На многих памятниках найдены каменные наконечники стрел; видимо, бытовали еще и деревянные и костяные наконечники, не сохранившиеся в песчаном грунте [Кокшаров, 1992. С.6-9].

Наиболее строгое равновесие между охотничьим и рыболовческим промыслами существовало в этот период у населения таежного Обь-Иртышья: зимой здесь занимались главным образом охотой, летом — рыболовством [Косарев, 1984. С.94]. Но, хотя природная среда таежных районов Западной Сибири не была особенно подвержена воздействиям климатических колебаний, запас ее естественного продукта, меньший, чем в соседних областях, специфика водоемов, выражающаяся в наличии замора, не позволяют считать надежными ни охоту, ни рыболовство [Там же. С.92-95; 1991. С.64-65].

В эпоху бронзы, сопровождавшуюся засушливым климатом, произошло перераспределение ролей отдельных видов занятий населения в системе хозяйства конкретных территорий. Так, из-за понижения уровня воды в озерах, заболачивания проток и т.п., следствием чего было обеднение ихтиофауны, стало невозможным интенсивное рыболовство практически на всей территории Нижнего Приоболья. Население вынуждено было искать другие формы хозяйствования, обеспечивавшие: . необходимый пищевой продукт. В лесном Зауралье на первое место вышла охота [Раушенбах, 1956. С.23—24], в Нижнем Приоболье повсеместно появляются скотоводство и земледелие (см. ниже), оседлорыболовческий уклад перемещается на север [Косарев, 1981. С.220—221; 1984. С.108; 1991. С.69].

В переходное время от бронзового века к железному из-за очередного существенного увлажнения климата на Западно-Сибирской равнине происходит сокращение охотничьих угодий в тайге [Косарев, 1987. С.310]. Видимо, это было одной из причин миграций северных таежных групп на юг, в сторону Зауралья, где, судя по археологическим материалам, в этот период охота была ведущим занятием. На памятниках с территории Среднего и

Северного Зауралья среди остатков животных преобладают кости диких — 80—90%. Основными объектами охоты были копытные (93% костных остатков диких видов): лось и северный олень на севере, косуля и лось на юге. С севера на юг численность этих видов менялась, снижалась и роль охоты в хозяйстве населения. В Зауралье, в отличие от Приуралья, незначительной была пушная охота [Косинцев, 1986. С.87—88; Косинцев, Стефанов. 1989. С. 108; Борзунов, 1992. С.86].

В железном веке на территории Нижнего Приобья охота занимала второе, после рыболовства, место [Мошинская, 1965. С.41].

В эпоху средневековья картина практически не меняется. В южной части лесного Зауралья охота стояла на первом месте среди присваивающих отраслей [Морозов, 1982. С.138; Могильников, 1987. С. 167—175], а в более северных его районах была основным занятием [Могильников, 1987. С.179]. Анализ материалов с долговременных поселений показал, что удельный вес пушной и мясной охоты был различным в разных районах Нижнего Приобья. Так, в материалах, относящихся к оронтурскому этапу (VI—IX вв. н.э.), костных остатков лося (среди остатков копытных) — 54%, пушных (без учета костей собаки) — 30%. Более поздний, кинтусовский, этап дает 14 и 20% костей лося (с двух памятников: Шеркалы I-1 и Перегрёное I), 38 и 31% костей северного оленя (среди остатков копытных) и 23 и 40% пушных видов — от всех костных остатков [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.58]. Но из-за сильной раздробленности костей нельзя различить дикую и домашнюю формы оленя, т.е. определить, относятся ли костные остатки к объектам охоты или же это результат забоя домашних оленей.

В Сургутском Приобье имеется большой разрыв между количеством остатков костей северного оленя (42%) и лося (7%), что, вполне возможно, говорит о наличии оленеводства и незначительной роли охоты на крупных копытных, так же как и на пушных: их остатков — 9% [Там же]. Но не исключено, что соотношение остатков костей копытных в пользу оленя свидетельствует о том, что он в это время был основным объектом мясной охоты в данном районе. Можно предполагать также и более высокую роль пушной охоты, чем это показывает костный материал, поскольку на поселения попадали главным образом шкурки зверей [Там же. С.52].

В южнотаежной подзоне охота не играла, видимо, существенной роли — это был район производящей экономики. Основным объектом мясной охоты являлся лось (30.5% костных остатков, в то время как северный олень дает 1.8%). Из пушных животных (2.2%

костных остатков) охотились главным образом на соболя и куницу [Там же. С.59].

О немаловажной роли охоты в хозяйстве населения лесного Зауралья и Нижнего Приобья в эпоху средневековья свидетельствуют еще и найденные на археологических памятниках вещи. Это разнообразные наконечники стрел (железные и костяные), отражающие их специализацию, а также наконечники копий, рожок от лука, ножи, проколки, скребки [Морозов, 1989. С.146]. Кроме того, известны изображения промысловых животных и птиц на различных бытовых и культовых вещах. Из бронзы, реже кости и дерева делали фигурки птиц (гусь, лебедь, глухарь), животных (лось, заяц, медведь, куница, бобр) [Там же].

Способы охоты, орудия, известные по этнографическим материалам, могли формироваться начиная с глубокой древности, поскольку основные виды промысловых животных на территории лесного Зауралья и таежной полосы Западной Сибири существовали там уже к моменту освоения ее человеком, хотя под влиянием различного рода факторов происходило изменение морфологических признаков видов [Косинцев, 1988]. Трудно сказать, насколько это отразилось на формировании охотничьих орудий. Но вот изменение или сокращение ареалов отдельных видов не могло не подействовать на состояние охотничьего промысла.

Уже в эпоху раннего голоцена основным объектом охоты был лось. С севера на юг уменьшалось значение в промысле северного оленя [Там же. С.47]. Еще в древности охотились на лисицу, бурого медведя, соболя, куницу, росомаху, выдру, горностаю, белку, зайца и бобра — главного объекта пушной охоты. Этнографические материалы дают несколько иную картину: они отражают заключительный этап в развитии охоты в системе хозяйственных занятий населения.

Охота на территории лесного Зауралья, Нижнего и Сургутского Приобья издавна развивалась в двух основных направлениях — мясном и пушном, хотя продукция промысла находила гораздо более широкое применение. Так называемая мясная охота ставила основной целью обеспечение населения продуктами питания. В том случае, если по каким-то причинам (незначительный объем добычи, невозможность ее консервации и т.п.) полученный продукт расходовался в короткие сроки и вновь возникала необходимость в его добывании, охота могла/должна была производиться в течение всего года. Основными объектами мясной охоты являлись крупные копытные, водоплавающая птица и боровая дичь, второстепенными — некоторые пушные животные.

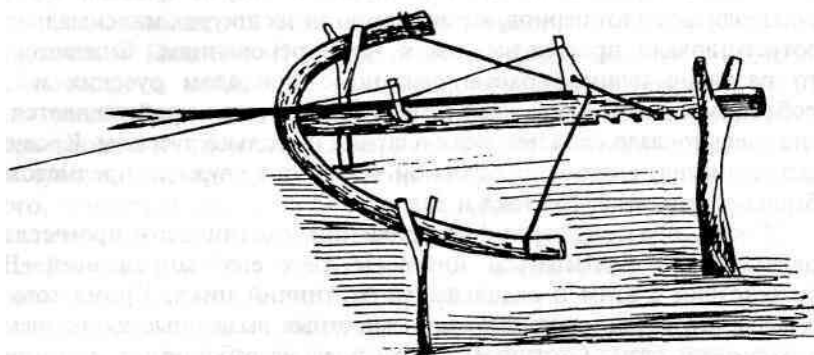
Пушная охота преследовала иные цели — здесь акцент делался на качество продукции. Добыча пушных зверей должна была производиться в тот период, когда состояние их шкурок максимально соответствовало предъявляемым к ним требованиям. Считается, что развитие пушной охоты связано с приходом русских и с необходимостью платить ясак (см. ниже). Но, как представляется, дело здесь гораздо сложнее: ясак платили не только русским. Кроме того пушнина, видимо, с глубокой древности служила предметом обмена со странами Востока и Запада.

Таким образом, при формировании охотничьего промысла должны были учитываться интересы двух его направлений. В соответствии с этим и складывался охотничий цикл. Кроме того, немаловажную роль играли миграции животных, вызванные состоянием их кормовой базы. Охотники, опираясь на выработанные многими поколениями навыки определения мест предполагаемой концентрации зверя [см., например: Федорова Е.Г., 1986б. С. 143], меняли места промысла. В ряде случаев предпринимались попытки улучшения состояния кормовой базы. Например, выжигание хвойных лесов с целью увеличения площади осинников — излюбленных пастбищ лосей [Шухов, 1928. С. 102].

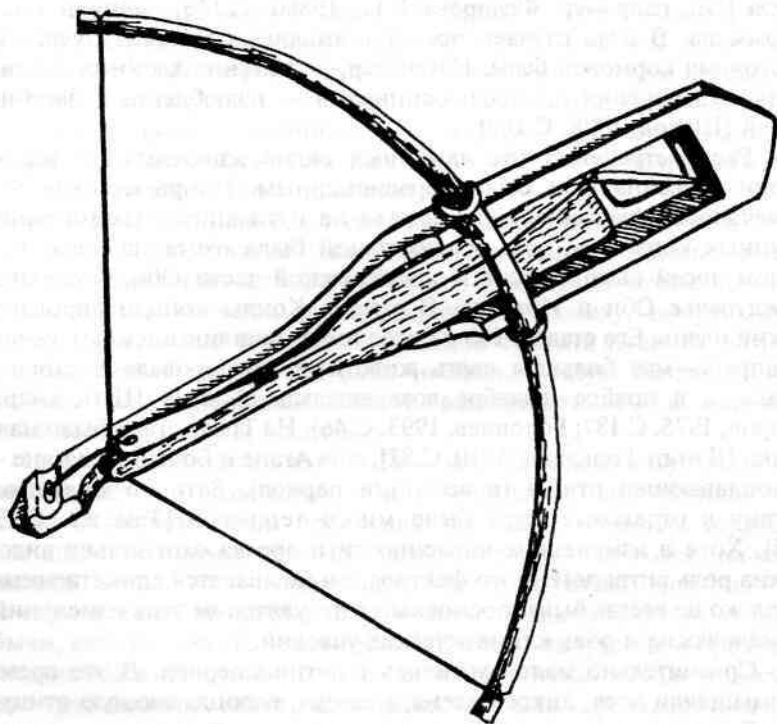
Распространение тех или иных видов животных по территории бассейна Оби было неравномерным. Например, как уже отмечалось, Уральские горы лежали на пути широтных миграций крупных копытных, там продуктивной была охота на лося. И в целом лосей было больше в левобережной части Оби, в таежном междуречье Оби и Иртыша. В районе Конды концентрировался дикий олень. Его стада в 100 и более голов скапливались там зимой. В апреле—мае большая часть животных мигрировала в сторону Урала, а в ноябре—декабре возвращалась обратно [Штильмарк, Азаров, 1975. С.187; Головнев, 1993. С.46]. На Тромъегане было мало белки [Дунин-Горкавич, 1910. С.82], а на Агане и Большом Югане — водоплавающей птицы (в весенний период). Зато по Большому Югану в отдельные годы было много тетеревов [Там же. С.73, 148]. Хотя в изменениях численности и ареала охотничьих видов важна роль антропогенного фактора, он не является единственным и далеко не всегда бывает основным стимулятором этих изменений. Немаловажна и роль климатических условий.

Сравнительно мало охотились в летний период. В это время промышляли лося, дикого оленя, медведя, водоплавающую птицу.

В «комариное» время животные, спасаясь от кровососущих, сидят в воде. Лося, находили, во-первых, по звуку, который он издавал, пережевывая пищу [Паллас, 1786. С.293], во-вторых, по

a

б

Рис. 14: *a* — самострел на лося; *б* — черкан на мелкого пушного зверя.

следам на болотах с сочными травами, куда животные приходили на кормежку в сумерки [Глушков, 1900. С.35], в-третьих, по плавающей в воде шерсти, которую охотник специально выискивал, перемещаясь на лодке по речке [Кулемзин, Лукина, 1977. С.22; ПМА, № 1721, л.18]. Если выстрел охотника оказывался неудачным и лось убежал, его преследовали собаки [Носилов, 1897. С.6]. Этот способ — охота на лося, находящегося в воде, — считался наиболее продуктивным. Но возможен он был только в сильную жару: тогда животные, спасаясь от насекомых, заходили в водоем.

Летом на лося и оленя охотились с собаками по следу. Обычно двух собак было достаточно для того, чтобы задержать зверя до подхода охотника, который приближался с наветренной стороны, чтобы лось его не почуял [Лепехин, 1814. С.91; Глушков, 1900. С.35].

На лосиных тропах настораживали самострелы (рис. 14а), устанавливали петли [Кулемзин, Лукина, 1977. С.22—23].

Охота на медведя носила случайный характер — в летний период. Но на него могли ставить и самострелы — на лесных мысах, вдававшихся в болото, поскольку медведь при переходе через него старается выбирать наиболее узкое место [Дунин-Горкавич, 1911. С.103]. На медведя ставили также кулемы, слопцы, петли [Кулемзин, Лукина, 1977. С.24].

В июле охотились на водоплавающую птицу (в период линьки). Ее загоняли в сети (до 1000 штук в день), которые укрепляли на веревках поперек устья небольших проток [Руденко, 1914. С.6; Чернецов, 1949. С.17]; добывали с помощью лука и стрел

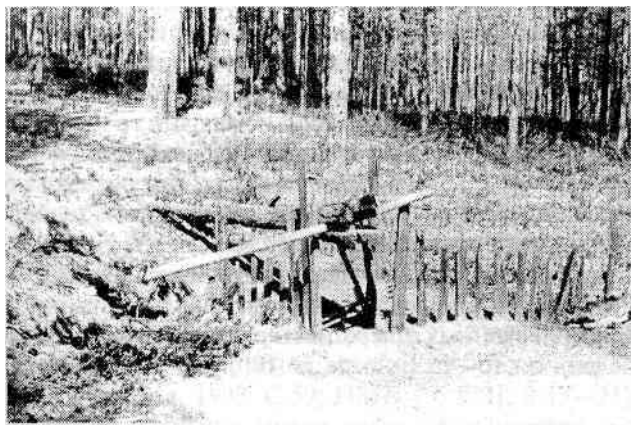

Рис. 15. Слопцы на глухаря. Восточные ханты (Пунси-2).
Фото автора (МАЭ, И-2167-3).

со специальными наконечниками — толстыми, деревянными, с закрепленными на них острыми крючками, или металлическими вильчатыми [Городков, 1913. С.29; Шульц, 1924. С.184]; вспугивали с водоемов, выгоняя в сторону собак, которые давили птицу [Кулемзин, Лукина, 1977, С.28; ПМА, № 1721, л.21].

С середины августа начинался массовый промысел боровой дичи. Заканчивался он с выпадением первого снега. Дичь добывали главным образом с помощью средств пассивной охоты.

На глухаря по краям боров, на гривках ставили слопцы* из тонких бревен в «огороде» из невысоких колышков (рис. 15). На песчаных местах рыли ямы глубиной около 2 м (более широкие в нижней, чем в верхней части), их маскировали тонкими ветками. Между ними устраивали невысокие загороди из деревьев и хвороста, над ямами оставляли узкие проходы для птиц [Ahlquist, 1859. S.54; Шульц, 1924. С.186; ПМА, № 1721, л.21]. Из одной ямы могли вытаскивать до 18 глухарей за один раз. Те же способы использовали и для ловли тетеревов, выбирая для установки ловушек излюбленные ими места: лесные опушки, поляны, вырубки, — где больше ягод [Рахманин, 1934. С.93; Носилов, 1904. С.59; Шульц, 1924. С.185—186], и для ловли рябчиков [Рахманин, 1934. С.93]. На боровую дичь, кроме того, ставили петли, ее били из ружья. Глухарь, например, в заморозки подлетает вплотную к жилищу. Для подманивания рябчика использовали специальные манки из гусяного пера [Инфантьев, 1910. С.127]. Немаловажную роль в тайге играл промысел белой куропатки, которая летом концентрировалась в болотах, а с первым снегом перемещалась к берегам рек и кочевала по прибрежным кустам [Бобринский, 1960. С.156].

Осенью активизировался промысел крупных копытных, там, где для этого была достаточной концентрация животных. На лося охотились в период гона с ружьем и собакой, а на дикого оленя, который приходил к стаду домашних, — с помощью оленя-манщика [Глушков, 1900. С.35, 37]. Нужно отметить, что осенью, когда стоит тишина, на лося охотиться трудно, так как животное хорошо слышит, как охотник идет через лес, задевая кусты. Самым удобным временем для охоты на лося считается день, когда дует сильный ветер [Там же. С.18; ПМА, № 1721, л.18].

На путях сезонных миграций крупных копытных устраивали изгороди длиной 10—15 (иногда до 100) км, в отверстиях которых,

* Описание слопца см.: Дунин-Горкавич, 1911. С. 107.

расположенных через определенные промежутки, настораживали луки или выкапывали ловчие ямы [подробнее см.: Паллас, 1786. С.327; Глушков, 1900. С.36; Дунин-Горкавич, 1911. С.103—104; Чернецов, 1949. С.21—22]. Изгороди с отверстиями устраивали также вдоль рек. Животное, пытаясь подойти к реке, попадало в яму в отверстии-проходе. Ямы маскировались хворостом, они могли быть и неглубокими, в этих случаях в дно втыкали ножи [Глушков, 1900. С.11].

По глубокому снегу удачной была охота на крупных копытных гоньбой на лыжах. Животные увязали в снегу и преследовать их было сравнительно легко.

Наконец, продуктивной была охота на крупных копытных в конце зимы—весной, по насту и гололеду. Охотник обнаруживал зверя и преследовал его. Животному было трудно бежать, проваливаясь все время в снег, твердая корка которого ранила ему ноги. На Конде за весну таким способом могли добывать до 70—80 оленей [Инфантьев, 1910. С.44].

Зимой практически повсеместно поднимали из берлоги медведя, убивая его из ружья или рогатиной [Симонова, 1883. С.62; Инфантьев, 1910. С.119-120; Шульц, 1924. С.184; Чернецов, 1949. С.123; Кулемзин, Лукина, 1977. С.23-24; ПМА, № 1721, л.21].

Осенне-зимне-весеннее время — сезон охоты на пушных животных, основным из которых была белка. По мелкому снегу на нее охотились с собакой, по глубокому — находили по следам, стреляли из ружья или лука. На деревьях на белку ставили черканы (см. рис. 146), плашки, используя в качестве приманки кедровые орехи, грибы, ягоды, рыбу и пр. У гнезда белку ловили и с помощью петли из конского волоса, прикрепленной к концу длинного шеста [Лепехин, 1814. С.22; Ahlquist, 1885. S.164; Глушков, 1900. С.36; Дунин-Горкавич, 1911. С.105; Шульц, 1924. С.185; Сергеев, 1953. С.22; Кулемзин, Лукина, 1977. С.25—27; Кулемзин, 1978. С.122].

Вторым по значимости объектом пушной охоты был соболь. Но его распространение ограничено. Соболь обитает в темно-хвойной захламленной тайге. По неглубокому снегу на него охотились так же, как и на белку. На соболя ставили ловушки, сетевые мешки у гнезда, широко была распространена охота обметом — с помощью длинной сети, которой огораживали пространство вокруг соболиной норы. Зверька выгоняли из нее, он запутывался в сети и его убивали [Кулемзин, Лукина, 1977. С.27—28; Федорова Е.Г., 19866.С.146; Головнев, 1993. С.59; ПМА, № 1721. л.17-21].

Еще меньшее значение имела охота на горностаю, колонку, лисицу, росомаху. Этих животных было сравнительно мало, в

отдельные годы их численность снижалась в силу экологических обстоятельств. Например, в годы больших разливов Оби после спада воды резко уменьшается количество мышей, которыми питаются горностаи, лисы, колонки. Кстати, «большая вода» неблагоприятно отражается на приросте пушных зверей, особенно зайцев: гибнет много молодняка, загнанного на небольшие островки [Бобринский, 1960. С.156].

Охота на этих животных осуществлялась преимущественно с помощью ловушек: на горностаю ставили черкан, на лисицу настораживали самострел (осенью, когда замерзали мелкие ручьи, по которым в основном и держится лисица). Самострелы ставили на самой кромке берега [Дунин-Горкавич, 1911. С.103]. На лису охотились также с луком и стрелами (с металлическим вильчатым наконечником) или ружьем [Кулемзин, Лукина, 1977. С.25]. Особый интерес представляет один из способов охоты на лис — верхом на лошадях, насколько можно судить, не являвшийся исключением. Так охотились манси и ханты Конды, Салыма, низовьев Северной Сосьвы и прилегающей к ней части Оби [Шульц, 1926. С.35; ПМА, № 1614, л.75; № 1698, л.82; № 1721, л.21]. Есть сведения, что для такой охоты держали специальных лошадей [ПМА, № 1698, л.82].

На зайца ставили петли, его ловили слопцами (теми же, что и куропатку), установленными на опушке леса или в тальниках, петлями и кулемами [Дунин-Горкавич, 1911. С. 107; Чернецов, 1939. С.21; Сергеев, 1953. С.22; Кулемзин, Лукина, 1977. С.24].

Особняком стоит охота на водяных пушных животных — выдру и бобра. Во-первых, их распространение было более ограниченным. Особенно это относится к бобру, который, как уже говорилось выше, судя по археологическим материалам, был в древности основным объектом пушной охоты, но впоследствии из-за резкого сокращения численности популяции сосредоточился лишь в отдельных районах. Во-вторых, охота на выдру и бобра производилась не только зимой, но и летом.

Шкурки бобра ценились относительно дешево, видимо, более важным было получение бобровой струи, которая широко была известна как универсальное лекарство, а также как средство для окуривания (очищения). На бобра охотились с копьем, подстерегая плывущих на плотках животных [Инфантьев, 1910. С.126—127], или ставили плетеные ловушки (типа рыболовных) у хаток и кормовых площадок.

Бобры очень ценились (нужно сказать, что бобр считался еще и тотемом некоторых родов хантов и манси) и охранялись. Например, в конце XIX—начале XX в. на территории верховьев Конды и

Северной Сосьвы, где водились бобры, не допускали никого из посторонних, известны даже факты убийства случайных охотников за бобрами [Чесноков, 1993. С.21].

На выдру ставили самострел — зимой на льду рек, у проруби, которую животное пробивало для того, чтобы выйти из воды, в другое время года — на месте выхода из воды, обычно около большого кедра или сосны. Охотились также с ружьем и собакой, причем собака могла вытащить выдру из полыньи, схватив ее за нос, когда та высовывалась, чтобы набрать воздух [Дунин-Горкавич, 1911. С.103; Кулемзин, Лукина, 1977. С.28; ПМА, № 1721, л.17, 20].

Время активного занятия охотой заканчивалось с прилетом птиц (приблизительно за две недели до вскрытия рек) промыслом водоплавающей птицы, длившимся 3—4 недели и осуществлявшимся с помощью сети-перевеса или кыска^а (ниже перевеса) [подробно о перевесе см.: Ahlquist, 1885. S.216; Инфантьев, 1910. С.184; Руденко, 1929; Vilkuna, 1973]. Это очень продуктивный способ охоты — сетью накрывается сразу много птиц, но возможен он только там, где есть подходящие просеки и перешейки. На диких уток ставили пленки (петли из конского волоса, прикрепленные к веревке, натянутой между кольями, воткнутыми в дно озера (рис.16)), при этом в качестве приманки использовались чучело или живая утка [Инфантьев, 1910. С.57—58]. На гусей и лебедей охотились весной

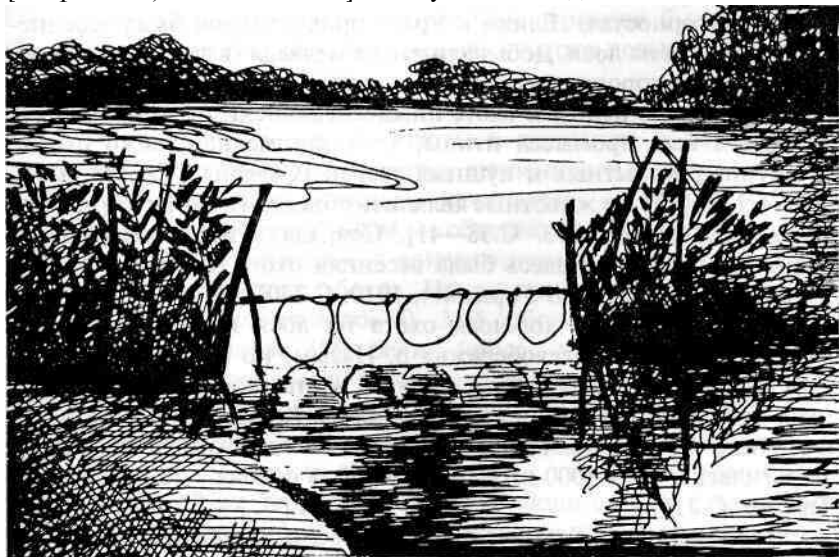

Рис. 16. Петли на утку.

с ружьем, устраивая на берегу так называемые станки (шалаша над ямой), около которых ставили чучела или только что убитых птиц. Гусей и лебедей подманивали на расстояние выстрела с помощью специальных берестяных манков [Руденко, 1914. С.6; Сергеев, 1953. С.23].

В самых низовьях Оби охотились на белуху, которая еще в начале XIX в. доходила до р. Куноват [Мошинская, 19536. С.82]. Этот промысел носил случайный характер, зверя добывали во время рыбной ловли [Головнев, 1993. С.39].

Как уже отмечалось, возможности охотничьего промысла, и мясного, и пушного, были неодинаковы в разных районах Обского бассейна — в зависимости от состояния биоресурсов. Например, очень развитой была охота на Малой Сосьве. Здесь промышленляли лося, соболя, тетерева, дикую утку. На р. Вогулка (левый приток Северной Сосьвы недалеко от впадения ее в Обь) осенью ставили слопцы на боровую дичь, добывая по 200 и более штук на семью. Зимой молодежь охотилась на белку (на человека за сезон приходилось по 100—300 штук), изредка капканами ловили лисицу, весной перевесом добывали уток (по 100 штук на человека). Охота на лося и оленя здесь была ограниченной [Дунин-Горкавич, 1910. С.296, 301].

Ляпинские, средне- и верхнесосьвинские манси уделяли много внимания пушной охоте (белка, соболь), попутно добывая лисицу, росомуху, горностаю. Ближе к Уралу продуктивной была весенне-осенняя охота на лося. Добывали также медведя (в зимний период), повсеместно хорошие результаты давала охота на боровую и водоплавающую птицу. В охоте нижнесосьвинских манси наиболее значимым был промысел птицы, хотя занимались также охотой на крупных копытных и пушных зверей [Северная Сосьва, 1992. С.19—21, 25]. Те же животные являлись объектами охоты казымских хантов [Касум-ёх, 1993. С.38—41]. Совпадали и способы охоты. Очень продуктивной здесь была весенняя охота на утку (200—500 штук на семью) [Дунин-Горкавич, 1910. С.240].

До 1890-х годов хорошая охота на лося и оленя по наступу была на территории левобережья р. Назым, но потом в бассейне этой реки стала преобладать пушная охота, хотя, видимо, и не такая продуктивная, как в других районах. Кроме того, ее размеры постоянно уменьшались. Добыча белки на одного охотника в год сократилась с 400—1000 штук до 60—100, а соболя с 10—30 до 1—2 [Там же. С.216].

В бассейне р. Балык не было соболя. Здесь охотились на белку, лисицу, зайца, а также оленя [Там же. С.177]. В низовьях

реки Большой Салым охотой занимались мало. Там промышляли лисицу и белку. Ханты, жившие выше по течению, охотились на белку, соболя, лося, оленя. В начале XX в. жители всех населенных пунктов, расположенных по Большому Салыму, ежегодно добывали около 4000 штук белки, более 100 — соболя, 150 — лося и 50 — оленя [Там же. С.187—197].

Юганские ханты охотились на белку, соболя, лося, оленя, в низовьях реки, где активно занимались рыболовством, — только на белку [Там же. С. 146—147]. На р. Пим наиболее значимой была охота на белку, тетерева [Там же. С. 102], на Тромъегане вообще было мало промыслового зверя и птицы, охотники вынуждены были уходить на другие территории [Там же. С.82], на Агане добывали белку, лисицу, выдру, лебедя, боровую дичь (водоплавающей здесь было мало) [Там же. С.72—73], на Вахе — белку, колонка, горностая, лисицу, выдру, зайца, медведя, а в верховьях — лося, оленя, песца и соболя [Шатилов, 1931. С.145]. Особенно много там было белки (добывали 175—220 тысяч ежегодно) [Дунин-Горкавич, 1910. С.44].

Неодинаковое распространение получили и некоторые способы охоты и ловушки. Например, в бассейне Агана не применяли перевеса (при незначительной численности объекта охоты это не имело смысла), на Тромъегане не ставили слопцы и черканы, на Югане слопцами не ловили зверей [Там же. С.73, 82, 146]. Вообще у хантов правых притоков Средней Оби черканов было мало — 10—15 штук на охотника, в то время как у хантов левых притоков — до 100 штук [Там же. С. 105].

На протяжении всей истории различной, как уже говорилось, была роль мясной и пушной охоты в промысле в целом. Интенсивное развитие пушной охоты, вызванное в первую очередь необходимостью уплаты ясака, начинается с конца XVI в. Основным — наиболее ценным — объектом ясака первоначально был соболь. Но постепенно, с сокращением его численности, на первое место выдвигается белка. Например, в бассейне Северной Сосьвы в XVII в. было «изъято» 30—35% соболя (общая численность 10—12 тысяч) и около 10% белки (общая численность 320—400 тысяч), из этого количества на уплату ясака пошло 500—600 штук соболя и 15 тысяч штук белки [Пика, 1981. С.162]. Нужно отметить, что численность всех охотничьих видов начинает сокращаться с XVII—XVIII вв. [Кириков, 1966]. Вместе с тем, установлено, что в XVII в. на той же территории добыча аборигенным населением соболя превышала цифру сданного ясака приблизительно в 2—5 раз, добыча белки — в 2—3 раза [Пика, 1982. С.13]. В это

время состояние биоресурсов обеспечивало как «обязательную» (для уплаты ясака), так и «необязательную» (для обмена и торговли) пушную охоту, причем последняя превышала первую по размерам.

Установленные первоначально правительством ограничения на частную торговлю были отменены фактически и юридически в конце XVIII—первой четверти XIX в., поскольку в течение всего периода их действия они постоянно нарушались как чиновниками так и купцами [Мартынова, 1989. С.116—117]. Таким образом, коренное население было заинтересовано в получении прибавочного продукта и в сфере охотничьего промысла, а, следовательно, и в интенсификации последнего. Переход к охоте на белку, дальнейшее развитие этого промысла потребовали освоения новых охотничьих* территорий (светлохвойной тайги), что, в свою очередь, послужило толчком к распространению транспортного оленеводства [Пика. 1982. С.14; 1988. С.138] и отразилось на образе жизни населения (см. ниже).

При всех изменениях в сфере охотничьего промысла он всегда выступал в двух формах: активной и пассивной. Его развитие шло по линии появления новых типов орудий и совершенствования старых [Ермолов, 1983. С.191]. Активная форма охоты — обнаружение и преследование зверя — существовала уже в эпоху палеолита: в условиях открытых ландшафтов (леса в это время не было) охотники* легко находили пасущихся зверей. По аналогии с естественными» ловушками (обрывы, овраги), которые использовались при загонной охоте, вероятно, в это же время возникают и ямы — средство уж< пассивной охоты [Там же. С.193], хотя, видимо, первоначально имел место смешение активной и пассивной форм охоты, сохранившего кое-где и до настоящего времени: охотники специально тащ< животных туда, где были ловушки [Там же. С. 194].

Ямы располагались на незаливаемых паводком бороздах, террасах, параллельно берегу реки, в ложбине между возвышенностями. Их выкапывали как по прямой линии, так и по дуге. Известные по археологическим раскопкам системы ям включают от 2 до 20 впадин. Их размеры различны: 5—6 м в диаметре на территории Зауралья и прилегающих к нему районов Западной Сибири до 1.5—3 м в бассейне Казыма [Кокшаров, 1993. С. 162—165]. Но в бассейне Казыма обнаружены самые протяженные комплексы (700—800 м) с многочисленными ловушками, в то время как ближе к Уралу (верховья Конды) фиксируются самые короткие, с небольшим количеством ям, что обусловлено, видимо, особенностями рельефа местности [Там же. С. 163]. Хотя, возможно, мелкие ямы использовались для охоты не на копытных животных, а, например

на боровую дичь. Для уточнения этого вопроса необходимо дальнейшее сопоставление археологических и этнографических материалов.

Следующим этапом в развитии пассивной охоты было возникновение изгородей. Для этого требовалось наличие подходящего материала (ветви кустов, деревья) и орудий труда, с помощью которых можно рубить деревья. Таким образом, строительство изгородей стало возможным, видимо, только с распространением лесов и, кроме того, оно послужило толчком дальнейшему развитию рубящих орудий. И с эпохи раннего голоцена роль каменных рубящих орудий возрастает [Эверстов, 1988. С.23]. Формирование способа охоты с помощью изгородей могло происходить, видимо, в районе Урала. Во-первых, через него проходили пути сезонных миграций крупных копытных — основного объекта охоты с помощью изгородей, — во-вторых, здесь имелись запасы камня, служившего сырьем для изготовления орудий.

Известны два варианта изгороди: городьба (специально построенная изгородь из жердей) и засека (препятствие из поваленных деревьев) [Ермолов, 1978. С. 125]. Видимо, первоначальным вариантом изгороди была засека. Она более проста по своему устройству, и делали ее обычно в местах перекочевок животных. Усовершенствованный вариант засеки — городьба — мог формироваться, скорее всего, в тот период, когда появились и более совершенные орудия труда, т.е. в эпоху металла. Городьбу устраивали вдоль рек или по краю леса, иногда она тянулась на десятки километров.

Более поздним, по сравнению с ямами, орудием пассивной охоты является лук-самострел. Его возникновение, вероятно, относится к эпохе неолита — времени формирования лука [Окладников, 1950. С.234]. Наибольшее распространение самострел получил в зоне вечной мерзлоты, где трудно было копать глубокие ямы, и в предгорьях — там устройству ямы соответствующей глубины мешало то, что к поверхности земли близко подходили коренные породы [Ермолов, 1978. С. 128]. Развитие самострела могло идти, видимо, по линии совершенствования настораживающего устройства, к сожалению, это развитие нельзя проследить из-за отсутствия материалов.

Не менее древними, чем ямы, считаются и петли на зайцев [Ермолов, 1983. С. 194]. В эпоху неолита могли появиться и новые самоловные орудия, но их развитие связывается уже с эпохой металла [Там же. С.195—196].

Относительно времени происхождения большинства орудий пассивной охоты существует большой разброс в мнениях — от

последнедикого периода до времени прихода русских [подробнее см.: Ермолов, 1983. С.196—197; Головнев, 1993. С.66—67]. Но нельзя не согласиться с позицией указанных авторов, считающих, что коренное население использовало ловушки до прихода русских хотя могло заимствовать у них более совершенную технику охоты на пушного зверя [Ермолов, 1983. С.197; Головнев, 1993. С.66]. Развитие охотничьего промысла повлекло за собой расширение территории охотничьих угодий, где можно было ставить дополнительные стационарные ловушки — ямы, пасти, кулеми и другие (классификация Л.Б. Ермолова). В сочетании с переносными (самострелы, черканы, петли и др.), количество которых могло увеличиваться на единицу площади, они обеспечивали максимальную эффективность охоты, но в то же время устанавливали определенный «график» промысла, поскольку ловушки нуждались в регулярной проверке. При установке ловушек, помимо чистых экологических условий, стали учитывать еще и особенность маршрута охотника — по возможности сооружали их на путиках (охотничьих тропах). Охотничьи маршруты приобретали четкую направленность: на строго ограниченной территории они располагались по замкнутой кривой, чтобы охотники, проверяя ловушки, возвращались к изначальному месту своего пути, где и формировался условный оседлый центр [Ермолов, 1983. С.199]. Подобная система вполне могла развиваться в среде оседлого рыболовецкого населения: на ограниченной территории реально сочетание стационарных охоты и рыболовства не только в пространстве, но во времени.

Пассивная форма характерна преимущественно для охоты мясной направленности: она обеспечивала большие запасы мяса крупных копытных и дичи, поскольку стационарные ловушки устанавливали главным образом на этих животных. Но ловушки использовали и при охоте на пушных зверей. Хотя в этом случае шкурка не повреждалась, что могло быть, если в зверька стреляли из ружья, охотник иногда лишался добычи, так как существовала опасность со стороны хищных зверей, например, росомых, которые проникали в ловушку и уничтожали попавшего в него зверька, если охотник не успевал вовремя его вытащить. Поскольку пушник необходима была для шитья одежды (насколько широко обскуры использовали для этой цели олениный мех до появления у него оленеводства, сказать трудно), служила основной единицей обмена с глубокой древности, можно сказать, что пушная охота играла немаловажную роль еще до прихода русских, хотя именно с этого связывается начало формирования пушного промысла как особого

отрасли хозяйства коренного населения Северо-Западной Сибири [Головнев, 1993. С.68]. Несмотря на то, что не определяются размеры пушной охоты до прихода русских и появления документов, на основании которых эти размеры реконструируются, она все же имела черты специализированного промысла и для ее ведения требовались соответствующие орудия, в первую очередь, видимо, все те же ловушки. Естественно, в данном случае не идет речь о капкане — позднем изобретении, которое не имеет этнической окраски и внедрялось повсеместно.

Среди орудий активной охоты самым древним является копье. Его применяли при охоте на медведя. У обских угров не бытовало такое достаточно широко распространенное у населения таежной зоны орудие, как пальма. Она фиксируется только у восточных хантов в конце XIX в. [Лукина, 1972. С.6], что можно расценивать как влияние тунгусов или кетов. *

Как уже отмечалось, с глубокой древности используется и лук. Кремневые наконечники стрел известны по раннеэолитическим материалам, но широкое распространение они получают значительно позднее. Предположительно, лук применялся в эпоху неолита для охоты на крупного зверя [Чернецов, 1971. С.83]. Но, видимо, из-за широкого распространения ловушек он никогда не имел особо существенного значения — изображения ручного лука нет на писаницах [Там же. С.76], правда, он присутствует среди тамг обских угров XVII в. и даже является самым распространенным знаком у манси [Симченко, 1965. С.27], хотя в последнем случае лук, возможно, следует рассматривать не как охотничье, а как боевое оружие.

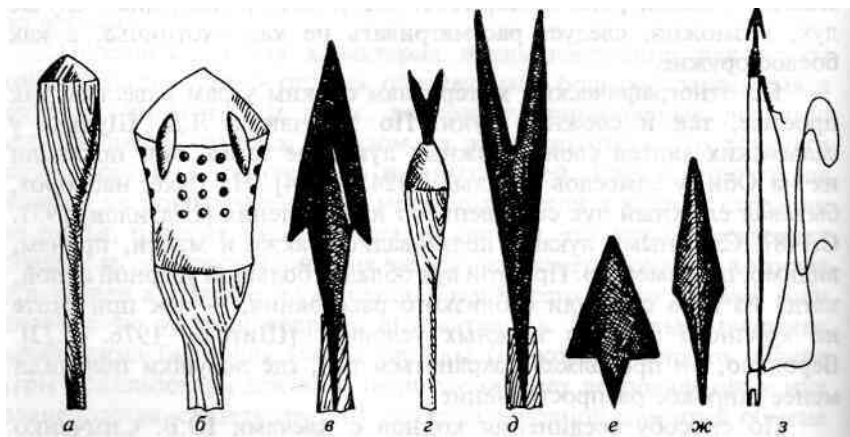
По этнографическим материалам обским уграм известны как простые, так и сложные луки. По замечанию Л.Д. Шульца у салымских хантов своих сложных луков не было, они покупали их на Оби, у самоедов [Шульц, 1924. С.184]. На Вахе, наоборот, бытовал сложный лук собственного изготовления [Шатилов, 1931. С.148]. Сложными луками пользовались также и манси, причем, видимо, повсеместно. Простой лук обладал большой ударной силой, когда из него стреляли с близкого расстояния, — как при охоте на крупного зверя в таежных условиях [Шитова, 1976. С.73]. Вероятно, он продолжал сохраняться там, где ловушки получили менее широкое распространение.

По способу соединения концов с плечами Ю.Б. Симченко выделяет два типа сложных луков у населения таежной полосы Сибири, происхождение которых связано, видимо, с одним центром [Симченко, 1976. С.133—134]. Определенную роль в формировании

или распространении западносибирского типа сложного лука могло сыграть саргатское население, которое, судя по археологическим материалам, в I в. до н.э.—I в. н.э. знало сложный лук, похожий на таковой из гуннских памятников Забайкалья и Памира [Могильников, 1972. С.74]. Видимо, общей основой объясняется и отмеченное Ю.Б. Симченко сходство поздних монгольских луков с луками западносибирского типа [Симченко, 1976. С. 135].

Не позднее, чем к началу 2-го тысячелетия н.э. сложные луки распространились до низовьев Оби [Чернецов, 1957. С.233]. Но простой лук, усиленный дополнительными планками, был известен на территории тайги и тундры Северной Сибири и Европейского Севера с давних пор [Симченко, 1976. С.133—134]. Видимо, ему предшествовал простой лук, сохранившийся в качестве детали самострела до этнографической действительности. О том, что лук существовал в глубокой древности, свидетельствуют и названия лука, тетивы, стрелы — они относятся к лексическому слою уральского происхождения [Редей, Эрдеи, 1974. С.408—409].

На протяжении всей истории охотничьего промысла вырабатывались специализированные формы наконечников стрел (рис.17). Так, на белку, других мелких зверей, птицу удобно было охотиться со стрелой-томаром, которая имеет тупой наконечник в форме неправильного овала (в продольном сечении). Его делали из дерева (вырезали из одного куска вместе с древком) или кости (и насаживали на древко). Размеры и пропорции подобных

гас. 1/. наконечники стрел

(а, б — на белку, птицу; в — на крупных зверей; г — на лисицу и зайца; д — для самострела; е — для самострела на медведя; ж — на оленя, медведя, лисицу, зайца); з — стрела для самострела на выдру.

наконечников могли варьировать. Тупой наконечник был удобен тем, что не повреждал шкуру зверька — следовательно, его формирование и развитие должно быть связано с процессом развития пушной охоты. Не исключено, что в его основе лежат биконические наконечники стрел. Они обнаружены на мезолитических стоянках Среднего Зауралья [Сериков, Старков. 1989. С. 140; табл. 89-8, 9]. Известные по этнографическим материалам варианты тупых наконечников существовали, по крайней мере, в эпоху железа [см. Мошинская, 19536. Табл. 1—14-17].

Листовидные наконечники стрел, которые у обских угров служили для охоты на боровую и водоплавающую птицу, делались из металла. Но их форма восходит к форме каменных наконечников стрел, которые были известны в эпоху энеолита [Эпоха бронзы, 1987. Табл. 89-3], а может быть, еще и раньше.

Достаточно широко обские угры использовали стрелы с вильчатыми наконечниками. Они применялись преимущественно при охоте на водоплавающую птицу [РЭМ, кол. оп. 1710-12, 13; Шульц, 1924. С. 184], а также для стрел в самострелах. Появление этого наконечника, вероятно, следует связывать с эпохой железа, так как его форму трудно воспроизвести в каких-либо других материалах. Вместе с тем, название вильчатого наконечника, зафиксированное на Югане, Конде и Пельше, включает в себя слово *йорн* (ненецкий), что указывает на заимствование от самодийцев [Vilkuna, 1950. S. 358].

В этнографии обских угров известны и так называемые «шипастые» наконечники. Их использовали при охоте на пушных зверей, в частности, на выдру, с самострелом. Предположительно, эти же наконечники были и на боевых стрелах. Данная форма на территории Нижнего Приобья зафиксирована еще в усть-полуйских материалах [Мошинская, 19536. Табл. П-1—7], т.е., ее нужно считать достаточно древней.

Как отмечал В.Н. Чернецов, «применение тех или иных типов наконечников жестко определяется техническими условиями охоты на различных птиц и животных в тех или иных условиях, и отклонений от веками выработанных приемов не бывает» [Чернецов, 1971. С. 70]. Основные формы наконечника, сложившись в глубокой древности [см., например: Vilkuna, 1950], могли дополняться незначительными деталями (различные выступы, главным образом в нижней части наконечника), которые улучшали технические показатели стрелы. Важно отметить, что все известные в этнографии наконечники стрел обских угров — черешковые, что характерно для таежного населения.

Судя по всему, на протяжении длительного времени наконечники стрел выполнялись из кости. Костяные наконечники преобладают в Усть-Полуе (в сочетании с бронзовыми при отсутствии железных) [Мошинская, 1953б. С.74], их множество на археологических памятниках эпохи средневековья [Могильников, 1987. С.167, 172, 205]. Но в позднем средневековье на территории Нижнего Приобья на первое место выходят металлические наконечники стрел [Там же. С.211].

По мнению З.П. Соколовой, «разные народы, имеющие более чем тысячелетнюю историю охоты и рыболовства, могли самостоятельно выработать специализированные, достаточно сложные типы наконечников стрел» [Соколова, 1980. С.100]. Но, как считает тот же автор, существовали и общие, в частности для уральской группы народов, типы орудий охоты, возникшие в период их единства [Там же]. Если сравнивать наконечники стрел обских угров и других народов таежной полосы Сибири, то обнаруживается практически полное совпадение. Наконечники той же формы использовались при охоте на тех же зверей у селькупов [Пелих, 1972. С.125. Табл.ХІХ—ХХ], кетов [Алексеев, 1967. С.54—55], чулымских тюрков [Тюрки таежного Причудымья, 1991. С.42—43], эвенков [Василевич, 1969. С.63], народов Амура [Смоляк, 1984. С.89—90]. Более того, подобные же наконечники стрел применяло при охоте и население лесной полосы Европейской части России [Шитова, 1976. С.73—74]. Таким образом, выявление этнопоказательных признаков наконечников стрел на уровне формы затруднительно. К числу этих признаков нельзя отнести и материал, из которого делались наконечники. Наиболее заметные различия в наконечниках стрел у разных народов наблюдаются в области пропорций, а также тщательности обработки. То же можно сказать и по поводу сложных луков.

Распространяясь, видимо, из одного центра, которым, в частности, считают Центральную Азию [см., например: Пелих, 1972. С. 165], исходная форма лука получает выражение в двух типах, один из которых, по мнению Ю.Б. Симченко, оказался в Западной Сибири с самодийцами или кетами, другой — в Восточной Сибири с тунгусоязычными народами [Симченко, 1976. С. 135]. В Западной Сибири, как отмечает Г.И. Пелих, «селькупы имели более сложный и сильный лук, чем большинство остальных народностей Западной Сибири, более развитых, чем они во всех других отношениях» [Пелих, 1972. С.165]. Е.А. Алексеев отмечает, что «кетский лук... славился на всем Енисейском Севере...» [1967. С.54]. Г.И. Пелих, со ссылкой на В.Н. Чернецова, предполагает отсутствие у обских

угров, в частности, у хантов, распространенного среди селькупов сложного лука, сделанного из трех пород дерева [Пелих, 1972. С.22]. Но такой лук фиксируется у манси, в качестве охотничьего и боевого [Руденко С.И. Уфы и ненцы... Арх. СПб. Филиала РАН, д.67, л.59—60]. Если можно допустить появление подобного лука у обитавших рядом с селькупками групп хантов в результате контактов между ними, то его проникновение таким же путем к манси, жившим на значительном расстоянии от селькупов, вряд ли возможно. Нельзя не учитывать и того, что, как отмечает Г.И. Пелих, селькупский охотничий инвентарь был довольно примитивен, не отличался от такового у других народов, да и охота в целом у этого народа на первое место вышла лишь в последнее столетие [Пелих, 1972. С. 165]. Следовательно, сложный лук, из трех пород дерева должен был распространяться по всей таежной полосе, а не только по селькупско-кетскому ареалу. Если же иметь в виду характер происходивших на территории лесостепной и таежной зоны Западной Сибири исторических процессов периода железа—раннего средневековья, в результате которых в тайге и могло оказаться население, распространившее сложный лук, то, как представляется, лук в первую очередь следует считать боевым, а не охотничьим оружием, тем более, что простой лук, употребляемый в самострелах, мог возникнуть самостоятельно у любого народа тайги или тундры. По имеющимся материалам, трудно судить, каков был удельный вес ручного лука в охотничьем инвентаре в целом у обских угров до появления у них ружья.

Распространяясь по таежной зоне из единого центра, сложный лук не доходит до народов Нижнего Амура [Смоляк, 1984. С.88]: там охотники пользуются простым. Вероятно, потребности охотников вполне удовлетворялись простым луком и различными средствами пассивной охоты. Возможно, здесь существует связь между образом жизни населения и наличием или отсутствием сложного лука: каждое орудие стремится к оптимальному выражению всех своих показателей, и, если лук оказывался наиболее важным орудием охоты, он совершенствовался до необходимых пределов. Но на первом месте лук, вероятно, мог оказаться у кочевого или полукочевого населения, оседлое же предпочитало пользоваться средствами пассивной охоты, выявление этнопоказательных признаков которых также представляет собой большую сложность.

Несмотря на то, что существует достаточно много описаний приемов и средств пассивной охоты, может быть, не столь подробных, как хотелось бы, и не всегда представляющих в полном объеме всю широту явления, поиски направлений, в которых можно было бы сравнивать эти приемы и средства у разных народов,

всегда затруднительны. Довольно часто невозможно установить, под влиянием каких причин формировался тот или иной признак, воспринимаемый исследователями как характеристика этноса. Например, манси настораживали самострелы по обеим сторонам изгороди, а другие народы — по одной. Это явно диктовалось особенностями местности, где устанавливались сами изгороди, но вопрос в том, как стали бы настораживать самострелы эти народы, если бы им пришлось переселиться в другую местность.

Распространение сложного лука и различных ловушек, вероятно, можно сравнивать с распространением ружья и капканов: соответствующие по функциям самодельным, сложившимся на базе векового опыта населения орудиям охоты, они воспринимались населением, независимо от его этнической принадлежности. Получается, что собственно конструкция предмета в данном случае не имела знаковой окраски, запрещающей заимствование вещи. Естественно, любая чужая вещь первоначально воспринимается с опаской, но когда осознаются ее функциональные преимущества, она становится своей (только если она не имеет каких-либо качеств, запрещающих ей стать своей).

Ружья у обских угров стали распространяться с начала XIX в. Это сопровождалось формированием комплекса предметов, необходимых охотнику на промысле: пороховницы (рис. 18), мерки для пороха (рис. 19), специальные сумки и мешки.

На рубеже XIX—XX вв. среди ловушек преобладающими становятся капканы [Головнев, 1993. С.56]. Древность же самодельных ловушек, наряду с тем, что было сказано об их происхождении выше, подтверждают и лексические материалы. Некоторые названия ловушек (силок, слопцы) обских угров обнаруживают параллели в языках других народов, относящихся к

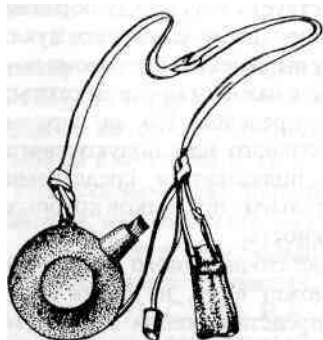

Рис. 18. Перевязь охотника.

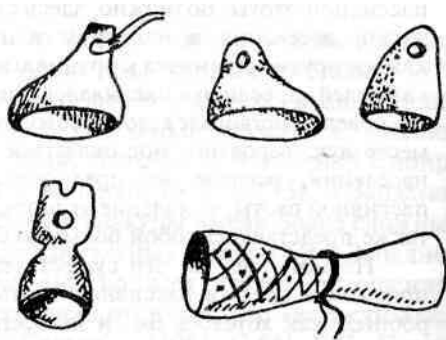

Рис. 19. Мерки для пороха

той же языковой семье [Краткий этимологический словарь коми языка. С.165, 185]. Нужно отметить, что и вообще промысловая лексика (в частности, мансийская) в своей основной части восходит к общеуральскому и общефинно-угорскому пластам [Герасимова, 1988. С.15]. Но в ряде случаев терминологическое сходство объясняют заимствованием. Это относится к названию сети для ловли соболя (*кась*) — и данный прием считается заимствованным от коми [Жеребцов, 1982. С.185].

Особое место среди способов охоты обских угров занимает загонная охота на лис, верхом на лошади, явно имеющая не местное происхождение. Такой способ не мог зародиться среди таежного населения, он требует, с одной стороны, наличия достаточно развитого коневодства, с другой — обширных свободных пространств. Облавная охота известна ряду тюркоязычных народов Западной и Южной Сибири: хакасам, барабинским татарам [Бутанаев, 1989. С.132; Селезнев, 1991. С.7; 1994. С.36], а также степным скотоводам. Объектом облавной охоты у этих народов, кроме лисицы, был еще и волк. Из-за того, что материалы по охоте на лис верхом на лошади у обских угров крайне незначительны, отсутствует ее детальное описание, нет возможности выявить общие и особенные черты этого способа у разных народов, что помогло бы определить тот этнический элемент, с которым данный способ мог проникнуть в таежную зону, а также время его появления там.

Естественно, отсутствие больших свободных пространств в тайге резко ограничило применение способа охоты верхом на лошади. Интересно, что сейчас на лис иногда там, где есть свободные пространства, охотятся на «Буранах» [ПМА, № 1721, л.19], в чем можно усмотреть отголоски древнего способа.

Охота обских угров была как индивидуальной, так и коллективной, причем последняя проводилась не только на мясных, что имело место еще в глубокой древности, но и на пушных зверей. Например, при коллективной охоте на соболя после ее окончания делили шкурки. В том случае, когда добывали только одного соболя, между охотниками распределяли вырученные за шкурку деньги [ПМА, № 1721, л.19]. Но чаще коллективной была охота мясной направленности. В частности, на лося зимой охотились от 2 до 7 человек, в зависимости от того, сколько людей оказывалось на стоянке охотников. По их числу и делили добычу. На Большом Югане охотники предварительно договаривались о том, кому какая часть туши лося достанется. Тот, кто получал голову, устраивал специальный праздник [Там же, л.19, 21]. Существуют сведения и

о том, что удачливые охотники помогали бедным [см., например: Симонова, 1883. С.25].

Анализ данных по охоте обских угров позволил разработать типологию охотничьих циклов на конец XIX—начало XX в. [Головнев, 1986, 1993], где основными признаками типа служат сочетание способов и средств промысла, а также географическая обособленность, соотношенная с природной зональностью. Выделяются следующие типы: таежный, таежный предуральский, северотаежный и лесотундровый. Первый из них характеризуется среднетаежным вариантом охоты на лося и оленя (загон по насту, «тормование» в летний период, промысел с собаками во время гона, использование небольших изгородей с настороженными луками, петлями, ловчими ямами), таежным беличьим типом пушного промысла (с акцентом на промысел белки при сохранении определенного значения добычи лисицы, соболя, выдры, горностая, росомахи); сочетанием активных приемов — отстрел с помощью собаки или без нее — и пассивных — установка черканов, петель на белку; черканов, сетей и самострелов на соболя; капканов, слопцов, кляпцов и самострелов на лисицу; черканов на горностая; капканов и самострелов на выдру, рожинов, самострелов и капканов на росомаху; таежным вариантом охоты на мелкого зверя и дичь (с круглогодичным циклом промысла мелкой и пернатой дичи, включавшим в себя весенне-летнюю охоту на водоплавающую дичь, осеннюю охоту на боровую дичь, зимне-весеннюю — на куропатку и зайца), являвшимся одним из основных источников пищи [Головнев, 1993. С.48, 62, 71, 121]. Этот тип присущ манси и хантам левых притоков Оби, левых и правых притоков низовьев Иртыша.

Таежный предуральский охотничий тип характеризуется предгорно-таежным вариантом охоты на копытных (использование больших «огородов», осенний промысел лося с помощью собак и весенний загон по насту), пушным промыслом глубинно-таежного варианта (сочетание активных и пассивных приемов промысла при преимущественном использовании оленьего транспорта и высокой обеспеченности хозяйств орудиями охоты) и таежным вариантом охоты на мелкого зверя и дичь [Там же. С.48, 62, 120]. Этот тип распространялся на манси верховьев левых притоков Оби и Иртыша.

Северотаежный охотничий тип отличался северотаежным вариантом промысла копытных (ограниченная по масштабам охота на лося и дикого оленя загонном по насту, с использованием небольших засек), таежным типом беличьей пушной охоты и

таежным вариантом охоты на мелкого зверя и дичь [Там же. С.112] и распространялся на хантов правых притоков Оби.

Наконец, лесотундровый тип включал в себя лесотундровый вариант охоты на дикого оленя (с помощью оленя-манщика загоном по насту), лесотундровый вариант песцового промысла (характеризующийся низкой эффективностью при слабообеспеченности слопцами и капканами, а также применение, самострелов), южнотундровый вариант охоты на мелкого зверя дичь (разнообразная интенсивная охота на водоплавающую птицу зимний лов куропатки и зайца) [Там же. С.48, 62, 71, 120]. Этот тип присущ самым северным хантам — в низовьях Оби.

В рамках северотаежного и таежного типов выделяются при речно-таежный и глубиннотаежный подтипы, характеризующиеся соответствующими вариантами пушной охоты и охоты на дичь мелкого зверя. Так, глубиннотаежный тип пушной охоты отличался сочетанием активных и пассивных приемов промысла при преимуществом использовании оленьего транспорта и высокообеспеченности хозяйств орудиями охоты. Но охота на водоплавающую дичь и мелкого зверя не была особо интенсивной. В приречно-таежном подтипе акценты менялись. Пушная охота оказалась менее значимой из-за того, что население в основном занималось зимним рыболовством, носившим товарный характер, хозяйства меньше были обеспечены промысловым инвентарем и транспортом, но более активно проводилась охота на водоплавающую дичь (летом перевесами кысканами, загоном в сеть, отстрелом) и боровую дичь (осенью), а также на мелкого пушного зверя (преимущественно, зимой и весной) [Там же. С.62-63,74, 121].

3. Собирательство

Это древнейшее хозяйственное занятие играло немаловажную роль в системе экономики обских угров. Прямых археологических свидетельств существования собирательства на территории лесного Зауралья и таежной зоны Западной Сибири нет, но, по мнению специалистов, косвенным подтверждением наличия этого занятия являются находки черемуховых косточек в берестяной сумке и колотушек, которые могли использоваться для сбивания кедровых шишек; следы на шлифовальных плитах из жилищ поселения Исетское Правобережное, которые образовались в результате растирания каких-то твердых мате-

риалов, возможно, кореньев, а не в процессе изготовления шлифованных орудий [Эвер-стов, 1988. С.31; Алексащенко, Кернер, 1990. С.34—35]. Кроме того, на Шигирском торфянике в слоях, датируемых от мезолита до железного века, найдено множество деревянных мотыгообразных орудий, определяемых как приспособления для рыхления земли и копания корней съедобных растений [Косарев, 1984. С.91],

По мнению М.Ф. Косарева, древнее население не могло не использовать те богатства, те возможности для собирательства, которые давала западносибирская тайга [Косарев, 1981. С.211]. Действительно, корни съедобных растений, ягоды, орехи были существенным источником, благодаря которому человеческий организм получал необходимые ему питательные вещества, следовательно, собирательство должно было всегда входить в число хозяйственных занятий. Но тот факт, что обские угры в прошлом не ели грибов, заставляет предполагать неоднозначное решение данного вопроса. Видимо, объектами собирательства могли быть те растения, которые в представлениях хантов и манси не имели отрицательной знаковой нагрузки, как, в частности, грибы, которые считались пищей оленей. Даже в конце XX в. мало кто из живущего в сельской местности коренного населения занимается сбором грибов для себя. Это прививается там, где высока степень интенсивности контактов с русскими. Но все-таки обско-угорских семей, в пищевой рацион которых входят грибы, в настоящее время не так уж много. Далеко не везде удачны попытки заготовки коренным населением грибов для сдачи или продажи. Как объясняют сами информанты, они не знают, какие грибы можно собирать.

Возможно, на протяжении столетий сначала объектом собирательства с целью продажи, а потом и продуктом питания стали и некоторые ягоды, пользовавшиеся спросом у пришлого населения. Такое предположение заставляет сделать не только ; • отношение к грибам. Существовали и запреты собирать некоторые ягоды. Например, хантам Малого Салыма нельзя было собирать морошку. Согласно легенде, раз в сто лет поднимается моровая язва, которая всех губит, остаются только те, кто не ест морошку [ПМА, № 1721, л.27].

В собирательстве обских угров следует выделить три направления: сбор ягод, кедровый промысел, сбор трав и кореньев. Основное время, когда занимались этим видом деятельности, — вторая половина июля—сентябрь. Более точные сроки определялись уже временем созревания конкретного объекта собирательства,

Ханты и манси собирали морошку, черемуху, голубику, красную и черную смородину, чернику, бруснику, клюкву. На территории проживания этих народов распределение названных видов ягод было неравномерным. Нужно отметить, что для интенсификации промысла применялись определенные меры. В частности, кондинские манси выжигали леса, потому что на горельниках лучше растет брусника [Инфантьев, 1910, С. 114].

Собирать ягоды, подлежащие длительному хранению (бруснику, клюкву), начинали на расположенных далеко от дома угодьях. В особо урожайные годы их оставляли на местах сбора в больших берестяных емкостях и перевозили к жилищу в конце осени или в начале зимы, когда выпадал снег. На угодьях около дома бруснику и клюкву собирали либо поздней осенью, либо ранней весной. Для сбора ягод у обских угров повсеместно использовалась специальная берестяная утварь — кузова и набирушки. Наиболее широкое распространение получили предметы, стенки которых имели трапециевидную форму, дно — форму вытянутого прямоугольника, а устье — круга или овала (в этом случае трапециевидность стенок была незначительной). У восточных хантов, в частности на Югане, в качестве набирушек использовали чуманы, к которым привязывали ручку [Лукина, 1985б. Рис.26-7]. Они служили для сбора низкорастущих ягод [Там же. С.66]. У манси Конды набирушки имели цилиндрическую форму [Федорова Е.Г., 1994в. С.235]. Кроме того, у разных групп обских угров фиксируются различные способы пользования набирушками: их ставили на землю, прикрепляли к поясу, затыкая за него косточку или палочку, имевшуюся на петле набирушки, или же пропуская пояс через широкую петлю, пришитую к набирушке, наконец, вешали на шею [Лукина, 1985б. С.66—67; Федорова Е.Г., 1994в. С.234—235]. Последнее было характерно для манси. Собранные ягоды очищали от сора, используя для этого специальное сито.

Кедровый промысел производился двумя способами: пока шишки были не очень спелыми (август), их снимали с дерева, залезая на него, — первый способ; когда шишки поспевали (сентябрь), их сбивали, ударяя по дереву специальным колотом (шест длиной около 2 м с прикрепленным к его концу обрубком дерева), — второй [Дунин-Горкавич, 1910. С.257-258; 1911. С.97; Шатилов, 1931. С. 161; ПМА, № 1555, л.35; № 1614, л.56; и др.]. Зимой под кедрами разгребали снег и собирали лежавшие под ними шишки [Инфантьев, 1910. С. 10].

О том, что кедровый промысел у обских угров был достаточно развит, говорит наличие специальных инструментов, применяемых для шелушения шишек (доски, вальки, решета). Но сведений о том, что использовалась специальная мельница, как у селькупов [Пелих,

1972. С.30], в хозяйстве которых кедровый промысел имел большее значение, не имеется.

Различные размеры кедрового промысла у отдельных групп обских угров объясняются наличием или отсутствием на территории их проживания кедровников. Большой урожай можно получить с кедра, растущего в бору, в то время как старый урманый кедр дает мало шишек [Городков, 1913. С.34]. Кроме того, хороший урожай кедровых орехов приходился раз в 10 лет [Инфантьев, 1910. С.59] — на Конце, раз в 4—5 лет — на Вахе [Шатилов, 1931. С.162]. Там в хороший год на семью собирали 600—800 кг орехов, в средний — 400, в плохой — 200 и меньше [Там же].

Если кедровые орехи ваховские ханты продавали, то ягоды (бруснику, черемуху) собирали для себя, их там было мало [Дунин-Горкавич, 1910. С.43—44, 48]. У аганских хантов на продажу шли брусника и орехи, которых в урожайные годы получали более 1000 пудов в кедровниках, расположенных в низовьях реки [Там же. С.73]. На Тромъегане было мало брусничников; кроме того там совсем не занимались кедровым промыслом. По Назыму собирали ягод до 400 пудов в год, но урожай орехов был редким явлением [Там же. С.82, 216]. На Салыме кедровый промысел возможен только в районе юрт Соровских. В некоторые годы урожай там доходил до 100—200 пудов шишек на семью [Городков, 1913. С.34]. Ханты, жившие по р. Балык, ежегодно собирали орехов от 15 до 50 пудов на семью [Дунин-Горкавич, 1910. С.177], на Большом Югане максимальный урожай составлял 100 пудов, на Малом Югане — 50. Кроме того, для собственных нужд там ходили за черемухой и брусничкой [Там же. С. 149]. Кондинские ханты собирали ежегодно до 10 пудов брусники на человека [Инфантьев, 1910. С.59].

Размеры собирательства росли с увеличением спроса на его продукцию — ягоды и кедровые орехи. Наибольшее значение кедровый промысел имел для населения Сургутского уезда [Дунин-Горкавич, 19046.С.259]. Выявление в этом занятии каких-либо этнопоказательных признаков не представляется возможным. Орудия для шелушения орехов по общепринятому мнению являются заимствованием от русских. Они вошли в культуру обских угров с развитием самого промысла, в связи с необходимостью его интенсификации. То же, вероятно, можно сказать и относительно мельницы для шелушения орехов, бытовавшей у селькупов. Видимо, подобной же мельницей пользовались и чулымские тюрки [Тюрки таежного Причулымья, 1991. С.54], богатые кедровые леса на территории их проживания являлись хорошей базой для развития и товаризации кедрового промысла. Такие орудия труда, как колот

для сбивания шишек или решето для просеивания орехов, без сомнения, у каждого народа развивались самостоятельно, хотя формы их практически одинаковы — в данном случае возможность выбора крайне ограничена.

Интересно, что у многих народов Сибири для сбора ягод или других дикорастущих употребляется утварь той же формы, что и у обских угров. К числу этих народов относятся кеты, нанайцы, ульчи, удэгейцы, шорцы, хакасы [Федорова Е.Г., 1994а. С.90, 96, 98, 100, 106, 108]. Часть из них являлась соседями предков хантов и манси с глубокой древности. Другие народы проживают на значительном расстоянии от обских угров, но относятся к тем же, что и они, ХКТ. Различия в утвари для сбора ягод и растений заключаются в способах обработки устья, наличии или отсутствии орнамента на вещах, в способах их ношения. Сходство по форме и функциям, как представляется, следует объяснять древностью как самого занятия, так и сопутствующих ему предметов, тем более, что и делались они наиболее простым способом — из одного пласта бересты. Подобный предмет мог возникнуть у населения лесной зоны, где должно было расти достаточно много березы.

О древности собирательства свидетельствуют и лексические материалы, что неоднократно отмечалось исследователями: слова «ягода», «черемуха», «морошка», «кедр» находят параллели в других языках уральской лингвистической семьи [Краткий этимологический словарь коми языка. С.164—165; 183—184; 230].

К сожалению, крайне незначительны материалы относительно сбора обскими уграми различных трав. Известно, что рвали дикий лук, но, видимо, не везде. Сведения об этом относятся к хантам верховьев Васюгана [Кулемзин, Лукина, 1977. С.31] и северным манси [ПМА, № 1555, л.67; № 1614, л.41]. Собирали зонтичные растения (медвежья дудка) [Сорокин, 1873. С.45; Глушков, 1900. С.27], белую сарану, шиповник, марьин корень, корень продолговатой формы, который называли «остяцкой картошкой», березовый сок, чагу, листья кипрея, лабазника, смородины [Георги, 1776. С.71; Сорокин, 1873. С.45; Глушков, 1900. С.27; Дунин-Горкавич, 1911. С.87; Кулемзин, Лукина, 1977. С.31; Лукина, 1991. С.100; Ильина, 1997. С.91]. Есть сведения о сборе утиных и гусиных яиц [Шульц, 1913. С.12]. Перечисленные объекты собирательства употреблялись в пищу и многими другими народами, а в среднем и верхнем течении притоков Оби и Иртыша не утратили своего значения и сейчас.

4. ЖИВОТНОВОДСТВО

Неотъемлемой составляющей системы хозяйственных занятий обских угров было животноводство. Ханты и манси практиковали следующие его виды: собаководство, оленеводство, разведение лошадей и разведение рогатого скота. Их формирование происходило в разные периоды, развивались они в тесной взаимосвязи с двумя основными занятиями — охотой и рыболовством.

Собаководство. Роль собаки в обиходе обских угров в этнографической литературе рассматривалась преимущественно в двух аспектах: в связи с использованием ее в качестве транспортного животного [Левин, 1946; Антропова, 1952; Антропова, Левин, 1961; Лашук, 1954; Лукина, 1985; Головнев, 1993; Федорова Е.Г., 1994в] и в связи с местом этого животного в системе религиозных представлений хантов и манси [Мошинская, Лукина, 1982; Лукина, 1983; Кулемзин, 1984; Зенько, 1997; Kannisto, 1958 и др.]. В рамках первого аспекта ставился и вопрос о происхождении собаководства обских угров [см. также: Чернецов, 1941; Мошинская, 1965].

Использование собаки охотниками и рыбаками тайги могло идти в следующих направлениях: промысловом, транспортном, пищевом. Как справедливо замечено, содержание большого количества собак, необходимых, в частности, для упряжек, возможно только при наличии достаточных и устойчивых ресурсов пищи, т.е. на определенном этапе развития рыболовства [Антропова, 1952. С.261].

Трудно сказать, в какую конкретно историческую эпоху древнее население лесного Зауралья и Нижнего и Среднего Приобья стало использовать собаку. Вполне возможно, что это произошло в неолите, когда, как уже говорилось выше, было чрезвычайно развито рыболовство, которое могло обеспечить пищей не только людей, но и собак. Археологические свидетельства существования собаки на территории Зауралья начинают появляться с эпохи раннего железа. Кости собаки, правда, в незначительном количестве, найдены на памятниках южной его части [Косинцев, 1986. С.87]. Считается, что в несколько более поздний период уже было упряжное собаководство у населения Нижнего Приобья [Мошинская, 1953б. С.84, 86, 101-102; 1965. С.22, 41].

В эпоху средневековья в Нижнем Приобье существует развитое упряжное собаководство, что подтверждается находками элементов собачьей упряжи и, косвенно, тем, что среди костных остатков собак

имеется большое количество остатков крупных особей [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.57]. Высокий процент костей собак и пушных видов животных говорит о достаточно развитом пушном промысле с использованием собаки на этой территории [Там же. С.58]. В Сургутском Приобье, судя по костным остаткам, собаководство было развито слабо [Там же. С.63].

Этнографические материалы по обским уграм показывают, что ханты и манси использовали собаку преимущественно для охоты. Существует два вида охотничьих собак. Первые выслеживают любого зверя (такие собаки всегда считались редкостью, ценились и даже скрывались от других охотников) [Дунин-Горкавич, 1911. С. 116], вторые специализируются на выслеживании только одного вида зверя. Та собака, с которой можно охотиться на различных зверей, лает на каждого из них по-разному (например, на белку — более тонко) [ПМА, № 1555, л.33; № 1614, л.58]. Интересно, что собаки лают по-разному и в других случаях: на постороннего человека, на змею, когда хотят пить и т.п. [ПМА, № 1721, л.29].

Поскольку охота не была узко специализированной, каждому промысловому требовалось обычно несколько собак (чаще всего держали по 2—5). Обобщенные статистические данные приводит А.А. Дунин-Горкавич. В частности, в самом конце XIX—начале XX в. у хантов бассейна Салыма на 56 хозяйств приходилось 244 собаки, бассейна Югана на 141 хозяйство — 322 собаки, 54 хозяйства Подгородно-Юганской волости держали 65 собак, 249 хозяйств бассейна Ваха — 234 собаки, 41 хозяйство аганских хантов — 57 собак, 39 хозяйств тромьеганских — 55 и 29 хозяйств пимских — 29 [Дунин-Горкавич, 1910. Приложение. С. 15, 16, 18—19, 22, 26, 28, 30]. Таким образом, у восточных правобережных хантов число собак незначительно превышало количество хозяйств, а у ваховской группы оно даже ниже. У левобережных хантов (восточных и южных) число собак превышало количество хозяйств в основном более чем в 2 раза. Аналогичная ситуация наблюдается у северных хантов: на Куновате на 33 хозяйства приходится 86 собак, на Сыне на 75 — 160 [Там же. С.35, 41]. У манси и хантов левобережья Оби и районов, прилегающих к Уралу, число собак превышало количество хозяйств в 3—4 раза: в бассейне Северной Сосьвы на 134 хозяйства было 506 собак, по Малой Сосьве (Уральской) на 3 хозяйства — 11 собак, на р. Тапсуй на 21 хозяйство — 87 собак, в верховьях Пельма на 5 хозяйств — 23 собаки, в верховьях Лозьвы на 3 хозяйства — 12 собак и на Малой Сосьве на 27 хозяйств — 106 собак [Там же. С.39—41].

Большое количество собак, с одной стороны, может говорить о том, что население бассейна той или иной реки активно занималось охотой, с другой стороны, возможно, там преобладали собаки, специализировавшиеся на каком-то одном звере. К сожалению, более точных данных найти не удалось. То, что в указанный период в этих районах езду на собаках нельзя назвать распространенной, заставляет считать всех или почти всех собак охотничьими. Тем более, что названные районы — это территория проживания главным образом манси, которые всегда считались преимущественно охотниками. Если исходить из того, что здесь охота постоянно совершенствовалась, возможно, специализация собак — признак интенсификации промысла или специализации самой охоты. Те же собаки, с которыми охотились на разных зверей, возможно, ценились и потому, что их содержание требовало меньших затрат.

Из щенков отбирали наиболее соответствующих по качествам, необходимых для хорошей охотничьей собаки, определяя по внешним признакам [Дунин-Горкавич, 1911. С.116; Кулемзин, Лукина, 1977. С.30]. Забракованных щенков обычно убивали. Уничтожали и щенков определенного цвета, если собаки такого цвета считались неподходящими для охоты. Например, восточные ханты полагали, что черные собаки испугивают зверя, кроме того, их боялись домашние олени [Кулемзин, Лукина, 1977. С.29]. Таким образом, в собаководстве обских угров имел место искусственный отбор.

Собакам давали клички или по внешним признакам (например, «Пестрый» и т.п.) или по каким-либо качествам. Щенка натаскивали, выводя осенью на охоту вместе с взрослой опытной собакой, или, если ее не было, — одного. Если собака начинала воровать еду или несколько сезонов не участвовала в промысле («сидела дома»), она уже не годилась для охоты.

Собак кормили преимущественно рыбой, для чего на зиму делали запасы (сушили мелкую рыбу). Летом собакам уделяли меньше внимания, считали, что они могут сами прокормиться [Городков, 1913. С.131. Поскольку летом было много комаров и они мешали собакам, животных старались не держать на привязи. Их приходилось привязывать в том случае, если недалеко паслись домашние олени или овцы, которых собаки распугивали, — в оленеводстве обские угры не использовали собаку (см. ниже). Для собак устраивали дымокуры в небольших ямах (если собаки содержались на привязи). В плохую погоду они находились в шалашах, а в морозы — в жилище, под нарами, — это было место,

специально предназначенное для собак [Паллас, 1788. С.57; ПМА, № 1158, л.102, 138; № 1721, л.29].

Охотничьи собаки у обских угров выступали также в качестве тягловой силы, помогая человеку тащить ручную нарту (в том случае, если она была очень нагружена) во время промысла или в каких-то других случаях, например при заготовке дров и т.п. К сожалению, из-за отсутствия материалов крайне сложно определить, какие конкретно собаки в данном случае использовались (возраст, пол), существовали ли какие-либо особенности в их содержании.

У обских угров фиксируется еще и упряжное собаководство. Следует отметить, что проблема его возникновения и распространения не решена окончательно. Как говорилось выше, археологические материалы свидетельствуют о существовании упряжного собаководства у населения Нижнего Приобья эпохи железа и средневековья и о слабом развитии его на других территориях, связываемых с обскими уграми. Упряжное собаководство предусматривает наличие собак, специально тренируемых и используемых для езды, а также определенных типов нарт и упряжи [Антропова, 1952. С.25]. Содержание ездовых собак требовало особых навыков — известно, что они не обладают свойствами охотничьих, следовательно, тренировать их нужно было отдельно, кроме того, требовались определенные действия по улучшению породы. Еще одно обстоятельство, которое представляется чрезвычайно важным, — это наличие или отсутствие других транспортных животных. Принято считать, что упряжное собаководство, во всяком случае, западносибирского типа, предшествовало оленеводству [Антропова, Левин, 1961. С.64]. Считая территорией его формирования север Западной Сибири, исследователи определяют период с X по XVII в. как время замены собаководства оленеводством: сначала в тундровой зоне, позднее — в таежной [Чернецов. Манси (Архив МАЭ РАН, ф.К-1, оп.1, п.294). С.23; 1949. С.20; Лашук, 1958. С.57]. Вместе с тем, подчеркивается и то, что езда на собаках у обских угров никогда не была достаточно развита [Чернецов, 1937а. С.361—362], о чем свидетельствует и слабо развитая терминология [Там же]. В то же время нередко подчеркивается, что в прошлом собаководство было распространено гораздо (или несколько) шире [Чернецов, 1937а. С. 361—362; Donner, 1927. S.133]. Как отмечал В.Н. Чернецов, собака вытеснялась не только оленем, но и лошадей, в XIX в. — особенно в приобских районах [Чернецов. Манси. С.23].

Вопрос о смене транспортных животных в таежной зоне Западной Сибири представляется более сложным. Вполне до-

пустимо, что собака была первым транспортным животным, помогавшим человеку при перевозке особенно тяжелых грузов, в первую очередь во время охоты. Но появление упряжного собаководства должно быть связано с необходимостью перемещений на большие расстояния. Кроме того, требовались относительно свободные пространства. Для таежной зоны это был не очень удобный транспорт, на собаках здесь можно было ездить только в зимний период по льду рек. Таким образом, более подходящей территорией для формирования упряжного собаководства была, видимо, зона тундры.

Вопрос о смене упряжного собаководства нартенным оленеводством упирается в проблему происхождения оленеводства, которую вряд ли можно считать решенной. Существует точка зрения, согласно которой транспортные собаководство и оленеводство не совместимы (Л. Шренк, А.М. Золотарев, М.Г. Левин), хотя она и опровергается конкретным этнографическим материалом [Лукина, 1985б, С. 128—129]. Но, по мнению практически всех исследователей, упряжное оленеводство формировалось под влиянием собаководства, с использованием его навыков. Оленья упряжка более удобна в тайге, по сравнению с собачьей, — оленю легче идти по глубокому снегу. Возможно, действительно, при специализированном оленеводческом хозяйстве использование ездовых собак не имело ни возможностей, ни смысла: во-первых, ориентировались исключительно на потребности оленей, во-вторых, олени же становились и транспортными животными. Но в тайге у обских угров не было развитого оленеводства (см. ниже), что вполне допускало использование в одном хозяйстве, как отмечала Н.В. Лукина, оленей (в небольшом количестве) и собак (не ездовых).

Так же сложен и вопрос о смене упряжной собаки лошадью. Дело в том, что лошадь на территории, где впоследствии фиксируются обские угры, известна с глубокой древности, о чем будет сказано дальше, и не исключено, что уже тогда она использовалась в качестве транспортного животного параллельно с собакой, а местами даже и вытеснила ее.

В связи с происхождением и распространением собаководства представляется уместным привести здесь некоторые материалы по мировоззрению и данные фольклора народов Северо-Западной Сибири. Наиболее важным моментом кажется наличие или отсутствие жертвоприношения собаки. Жертвоприношение какого-либо животного, как правило, свидетельствует о большом его значении в экономике населения в прошлом или настоящем и,

таким образом, принесение в жертву собаки может быть подтверждением существования развитого собаководства. Данные о таких жертвоприношениях относятся к территории низовьев Оби (Усть-Полуй) [Мошинская, 1953б. С.84—86] или же к самодийцам (ненцам, энцам, нганасанам) [обзор см.: Головнев, 1993. С.108—109]. Что касается обских угров, для них жертвоприношение собаки не характерно. Отсутствие жертвоприношения собаки у хантов и манси дает основание предполагать, что и городище Усть-Полуй является памятником, оставленным не обско-угорским населением.

Собака у обских угров считается посредником между миром людей и миром духов, а также миром мертвых. Согласно мансийскому мифу, собака была сделана одновременно с человеком [Источники, 1987. С.153]. В хантыйском фольклоре с собакой связывается происхождение смерти: божество нижнего мира Куль подговорил собаку нарушить распорядок Торума, в результате чего человек стал смертным [Мифы, 1990. С.75, 509]. Особое отношение к собаке у обских угров хорошо иллюстрируется фактами, приведенными в упомянутых выше работах [Мошинская, Лукина, 1982; Лукина, 1983; Кулемзин, 1984; Зенько, 1997; Кап-нисто, 1958].

По сведениям, полученным у обских манси, собаку нельзя 15ить, особенно в лесу, — считается, что ее в этом случае может забрать хозяин леса, а владелец собаки заболит. Еще более жестким был запрет бить собаку на священном месте [ПМА, № 1698, л.55—56]. Хотя ненужных или больных собак, как правило, истребляли (причем считалось, что лучше, чтобы это делал чужой человек, не хозяин собаки), оставлять мертвую собаку где попало не полагалось. Собак либо закапывали в лесу в определенном месте, либо забрасывали их ветками. В частности, у юганских хантов такое место находилось к западу от поселения. Собак там «хоронили» (забрасывали ветками), при этом подчеркивалась основная функция собаки — участие в охоте: на одну из передних лап мертвой собаке повязывали кусочек шкурки, например, лапку или часть хвоста белки, говоря при этом: «Расскажешь там, как на охоту ходил» [ПМА, № 1698, л.55; № 1721, л.29]. Особые литые изображения в связи со смертью собаки делали, насколько известно, только у части северных групп хантов. Там же собачьи шкуры иногда использовали для шитья одежды, а собачью шерсть — для вязания. Все эти факты позволяют выделить указанные группы из общего обско-угорского массива как, с одной стороны, максимально использовавшие собаку, с другой — наиболее почитавшие ее.

Как известно, обские угры не ели мяса собак. Употребление его в пищу считается характерным для народов, занимающихся собаководством [Лукина, 1991. С.97], причем эти народы ели мясо именно ездовых собак. Таким образом, у обских угров, как отмечала Н.В. Лукина [Там же], подчеркивается тесная связь собаки и человека, с одной стороны, и неразвитость упряжного собаководства — с другой.

Упряжное собаководство фиксируется на Ляпине, в низовьях Сосьвы, на Салыме [Носилов, 1884. С.175; Лашук, 1954. С.33; ПМА, № 1614, л.44, 58; ТГИАМЗ, № 540-5366]. Интересно отметить, что манси ездили на собаках по льду рек поздней осенью, когда олени еще не спускались с Урала [Носилов, 1904. С.27]. В данном случае, видимо, можно говорить о существовании оленеводства и упряжного собаководства, а также о том, что езда на собаках играла только подчиненную роль: на собаках ездили тогда, когда не было оленей.

Судя по тому, что ездовое собаководство фиксируется в отдаленных друг от друга районах — от рек, берущих свое начало на склонах Урала, до левых притоков Оби в ее среднем течении, — оно могло охватывать огромную территорию.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что ездовое собаководство, скорее, формировалось у древнего самодийского или досамодийского населения. Как представляется, если не требовалось перемещаться на большие расстояния, езды на собаках могло и не быть, поскольку транспортировку улова к жилищу можно осуществлять и другим способом. Хорошей иллюстрацией в данном случае является пример того, как перевозили мясо лося от того места, где он был убит, до жилища салымские ханты: когда нужно вывозить добычу (охота была коллективной), один из охотников возвращался в юрты — «мял дорогу (лыжницу)» — сообщал об этом, и женщины на ручных нартах, припрягая к ним собак, вывозили мясо. За один раз можно было вывезти половину туши [ПМА, № 1721.Л.11].

Наличие лошадей, распространявшихся с юга, могло уже с эпохи бронзы обеспечить формирование другого вида транспорта — конного, что не позволило упряжному собаководству занять ведущее место среди средств передвижения населения таежной зоны Западной Сибири.

Разведение лошадей. Это занятие не было распространено среди обских угров повсеместно, его принято относить к числу «нетрадиционных» для хантов и манси видов деятельности по

отношению к этнографической действительности, в результате чего достаточно долго преобладающей являлась точка зрения о заимствовании его от русских, коми, татар [см., например: Жеребцов, 1982. С. 184—185], а то, что обские угры держали лошадей и рогатый скот, воспринималось как свидетельство обрусения [см., например: Любарских, 1792. С.79; Носилов, 1897. С.20]. Но с накоплением новых материалов оказалась возможной разработка гипотезы, которой придерживался еще Б. Мункачи [Чернецов, 1937а, 1957; Кережи, 1987; Kerezsi, 1988; Федорова Е.Г., 1999]. Ее суть состоит в том, что обско-угорское коневодство имеет древние корни. В процессе исследований удалось установить, что скотоводство как явление у обских угров носило непрерывный характер [Чернецов, 1957; Федорова Е.Г., 1999]. Поставить разведение лошадей на первое место среди других отраслей скотоводства хантов и манси позволяет в первую очередь то, что в религиозных представлениях обских угров имеется существенный пласт, связанный происхождением с коневодческим населением [см., например: Мошинская, 1979. С.34—38].

Возникновение скотоводства вообще — вопрос крайне сложный. Хотя ему и посвящено множество работ [обзор см.: Шнирельман, 1980], он до сих пор остается дискуссионным. Но в данном случае важно то, каким образом этот вид деятельности мог проникнуть к таежным рыболовам и охотникам и закрепиться в их культуре.

Начиная с эпохи позднего неолита и до эпохи раннего металла в южной части Западно-Сибирской равнины повсеместно происходил переход к оседлости, обусловленный повышением влажности климата и возрастанием роли рыболовства [Косарев, 1979в. С.16; 1981. С.206; 1984. С.50]. Рост оседлости, в свою очередь, должен был благоприятствовать зарождению или заимствованию скотоводства и земледелия, которые до начала эпохи бронзы, видимо, являлись подсобными занятиями [Косарев, 1981. С.206—207]. В степной и лесостепной зонах они превращаются в ведущие отрасли хозяйства с началом понижения влажности климата (середина и особенно вторая половина 2-го тысячелетия до н.э.) и базируются в основном на пойменных угодьях, что подтверждается приуроченностью существовавших тогда поселений к широким речным поймам [Там же. С.207]. Именно в таких условиях рыболовство и охота оказывались менее рациональными по сравнению с зарождавшимися скотоводством и земледелием [Косарев, 1981. С.208; 1984. С.52]. В процессе дальнейшего развития хозяйства они совершенствуются, а по отношению к эпохе бронзы уже можно говорить о комплексном пастушеско-земледельческом

хозяйстве, утвердившемся около первой трети 2-го тысячелетия до н.э. [Косарев, 1984. С.52]. По мнению М.Ф. Косарева, для этого требовались, по крайней мере, три совместно действующих фактора: развитие производительных сил, подходящие экологические условия и кризисная ситуация, вызванная возрастающей засушливостью климата, сокращением охотничье-рыболовческих угодий и обострением проблем перенаселенности [Косарев, 1984. С.53; 1987. С.305].

Еще в многоотраслевом хозяйстве населения предтаежных и южнотаежных районов Западной Сибири эпохи неолита (3-е тысячелетие до н.э.) фиксируется преобладание в стаде лошади, которая являлась здесь и основным объектом охоты [Косарев, 1991. С.71]. По данным археологии, в лесном Зауралье население было знакомо со скотоводством уже в первом периоде развитого бронзового века [Косарев, 1987. С.268]. Но это относится только к южной части территории. Второй период развитого бронзового века характеризуется формированием на юге западносибирской тайги так называемой андронидной общности, образовавшейся в результате смешения таежного аборигенного населения и пришлых носителей андроновской культурной традиции [Там же. С.276], которые, по всей вероятности, уже были знакомы с пастушеским скотоводством. Во всяком случае, на поселении Черкаскуль II численность диких и домашних животных, судя по костным остаткам, примерно одинакова [Там же. С.282].

В эпоху поздней бронзы доля лошади в стаде на территории Южного Зауралья несколько уменьшается, а в северной части ареала многоотраслевой экономики — увеличивается: лошадь лучше приспособлена к условиям многоснежных зим западносибирской тайги [Косарев, 1991. С.73]. По мнению М.Ф. Косарева, скотоводство в ареале многоотраслевого хозяйства носило в основном придомный характер [Там же].

По археологическим данным, относящимся к периоду перехода от бронзового века к железному, навыки скотоводства обнаруживает все таежное население от лесного Зауралья до Среднего Приобья [Косинцев, Стефанов, 1989. С.108—109; Косарев, 1991. С.72—73]. Таким образом, во-первых, таежные жители оказываются как бы окаймленными с юга населением, в хозяйстве которого немалое значение имело скотоводство и, в частности, коневодство; во-вторых, — разведение лошади было известно и собственно жителям тайги, хотя вряд ли практиковалось ими в более или менее значительных объемах.

Скорее всего, рассматриваемый период нельзя считать временем активного проникновения коневодства в культуру северного таежного населения, тем более, что кочевничество, которое могло послужить основой для формирования культа коня и образа божества-всадника, на юге Западно-Сибирской равнины стало возможным на рубеже бронзового и железного веков. Переход к нему совпал с существенным изменением климата: из-за увеличения его влажности участились большие наводнения, в результате чего сократились возможности (продуктивность) пойменных пастбищ, их площадь уменьшилась из-за повышения уровня воды в реках и озерах. В то же время увлажнение степей облегчило освоение под пастбище открытых степных и лесостепных пространств, что раньше было затруднено еще и по причине отсутствия или недостатка там естественных водоемов [Косарев, 1984. С.61].

Хотя зоны первоначального становления кочевничества точно не определяются, к их числу относят Южное Приуралье, а также Центральный Казахстан и области Восточного Прикаспия, где в эпоху бронзы могло существовать развитое отгонное скотоводство — начальная стадия кочевничества [Марков, 1976. С.29—30]. Как отмечает Г.Е. Марков, «развитие скотоводства в рамках комплексного хозяйства не приводило обязательно к кочевничеству» [Там же. С.279]. Оно возникало, развивалось и существовало преимущественно там, где нельзя было заниматься земледелием, хотя бы мотыжным [Там же], которое могло бы складываться в ведущую отрасль хозяйства. В таежных же условиях возможности для экстенсивного скотоводства крайне ограничены. Кочевнический уклад, оказавшись на этих территориях, должен был бы трансформироваться, приспосабливаясь к ним.

Распространение скотоводства по таежной зоне может быть связано с миграциями населения степи, лесостепи и тайги конца бронзового и начала железного века. По мнению М.Ф. Косарева, освоение Оби и Иртыша началось не ранее конца бронзового века, в отличие от глубинных районов обь-иртышской тайги, которые были заселены значительно раньше [Косарев, 1984. С. 100]. В эпоху железа, как уже говорилось, наступил очередной период повышенной увлажненности климата, характеризующийся сокращением возможностей для всех видов деятельности — охоты, рыболовства, скотоводства и земледелия [Косарев, 1991. С.79]. Если исходить из того, что ранние кочевники в силу определенных причин (поиски свободных территорий для выпаса скота в результате увеличения его численности, военные столкновения, рост численности населения) вынуждены были продвигаться из степной

зоны на юг тайги и далее, то они, сохраняя по возможности сам вид занятия, вернулись бы к более простым его формам. Это и могло произойти на территории таежной зоны Западной Сибири (в этнографической действительности у обских угров лошадей в летний период находилась на полувольном выпасе в тайге, перемещаясь иногда на значительные расстояния). Но, как уже отмечалось, лошадей содержало и древнее таежное население.

В последние годы получает распространение точка зрения, согласно которой скотоводство появилось в среде охотников и рыболовов не в ходе миграций в их среду скотоводов, а, наоборот, в результате продвижения таежных групп на рубеже бронзового и железного веков в ареал многоотраслевого комплексного хозяйства. Это продвижение хорошо подтверждается археологическими материалами [см., например: Косинцев, Стефанов. 1989. С. 118].

В результате взаимодействия со скотоводами и металлургами лесостепи пришельцы с севера приобщились к основам производящего хозяйства [Борзунов, 1992. С. 138]. Причины миграций состоят в том, что возможности присваивающего хозяйства в тайге были исчерпаны, имевшийся уровень развития производительных сил отличался высокой для него плотностью населения, а естественные ресурсы были относительно скудны — все это создало кризисную ситуацию на территории нижнеобской тайги [Там же. С. 139]. Таким образом, «нетрадиционный» путь проникновения в культуру охотников и рыболовов тайги навыков скотоводства представляется вполне обоснованным. Вопрос заключается в том, можно ли связывать носителей этих, образовавшихся в результате слияния местного и пришлого, северного компонентов, культур (гамаюнская и красноозерская) с тем населением, которое имело не просто навыки скотоводства (коневодства), но и соответствующее коневодческому населению мировоззрение. Если последнее к этому времени еще не сформировалось у населения степных и лесостепных районов, занимавшегося скотоводством, то вхождение в культуру охотников и рыболовов мировоззренческого пласта скотоводов нужно связывать с другим периодом. Или же следует искать другие пути возникновения этого пласта.

По распространенному мнению, приручение коня и появление его культа у финно-угорских народов связано с предками индо-иранцев, у которых конь занимал центральное место в хозяйстве и духовной культуре. Считается, что древние угры (один из двух основных этнических компонентов, в результате слияния которых появились предки современных хантов и манси) уже во второй половине 2-го тысячелетия до н.э. стали коневодами, возможно,

они были и конными охотниками [Кережи, 1987. С.13; Kereszi, 1988. S.129-130].

Скотоводство, в том числе и коневодство, кочевничество, культ коня характерны для культур андроновской общности урало-казахстанских степей. В них видят либо разноэтнические группы: иранскую и угорскую (В.Н. Чернецов и др.), либо родственные племена единой этнической общности (Е.Е. Кузьмина). В любом случае определение этнической принадлежности населения, в среде которого здесь сформировался комплекс явлений, связанный с конем, затруднительно. Получается, что это могли быть как иранцы, так и угры, если исходить из первого положения. Если же ориентироваться на второе, то встает вопрос — существовали или нет угры-кочевники?

Возникновение кочевничества относят к концу 2-го—началу 1-го тысячелетия до н.э. [Маркош 1976. С.18], причем на этот период вряд ли можно говорить о существовании развитой мировоззренческой системы, базирующейся на хозяйстве скотоводов-кочевников. Скорее всего, она только закладывалась.

Существует мнение, согласно которому культ коня возник в культурах мариупольской общности [Кузьмина, 1986. С.84], т.е. в раннем неолите на территории Приазовья. Но в мировоззрении обских угров важна и роль божества в образе всадника, создание которого, естественно, не могло относиться ко времени, более раннему, чем появление всадничества.

Предполагают, что верховая езда в евразийских степях вряд ли могла распространиться ранее конца 2-го тысячелетия до н.э. [Шнирельман, 1980. С.232]. Таким образом, более правильным представляется считать временем формирования того культурного облика населения, который позднее проявился у таежных охотников и рыболовов, не вторую половину 2-го тысячелетия до н.э., а более поздние исторические этапы. На север должно было продвигаться население с уже упрочившейся мировоззренческой системой, в которой важное место занимал культ коня и божество-всадник, иначе при тех незначительных возможностях, которые имелись в таежной зоне для коневодства, формировавшееся на его базе мировоззрение вряд ли смогло бы не просто сохраниться до конца XX в. н.э., но еще и играть одну из ведущих ролей в системе религиозных представлений обских угров в наше время. Если говорить о другом способе проникновения в тайгу скотоводства — о продвижении на юг таежных охотников и рыболовов, то нужно признать, что они должны были в немалой степени изменить свой культурный облик и подчиниться идеологии скотоводов, что

возможно, видимо, только в том случае, если бы перемещались незначительные по размерам группы населения.

Распространение чуждой идеологии, как показывают примеры из истории более поздних периодов, не могло происходить мирным путем. Значит, относительно того населения, от которого жители тайги получили коневодческий комплекс, можно сделать вывод, что оно изначально находилось в зависимости от носителей развитого коневодческого комплекса, т.е. на него распространялась соответствующая идеология, происхождение которой в среде индоиранского населения практически доказано.

Но может быть и другое объяснение, если вспомнить о том, что на территории южной тайги Западной Сибири население занималось скотоводством, сочетая его с охотой и рыболовством, еще в 3-м тысячелетии до н.э. Таким образом, основные навыки и форма скотоводства, в том числе и коневодства, культ коня могли изначально складываться в южнотаежных районах (на северной границе индоиранской общности) и в последующие периоды дополняться чертами уже кочевнической культуры, появившимися под влиянием южных соседей-кочевников.

Переход же к кочевничеству населения западносибирской лесостепи мог происходить, как считает В.А. Могильников [1992. С.306], только в скифо-сарматское время. О факте перехода к кочевничеству свидетельствует изменение состава стада: на археологических памятниках лесостепи Западной Сибири первых веков нашей эры суммарно преобладают костные остатки лошади и мелкого рогатого скота, что характеризует именно полукошечное скотоводство [Там же].

Происхождение угорского коневодства связывают также со скифами (Б. Мункачи). Но, видимо, более правильно считать скифскую линию одним из звеньев цепи в развитии коневодства на территории евразийских степей в целом. Поскольку и в эпоху железа не было культуры, которую можно с полной достоверностью определять как угорскую, сложно говорить о том, как конкретно проявлялось скифское влияние, т.е. могло ли быть то население, на которое это влияние оказывалось, среди предков обских угров.

В пользу того, что коневодство у предков обских угров существовало еще в глубокой древности, свидетельствуют лингвистические материалы. Выявляется ряд общих терминов (название лошади, седла, кнута, одинаковый принцип построения выражений для определения возраста лошади) во всех трех угорских языках — мансийском, хантыйском и венгерском, — что говорит о бытовании их и, соответственно, обозначаемых ими явлений еще до времени

распада угорской общности [подробнее см.: Чернецов, 1937а. С.353—354; Хайду, 1985. С.192], т.е., вероятно, не позднее начала 1-го тысячелетия н.э. [Могильников, 1987. С.163].

Практически все исследователи, вслед за В.Н. Чернецовым, говорят о существовании двух слоев в коневодстве обских угров: древнего, утраченного в процессе продвижения на север, и более позднего, сложившегося под влиянием татар на юге, русских и коми-зырян — на севере [Чернецов, 1937а. С.352; Жеребцов, 1982. С.184; Кережи, 1987. С.22 и др.]. Позднее В.Н. Чернецов писал о том, что коневодство, видимо, не прекращало своего существования и после проникновения угров на север [Чернецов, 1957. С.239], что отчасти подтверждается существованием в Нижнем Приобье лошади, называемой «вогулка», которая отличается от пород лошадей, разводимых русскими [Там же]. Это положение — о непрерывности скотоводства и? в частности, коневодства — представляется более правильным. Если бы предки обских угров в течение какого-либо, более или менее длительного, периода не занимались разведением лошадей (не обязательно повсеместно, видимо, достаточно было знакомства,— имеется в виду постоянное, — с коневодством одной или нескольких из соседствующих территориальных групп при условии четкого осознания общности происхождения и наличия родственных связей), из их мировоззренческой системы исчезли бы представления о коне и божество-всадник. Следовательно, необходимо установить, подтверждается ли непрерывность существования скотоводства/коневодства археологическими материалами.

Как говорилось выше, скотоводы эпохи бронзы на территории Западной Сибири населяли подзону южной тайги. В раннем железном веке лошадей разводило население восточных склонов Среднего Урала [Борзунов, 1992. С.118], хотя в целом в лесном Зауралье в это время преобладала охота [Косинцев, 1986. С.87; Борзунов, 1992. С.118—124]. Следует напомнить, что кости лошади были обнаружены и на памятниках эпохи раннего железа в Среднем Приобье [Елькина, 1976. С.241].

Но в период, когда климат отличался повышенной увлажненностью, в таежной зоне, в отличие от степной, условия для скотоводства были плохими [Косарев, 1991. С.79], следовательно, его распространение по таежной зоне еще севернее в эпоху железа вряд ли могло иметь место в существенных масштабах. Видимо, это и был именно тот период, когда формировался известный по этнографическим материалам облик обско-угорского коневодства: из-за низкой продуктивности кормовой базы была

утрачена возможность содержать сравнительно многочисленные стада и население сосредоточилось на более характерных для тайги хозяйственных занятиях — охоте и рыболовстве, — сохраняя в то же время идеологию скотоводческих (конеvodческих) племен. Для того чтобы последняя не была утрачена окончательно, оказалось достаточным содержать каждой семье всего по несколько голов лошадей и рогатого скота (коров и овец), используя их в транспортном (лошадь) и мясном (лошадь, рогатый скот) направлениях. Не последнюю роль здесь сыграла потребность обеспечить необходимый набор жертвенных животных, традиционный для скотоводческого населения. Это лошадь, овца, корова.

В.И. Мошинская предполагает, что пути проникновения на север Западной Сибири представлений, связанных с лошадью, и конеvodческих навыков были различными для Среднего Приобья и лесного Зауралья [Мошинская, 1979. С.42—43]. Видимо, не последнюю роль здесь играли реки, поймы которых как раз и были наиболее приспособленными для скотоводства территориями. В то же время в южной части лесного Зауралья начиная с эпохи раннего железа и кончая первой половиной 2-го тысячелетия н.э. развивается ХКТ, базирующийся, наряду с металлургией и охотой, на скотоводстве [Кернер, 1989. С.136, 140—141].

В железном веке у населения Среднего Приобья повсеместно основу животноводческого стада составляла лошадь, известная здесь, как отмечалось, еще с эпохи бронзы [Киришин, Малолетко, 1979. С.130; Чиндина, 1984. С.133]. Лошадь использовали как транспортное животное (в том числе и для верховой езды), лошадиное мясо употребляли в пищу [Чиндина, 1984. С. 134].

С концом эпохи железа—ранним средневековьем связывается проникновение в таежную зону населения, у которого лошадь играла существенную роль в погребальном обряде [Викторова, Кернер, 1988. С.139—140]. Присутствие коня в погребениях фиксируется от Приуралья до Среднего Приобья [Там же; Чиндина, 1991. С.82—83] с запада на восток. Не исключено, что именно с этим населением попали в тайгу черты мировоззрения кочевников. Но данный вопрос требует специального исследования, поскольку как будто не устанавливается территория, с которой продвинулись пришельцы, а также их этническая принадлежность.

В памятниках эпохи средневековья лошадь встречается почти на всей территории, где позднее проживали обские угры. Это и лесное Зауралье, где кости лошади обнаружены на поселениях [Могильников, 1987. С.167, 175; Морозов, 1989. С.147 и др.], и Среднее и Нижнее Приобье [Могильников, 1987. С.213, 230;

Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.57; Морозов, 1989. С.147; Чиндина, 1991. С.82—85]. Причем практически все исследователи подчеркивают, что коневодство получило на перечисленных территориях достаточно высокий уровень развития, — не последнюю роль в этом сыграла способность лошади к тебеневке. Предполагают, что в таежную зону лошадь могла попадать из Приуралья и южных районов Западной Сибири [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.57]. Но исследования костных остатков показали, что лошадь разводило уже именно местное население (находки костей молодых, до 1 года, особей), ее использование в качестве транспортного, в том числе и верхового, животного (находки металлических изображений, деталей конской упряжи), а также употребляли в пищу (сильная раздробленность костей), возможно, и приносили в жертву [Там же. С.57, 59; Морозов, 1989. С.147; Чиндина, 1991. С.83—84]. Важно отметить, что материалы археологических памятников показывают постоянное увеличение доли лошади среди домашних животных населения Нижнего и Среднего Приобья [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.58; Чиндина, 1991. С.82]. Таким образом, наличие скотоводства на этих территориях во второй половине 1-го—первой половине 2-го тысячелетия н.э. не вызывает сомнения, хотя исследователями постоянно подчеркивается, что, во всяком случае, в Нижнем Приобье много костных остатков лошади дают памятники, оставленные пришлым населением [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.58 и др.]. Последнее, как считается, способствовало распространению скотоводства среди коренного населения таежной зоны Западной Сибири.

В связи с этим следует сделать одно замечание. Если предположить, что к рубежу тысячелетий нашей эры предки современных обских угров уже расселились по западносибирской тайге и достигли ее северной части, то, учитывая сказанное выше относительно коневодческого пласта в их мировоззрении, видимо, особого «вливания» со стороны пришлого населения в местное коневодство не должно было быть. Остается допустить, что автохтонное население Нижнего Приобья рубежа тысячелетий, или, по крайней мере, часть его, нельзя считать предками современных хантов и манси: последние заняли эту территорию позднее.

В Среднем Приобье местное население в эпоху средневековья также разводило лошадей особо выносливой породы, приспособленных к зимней тебеневке и холодной погоде, и, судя по костным остаткам, наиболее близких к древним лесным и современным аборигенным породам севера Азии и Европы [Чиндина, 1991. С.83, 85], а также лошадей, специально приспособленных для верховой

езды [Там же. С.84—85]. Практиковалось придомное содержание скота, который весной, летом и осенью пасся в поймах рек и на островах. Ни орудий для заготовки корма, ни специальных построек для содержания скота не обнаружено [Там же. С.84].

Как справедливо замечено [см., например: Бояршинова, 1960. С.45], лошадь не могла играть существенной роли в условиях тайги как ездовое животное. Из-за сильной заболоченности территорий и множества водных преград для езды ее можно было использовать преимущественно в зимний период. Объемы коневодства (и скотоводства в целом) должны были сокращаться также из-за того, что в тайге было значительно меньше территорий, которые могли бы служить пастбищами.

В первой половине 2-го тысячелетия н.э. коневодство таежного населения подпитывалось также со стороны обитавших южнее тюркоязычных народов. По мнению ряда исследователей [см., например: Чернецов, 1937а.С.353], южные группы манси по рекам Тавде и Ляле заимствовали коневодство у живших рядом с ними татар. Но в данном случае вряд ли правильно называть это заимствованием. Обские угры, действительно, могли покупать лошадей у татар (на юге), так же как и у русских и коми-зырян (на севере), при это сами навыки коневодства и связанные с ним черты мировоззрения восходят к более древнему периоду. К нему относится как было сказано, и более древний пласт обско-угорской коневодческой терминологии. А некоторые термины возникли позднее, они происходят из татарского, русского и коми языков [подробнее см.: Там же. С.353—354].

К XVIII—XIX вв. коневодство (и скотоводство в целом) распространилось на все хантыйские волости по Иртышу и Оби в районе устья Иртыша, но наибольшее развитие оно получило лишь в непосредственной близости от крупных рек, где имелись хорошие пастбища и сенокосные угодья. Важно то, что ареал коневодства, как правило, не совмещался с ареалом оленеводства: там, где держали лошадей, обычно не было оленей и наоборот. Как справедливо отмечал А.А. Дунин-Горкавич [1910. С.47], ведение оленеводческого хозяйства занимает много времени летом, а население Оби, Иртыша, низовьев их притоков в летний период должно было все внимание уделять рыболовству. Таким образом, коневодство здесь было удобно еще и потому, что лошади, находясь на вольном выпасе, в это время года не требовали особого внимания. Как было сказано, к началу XX в. рыболовством активно занимались летом и жители среднего и верхнего течения притоков Оби и Иртыша, переселяясь на рыболовные угодья. Но они продолжали

сохранять оленеводство, выработав оптимальный для конкретных условий вариант (см. ниже).

Судя по публикациям о хантах и манси конца XVIII—первой половины XIX в., лошадей эти народы держали сравнительно мало [см., например: Паллас, 1786. С.279,327; Георги, 1799. С. 613- Большая разница наблюдается между северными и южными группами. Так, сосьвинские и ляпинские вогулы лошадей не имели (данные на 1843 г.), а в этот же период у южных вогулов Туринского уезда на 3.5 тысячи человек приходилось 1900 лошадей [Мурзина, 1953. С.225—226]. Со временем число лошадей могло и увеличиваться, и уменьшаться. Так, верхотурские вогулы в первой половине XVIII в. лошадей не держали [Миллер, 1937. С.380], а в первой половине XIX в. имели по 1—2, реже — по 3—4 лошади на семью [Макарий, 1853. С.21]. Поданным Н.В. Сорокина [1873. С.44], во второй половине XIX в* у западных вогулов, не было лошадей, а по данным А. Альквиста [Ahlquist, 1885. S.166], у них, хотя и не повсеместно, лошади все же имелись. Этот автор отмечает деревню Атымья-пауль как последний населенный пункт на р. Пельм, где держали лошадей [Там же]. Лошади были у кондинских манси [Инфантьев, 1910. С.34; Сергеев, 1953. С.24]. Вместе с тем, некоторые авторы говорят об отсутствии лошадей в вогульских юртах, но отмечают факты покупки старых лошадей на Печоре для жертвоприношений [Носилов, 1904. С.53—54], а также заимствование от коми способа использования лошадей как тягловых животных, что подтверждается и заимствованным характером названий «дуга», «узда», «воз» [подробнее см.: Жеребцов, 1974. С.28].

По данным С.И. Руденко, лошадей обские угры держали больше, чем коров [СПб. фил. Арх. РАН, д.66, л.83]. Причем на севере граница распространения лошадей доходила до с. Мужы (приблизительно посередине между Березовым и Салехардом). По материалам XIX в. лошади фиксируются у хантов Пирчиной, Салтыковой, Ваховской, Тром-Юганской, Подгородной, Салымской, Селияровской волостей Сургутского уезда, волости Кодских городков Березовского уезда, манси и хантов Верхне-Кондинской, Усть-Кондинской, Вагильской, Сосьвинской волостей Туринского уезда [Головнев, 1993. С.112]. Опубликованные АА. Дуниным-Горкавичем статистические данные, относящиеся к рубежу XIX—XX вв. и характеризующие хозяйства обских угров практически всех крупных притоков Оби, а также притоков р. Тавды (левый приток Тобола), показывают, какова была ситуация с разведением лошадей. Так, на Вахе на 35 хозяйств приходилось 66 лошадей,

в низовьях Северной Сосьвы на 43 хозяйства — 77 лошадей, в верховьях этой реки на 97 хозяйств — 8 лошадей, а по притоку Северной Сосьвы р. Лялин на 112 хозяйств — 12 лошадей [Дунин-Горкавич, 1910. С.47, 264]. Данные по бассейну Северной Сосьвы относятся к 1903 г.

По р. Большой Юган из 112 хозяйств лошади (33 головы) были в 16, на Малом Югане в это же время в двух (из 29) хозяйствах держали трех лошадей, на р. Балык на 19 хозяйств приходилось 49 лошадей, а в бассейне Салыма на 56 хозяйств — 104 лошади [Там же. Приложение. С.26, 28, 30]. Судя по имеющимся данным, лошадей в это время не держало коренное население рек Аган, Тромъеган, Пим, Лепля, Тапсуй, Вогулка, Сыня, а также верховьев Лозьвы и Пельма [Там же. С.16, 18—19, 22, 40—41]. Важно отметить, что владельцы лошадей могли быть и владельцами оленей (особенно это относится к населению среднего течения притоков Оби), хотя это совсем не означает того, что они сами занимались непосредственно оленеводством. В конце первой четверти XX в. на Вахе, например, хозяйств, в которых держали и лошадей, и оленей, в нижнем течении реки было 13 (на них приходилось 111 оленей и 29 лошадей) а в верхнем — 5 (оленей 47, лошадей 9) [Шатилов, 1931. С.141]. Таким образом, в целом отсутствие лошадей в конце XIX—начале XX в. было характерно для хозяйств коренного населения части рек в Зауралье, а также правых притоков среднего течения Оби и, видимо, верховьев всех притоков.

Породалошадей («вогулка»), которую разводили ханты и манси, была хорошо приспособлена к местному суровому климату. Лошадей использовали в двух направлениях: транспортном в зимний период и культовом (как основное жертвенное животное у большинства групп обских угров). С весны до осени лошади находились на вольном выпасе в тайге, перемещаясь по ней в поисках корма. Причем их владельцы в это время могли быть на рыбалке далеко от места своего постоянного проживания. Лошади, продвигаясь по берегу реки, иногда доходили до временных поселений своих хозяев. На места выпаса (в сора) лошадей отводили весной еще по льду рек, а осенью, после их замерзания, также по льду приводили обратно [Дунин-Горкавич, 1911. С.117]. Никакого специального пристрастия за лошадьми летом не было.

По мере спада воды в реках (главным образом в августе) начинали заготавливать сено на зиму. На одну лошадь требовалось 3.5—4 т сена. Естественно, не везде продуктивность покосов была одинаковой. Лучшими из них считались пойменные луга по берегам рек — низменные или не имеющие стока воды и более высокие,

со стоком. Их урожайность была достаточно высокой. Менее продуктивными были покосы, прилегающие к озерам и заливаемые весной водой, - трава там хуже по качеству, а мелколесье, покрывающее луга, затрудняло сенокос. Сено косили около селений или же выезжали на отдаленные покосы [Котов. Архив Предприятия АВ КОМД-6, л.52—53]. Важно отметить, что сено могли заготавливать и те ханты и манси, которые не имели скота; его продавали ямщикам [Шульц, 1924. С.14]. Кроме того, луга, принадлежавшие коренному населению, сдавались в аренду, в частности, уральским заводам (СОГА, ф.593, оп.1, ед.хр.26).

Наиболее удобной для кошения местных жестких трав была коса-горбуша - под ней трава далеко разбрасывается, что обеспечивает хорошую просушку. Литовкой косили редкую и мягкую траву. Сено ставили не ковшами, а узкой стеной вдоль вбитых в землю кольев [Шульц, 1924. С.14].

Зимой лошадей держали в загоне, пристроенном к помещению для содержания скота (коров, овец), - способ с давних пор хорошо известный многим народам Сибири, практиковавшим скотоводство.

В связи с коневодством обских угров следует отметить одно важное обстоятельство. У этих народов широкое распространение получили коновязные столбы (рис. 20) - элемент культуры кочевого и полукочевого населения. Вместе с тем, ханты и манси не знали доения кобылиц. Оно также считается характерным для кочевников и полукочевников. *Эти*, на первый взгляд, несовместимые факты как представляется, могут вывести на источник первоначального

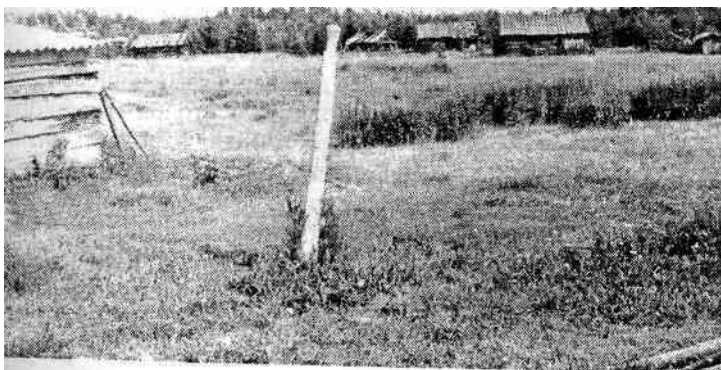

Рис. 20. Конавязный столб. Дер. Верхнее Ниладино (Северная Сосьва)
Фото автора (МАЭ, И-2157-126).

коневодства предков хантов и манси: необходимы поиски культуры, носители которой занимались бы коневодством, характеризующимся названными признаками. Конечно, нельзя исключать и того, что доение кобылиц было утрачено в результате изменений в этом виде занятий после проникновения коневодов на север. Но это предположение кажется менее вероятным: народы, которым известно доение лошадей, делают из их молока кумыс, используемый в ритуальной практике. Скорее всего, у хантов и манси наблюдалось бы то же самое, если бы их далекие предки, принешие коневодство, знали доение кобылиц. Судя по этнографическим материалам, поиски этих предков не должны идти в направлении тюрко-монгольского мира — там доение лошадей всегда имело место. Более подходящим представляется направление Ирана и Передней Азии, поскольку в пище населяющих эти регионы народов молоко кобылиц как будто не присутствует [Этнография питания народов стран Зарубежной Азии, 1981]. Правда, нужно отметить, что у этих народов не удалось пока (по литературным источникам) обнаружить и коновязных столбов. Появление последних у народов Евразии археологи относят к эпохе поздней бронзы [Савинов, 1992. С.42].

У хантов и манси, по этнографическим данным, вертикальная коновязь присутствовала повсеместно там, где держали лошадей [подробнее см.: Соколова, 1986; Федорова, 1994в. С. 102—103]. Причем известны не только бытовые, но и ритуальные коновязные столбы, к которым привязывали лошадь, приносимую в жертву либо верховному божеству, либо его- седьмому сыну (его наиболее распространенные имена: манс. *Мир-сусне-хум*, хант. *Мир-ванты-ху* — «За миром наблюдающий человек»), который представляется в образе всадника на белом коне (в этнографической литературе его принято отождествлять с иранским Митрой [см., например: Топоров, 1981. С. 146-149; Гемуев, 1990. С.190-194]). Здесь коновязь выступает как эквивалент мирового дерева, связывающего миры по вертикали. Аналогичную роль коновязного столба исследователи выявляют в мировоззрении тюркоязычных народов: алтайцев, хакасов, якутов [Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988. С.33]. Сюда же можно отнести и скифские жертвенные столбы. Важно отметить, что, в отличие от ряда тюрко- и монголоязычных народов, у обских угров коновязный столб не ставится на могиле. Таким образом, выпадает еще один признак культуры кочевников. Можно еще предположить, что бытовой коновязный столб у обских угров появился не под влиянием кочевников, а в результате трансформации ритуальной коновязи. Она же могла возникнуть у того южнотаежного населения, в среде которого формировались

скотоводческие навыки. Лошадь изначально была здесь жертвенным животным, привязываемым при заклинании к столбу.

Возвращаясь к вопросу о доении лошадей, нужно сказать, что оно было известно еще андроновскому населению [Кузьмина, 1986. С.34]. Следовательно, как будто не остается того направления (в географическом или этническом планах), по которому можно бы выявить население, занимавшееся коневодством, имевшее коновязные столбы, включавшее в свою мировоззренческую систему культ коня и божество в образе всадника, но не знавшего доения лошадей и имевшее погребальный обряд, в котором не прослеживается какое-либо присутствие коня. Возможно, при тщательном изучении обозначенного здесь вопроса такое население и обнаружится. Хотя, все же, более вероятно, что комплекс черт, характерных для коневодства обских угров, сформировался самостоятельно в южнотаежной подгоне Западной Сибири, а затем испытал на себе влияние культуры кочевников.

Разведение рогатого скота. Происхождение этого вида деятельности у обских угров тесно связано с происхождением коневодства, поэтому, не останавливаясь подробно на самом процессе (он был охарактеризован выше), следует перечислить основные его этапы.

Скотоводство существовало в предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири с энеолита (Косарев, 1991. С.71]. В этот период, а также в эпоху бронзы доля крупного и мелкого рогатого скота в стаде была менее значительной, чем доля лошади [Там же. С.71, 72]. В раннем железном веке занималось скотоводством население горнолесного Зауралья, причем среди костных остатков домашних видов 28.9% принадлежат крупному рогатому скоту и 10.9% — мелкому [Косинцев, Стефанов, 1989. С.112]. Рогатый скот разводили и в более восточных районах, но там роль скотоводства была большей или меньшей в зависимости от того, держали ли его местные жители или пришельцы с севера. Первые занимались скотоводством более, а вторые менее активно [Там же. С.112-115].

В указанный период скотоводство (в том числе и разведение рогатого скота) было одним из ведущих занятий населения как лесостепной, так и южнотаежной зоны. В частности, в материалах саргатских памятников Прииртышья доля крупного рогатого скота в стаде составляла 22.7%, мелкого — 19.2% [Могильников, 1992. С.306].

В эпоху железа крупный и мелкий рогатый скот разводили также и в южной и западной частях Среднего Приобья [Чиндина, 1984. С.134]. Но в средневековых памятниках с этой территории следы разведения рогатого скота практически отсутствуют [Чиндина, 1991. С.85], хотя коневодство здесь было чрезвычайно развитым [Там же].

В Нижнем Приобье мелкий рогатый скот появляется в середине 1-го тысячелетия н.э., скорее всего, с юга [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.56]. Предполагают, что этим же временем можно датировать и начало разведения на Нижней Оби крупного рогатого скота, хотя остатки этих животных на поселениях относятся к более позднему периоду — первой четверти 2-го тысячелетия н.э. [Там же. С.53, 56].

Интересно, что при сопоставлении результатов обмеров костей выяснилось сходство крупного рогатого скота (так же, как и лошадей), разводимого в раннем железном веке населением Зауралья, со скифским и дьяковским. Овцы здесь были крупнее восточноевропейских — скифских, ананьинских и Черняховских. Крупнее ананьинского и Черняховского был и крупный рогатый скот [Косинцев, 1986. С.88]. Важно отметить, что состав стада не был везде одинаков (в частности, мелкий рогатый скот не разводили повсеместно), — это зависело от физико-географических условий, интенсивности обмена с населением прилегающих лесостепных районов и ряда других причин [Там же].

В эпоху средневековья на Нижней Оби как местное, так и пришлое (приуральское) население разводило крупный и мелкий рогатый скот, имевший, вероятно, западное происхождение и оказавшийся здесь с пришельцами из-за Урала, в то время как в южнотаежной подзоне овцы, судя по костным остаткам, ближе к золотоордынским [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.56]. Таким образом подтверждается уже упоминавшаяся точка зрения, согласно которой на скотоводство обских угров оказывали влияние соседние народы, что отражено и в терминологии: названия домашних животных у обских угров имеют параллели в финских и тюркских языках [подробнее см.: Paasonen, 1902. S.108, 129; Setala, 1902. S.223; Redei, 1970. S.96, 123; Жеребцов, 1974. С.28 и др.]. В целом же в эпоху средневековья разведение рогатого скота у населения лесного Зауралья, Среднего и Нижнего Приобья играло значительно меньшую роль, чем содержание лошадей [Могильников, 1987. С. 175, 200 и др.].

Важно отметить, что и овцы, и коровы у хантов и манси используются в качестве жертвенных животных. Причем, судя

по этнографическим материалам, статус овцы в данном случае был выше статуса коровы. Например, на Конде специально для жертвоприношений держали белых баранов [Инфантьев, 1910. С. 151], у обских манси женщины должны были в течение жизни принести в жертву божеству *Калтац эква* (покровительница женщин) трех овец [ПМА, № 1698, л.33].

По мнению ряда исследователей, в XIV—XV вв. значительное влияние на скотоводство юго-западных групп обских угров, в частности манси, оказали соседи — башкиры и сибирские татары, у которых они выменивали на пушнину крупный и мелкий рогатый скот для расширения запасов мясной пищи [см., например: Бояршинова, 1960. С.45]. На вторую половину XVI в. можно говорить уже о достаточно развитом скотоводстве у отдельных групп манси (конкретно — живших в бассейнах рек Тура и Косьва): у них, помимо скота, имелись пастбища, покосы [Там же], т.е. они могли в любое время года обеспечить скот кормами.

В представлениях путешественников и исследователей прошлого, как отмечалось, скотоводство обских угров было связано с влиянием русских [Любарских, 1782. С.79; Носилов, 1897. С.20; Павловский, 1907. С.27 и др.]. По мнению К.Д. Носилова, например, то, что северные манси стали только во второй половине XIX в. заводить коров и лошадей, может служить доказательством их обрусения [Носилов, 1897. С.20], с чем трудно согласиться, учитывая все сказанное выше. Северные (сосьвинские и ляпинские) манси не имели скота в XVIII и первой половине XIX в. также и по данным А.И. Мурзиной [1953. С.226]. В верховьях рек рогатого скота было мало или его не держали вообще [Сорокин, 1873. С.44; Инфантьев, 1910. С.22]. В то же время наличие у обских угров коров и овец отмечали многие авторы XVIII—XIX вв.: Г. Новицкий [1884. С.37], И. Лепехин [1814. С.21], И.Г. Георги [1776. С.61], П.-С. Паллас [1786. С.327], П. Любарских [1782. С.79], Макарий [1853. С.21], Н.И. Кузнецов [1887. С.742], К.Д. Носилов [1897. С.20], Н.Л. Скалзубов [1907. С.6], П.П. Инфантьев [1910. С.34] Ahlquist [1885. S.166].

Как показывают материалы XX в., рогатый скот можно было держать как на юге, так и на севере ареала обских угров — природные условия позволяли это делать. Обычно на семью приходилось 1—2, иногда 3—4 коровы [Макарий, 1853. С.21]. Овец же держали на одно хозяйство иногда до 60 голов [ПМА, № 1698, л. 123]. Вероятно, соотношение численности отдельных видов домашних животных в хозяйствах разных групп обских угров было различным. Хотя основные тенденции, скорее, одинаковы — преобладали лошади и

и овцы. Например, у южных (салымских) хантов на семью из пяти человек достаточно было иметь 3—4 коровы, 5—6 лошадей (число овец информантка определила как «много», что превышало указанные цифры [ПМА, № 1721, л.28]). Имеются и данные, показывающие размеры скотоводства отдельных групп в целом. Так, вогулы Туринского уезда в 1843 г. держали 2448 голов крупного рогатого скота и 3094 головы овец на 3.5 тыс. человек [Мурзина, 1953. С.225]. По данным А.А. Дунина-Горкавича [1910. Приложение. С.30], на рубеже XIX—XX вв. в бассейне р. Салым на 56 хозяйств приходилось 38 коров и 53 овцы, у хантов бассейна р. Балык, включая Юганскую Обь, на 54 хозяйства — 20 коров (лошадей, для сравнения — 142) [Там же. С.28]. Семья, в которой держали одну корову и одну лошадь, считалась мало обеспеченной скотом [ПМА, № 1698, л. 124].

Как уже говорилось, не везде было можно в равной степени заниматься скотоводством. Особой заботы требовали овцы, в частности, их могли задрать собаки, которых не держали на привязи. Второй существенный момент связан с тем, что рогатый скот нельзя оставлять без присмотра в то время, когда его хозяева уезжали на лето на рыбалку [Городков, 1913. С.96]. Кроме того, в случае, если не хватало кормов (в определенные годы луга были затоплены водой все лето и осень, негде было ставить сено, или же его смывало в результате сильных осенних разливов), население вынуждено было забивать рогатый скот [Городков, 1913. С.49; Шульц, 1924. С.7].

Рогатый скот летом выпасался самостоятельно. Овец старались отвезти туда, где не было собак, например, за реку. Население верховьев рек, спускаясь в низовья на летнюю рыбалку, забирало овец с собой (их везли на лодках), или же на месте зимнего поселения оставался присматривать за скотом кто-либо из членов семьи, других родственников. Летом, как уже говорилось (с середины июля до сентября), заготавливали сено. Зимой же коров с телятами могли держать в жилом помещении (там же коров и доили) или же в специальных постройках — срубах с плоской крышей, предназначенной для хранения на ней сена, и открытым загонем для лошадей. Внутри старались еще делать отдельные помещения для крупного и мелкого рогатого скота, более теплая часть помещения отводилась коровам [Руденко. Уфы... Архив, д.66, л.83; Городков, 1913. С.96; Шульц, 1924. С.4; ПМА, № 1614, л.47, 59; № 1698, л.55, 82; № 1721, л.28].

Обско-угорское скотоводство имело преимущественно мясную направленность. Овец держали еще и ради получения шерсти. Коров доили, о доении же овец никаких сведений найти не удалось.

В последнее время встает вопрос о свиноводстве у обских угров. Археологические материалы показывают, что свиней, хотя и мало, разводило население лесостепи Зауралья и Западной Сибири (саргатцы и гороховцы) в скифо-сарматское время [Могильников, 1992. С.306]. В Нижнем Приобье свинья появляется в эпоху средневековья вместе с пришельцами из-за Урала. Ее кости чаще встречаются на поселениях, оставленных славянами [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.57]. Незначительны и сведения о наличии свиней у обских угров в этнографических источниках [Георги, 1776. С.61; Жеребцов, 1974. С.28]. Современные информанты говорят о том, что в прошлом держали свиней особой породы: меньших по размерам в целом, но с более длинным туловищем, длинными же ногами и ушами и длинной шерстью [ПМА, № 1698, л.125]. Однако из-за недостатка данных ареал свиноводства у обских угров определить сложно, так же, как и ра«меры этого занятия.

Свиноводство обращает на себя внимание в связи со следующими фактами. Во-первых, судя по названию свиньи в уральских языках (правда, в обско-угорских и ненецком оно считается заимствованным от коми), она стала известна еще с глубокой древности, видимо, благодаря соседям-индоевропейцам [Краткий этимологический словарь коми языка. С.226; Хайду, 1985. С. 183]. Во-вторых, у салымских хантов (южная группа) были получены сведения, согласно которым свинья являлась главным жертвенным животным — она приравнивалась к 7 жертвам [ПМА, № 1721, л.89]. Юганские ханты приносили свинью в жертву божеству *Мыг-анки* («Земляная мать»), которое как считается, она выкопала, роясь в земле [Там же, л.81—82]. В-третьих, свинья упоминается в обско-угорском фольклоре. Так, в одном из мифологических сказаний северных (ляпинских) манси, записанном в 1889 г. Б. Мун-качи, свиньи, наряду с овцами, коровами и лошадьми, переходят от персонажа Парাপарсеха, первый компонент имени которого («Парап») связывают с названием Бараба (Барабинская степь), к культурному герою Тарыг-пещ-нималя-сов (имя Мир-сусне-хума в мифическую эпоху) [Мифы, 1990. С.261, 531]. Следует подчеркнуть, что Бараба входит в ареал саргатской культуры.

Как представляется, приведенные здесь сведения могут подтвердить первое положение, согласно которому в культурогенезе южных и восточных хантов, проживавших в начале XX в. в междуречье Оби и Иртыша, приняло участие саргатское население, разводившее свиней (хотя и в незначительном объеме), — иным способом трудно объяснить факт наличия свиньи в качестве жертвенного животного. Жертвоприношение свиньи является релик-

том существовавшего в далеком прошлом свиноводства. Данные фольклора свидетельствуют о влиянии лесостепного населения на скотоводство и предков манси в период проживания их по соседству. В то же время, почитание свиньи должно было иметь место уже в древности, как у ряда индоевропейских народов (исключая индоиранцев [Кузьмина, 1986. С.29J). По данным В.И. Цалкина, свиноводство полностью отсутствовало у андроновцев, следовательно, вероятно, не могло быть и у того населения, которое формировалось под их влиянием, а затем выступило в качестве одного из компонентов саргатцев. Таким образом, должна быть другая линия развития свиноводства, отразившаяся в жертвоприношении свиньи у хантов.

Оленеводство. Это занятие принято считать традиционным для хантов и манси, в отличие от тех отраслей скотоводства, о которых говорилось выше. Но вопрос о его происхождении в настоящее время не имеет однозначного решения. Прежде всего он упирается в проблему происхождения оленеводства у северных самодийцев, от которых, по существовавшей еще недавно как единственной точке зрения, обские угры и заимствовали оленеводство.

В настоящей работе не ставится вопрос о происхождении оленеводства вообще, или же о происхождении какой-либо из его форм, этим проблемам в литературе всегда уделялось достаточно внимания, в том числе и в последние десятилетия (С.И. Вайнштейн, Л.В. Хомич, В.А. Козьмин, И.И. Крупник, Н.В. Лукина, В.А. Шнирельман, С.Б. Помишин, Л.П. Хлобыстин, Г.Н. Грачева, А.В. Головнев и др.), хотя они и не представляются решенными. Здесь же важны только пути формирования обско-угорского оленеводства, которые могут быть выявлены на базе археологических, этнографических и фольклорных данных.

По мнению исследователей, на рубеже 1—2-го тысячелетий н.э. из лесной зоны Западной Сибири на север продвинулось население, знакомое с таежным оленеводством [Хлобыстин, Грачева, 1993. С. И3; Грачева, 1993. С. 120}. Этим населением были носители вожпайской культуры (IX—X вв.), сформировавшейся в Обь-Иртышье и по Средней Оби и распространившейся в приполярные районы Западной Сибири и оттуда на запад Таймырского Заполярья [Хлобыстин, 1993. С.26]. Л.-П. Хлобыстин определяет эту культуру как самодийскую [Там же]. Предположение о том, что вожпайцы были

знакомы с лесным оленеводством, основано на факте вхождения территории, на которой должны были сформироваться самодийцы перед переходом их культуры лесных оленеводов в культуру оленеводов тундры, в ареал вожпайской культуры [Хлобыстин, Грачева, 1993. С.113].

Археологические памятники как будто не дают сведений о наличии оленеводства в среднетаежной полосе Западной Сибири до начала 2-го тысячелетия н.э., когда начинают выделяться две области хозяйствования: западная (Нижнее Приобье) и восточная (Сургутское Приобье). В числе характеризующих их признаков — развитое упряжное оленеводство для первой области и наличие верхового оленеводства и большая роль северного оленя, как дикого, так и домашнего, — для второй. При этом допускается использование оленя в качестве верхового в западной области и упряжного — в восточной [Косинцев, Морозов, Терехова, 1988. С.63]. Таким образом, на территории, где позднее известны обские угры, транспортное оленеводство существует около тысячи лет.

Основной чертой обско-угорского оленеводства является использование оленей в качестве транспортных животных в промысловом хозяйстве. Как правило, у таежных оленеводов олени на мясо не забивались, поскольку охота и рыболовство вполне обеспечивали необходимые пищевые запасы. Кроме того, мясо животных, которые использовались как транспортные, не отличается хорошими вкусовыми качествами.

Семье необходимо, как минимум, число оленей, обеспечивавшее ее транспортные потребности. В стаде должны были содержаться олени, выделяемые в собственность каждого родившегося ребенка, которых он потом забирал, уходя из семьи, — старшие сыновья при выделении из семьи, дочери при выходе замуж. Определенное число животных требовалось еще и для того, чтобы поддерживать необходимый размер стада. В таежных условиях потеря оленей достаточно велика: они гибнут в болотах, загоняемые туда гнусом, их задирают волки, наконец, домашние олени, находясь на полувольном выпасе, нередко уходят с дикими.

Численность оленей у различных локальных групп обских угров неодинакова. Максимальная цифра, которую называют современные информанты, — 40 голов на семью. Размер стада зависел от ряда причин: наличия на территориях, где находились промысловые угодья семьи, пастбищ, от половозрастного состава семьи, поскольку олени все же требовали определенного ухода, особенно в летнее время и в период отела, а старики и малолетние дети не могли принимать в этом участия, работоспособные же члены семьи

основное время должны были уделять промыслам (мужчины) или же домашнему хозяйству (женщины).

Число оленей, приходящихся на одну семью, указывается в источниках XVIII—XIX вв. Правда, оно не всегда определено. Например, Г. Новицкий писал, что «у некоторых много оленей, которых содержат как домашний скот и используют вместо лошадей» [Новицкий, 1884. С.37]. О том, что среди вогулов мало оленеводов, писал Н.И. Кузнецов [1887. С.742]. Видимо, от того, что непосредственно приходилось наблюдать путешественнику или исследователю, на какие критерии оценки он ориентировался, зависела и та характеристика, которую он давал оленеводству: по мнению одних, среди вогулов не было богатых оленеводов [например, Варсонофьева, 1929. С.97], по данным других, встречались богатые оленеводы, имевшие стада оленей в несколько сот голов [например, Носилов, 1897. С.20; Глушков, 1900. С.34]. Иные причисляли к богатым тех оленеводов, которые владели сотней оленей [Остроумов, 1904. С.179]. Но в основном на семью приходилось от 3—5 до 10 оленей у сосвинских и ляпинских вогулов, только в верховьях Ляпина у трех-четырех семей было около 100 оленей и в верховьях Тапсуя у одной — около 200 [Руденко. Угры... Архив, № 66, л.84; Ahlquist, 1885. S.56]. Нужно сказать, что даже население одной и той же территории (верховья Вишеры и Колвы) в один и тот же период (конец XVIII в.) характеризуется по-разному: оленей не держат [Любарских, 1782. С.79] и «содержат, по примеру самоедов, одних только оленей» [Георги, 1776. С.61]. Подобная ситуация имеет все то же простое объяснение. Во-первых, не проводилось сплошного обследования, и каждый фиксировал то, что он видел и слышал, нередко не сравнивая свою информацию с другой. Во-вторых, за те годы, что прошли между поездками разных авторов (хотя это и довольно короткий срок) явно могли произойти изменения.*

Большой интерес представляет другое: соотношение оленных и безоленных хозяйств, что поможет лучше понять имевшую место картину хозяйства и образа жизни. По данным А.А. Дунина-Горкавича [1904. С.76], на рубеже XIX—XX вв. по р. Ляпин было до 40% безоленных вогульских хозяйств, по р. Сосьве — 14%. Эти сведения интересны в том плане, что на Ляпине манси ближе всего находятся к ненцам и, вместе с тем, оленеводческих хозяйств здесь меньше. В материалах переписи 1926—1927 гг. хозяйства

* Нельзя забывать, что И.Г. Георги использовал при написании своей работы сочинения разных авторов середины—второй половины XVIII в.

подразделяются на две группы: кочевые и оседлые и полuosедлые. В бассейне Северной Сосьвы было 14 кочевых и 226 оседлых и полuosедлых хозяйств, владевших оленями. На первые приходилось 5895 голов, на вторые — 6712 [Оленеводство, 1930. С.4—5]. В бассейне р. Ляпин картина была следующая: 28 кочевых и 213 оседлых и полuosедлых хозяйств, в них 1933 и 7687 оленей соответственно [Там же]. Таким образом, на Ляпине средний размер стада на одно хозяйство больше, чем на Северной Сосьве (особенно в кочевых хозяйствах). Оседлые же и полuosедлые имели чуть более 30 оленей. Возможно, изменения в ситуации, по сравнению с более ранним периодом, произошли под влиянием коми-зырян и ненцев. В кочевых хозяйствах на Ляпине в это время в течение года поголовье оленей в целом несколько увеличилось, в то время как в оседлых (а на Северной Сосьве — в тех и других) оленей стало меньше [Там же. С. 10—И].

У хантов крупные стада оленей (от 200 до 1000) были только на севере, в низовьях Оби, там же встречались и чисто оленеводческие хозяйства [Георги, 1776. С.68; Паллас, 1788. С.60; Руденко, 1914. С.4; Андреев, 1947. С.94—95]. В начале XX в. обычно на хозяйство приходилось немного оленей, например, на Казыме — 10—30 [Руденко, 1914. С.4]. В хантыйских «олeneводческих» районах также не все хозяйства имели оленей. Например, по Ваху безоленные хозяйства составляли 32%, по Югану — 28 [Дунин-Горкавич, 1904. С.76].

На рубеже XIX—XX вв. в бассейне Ваха на 249 хозяйств приходилось 758 оленей, по Вогулке, соответственно, на 20—146, в бассейне Северной Сосьвы — 175 и 1966, в бассейне Ляпина — 112 и 1856 [Дунин-Горкавич, 1910. С.264; 1910. Приложение. С.15, 40]. На Агане вообще не было безоленных хозяйств. Всего их насчитывалось 41 и 428 оленей, на Тромъегане 39 хозяйств и 643 оленя, на Пиме 29 и 236 [Там же. С. 16—22]. В бассейне Югана в 79 (из 141) хозяйствах держали 229 оленей, в бассейне Салыма было всего 12 оленей на 56 хозяйств, а в бассейне р. Балык — 2 на 19 хозяйств [Там же. С.26, 28, 30].

Иной была ситуация в бассейнах рек, стекающих с Урала. Так, в двух хозяйствах по р. Лепля держали 120 оленей, в 18 (из 21) хозяйствах по Тапсую — 283 оленя, в верховьях Пелыма в 5 хозяйствах было 77 оленей, а в верховьях Лозьвы в 3 — 280 оленей [Там же. С.40—41]. Наконец, на самых северных притоках Оби, где жили ханты, было 1475 оленей на 75 хозяйств на р. Сыня и 226 оленей на 33 хозяйства на р. Куноват [Там же. С.35—41].

В низовьях и верховьях рек ситуация была различной. В частности, на Вахе в верховьях из 42 хозяйств оленей имело 31, всего животных было 126 (в среднем 4.8 на хозяйство), а в низовьях из 66 хозяйств — 17 оленных с общей численностью оленей в 61 голову (5.3 на одно хозяйство) [Шатилов, 1931. С.135]. Таким образом, в низовьях реки на одно хозяйство приходилось оленей больше, чем в верховьях, хотя в низовьях больше содержали и лошадей. По данным переписи 1926—1927 гг., у хантов верховьев Казыма (кочевые хозяйства) приходилось 5404 оленя на 9 хозяйств, 4385 оленей на 160 оседлых и полуоседлых хозяйств. В бассейне р. Вогулки было 11 хозяйств с 1568 оленями — кочевых и 27 с 895 оленями — оседлых и полуоседлых [Оленеводство, 1930. С.4—5].

Как видим, больше всего оленей на хозяйство приходилось в верховьях Казыма. Причем в течение года в верховьях численность оленей увеличилась, а в целом в бассейне Казыма (оседлые и полуоседлые хозяйства в отличие от кочевых в верховьях) уменьшилась. На Вогулке же наблюдалось увеличение численности оленей в хозяйствах всех групп [Там же. С. 10—11].

Приведенные данные по численности оленей показывают, что на территориях, где проживали обские угры, практически не было семей, хозяйство которых базировалось бы на оленеводстве. Сведения о тысячных стадах не имеют документальных подтверждений, возможно в действительности речь шла об объединенных для летнего выпаса стадах.

Оленеводческое население было разбросано на обширных таежных пространствах, концентрируясь там, где условия для содержания оленей были наиболее подходящими. Исследования второй половины XX в. показали, что на территории Ханты-Мансийского автономного округа возможности пастбищ значительно превышали потребности оленеводства (90 тыс. домашних оленей в 1954 г. и 70 тыс. — в 1964 г. при наличии резервных пастбищ на 180 тыс. оленей и при 10—15 тыс. диких оленей) [Сыроечковский, 1975. С.24]. До становления колхозного и совхозного оленеводства численность домашних оленей была еще меньше. Для сравнения можно привести данные, относящиеся к 1830-м годам. В это время в Сосьвинской и Ляпинской волостях, где оленеводство всегда было более развитым, чем на других территориях губернии, имелось 12 тысяч и 5400 оленей соответственно [Мурзина, 1953. С.226]. Эти цифры показывают, что возможности для развития оленеводства были, но в силу ряда различных причин, как социально-экономического, так и экологического характера, оно продолжало оставаться всего лишь дополнительным занятием. Теми

же причинами были обусловлены и особенности оленеводства отдельных групп обских угров. Здесь выделяется несколько районов: территории, прилегающие к Уралу; низовья Оби; правые притоки Оби; междуречье Оби и Иртыша.

У обских угров, живших в районах, прилегающих к Уралу, и по бассейнам стекающих с него рек, практиковалось отгонное и так называемое «избное» оленеводство. Основная разница между ними состояла в том, что в первом случае стада оленей в летний период отгонялась на горные пастбища, во втором — олени в течение всего года находились около жилья. Поскольку по оленеводству манси материалов недостаточно, то трудно сказать, в чем причины возникновения таких различий. Ответа на этот вопрос не дают и те сведения, которые имеются по оленеводству приуральских хантов. Предположительно наличие «избного» оленеводства объясняется здесь малочисленностью оленей в хоӀфлугае [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.84]. Интересно, что, по мнению одного из современных информантов-манси, оленей в прошлом могли держать те, у кого была возможность оплачивать их выпас [ПМА, № 1614, л.65]. Возможно, отгонное оленеводство возникло под влиянием коми-зырян, у которых со стадами кочевали только пастухи (так называемая «оседлость ижемского типа») [Жеребцов, 1974. С.15]. В любом случае, в наличии здесь двух типов оленеводческих систем можно видеть различные стадии развития оленеводства: от начала становления этого занятия, когда оленей в хозяйстве было мало и они паслись около жилья, через отгонное оленеводство, на базе которого возникало крупнотадное, до выделения последнего в самостоятельную отрасль хозяйства, что и произошло в годы советской власти в бассейне р. Ляпин.

Как уже говорилось, при «избном» оленеводстве животные в течение всего года паслись рядом с жилищем. Видимо, из-за малочисленности оленей в данном случае не возникали проблемы с пастбищами. Хотя, по мере их истощения, места поселений менялись. Кроме того, при такой системе олени приучались питаться рыбой, черствым хлебом и пр. Чтобы животные не потерялись, им на шею привязывали специальные колокольчики. С этой же целью прикрепляли деревянные ботала к рогам. Для того чтобы олень не ушел далеко, на шею ему одевали специальные приспособления в виде деревянного обруча с привязанной к нему перекладиной или же петли с прикрепленной к ней палкой, которая била его по ногам. Оленят, пока они не подрастут, содержали в жилище. Еще одна характерная черта — устройство в летний период крытых корой срубов или берестяных чумов с дымокурами для защиты от

комаров [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.84; Носилов, 1897. С.4—5; Северная Сосьва, 1992. С.16].

При отгонном оленеводстве с мая по сентябрь олени нескольких владельцев объединялись для выпаса и отгонялись под присмотром пастухов-мужчин на горно-таежные пастбища и дальше на север по направлению к Карскому морю [Сорокин, 1873. С.44; Чупин, 1874. С.151; Кузнецов, 1887. С.742; Носилов, 1897. С.6; Руденко. Угры. Архив, № 66, л.4]. Меридиональное кочевание, а также круглосуточное окарауливание оленей, как считается, ввели коми [Жеребцов, 1974. С, 13]. Плата за выпас одного оленя составляла 30—35 коп. в год [Северная Сосьва, 1992. С.16] (для сравнения: стоимость 400 оленей составляла 20 тыс. руб. [Носилов, 1904. С.42]). Сборное стадо состояло из 300—500 голов. По возможности оленей старались отдавать на летний выпас в стада, владельцами которых были ненцы — они считались лучшими пастухами. На втором месте шли коми. Но у обских угров появлялись и собственные пастухи. Можно предположить, что первоначально это были наиболее удачливые владельцы оленей, испытывавшие интерес к новому виду деятельности (кстати, освоение какого-то нетрадиционного занятия⁴ «из интереса» приходилось наблюдать и в настоящее время среди хантов и манси). Естественно, одной этой причины было мало, требовались еще и соответствующие условия. Постепенно формировались навыки, оленеводческий опыт передавался по наследству. Появление возможности передать на лето оленей на выпас в чужое стадо освободило от забот по их выпасу часть населения, которое в летний период сосредоточивалось на рыболовстве. Таким образом, проникновение оленеводства в среду обских угров, с одной стороны, увеличило возможность охоты, расширив промысловые территории, с другой — внесло изменения в систему социально-экономических отношений. Появившиеся пастухи-профессионалы выпасали оленей либо своего рода «бригадами», либо с помощью членов своей семьи, а иногда имели еще и работников [Носилов, 1904. С.42].

При формировании отгонного оленеводства, наряду с влиянием оленеводческих культур, немаловажную роль играли и навыки скотоводства, которые проникли в среду таежного населения в более ранний период. Вполне возможно, что при сложении отгонного оленеводства скотоводческие традиции сыграли решающую роль, хотя то, что оно возникло довольно поздно, является, скорее, свидетельством конвергенции. При сходстве в приемах выпаса различия заключаются в видовом составе стада: у скотоводов

это главным образом овцы, у жителей северной тайги Западной Сибири — олени.

Объединенные стада начинали перегонять в горы в конце зимнего периода. Иногда олени сами уходили на Урал, на те пастбища, на которых они находились в предыдущем году [Дунин-Горкавич, 1904а. С.49]. Амплитуды кочеваний были небольшими, а пастбища — постоянными. При умеренных летних температурах стада перегоняли на другие пастбища 2—3 раза, в жаркое лето требовалось больше перекочевок [Там же]. На горных пастбищах для оленей делали дымокуры на открытом воздухе [ПМА, № 1555, л.33]. В ноябре олени спускались с гор и паслись уже около жилья в течение всей зимы.

В лесу снег не такой плотный, как например, в тундре, и оленям легче было добывать себе корм. На богатых ягельниках олени держатся на сравнительно небольшой площади. При переселении жилище старались ставить рядом с ягельниками, их наличие учитывали также и при охоте, поскольку олени, на которых охотник приехал на угожья, должны были где-то кормиться, пока он преследовал зверя. Вообще, перемещаясь по тайге, ханты и манси отмечали для себя то, что может пригодиться им в дальнейшем, например, дерево, подходящее для лодки, хорошее пастбище и т.п. В зимний период на хорошем пастбище ягель обеспечивал до 80% состава корма домашних оленей [Сыроечковский, 1975. С.31—32].

Около жилища устраивали специальный кораль из жердей (рис. 21), куда помещали всех оленей для отлавливания среди них ездовых. Внутри были столбы для привязывания оленей — черта, которая считается реликтом коневодческой культуры. К сожалению, из-за отсутствия материалов трудно определить, когда появились подобные сооружения.

Нередко в зимний период к жилищу подгоняли только ездовых оленей, оставляя других в общем стаде [Северная Сосьва, 1992. С.24], или же за ездовыми животными отправлялись на лыжах. Хотя зимой олени находились значительно ближе к жилищу, чем летом, места их пастбы определялись наличием ягеля, а не величиной расстояния от поселения. В данном случае, видимо, можно говорить о формировании относительно крупностадного (по таежным меркам) оленеводства: значительная часть стада оставалась объединенной не только летом, но и зимой и находилась под присмотром пастухов, складывалась система пастбищ. Отличие от классического крупностадного оленеводства состоит в том, что хозяйство, в том числе и пастухов-оленоводо, базировалось все-

Рис. 21. Кораль для отлавливания ездовых оленей. Верховья Лозьвы.

таки на других видах деятельности, поскольку таежные условия не позволяли содержать большие стада силами одной семьи.

Отгонное оленеводство характеризовалось также наличием специальных приспособлений, замедляющих бег оленя, колокольчиков и ботал [ПМА, № 1555, л.32—33].

Отдельные семьи манси, постоянно жившие на Урале, практиковали оленеводство, по типу приближающееся к тундровому. Оно было ведущей отраслью хозяйства. Личное стадо имело значительные размеры, перекочевки всей семьей осуществлялись в течение года, хотя амплитуда сезонных передвижений была незначительной. Определенное отрицательное влияние на обско-угорское оленеводство оказывали коми-зыряне, которые занимали пастбища (иногда арендовали), вытравливали своими большими стадами ягельники, отбивали часть чужих оленей [Макаревский, 1907. С.6-7].

Небольшая группа северных хантов, жившая в зоне лесотундры и тундры, вела хозяйство, базировавшееся на оленеводстве тундрового типа. В лесотундре стадо (личное) было меньших, чем в тундре, размеров: 100 и 200—250 голов соответственно. Различались и направления сезонных перекочевок. Так, в тундре они были меридиональными и имели протяженность до 100 км, а

в лесотундре — широтными, с амплитудой до 500 км [Головнев, 1993. С.86]. Например, с правого берега Оби еще зимой, по льду, переходили на левый, затем шли через Урал в бассейн р. Усы, а обратно возвращались в начале зимы [Лукина, 1993. С.204—205].

Для облегчения выпаса в летний период олени у тундровых и лесотундровых оленеводов также объединялись, поскольку установлено, что уровень оборонительного рефлекса зависит от размера стада и только при скоплении 400—500 оленей он снижается настолько, что человек может удерживать его на одном месте без особого труда [Баскин, 1975. С.268—269]. Но оленеводческое население опытным путем определило эту закономерность и применяло ее на практике на достаточно широкой территории. Немаловажной чертой тундрового и лесотундрового оленеводства было также использование при окарауливании стада, проводившемся регулярно, оленегонных собак.

Оленеводы правых притоков Оби не выходили за пределы таежной зоны. В течение года они перемещались, как правило, на ограниченной территории бассейна какой-либо реки (Казым, Назым, Пим, Аган с Тромьеганом, Вах). Число оленей, приходившихся на одну семью, было невелико — 10—30 голов. Зимой животные находились около жилья, а летом — на полувольном выпасе на обнесенных специальными изгородами пространствах, также недалеко от поселений, под присмотром оставшихся там членов семей оленеводов, в то время как остальные переезжали на рыбалку в низовья притоков или на Обь. Важным элементом оленеводческой системы в этих районах является сооружение специальных оленьих сараев и дымокуров, а также использование различных приспособлений (колодок, шейных досок или рогулек), замедляющих бег оленя и не позволяющих ему уходить на большие расстояния в осенне-зимний период.*

На оленеводстве хантов правых притоков Оби хорошо прослеживается эволюция этого занятия в его таежной форме. Летний вольный выпас оленей, как представляется, отражает начальную стадию (некоторые расценивают вольную систему выпаса как хозяйственно адаптированную форму оленеводства, находящуюся в зависимости от обеспеченности хозяйства оленями [Кузьмин, 1982. С.203]) таежного оленеводства: олени не вошли еще настолько

* Подробное описание данной оленеводческой системы см.: Шатилов, 1931. С.Ш-159; Лукина, Кулемзин, Тнтаренко, 1975. С.Ш-134; Лукина, 1979; об отдельных признаках: Руденко. *Угры*. Архив, № 66, л.84—85; 1914. С.4; Дунин-Горкавич, 1910. С.215, 239; Чернецов, 1949. С.25; Лукина, 1972. С.6; Кулемзин, Лукина, 1977. С.30; Касум-ёх, 1993. С.41—44.

прочно в культуру, чтобы у ее носителей появились четкие представления о том, что они требуют определенной заботы. При малочисленности стада оленеводы постоянно находились под угрозой его потери, поскольку олени, предоставленные самим себе, уходили на значительные расстояния.

Хозяйств, которые в конце XIX—начале XX в. практиковали вольный выпас оленей с весны до осени, было, видимо, не очень много. Оленеводство большинства семей правобережных хантов было «избным» с содержанием оленей летом на полувольном выпасе в специальных «огородах», с устройством дымокуров и оленьих сараев.

Судя по имеющимся материалам, распространение этой системы шло с севера на юго-восток: в начале XX в. она существовала на Казыме (Руденко, 1914. С.4), но в конце первой четверти этого же века только проникала на Вах (Шатилов, 1931. С.156), а в 1970-е годы там наблюдалось уже больше ее признаков [Лукина, 1979. С.113—115]. Интересно, что на Пиме и Тромъегане зафиксировано и наличие специально обученных собак (одновременно являвшихся охотничьими), которые помогали загонять оленей в кораль [Там же. С.115], в то время как вообще таежные оленеводы старались держать собак на привязи, чтобы они не пугали оленей. Таким образом, оленеводство правобережных хантов находилось к началу XX в. на разных ступенях развития, а в течение последующих десятилетий оно исчезло у отдельных групп (главным образом проживающих в нижнем и среднем течении притоков Оби) и продолжало развиваться у того населения, которое еще проживает в верховьях.

Наконец, последняя группа оленеводов — это ханты междуречья Оби и Иртыша (юганские). Как можно думать, исходя из изложенного выше материала, данная группа стала заниматься оленеводством последней. Отсутствие пастбищ не позволило этому занятию распространиться за пределы бассейна Большого Югана, лишь позднее были освоены располагающиеся рядом верховья рек Большого Салыма и Демьянки. Восточнее, на Васюгане, оленеводством не занимались.

В общих чертах приемы выпаса оленей у юганских хантов были те же, что и у правобережных групп: полувольный летний выпас, устройство дымокуров, подкормка оленей, использование задерживающих бег оленей приспособлений при осенне-зимнем выпасе около жилья (рис. 22). Сооружение «огородов» — изгородей из жердей, которыми обносится территория летнего пастбища (рис.23) площадью в несколько квадратных километров, — по словам современных информантов, является уже последней попыткой

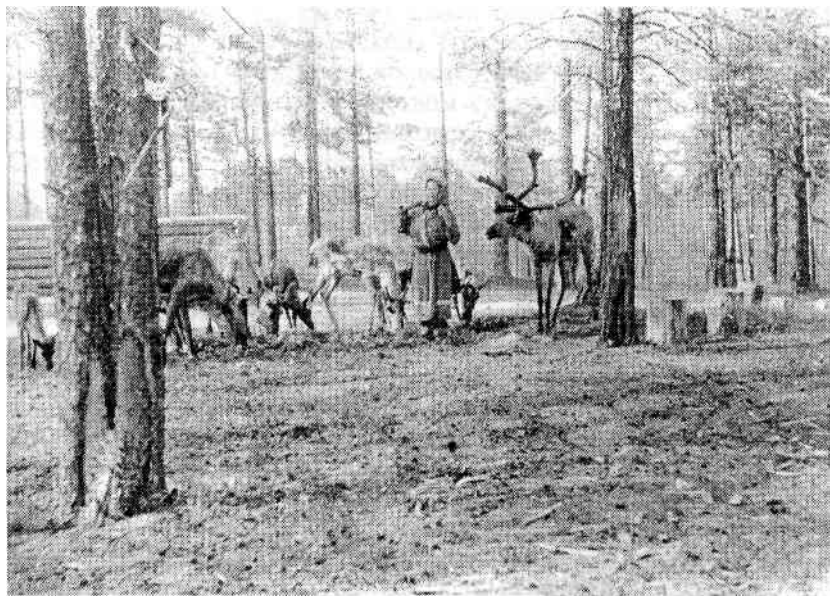

Рис. 22. Олени на летнем пастбище. Восточные ханты (Пунси-2).
Фото автора (МАЭ, И-2167-25). *

сохранения оленей, так как пастбища очень плохие и олени разбегаются [ПМА, № 1721, л.24]. Кроме того, олени не используются сейчас как транспортные животные, следовательно, их поголовье может быть меньшим, чем это было необходимо в прошлом.

Нужно отметить, что вообще сооружение различных ограждений (около дома или «огородов») связано именно с тем, что олени, выпасаясь самостоятельно, перестают возвращаться к жилищу, т.е. снова дичают [Там же, л.23]. Таким образом, для сохранения какого-либо поголовья домашних оленей требовалось или объединение стад и отгон их на продуктивные пастбища, где они могли бы выпастись под присмотром пастухов, пока их хозяева занимались другими видами деятельности, не требующими участия оленей, или же сооружение «огорода», чтобы олени паслись на ограниченной территории, не имея возможности покинуть ее. В таком «огороде» олени находились в самый опасный для них период — в «комариное время».

Распространение оленеводства с севера на юг хорошо иллюстрируется архивными материалами. В частности, в XVIII в. оно фиксируется только в Березовском уезде. В 1820-х годах было

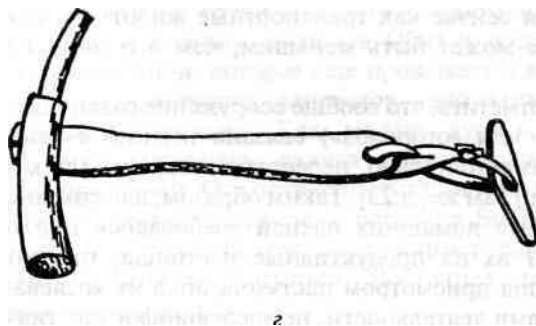
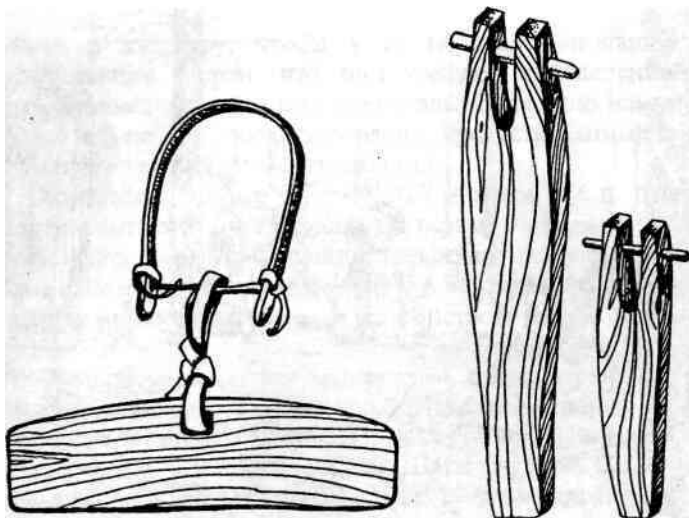

Рис. 23. Оленеводческий инвентарь (юганские ханты):

а, б, в — приспособления, замедляющие подвижность оленя (*а* — доска, *б, в* — ножные колодки); *г* — молоток для забивания колышка, закрепляющего колодку на ноге оленя.

развито оленеводство в Березовском округе и небольшое число оленей держали ханты Аганской, Тром-юганской, Малоюганской, Большеюганской и Пимской волостей Сургутского отделения (при этом не занимались оленеводством сургутские ханты Пирчиной, Салтыковой, Лумпокольской, Ваховской, Подгородной, Салымской, Селяровской волостей, Кодских городков и Кондинского отделения Березовского округа и манси Конды, т.е. население собственно Оби и восточных и южных окраин обско-угорского ареала); в 1840-х годах олени были у обдорских, куноватских, казымских, ляпинских, сосвинских и подгородных остяков, частично — у ваховских, и отсутствовали у населения Кодских городков и почти всего Сургутского отделения; к концу XIX в. олени были известны уже хантам левого притока Оби — р. Юган [Головнев, 1993. С. 100].

По территориальной обособленности, которая соотносится с конкретной природно-географической зоной, и специфическому комплексу приемов оленеводства у обских угров выделяются следующие его типы: тундровое (ханты Полярного Урала) со стадами в 200—250 и более голов, меридиональными сезонными перемещениями на расстояние до 100 км, с группированием стад в 400 и более голов в летний период и в 400 и менее — в зимний, с круглогодичным окарауливанием своего стада владельцем с помощью собак-оленегонок, составом стада, предусматривающим расширенное воспроизводство поголовья с безусловной доминантой продуктов оленеводства в сфере потребления и с использованием оленей в транспортных целях; лесотундровое (ханты полосы криволесья) со стадами до 100 голов, с широтно-ориентированными или направленными вдоль крупных рек сезонными перекочевками с амплитудой до 500 км, с группированием стад до 400 голов в летний период и выпасом личных оленей зимой индивидуально, с передачей оленей на летний выпас тундровым оленеводам или пастухам, с использованием стада в транспортных целях при одновременном стремлении нарастить поголовье — в зимний период, с составом стада, предусматривающим расширенное воспроизводство поголовья, с сочетанием в сфере потребления продуктов оленеводства и промыслов; таежное (ханты таежных притоков Оби) с размерами стада в 10—30 (редко — 100) голов, с сезонными перемещениями с амплитудой от 100 до 1000 км, обусловленными преимущественно промысловыми нуждами, с вольным выпасом с сооружением дымокуров, загонов, навесов, сараев, с применением деревянных пут, ограничивающих подвижность оленей, с составом стад, характеризующихся высоким удельным весом ездовых оленей, с эпизодическим употреблением

продуктов оленеводства в пищу и с использованием оленей преимущественно в транспортных целях; как подтип таежного, «избное» оленеводство (ряд групп хантов бассейна Средней Оби) со стадом от 5 до 15 голов, с сооружением сараев, «изб», для оленей в летний период, в ряде мест — с доением важенок; горно-таежное отгонное (предуральские манси и ханты) с размерами личных стад до 100 голов, с вертикальным кочеванием при амплитуде в 300—500 км, с образованием стад в 300—400 голов в летнее время и содержанием индивидуального поголовья в зимний период, с передачей оленей на летний сезон пастухам, с использованием стада в транспортных целях зимой, с составом стада с большой долей ездовых оленей, как с транспортным, так и, в определенной мере, с пище-сырьевым направлением оленеводства [Головнев, 1993. С.86—87].

Относительно происхождения обско-угорского оленеводства в настоящее время существует две точки зрения. Первая из них, наиболее распространенная (К. Доннер, В.Н. Чернецов, З.П. Соколова, В.А. Козьмин и др.), заключается в том, что ханты и манси заимствовали оленеводство как занятие и комплекс сопутствующих ему предметов у северных самодейцев. Но во взглядах исследователей, придерживающихся этой точки зрения, существуют расхождения относительно времени проникновения оленеводства к обским уграм. Так, по мнению В.Н. Чернецова, северные группы хантов и манси заимствовали оленеводство в первые века 2-го тысячелетия н.э. [Чернецов, 1941. С.156]. По С.В. Бахрушину [1935. С.12], ляпинские вогулы занимались оленеводством уже в XV в. Хотя, нужно заметить, что само существование именно ляпинской группы манси в это время признается не всеми. По данным В.А. Козьмина, прямые указания на существование оленеводства у северных угров относятся к середине—второй половине XVII в. [Козьмин, 1981б. С.13]. С конца XVII в. обдорские ханты стали постепенно осваивать оленеводство и только в XVIII в. у северных групп обских угров складывается оленеводческое хозяйство [Козьмин, 1980. С.170—171; в этой же работе приводится обзор источников, в которых есть сведения о времени появления оленеводства у хантов и манси].

Заимствование имело контактный характер: т.е. тундровое оленеводство северные ханты заимствовали от тундровых ненцев, а таежное — от лесных ненцев и лесных энцев. На распространение оленеводства в угорской среде существенное влияние оказали такие факторы, как становление крупностадного оленеводства у тундровых ненцев, сложение этнической территории лесных ненцев, сезонные

миграции, обусловленные потребностями пушной охоты у тундровых ненцев [Козьмин, 1981б. С. 13]. Последней причиной, но уже у обских угров, объясняет развитие оленеводства, в частности сосьвинско-ляпинских манси, АИ. Пика [1982. С.14]. С конца XVII в. ханты и манси перешли на промысел белки, увеличение объемов которого требовало и расширения охотничьих территорий, что, в свою очередь, послужило толчком к распространению упряжного оленя здесь как наиболее подходящего транспортного средства [Пика, 1988. С.138].

В условиях западносибирской тайги трудно содержать стадо оленей в размерах, достаточных для того, чтобы оно стало основным источником существования. Оленеводство здесь могло играть только подсобную роль, обеспечивая интенсификацию старой формы хозяйства — охоты, не сделав при этом культуру населения, занимавшегося оленеводством, чисто оленеводческой [Шнирельман, 1974. С.50; 1977. С.30-31; 1980. С.182-183]. .

Вторая точка зрения на происхождение обско-угорского оленеводства, обоснованная Н.В. Лукиной на восточнохантыйском материале [Лукина, 1985б. С.135—144], сводится к тому, что у обских угров, во всяком случае у ряда групп восточных хантов, оленеводство могло возникнуть самостоятельно на базе уже имевшихся ранее навыков собаководства и коневодства, с учетом древних местных способов охоты на дикого оленя [Лукина, 1984. С. 12—14; 1985б. С. 141]. В качестве аргументов Н.В. Лукиной рассматриваются детали оленьей упряжи, конструкция нарт, которые в своих первоначальных формах зафиксированы на Югане, — у группы хантов, находящейся в южной части ареала западносибирской оленеводческой культуры и наиболее отдаленной от северных самодейцев.

Юганским хантам, по сравнению с другими, группами, оленеводство известно, видимо, в зачаточной форме: домашних оленей было мало, перкочевков специально в целях поиска ягеля не делали, детали упряжи — пояс и ляжка не соединялись друг с другом в отличие от таковых в оленьей упряжи других групп восточных хантов, оленя запрягали в ручную нарту, но больших размеров, фиксируется несколько способов размещения на нарте (нет устоявшегося) [Лукина, 1984. С.13; 1985б. С.129-135]. Все перечисленные признаки отражают именно начальную стадию формирования транспортного оленеводства и подтверждают гипотезу, согласно которой оленеводство обских угров могло сложиться в их среде самостоятельно. Но для этого требовались какие-то навыки транспортного животноводства (обычно в данном случае называют собаководство и коневодство), с одной стороны, и представления

о том, что оленя тоже можно использовать в качестве ездового животного — с другой.

Как говорят современные информанты — потомки хантов, переселившихся в бассейн Салыма с Большого Югана в 1930-е годы, «в сказках больше про лошадей, чем про оленей». Появление оленей у этой группы связывается с божеством Большого Югана *Ягун-ики*. Согласно легенде, он женился на Казымской богине (*Казым-ими*), чтобы привести на Юган оленей. Ягун-ики был хитрый, он утащил 200 оленей и пригнал их на Юган, где они и расплодились. Но украденное долго не держится, поэтому олени здесь часто пропадают [ПМА, № 1721, л.82]. Как считается, юганским хантам нельзя держать кошек — оленей не будет. Видимо, это связано с тем, что Казымская богиня, зооморфная ипостась которой — кошка, может вернуть оленей назад, что, кстати, прослеживается и в некоторых вариантах легенды.

По утверждению информантов — выходцев с Югана, олени у них казымские. Нужно отметить, что и другие группы восточных хантов в легендах так или иначе связывают появление у себя оленеводства с Казымом. В частности, ханты Тромъегана говорят, что олени (большие, бык и важенка) принадлежали Казым-ими — покровительнице домашних оленей [Лукина, 1984. С.12]. Ханты и народ ахус-ях однажды заспорили, кому эти олени должны принадлежать, устроили соревнование. Большие олени сорвались с привязи и понеслись на север, за ними — маленькие олени. Ханты же сели на олени нарты, догнали оленей и отбили половину стада, от которой у хантов и развелись затем олени [Там же]. Северный народ ахус-ях фигурирует в легендах хантов Пима, Агана, Тромъегана и не известен более южным группам, не выяснено и что это за народ. Считается, что люди ахус-ях живут на севере [Там же], и они дали Казым-ими оленей. Если иметь в виду, что «ахус-ях» буквально означает «низовой народ» [Мифы, 1990. С.552], вполне допустимо связывать его и с самодийцами. Таким образом, несмотря на то, что самостоятельность оленеводства у восточных хантов представляется возможной, все же сама идея использования оленей в качестве транспортных животных, видимо, является заимствованной. Не исключено, что и первые олени проникли к юганским хантам от правобережных групп. Вероятно, какую-то роль здесь играли брачные связи. Во всяком случае, анализ архивных материалов показывает большой процент браков пимских хантов с юганскими [Соколова, 19906. С.51]. Вместе с тем, есть вариант легенды о происхождении оленеводства, согласно которому Казым-ими, находившаяся на Югане и имевшая оленей,

была украдена пришедшими с севера хантами, а олени ушли вместе с ней [Лукина, 19856. С.141], и который как будто указывает на то, что олени распространялись от восточных хантов к северным.

Если непосредственная связь оленеводства восточных хантов и самодийцев остается под вопросом, то заимствование этого занятия северными группами обских угров у самодийцев подтверждается целым рядом фактов: сходством в конструкции нарт, чума, покрое некоторых элементов костюма, а также в названиях этих предметов, в частности, в мансийском языке. Существенным здесь представляется то, что к ним прибавляется определение «ненецкий», в чем отражается еще и время заимствования: оно произошло сравнительно недавно, поскольку в сознании народа еще не утрачено представление об этих предметах как относящихся к иноэтнической культуре. Во всяком случае, аналогичным образом подтверждаются заимствования из русской культуры, происходившие на глазах исследователей и никем не отрицаемые.

Если рассматривать конкретные предметы, связанные с оленеводством, то можно говорить о практически полном совпадении по конструкции с нартами так называемого самодийского типа нарт северных групп обских угров, а также правобережных групп восточных хантов. Оленья нарта юганских хантов значительно отличается по конструкции от самодийской, она служила, как уже говорилось, также ручной и собачьей. Хотя считается, что нартенный транспорт как обеспечивающий потребности кочевого образа жизни (см. главу 2) при крупностадном оленеводстве сформировался в ненецкой среде [Хомич, 1976j].С.146], допускается и связь исходного типа нарты (ручной), на базе которого сложилась нарта самодийского типа, с угорской средой или же наличие аналогичной нарты у предков северных самодийцев до выхода их в тундру [Козьмин, 1983. С.52]. Если сопоставить ареал нарты самодийского типа с территорией, на которой олений мех является основным материалом для шитья зимней одежды, широко используется при изготовлении других деталей костюма, а также ряда предметов домашней утвари, то обнаруживается их полное совпадение. Причем анализ терминологии не дает однозначного ответа на вопрос о происхождении конкретных предметов одежды. Общность названий, как и общность покроя, допускают наличие единого источника происхождения отдельных элементов одежды для северных групп обских угров и для ненцев, причем не обязательно одного и того же для всех схожих элементов (см. главу 2). Эти источники могут быть связаны с обскими уграми, самодийцами, досамодийско-обскоугорским населением.

Таким образом, в формировании оленеводства обских угров явно прослеживаются два направления: первое из них связано с северными группами манси и хантов, восточными правобережными группами хантов и, видимо, с западными манси; второе — с юганскими (возможно, несколько шире — с восточными левобережными) хантами. В связи с этой проблемой находится ряд важных моментов. Учитывая то, что к началу 2-го тысячелетия н.э. оленеводство существовало в таежной зоне на территории, где позднее известны обские угры, а по происхождению оно считается самодийским, можно сделать вывод о том, что обские угры распространялись по территории Среднего и Нижнего Приобья после первых веков 2-го тысячелетия н.э., вероятно, имея лошадей, что соответствует устоявшемуся мнению. В новых условиях там, где невозможно было передвижение на лошадях, они заимствовали оленеводство. Правда, транспортными животными аборигенов могли быть и собаки. Если исходить из того, что обские угры уже сформировались в более южных районах тайги, то встает вопрос об этнической принадлежности населения северных районов 1-го тысячелетия н.э.

В исторических документах с XI в. здесь фигурирует югра, которую отождествляют с обскими уграми, что в последнее время все больше подвергается сомнению [подробнее см.: Курлаев, 1997. С.102-115; Напольских, 1997. С.70-71,76; 1998. С.349; Федорова Е.Г. 1996. С.18—21]. Не исключено, что в это время Югорскую землю и более восточные территории занимали самодийцы или же какие-то аборигены, этническая принадлежность которых не определяется. Хотя, на период 1—начала 2-го тысячелетия н.э. в научной литературе относительно этих территорий принято говорить только об уграх и самодийцах. В любом случае оленеводство здесь в начале 2-го тысячелетия н.э. уже имело место.

По мнению А.В. Головнева, начало заимствования оленеводства северными хантами у ненцев отражено в приведенном Г.Ф. Миллером описании похода ярославских князей в Югорию в XV в., где имеется четкое указание на то, что передвижение на оленях было знаком княжеского достоинства, причем и заимствоваться оленеводство могло не для хозяйственных, а для военных нужд, поскольку «собачья упряжка по "боеспособности" уступала оленьей» [Головнев, 1993. С.99]. Нужно добавить, что подобные процессы должны были происходить либо в среде населения, которое не держало лошадей, либо в тех районах, где это не было возможным.

Основные причины, которые побудили обских угров заняться оленеводством, по общему мнению, были вызваны процессами

развития пушного промысла и упадка охоты на крупных копытных, т.е., с одной стороны, требовался транспорт для того, чтобы освоить как можно более широкие охотничьи территории, с другой — домашние олени гарантировали наличие определенных пищевых запасов на тот случай, когда мясная охота в силу каких-либо причин не давала их в необходимых размерах. Эти потребности — транспортная и пищевая — могли быть обеспечены не только оленеводством, но и другими отраслями скотоводства: разведением лошадей и рогатого скота. В соответствии с этим возникают следующие вопросы: были или нет изначально скотоводами все обские уфы — первый, только ли экологическими причинами (отсутствие подходящих для разведения лошадей и скота природных условий) объясняется замена коневодства оленеводством — второй. Первый вопрос упирается в проблему этногенеза обских угров. Точнее, его можно сформулировав таким образом: сложились ли обские угры на какой-то ограниченной территории в результате взаимодействия живших на ней охотников и рыболовов и пришедших на эту территории скотоводов-коневодов или же коневоды, постепенно проникая в тайгу, взаимодействовали с таежными аборигенами на очень широкой территории и степень контактов была различной. Первый вариант предполагает расселение по тайге уже сформировавшихся обских угров. Территорией, на которой они сложились, вполне может быть Свердловско-Тагильский район и Нижнее Притоболье. Второй вариант дает более простое объяснение того, почему скотоводство не было распространено повсеместно как занятие и почему культ коня и божество-всадник не у всех групп имели одинаковое значение. Решение этих вопросов требует дальнейших исследований и выходит за рамки данной работы.

А.В. Головневым была предложена схема развития оленеводства на севере Западной Сибири, уточняющая и обобщающая разработки более ранних лет. Согласно этой схеме, до XIV—XV вв. в северной таежной зоне господствовал тип стационарного оленеводства, в течение второй половины 2-го тысячелетия в модифицированной форме распространившийся по средней тайге в южном направлении и охвативший к XIX в. территории расселения северных, восточных и юго-восточных хантов. С середины 2-го тысячелетия в Северном Предуралье существовало самодийское по происхождению отгонное оленеводство, которое уже в XV—XVI вв. на Среднем Урале манси могли заимствовать от местных ненцев. С XVII в. в связи с возрастанием роли пушного промысла, который требовал ббльшей подвижности населения, масштабы этого оленеводства расширились.

К XIX в. из-за сокращения некоторых видов промысла и под влиянием тундрового оленеводства, параллельно складывавшегося в крупностадное, предуральское оформилось как отгонное горно-таежного типа. На формирование лесотундрового типа (XVII—XVIII вв.) оказали влияние традиции отгонного и крупностадного тундрового оленеводства [Головнев, 1989. С.98—99, 106; 1993. С.94—102]. А.В. Головнев основывается на позиции, согласно которой северосамодийское оленеводство, скорее всего, развилось независимо от саянского очага из североуральского центра самостоятельно, что подтверждается не только пригодностью для доместикиции условий Северного Урала, но и «типовой разностью» между саянской и северо-самодийской оленеводческими культурами, а также наличием между ними барьера в виде неолениводческих культур [Головнев, 1989. С.97; 1993. С.106].

По мнению В.А. Козьмина, оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX—начале XX в. можно причислить к единому «западносибирскому» типу, самодийскому по происхождению, с двумя вариантами: тундровым и таежным [Козьмин, 1981. С.20]. Таким образом, оно находит свое место в типологии оленеводства населения Сибири. Типология А.В. Головнева заключена в рамки этого «западносибирского» типа и дает более детальную характеристику оленеводства локальных подразделений обских угров. В связи с наличием особенностей в этом виде занятий на уровне как первой, так и второй типологий у различных групп, именно в направлении их анализа должны идти поиски этнопоказательных признаков в сфере оленеводства. В частности, основные признаки, например таежного оленеводства, сходны у практиковавших его народов Северо-Западной Сибири (северных хантов, лесных ненцев, лесных энцев, селькупов, кетов) — это транспортная ориентация оленеводства, полувольный выпас оленей летом с применением деревянных пут, дымокуров на открытой площадке, теневых навесов, а в XIX в. и срубных или каркасных оленьих сараев [Там же. С.14]. Проникнув в таежную зону Западной Сибири, северное самодийское оленеводство, как считает В.А. Козьмин, продолжает там «развиваться и трансформироваться в плане сложения элементов этнической специфики» [Там же. С.20], признаками которой и могут быть именно особенности таежного оленеводства западносибирского населения, хотя допускается возможность того, что эти особенности «отражают эволюцию атрибутов таежного оленеводства» [Козьмин, 1982. С.203].

Как представляется, здесь не может быть противопоставления: проникнув в тайгу, оленеводство, естественно, продолжало раз-

виваться, приспособливаясь к новым условиям (как географическим, так и к новой хозяйственной системе), в которых могла сложиться у всех разбросанных по тайге групп населения только одна система содержания оленей. Охотники и рыболовы, для которых олень представлял ценность главным образом как транспортное животное, использовали его только в период наиболее интенсивных поездок. Поскольку оленеводство было заимствовано, как считается, скорее всего, на нартенной стадии развития [Козьмин, 1981б. С. 17], сужеными оказались сезонные рамки использования оленьего транспорта: далеко не везде можно проехать в летний период на массивных нартах. Таким образом, летний вольный или полувольный выпас был как бы задан самой системой хозяйства и природными условиями. Зимой же олени должны были все время находиться под рукой, поэтому они паслись около жилья или охотничьей стоянки. Поскольку за ними не могли постоянно присматривать, требовалось ограничение подвижности наиболее резвых оленей, для чего и стали использовать разного рода путы. В особо опасное время летом — в комариный период — олени требовали заботливого отношения, поэтому стали строить дымокуры: сначала, видимо, открытые, потом — специальные сараи. В горных тундрах, где ветры сильнее, чем в тайге, дымокуров не требовалось, хотя, как было сказано выше, их иногда и делали. Таким образом, основные признаки оленеводства были одинаковы практически для всех таежных групп обских угров. Даже мансийское отгонное оленеводство можно рассматривать в рамках этого типа как более развитый его вариант.

Каждая группа, видимо, самостоятельно формировала черты, характеризующие западносибирское оленеводство, но в значительно меньшей степени, чем основные, обусловленные спецификой среды. К числу таких черт можно отнести, в частности, форму приспособлений для ограничения подвижности оленя, конструкцию оленьих сараев, способы кастрации оленей. К настоящему времени наиболее детально исследовано оленеводство восточных хантов [Шатилов, 1931; Лукина, 1979, 1984], в котором выявляются особенности даже на уровне локальных групп [подробнее см.: Лукина, 1979].

Вероятно, часть северо-западных обских угров со временем могла бы перейти к хозяйству, базирующемуся на оленеводстве. Развивать товарное оленеводство имело смысл, поскольку был обеспечен сбыт продукции: у коми практиковалась выделка и продажа замши. В Ижемском крае располагалось много небольших заводов, где из оленьих шкур выделывали замшу. Туда поступали

шкурки даже из района Обдорска, а в Тобольск отправляли материал, используемый для шитья шапок [Скалзубов, 1907. С. 13]. Таким образом, те хозяйства обских угров, которые оказались в условиях, благоприятствующих развитию крупностадного оленеводства, переходили к этому виду деятельности. То, что такие условия были, подтверждается фактом существования современного крупностадного оленеводства у северных манси и северных хантов [подробнее см.: Козьмин, 1986. С.42—45; Федорова Е.Г. 1986. С. 151-155; Касум-ёх, 1993. С.74—75]. Оно сформировалось после 1960-х годов, когда было создано два крупных оленеводческих совхоза, в которые передали стада оленей из мелких, ликвидированных к этому времени, колхозов. Кроме того, в государственных стадах выпасались и личные олени, но нередко уже без участия их владельцев. Государственное оленеводство было ориентировано на поставку шкур и мяса, личные же олени, до распространения снегохода «Буран», использовались как транспортные животные. Произошли изменения и в системе выпаса оленей, больше затронувшие совхозное оленеводство хантов, чем манси, у которых приемы, характерные для крупностадного оленеводства, формировались в более раннее время.

Преобразование таежного оленеводства в крупностадное тундрового типа было форсировано государством, поскольку оно проводило в рамках всей страны политику укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы. Несмотря на многочисленные отрицательные стороны этого процесса и далеко неоднозначные результаты, возможности существования крупностадного оленеводства были продемонстрированы по отношению к таежному населению.

5. Земледелие. Огородничество

Согласно устоявшемуся мнению, эти занятия вошли в хозяйственный комплекс ряда групп обских угров под влиянием русских. Но на территориях проживания южных групп хантов и манси и в прилегающих к ним районах земледелие было известно с глубокой древности. В предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири, как уже говорилось, еще в эпоху энеолита начался переход к многоотраслевой экономике, хотя прямых данных о земледелии в этот период не имеется [Косарев, 1991. С.71]. Земледелием занималось андронидное население эпохи бронзы, что подтверждается находками на археологических памятниках

каменных зернотерок, мотыгообразных орудий и бронзовых серпои [Там же, С.74]. Хотя считается, что это. орудия не только земледелия но и собирательства, а серпы — орудия.и сенокосения, все же общи уровень культур, высокая степень оседлости, а также ряд косвенны: свидетельств позволяют с достаточной степенью уверенносп говорить о наличии у населения предтаежного и южнотаежноп Тоболо-Иртышья земледелия, роль которого уменьшалась по мер< продвижения на север [Там же].

В железном веке земледелием, предположительно, занималос] население тех же районов. На памятниках лесостепного Зауралы VI—IV вв. до н.э. не обнаружены бесспорные его свидетельства остатки зерен, орудия обработки почвы и уборки урожая, не они есть на этой территории, а также в таежном Притоболье і памятниках несколько более позднего периода [Косарев, 1991. С.76 Могильников, 1992. С.282, 306-307]*

Материалы памятников эпохи средневековья, связываемые с предками южных манси (лесное Зауралье), также не дакп прямых свидетельств земледелия [Могильников, 1987. С.167, 175]. хотя на территориях, примыкающих к южнохантыйскому ареал} (выделяемому по этнографическим данным), зерна, а также орудия земледелия найдены [Мошинская, 1953а. С.210; Могильников, 1987. С.191, 201]. Земледелие появляется и в Томском Приобье [Чиндина, 1991. С.79, 85—86]. Таким образом, это занятие вполне могло быть известно далеким предкам хантов и манси еще до прихода русских. Это подтверждается также историческими документами. В частности, в середине XVI в. пашни были у табаринских вогулов Епанчинского юрта [Бояршинова, 1960. С.45], и Ермак после завоевания тавдинских вогулов брал с них ясак хлебом, что потом осталось и за табаринским и кошукским населением {Миллер, 1937. С.253}.

В начале XVII в. в Туринском уезде из 14 вогульских юрт 12 были пашенными (в окрестностях города, еще до прихода русских), в 1620-е годы «пашенных табаринских вогуличей» числилось 70—75 чел. [Бахрушин, 1935. С. 18]. В конце XVII в. собственным хлебом кормилась приполярная Печора [Плотников, 1930. С.78].

До 40-х годов XIX в. у манси земледелие носило ограниченный характер: оно было распространено в Табаринской, Пелымской, Кошутской и Тахтанской волостях Туринского округа, причем Табаринская и Кошутская волости были чисто земледельческими, а в 1840-е годы они вместе с Пелымской волостью были переведены в состав оседлых [Мурзина, 1953. С.223]. В 1840 г. число душ, занимавшихся земледелием, в этих четырех волостях составляло 1401 (против 1694 в 1836 г.), на них приходилось 904.5 десятины

земли (в 1836 г. — 726) [Там же. С.223]. Постепенно численность населения, занимавшегося земледелием, сокращалась: в 1860 г. она составила 238 душ, на которых приходилось 95 десятин земли [Там же. С.224].

С середины XIX в. земледелие распространяется и на другие волости Туринского уезда, в Леушинскую волость Тобольского округа [Там же]. К концу XIX в. земледелием, хотя и в небольшом объеме, занимались вогулы Тавды, Пельыма (до дер. Массай), Конды, Лозьвы (в нижнем и среднем течении), остяки Назымской и Туртасской волостей [Ahlquist, 1885. S.139, 165—166, 280; Инфантьев, 1910. С.136, 151, 166, 183; Сергеев, 1953. С.24; Мартынова, 1986. С.17]. Причем на севере Пермской губернии вогулы, как инородцы, пользовались большим, чем русские, наделом земли и были даже зажиточнее последних [Носилов, 1897. С.1].

Но земледелие существовало и в более северных районах. Удачные опыты посева озимой ржи проводились в с. Чемашевское (недалеко от современного пос. Перегребное), на Средней Оби (г. Сургут, с. Юганское), где начало хлебопашеству в середине XIX в. положили священники, а также в окрестностях с. Самаровского, г. Березова, в ряде сел на Северной Сосьве (даже в верховьях) и Ляпине [Скалозубов, 1907. С.6; Дунин-Горкавич, 1911. С.26; 1992. С.33; Тверитин, 1992. С.31; 1993. С.15; Иваненко, 1993. С.19—20]. Хотя опыты хлебопашества были удачными, в северных районах оно все же не прижилось, коренное население уделяло этому занятию мало внимания. Причиной тому были не только мало подходящие природные условия, но и традиционный образ жизни и система хозяйственных занятий хантов и манси, с которыми плохо сочеталось земледелие. То, что в некоторых северных селениях оно существовало в течение нескольких лет, объясняется заинтересованностью инициаторов земледелия — священников, сельскохозяйственных практикантов и т.п. Интерес к состоянию и возможностям сельского хозяйства на Тобольском Севере проявлялся и со стороны департамента земледелия, который финансировал ряд работ [Дунин-Горкавич, 1992. С.30].

В 1926—1927 гг. на 3536 хозяйств хантов и манси приходилось 284, имевших пашни [Соколова, 1968. С.32]. В последующие годы объемы земледелия увеличивались, но коренное население занималось им немного [Иваненко, 1993. С.20—23].

Основными культурами были рожь, ячмень, овес, причем и в северных районах [Лепехин, 1814. С.18; Ahlquist, 1885. S.280;

Носилов, 1897. С.20; Инфантьев, 1910. С.151; Бахрушин, 1935. С. 18]. На Конде, Тавде, Иртыше выращивали еще и коноплю [Ahlquist, 1885. S.280; Мурзина, 1953. С.223; Дунин-Горкавич, 1992. С.35]. Там же возможно было и льноводство [Сирелиус, 1906. С.22]. Интересно, что у южных и восточных хантов есть термин для обозначения льна [Прыткова. 1953. С.230]. О товарности земледелия можно судить по данным 11-й ясачной комиссии по Кошутской волости. Пшеницы было собрано от 300 до 500 пудов, ржи от 2 до 3 тыс. пудов, ячменя от 300 до 500 пудов, овса от 500 до 1000 пудов, пеньки от 50 до 100 пудов [Мурзина, 1953. С.224].

Пашни располагались как рядом с домом, так и на некотором расстоянии от него (где позволяли условия и имелись наиболее подходящими почвы). Техника земледелия была примитивной: пахали «взгоном» (наездом) [Бахрушин, 1935. С. 18]. Для просушивания хлеба (а также для "хранения его в течение зимы) использовали конструкцию из жердей, горизонтально закрепленных между врытыми в землю столбами, на которую и укладывали снопы колосьями на юг [Лепехин, 1814. С. 19]. Для обработки снопов ржи и ячменя использовали орудие кичигу (типа валька). Поскольку мельниц не было, зерно перемалывали с помощью вырубленных из толстых пней жерновов, ссылая муку в нарты или полог [Лепехин, 1814. С.19; Макарий, 1853. С.17].

Больше, чем земледелие, у обских угров было развито огородничество. Оно распространилось до самых северных населенных пунктов [Дунин-Горкавич, 19 П. С.26], хотя встречались районы, например, Салым [Городков, 1913. С.49], где огородничество не практиковали. Выращивали картофель, репу, морковь, капусту, лук, огурцы [Ahlquist, 1885. S.165—166; СОРОКИН, 1873. С.39; Носилов, 1897. С.20; Скалозубов, 1907. С.6; Инфантьев, 1910. С.150 и др.]. В различных условиях на колоссальной территории таежной зоны Западной Сибири эти культуры давали разный урожай, большое влияние на него оказывали и погодные условия. Вместе с тем, этот вид деятельности продолжал развиваться, устраивались опытные огороды, работали специальные инструкторы по огородничеству [Дунин-Горкавич, 1992. С. 33]. В настоящее время огородничество распространено практически повсеместно.

6. Календарь и хозяйственный цикл*

На протяжении нескольких столетий складывался хозяйственный цикл обских угров. Основные виды их деятельности, тесно связанные с жизнеобеспечением, нашли свое отражение в традиционном календаре. Формировавшийся еще с древности к концу XIX—началу XX в. он приспособился к официальному календарю, в котором год начинался с января. В традиционном же календаре хантов и манси начало года приходилось, судя по самым ранним сведениям о календарях, на март—апрель, позднее (уже под влиянием церковного календаря) — на август—октябрь, причем эти разночтения относительно начала года проявляются в зафиксированных в этнографических материалах календарях различных групп обских угров [Соколова, 1990а. С.70].

Год у хантов и манси делился на два периода: холодный зимний и теплый летний. Такое деление было характерно для многих народов. Интересно, что в данном случае, — когда зима и лето выступают в качестве основных периодов, а весна и осень являются промежуточными, — видят отголоски представлений скотоводческого населения [Календарные обычаи, 1983. С.3—4]. По мнению З.П. Соколовой, начало года, приходящееся на осень, могло быть связано не только с влиянием церковного календаря, оно являлось традиционным для обских угров, как и начало года, приходящееся на весну [Соколова, 1990а. С.70]. Если исходить из того, что основную добычу давала охота, которая начиналась с осени и кончалась весной и которую все-таки следует считать, видимо, более древним занятием, по сравнению с рыболовством, то, по аналогии с промысловым календарем коми [Конаков, 1990а. С.10—12; 1990б. С.107—108], где также существовало деление на два периода — зимний и летний, — производительный и непроизводительный [Конаков, 1990а. С.11], можно считать вполне логичными обе датировки начала года: они означали начало зимнего и весеннего циклов. Кстати, как хорошо известно, для обских угров в прошлом был характерен счет «двойного года (когда лето и зима считаются самостоятельными годами» [Источники, 1987. С. 148]), который и во второй половине XX в. существовал в качестве сакрального [Соколова, 1990а. С.77]. Наличием такого «двойного года» и объясняется присутствие в календаре обских угров двух дат

* Наиболее подробные материалы по календарям обских угров приведены в работах З.П. Соколовой [1990а] и А.В. Головнева [1995].

начала года. В этом случае становится понятным и то, почему у одной и той же локальной группы зафиксировано две даты начала года [см., например: Соколова, 1990а. С.78].

Большие периоды делились на более мелкие, которые условно можно приравнять к месяцам. Прежде их насчитывалось 13 — по лунному календарю, причем продолжительность не была строго установленной, кроме того, известны случаи, когда год делился более, чем на 13 месяцев [Там же. С.74—75].

По имеющимся записям календарей установлены некоторые общие их черты, а также специфика отдельных групп. Оказалось, что в названиях месяцев в первую очередь отражены хозяйственные занятия — их 54.5%, причем с охотой связано 27%, с рыболовством 23%, с оленеводством 4% и с другими занятиями — 0.5% [Там же. С.79]. Вторую большую группу представляют названия, в основе которых лежат фенологические явления — их 36.6% [Там же].

Начало года, приходящееся на август—октябрь, зафиксировано у казымских, среднеобских, салымских, тромьеганских, ваховских, васюганских хантов, ляпинских манси [Там же. С.78], на ноябрь — у чердынских манси, которые в это время начинали звериный промысел, считавшийся ими основным, как обеспечивающий пищей и пушниной [Любарских, 1782. С.69]. Согласно И.Г. Георги, ханты начинали год с новолуния между 14 и 21 октября [Георги, 1799. С.67]. Зафиксировано и начало года, приходящееся на декабрь, — у нижнеобских хантов и сосвинских манси [Соколова, 1990а. С.78]. Такой значительный разрыв в определении начала года — с августа по декабрь, — следует, скорее всего, объяснять тем, когда начинался зимний (холодный) период у конкретной группы хантов или манси. Рамки этого периода, как и летнего, естественно, не ограничивались только температурными или климатическими показателями. С началом года/периода менялся образ жизни, что было вызвано активизацией одного из двух основных занятий — охоты или рыболовства, — менялись места поселения и т.п. А уже в зависимости от того, когда вскрывались или замерзали реки, выпадал снег и т.д., находились сроки начала или окончания промысла. Их могли сдвинуть поздняя или ранняя весна или осень. Кстати, этим может объясняться и то, что начало периода, связываемого с месяцем, тоже не всегда бывает четко определено.

Начало зимнего периода связывается со временем, когда население возвращалось в зимние жилища. Обычно это происходило осенью, либо в сентябре, либо в октябре, когда начинал появляться лед [Носилов, 1897. С.6; Дунин-Горкавич, 1904»С.73; Руденко, 1914. С.3], что отражено и в названии месяцев у некоторых групп обских

угров. В частности, у сынских хантов название октября в переводе на русский язык означает «месяц заморозков мелких ручейков», у куноватских хантов — «месяц замерзания первых бережков» [Соколова, 1990а, С.89]. То же явление — небольшие заморозки — фигурирует и в названиях периода, который соотносится с октябрём, у восточных хантов (ваховско-васюганских, юганских) [Sirelius, 1983. S.241], кондинских манси [Соколова, 1990а. С. 103]. Другой, так же достаточно распространенный вариант названия октября связан с природными явлениями и переводится на русский язык как «деревья без листьев», «месяц голых деревьев» (восточные ханты) [Пелих, 1972. С.380; Кулемзин, Лукина, 1977. С.15; Соколова, 1990а. С.94].

Итак, с сентября—октября ханты и манси жили в зимних (а у некоторых групп существовали еще и промежуточные осенние) поселениях. В верховьях некоторых притоков (например, Ляпина) в это время начинался рыбный промысел, продолжавшийся до середины декабря, что было связано с осенним нерестом рыб и получило свое отражение в календаре: у куноватских, сынских хантов, сосвинских, ляпинских манси сентябрь — это «месяц шокура», <<«месяц хода шокура» [Соколова, 1990а. С.89, 100—101]. У тромъеганских хантов — это «месяц сырка» [Там же. С.91], у среднеобских хантов — «месяц муксуна» (а октябрь — «месяц налима») [Пелих, 1972. С.380], т.е. в названии месяца фигурирует название той рыбы, которая в данный момент играла наиболее важную роль в промысле.

Рыбу ловили неводами, сетями — по старицам и, частично, по самим притокам, на мелких речках и озерах практиковали заборное рыболовство. В это же время, если была хорошая погода, рыбу заготавливали впрок. В сентябре охотились также на боровую дичь при помощи различных ловушек, собирали ягоды, кедровые шишки. Немаловажную роль играла охота на крупных копытных, которые после гона начинали мигрировать. В этих занятиях принимало участие все трудоспособное население, немалая нагрузка приходилась на женщин и подростков, которые не занимались только охотой на крупных копытных и медведя, хотя подростки уже могли обучаться данному промыслу.

В этот период, как правило, не объединялись в крупные коллективы, промыслы носили индивидуальный или семейный характер. Владельцы оленей находились в определенной зависимости от биоцикла животных, использовавшихся при переездах на места зимних поселений, что могло осуществляться только после окончания периода гона, т. е. в конце сентября — начале октября, после

чего еще требовалось собрать оленей. В результате перемещение к зимнему жилищу начиналось только в конце октября [Шатилов, 1931. С.156—157; Кулемзин, Лукина, 1977. С.16; Перевалова, 1989. С.120; Северная Сосьва, 1992. С.19—22; Касум-ёх, 1993. С.36, 38—39, 43]. То что олень имел значение в хозяйстве рада групп обских угров и оказывал определенное влияние на хозяйственный цикл, отразилось и в календаре. Так, у хантов Казыма и манси Северной Сосьвы сентябрь называется «месяц случки оленей» [Шухов, 1916. С.30; Источники, 1987. С.47]. Важно отметить, что это название зафиксировано у тех групп хантов, в хозяйстве которых оленеводство играло ббльшую, чем у других роль.

Ханты и манси, проживавшие на Оби и в низовьях ее притоков, в сентябре были сосредоточены на неводном рыболовстве, которым занимались до глубокой осени, и на промысле боровой дичи [Перевалова, 1989. С.123; Северная Сосьва, 1992. С.25]. Кроме того, на Оби начинали устанавливать запоры для зимнего промысла [Касум-ёх, 1993. С.36].

Когда выпадал первый снег (обычно в середине октября), начинался охотничий сезон. В некоторых районах охота на белку проводилась еще с конца сентября [Там же. С.39]. Первая половина охотничьего сезона заканчивалась в декабре с наступлением сильных холодов. Кроме того, это было самое темное время года. Основные характеристики периодов, сопоставляемых в обско-угорском календаре с ноябрем и декабрем, отражены в названиях этих месяцев: северные ханты называли ноябрь «месяц замерзания Оби» (куноватские), «месяц больших заморозков рек» (сынские) [Соколова, 1990а. С.89—90], северные манси — «месяц короткий день», «месяц большой осени» [Источники, 1987. С.47—48], у западных и восточных манси это был «месяц малой осени» [Ahlquist, 1859. S.26—27; Новикова, Федорова Е.Г., 1991. С.138]. Названия «малая осень», «большая осень» характеризуют уже основное занятие периода — охоту. В календаре восточных хантов оно отражено более четко: «месяц, когда мужчины идут в тайгу» [Sirelius, 1983. S.241], «в урман ходить месяц» [Шатилов, 1931. С.130], «осенняя охота, осень» [Кулемзин, Лукина, 1977. С.15], «беличий месяц» [Пелих, 1972. С.380].

Население средних и верхних течений притоков Оби в октябре помимо пушной охоты (соболь, белка) добывало с помощью недлинной изгороди лося и оленя, в чем принимали участие обычно 1—2 охотника, деля добычу поровну [Перевалова, 1989. С.120]. Этот способ охоты не везде был возможен, поскольку могли пострадать и домашние олени.

На Урале условия позволяли сооружать длинные, до 100 км, изгороди силами 2—3 охотников [Северная Сосьва, 1992. С.19], хотя в основном в верховьях рек именно из-за наличия домашних оленей охота на крупных копытных с помощью изгородей имела меньшее значение, чем в низовьях [Касум-ёх, 1993. С.39]. На Урале же изгороди, как говорилось, строили на путях осенних миграций лося, а олени к этому времени уже оказывались вблизи жилищ, «спустились с гор» (за исключением, может быть, отдельных стад оленеводов, кочующих в течение всего года).

В начале промыслового сезона охотники (1—2 человека) уходили пешком с ручной нартой в тайгу на небольшой срок (1—2 ночевки) и на небольшие расстояния (площадь радиусом в 10—20 км). Помимо охоты на белку с собакой, ружьем или луком ставили черканы на горностаю, определяли маршруты более поздних выходов [Федорова Е.Г., 1986б. С. 142; Северная Сосьва, 1992. С.20; Касум-ёх, 1993. С.39].

С ноября по февраль, когда пушной промысел был наиболее активным, ханты и манси проживали в стационарных зимних поселениях, занимаясь также подледным запорным рыболовством. В зависимости от продуктивности угодий, охотились либо поблизости от жилья, либо уходили на значительные расстояния. В выигрышном положении оказывались владельцы оленей, которые объединялись в группы в 4—6 человек и выезжали на отдаленные угодья на 10—15 и более дней, где расходились уже на день охотиться поодиночке [Перевалова, 1989. С. 120; Северная Сосьва, 1992. С.20]. Места стоянок и зимних поселений старались выбирать так, чтобы вокруг них не только водились пушные звери, но и был корм для оленей. Те, кто не имел этих животных (чаще — группы, проживавшие на Оби и в низовьях ее притоков), охотились пешком (на лыжах), там, где позволяли условия, до места стоянок зимой могли доезжать на лошадях.

В период интенсивной пушной охоты использовали средства активного лова, устанавливали также капканы, самодельные ловушки. Хотя пушная охота была индивидуальной, в случае необходимости (например, при охоте на соболя обметом) создавались временные группы из 2—3 человек [Перевалова, 1989. С.120—121; Северная Сосьва, 1992. С.20, 24; Касум-ёх, 1993. С.39—40; ПМА, № 1158, л.73]. В верховьях некоторых рек в это время возможна была охота на крупных копытных. Ею занимались, в частности, казымские ханты, используя при этом специальный маскировочный щит [Касум-ёх, 1993. С.40]. Группы хантов, хозяйство которых базировалось на оленеводстве, в охотничий период находились на

притоках Нижней Оби, где промышляли белку и лося, оставаясь на одном месте (либо в постоянных зимних селениях, либо в чумах) в течение 1.5—2 месяцев [Соколова, 1972. С.20—23; Касум-ёх, 1993. С.43].

Пушной охотой занимались не только мужчины, но и женщины (в семье — преимущественно взрослые незамужние дочери), в том случае, если они располагали свободным временем, т.е. основные «женские» виды работ (приготовление пищи, шитье одежды, заготовка дров, поддержание в порядке жилища и т.п.) выполняли другие женщины — члены семьи [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994д. С.155—157]. Кроме того, в рассматриваемый период женщины, наряду с подростками, трудоспособными стариками, активно участвовали в рыболовном промысле групп обских угров, проживавших в верхнем и среднем течении рек. Помимо заборного рыболовства на протоках до начала «замора» воды практиковали еще и подледный сетевой лов в крупных озерах. На местах зимовий в верховьях рек заборный и неводно-сетевой лов рыбы осуществляли оленеводческие хозяйства [Северная Сосьва, 1992. С.24]. Особое внимание рыболовству уделяли ханты и манси, проживавшие на Оби и в низовьях ее притоков. Здесь в зимний период вели подледный сетевой и заборный лов, основными участниками которого были мужчины [Касум-ёх, 1993. С.37]. Молодежь в это время могла заниматься охотой на белку [Дунин-Горкавич, 1910. С.301].

Места, где зимний рыболовный промысел был наиболее продуктивным, существовали не только на Оби. В частности, на р. Ляпин, в районе пос. Ломбовож, устанавливался большой забор, с помощью которого рыбу добывали с октября по апрель манси близлежащих деревень [Северная Сосьва, 1992. С.22—23].

С наступлением самого темного периода в году охота прекращалась. Ко времени с конца декабря по начало января были приурочены ярмарки, которые проводились в крупных селах, где, кроме того платили ясак. В календаре обских угров этот период обозначался по-разному, причем наблюдается некоторый сдвиг и в отношении месяцев, что было вызвано хозяйственно-бытовой спецификой конкретных групп. Так, северные ханты называли декабрь «обманчивый орлиный месяц» (казымские) [Шухов, 1916. С.30], «месяц самых коротких дней» (сынские) [Соколова, 1990а. С. 90], сосвинские манси — «месяц короткого солнца», ляпинские — «30 топорищ» (одно топорище можно сделать за день, в каждом месяце 30 дней) [Соколова, 1990а. С.101], «обманчивого орла месяц» [Источники, 1987. С.47].

Декабрь как середину зимы обозначали ваховские [Кулемзин, Лукина, 1977. С. 15] и среднеобские ханты [Пелих, 1972. С.380]. В календарях других групп отразилась производственная специфика месяца. В частности, у тромьеганских хантов это — «месяц налима» (приблизительно этот же период у ваховско-васюганских хантов называется «месяц нереста налима», «месяц налимымей икры» [Sirelius, 1983. S.241; Соколова, 1990а. С.95]), у кондинских манси — «месяц налим икру мечет» [Соколова, 1990а. С. 103]. У некоторых групп через название месяца подчеркивается роль охоты в данный период: это среднеобские ханты («материковый месяц — в тайгу идут» [Пелих, 1972. С.380]), лозьвинские и кондинские манси («месяц большой осени») [Ahlquist, 1859. S.26—27]. Наконец, в ряде календарей (ваховские, васюганские, александровские ханты) название декабря — «Новый год, ярмарка» [Кулемзин, Лукина, 1977. С.15; Соколова, 1990а. С.94—95]. Аналогичное название приходится на январь у хантов с р. Колекъеган (ваховская группа) [Соколова, 1990а. С.94], среднеобских [Пелих, 1972. С.380] хантов, кондинских манси [Соколова, 1990а. С. 102]. Кроме того, этот месяц называют еще «середина года, крещение» (ваховские ханты, сосьвинские, ляпйинские манси) [Там же. С.95, 100—101] или же «середина зимы» (тромьеганские, среднеобские, салымские ханты [Там же. С.91, 96, 102—103], лозьвинские, кондинские манси [Ahlquist, 1859. S.26—27]). У ряда групп в названии января проявляется значение охоты («лесной месяц» — северные манси [Источники, 1987. С.48]), рыболовства («месяц налим икру мечет» — ваховские ханты [Шатилов, 1931. С. 130], сюда же можно отнести название января «месяц замора реки» у северных хантов [Источники, 1987. С.46]), оленеводства («месяц поимки оленей» — куноватские ханты, «месяц пересчета оленей» — сынские ханты) [Соколова, 1990а. С.88—89]. Из общей массы выделяется название января у тромьеганских хантов — «малые жертвоприношения» (наряду с названием «месяц середины зимы» [Там же. С.91]).

После ярмарки ханты и манси возвращались на места зимних промыслов, где продолжали пушную охоту на дальних угодьях, куда отправлялись на лыжах или нартах на 5—10 дней группами по 2 человека. В январе поднимали из берлоги медведя (3—4 человека), по возможности стараясь приурочить эту охоту ко времени сбора в «ясачных» юртах для уплаты податей, чтобы провести «медвежьи пляски» — церемонии, которыми сопровождалась все случаи добычи медведя [Северная Сосьва, 1992, С.20; Касум-ёх, 1993. С.40].

С конца января начинался второй этап охотничьего сезона, который заканчивался в марте—апреле. Подтверждением его

важности в хозяйственно-бытовом укладе хантов и манси служит наличие соответствующих названий практически во всех зафиксированных вариантах календаря, с небольшими сдвигами в периодах, обусловленный местной спецификой. В частности, у северных хантов и манси имеются названия «малый чарым/наст», «большой чарым/наст», но у одних групп это февраль и март соответственно, у других — март и апрель [Шухов, 1916. С.30; Источники, 1987. С.47—48; Соколова, 1990а. С.88]. Существуют и другие названия, указывающие на преобладающее значение охоты в этот период. В частности, «месяц лыж-подволоков» у северных хантов (февраль), «месяц подшитых лыж» (март) у лозьвинских манси, «месяц лыж» (приблизительно февраль) у кондинских манси [Ahlquist, 1859. S.26, 27]. Но в целом преобладающими в названиях месяцев этого периода являются орнитологические. Особенно это относится к календарям восточных *хантов, где подобные названия распространяются и на последующие месяцы. У куноватских и сынских хантов февраль назывался «месяц прилета орла», у салымских — «месяц первых орлов», у ваховских — «орлиный месяц» [Соколова, 1990а. С.88, 89, 91, 95] (как и у среднеобских, другое название февраля у которых — «месяц прилета орла» [Пелих, 1972. С.380]). Приблизительно с периодом февраля соотносится название месяца «орел прилетает» у ваховских, александровских, васюганских хантов [Кулемзин, Лукина, 1977. С. 15]. Интересны такие понятия, как «ложный орел», «пустой орел», что объясняется как «орел не летает в этом месяце, так как зимой его здесь нет» [Sirelius, 1983. S.52], «орлу нужно было бы быть здесь, а он улетает попусту» (ваховские ханты) [Шатилов, 1931. С. 130], или «ленивый орел» — «один день летает, другой день — нет» (ляпинские манси) [Соколова, 1990а. С. 101]. Это название присутствует во многих из известных календарей и относится к периоду, предшествующему месяцу «прилета орла», «орлиному месяцу», причем у казымских хантов, северных манси он соотносится с декабрем, а у некоторых групп восточных хантов — с январем.

Наконец, в названиях месяцев второй половины зимнего периода отражены и природные явления: апрель — «месяц, несущий лед», — у березовских хантов [Старцев, 1928. С.45], март — «месяц малых заморозков», апрель — «месяц больших заморозков» — у сынских хантов [Соколова, 1990а. С.89], апрель — «месяц ледоход», «месяц, лед несущий», — у северных манси [Источники, 1987. С.47, 48], а у лозьвинских и кондинских манси этот месяц носит названия «застывает уже наст» [Новикова, Федорова Е.Г., 1991. С.138], «месяц снежного наста» [Ahlquist, 1859. S.26, 27], «месяц

загона лосей и оленей по насту» [Соколова, 1990а. С.103], что свидетельствует о большом значении охоты на крупных копытных в данный период у названных групп. Наконец, в календаре восточных хантов отмечается время прилета птиц: ворон (март — тромьеганские, салымские, ваховские, александровские, среднеобские, васюганские ханты; апрель — среднеобские и ваховские ханты) {Пелих, 1972. С.380; Кулемзин, Лукина, 1977. С.15; Соколова, 1990а. С.91}, гусей и уток (апрель — тромьеганские, салымские, ваховские, александровские, среднеобские, васюганские ханты) [Пелих, 1972. С.380; Кулемзин, Лукина, 1977. С.15; Соколова, 1990а. С.91].

В течение второго этапа охотничьего сезона продолжалась пушная охота (но уже без собаки). Большое значение в этот период имела охота на крупных копытных, особенно активная в марте-апреле, когда группа охотников в 5—8 человек преследовала дикого оленя или лося на лыжах или нартах по насту. В некоторых районах эта охота начиналась в чуть более ранний период, например, в бассейне Салыма. Там охотники пользовались только лыжами. С января по март они находились в урманах, где охотились на лося, пушных зверей, медведя. Женщины в это время занимались домашними делами, ухаживали за скотом, устанавливали ловушки и охотились около жилья, а также вывозили из тайги мясо копытных, добытых мужчинами, доставляли на ручных нартах продукты для охотников. Кроме того, в зимний период производилась заготовка дров, обработка шкур [Кулемзин, Лукина, 1977. С.17; Перевалова, 1989. С.121; Северная Сосьва, 1992. С.20; Касум-ёх, 1993. С.40].

Зимне-весенняя охота имела вспомогательное значение у оленеводческих хозяйств, где не было возможности уделять ей достаточно времени в том случае, когда в хозяйстве насчитывалось более или менее существенное поголовье оленей.

Во второй половине зимнего периода продолжали заниматься также и рыболовством. Но, как уже говорилось, из-за замора оно не везде было возможно. Рыба в это время собиралась у живунов, где ее вычерпывали из воды сачками, в запорах устанавливали котцы. Запоры сооружали на охотничьих угодьях, в верховьях рек практиковали подледный неводно-сетевой лов. Запоры были установлены еще осенью, а часть из них — зимние — сооружались специально для этой цели возвращавшимися в январе на зимние поселения охотниками. Но в районах верховьев рек рыбы иногда не было даже и в ручьях, и некоторые семьи в феврале выезжали на озера, где у них стояли рыболовные фитили. Важно подчеркнуть, что использовали все имеющееся время. В частности, при таких

поездках на рыбалку попутно охотились на пушных зверей и т.п. [Кулемзин, Лукина, 1977. С.17; Перевалова, 1989. С.120; Северная Сосьва, 1992. С.20, 22-24].

Весной, еще до вскрытия рек, ханты и манси переселялись из зимних юрт в летние, расположенные у реки. Население некоторых рек (например, Салыма), если была возможность, в это время в течение 2 недель—месяца находилось в весенних юртах, где до вскрытия рек занималось запорным рыболовством. Улов держали в воде в специальных садках и вывозили уже после того, как реки освобождались ото льда. Весна — это время «большой воды», когда продуктивным было рыболовство по притокам Оби, в том числе и в их верховьях (естественно, не везде в равной степени). Рыбу промыслили орудиями запорного рыболовства, по мере вскрытия рек начинали использовать сетные снасти. Кроме того, готовились уже и к большой летней рыбалке на Оби. На некоторых территориях, в силу специфики местных условий, занятие рыболовством не требовало в этот период много времени, и население посвящало его главным образом изготовлению транспортных средств, ловушек, заготовке дров (например, часть юганских хантов). Все это оставляли на весеннем месте до осени и забирали в период перемещения с летнего места на зимнее [Дунин-Горкавич, 1904а.С.73; 1910. С.72, 81, 215; Кулемзин, Лукина, 1977. С.14, 16; Перевалова, 1989. С.121; Северная Сосьва, 1992. С.20—22, 25; Касум-ёх, 1993. С.34].

Весенний период длился до конца мая—начала июня. Интересно, что в большинстве зафиксированных вариантов календаря обских угров название мая — «месяц листьев» (т.е. появления листьев) — у северных, в частности, березовских [Старцев, 1928. С.45] и казымских [Шухов, 1916. С.30], хантов, северных манси [Источники, 1987. С.47], или же «месяц ледохода» (а «месяц листьев» — июнь) — у сосьвинских и ляпинских манси [Соколова, 1990а. С.100—101]. Но практически во всех календарях восточных хантов название мая связано с рыболовством. Это «месяц нереста» у тромъеганских хантов [Соколова, 1990а. С.91], «месяц рыба мечет икру» — у ваховских [Шатилов, 1931. С.129]. Аналогичные названия известны среднеобским хантам («месяц нереста») [Пелих, 1972. С.380], кондинским манси («месяц нереста рыб»), салымским хантам («месяц отметавшего икру осетра»), а у северных хантов зафиксировано название мая «месяц плавать по Оби/ловить рыбу плавными сетями» [Соколова, 1990а. С.88, 92, 97, 102].

Охота в рассматриваемый период сводилась к добыче водоплавающей птицы (уток и гусей) с помощью перевеса в одиночку либо группой в 2—3 человека, или же с ружьем. Период

этой охоты был коротким — 10—15 дней, он длился до тех пор, пока птица не начинала гнездиться. В это время она была практически единственным продуктом питания обских угров [Дунин-Горкавич, 1910. С.240, 301; Кулемзин, Лукина, 1977. С.16; Перевалова, 1989. С.121—122; Северная Сосьва, 1992. С.21, 23, 26; Касум-ёх, 1993. С.38]. Судя по названию мая («месяц гуси-утки», «гуси-утки прилетают»), большее значение охота на водоплавающую птицу имела у восточных хантов [Пелих, 1972. С.380; Кулемзин, Лукина, 1977. С.15; Соколова, 1990а. С.94; Sirelius, 1983. S.241]. Подобное название мая у других групп обских угров пока не встретилось.

Особо сложным был весенний период для оленеводческих групп, поскольку на него приходится отел оленей, что обычно требует много сил и внимания и, кроме того, ограничивает возможности перемещения населения, которое вынуждено находиться на одном месте не только во время собственно отела: оленеводы должны были ждать, пока не окрепнут новорожденные телята. У северных групп обских угров в начале весны оленей объединяли в большие стада и отправляли с пастухами на пастбища, где животные паслись до осени. Восточные ханты отпускали оленей на выпас в лес. У этих групп возникали определенные проблемы с выбором места летнего поселения, поскольку требовались такие территории, где бы имелся корм для оленей [Руденко, 1914. С.3; Варсонофьева, 1929. С.97; Кулемзин, Лукина, 1977. С.16; Перевалова, 1989. С.121; Северная Сосьва, 1992. С.23—24; Касум-ёх, 1993. С.41].

Важность оленеводства для северных групп обских угров подчеркивается наличием в их календаре «месяца отела оленей» (куноватские и сынские ханты) [Соколова, 1990а. С.88—89], «месяца рождения телят» (северные, видимо, уральские манси) [Источники, 1987. С.48]. Важно отметить, что перечисленные группы непосредственно примыкают к ненецкому оленеводческому населению. Кроме того, с запада они граничили и постоянно контактировали с коми-зырянами. Манси, выпасавшие своих оленей на Урале, каждую весну спускались по Печоре, Илычу, Подчерему в зырянские и русские деревни для приобретения охотничьих припасов, одежды, лошадей для жертвоприношений и т.д. [Лашук, 1958. С.169-170].

Летний период обские угры посвящали рыболовству. Большинство населения «вслед за льдом» спускалось в низовья притоков и на Обь. Причем нередко между местами зимнего и летнего поселений было значительное расстояние. Например, на Обь спускались манси из дер. Щекурья, проходя при этом расстояние свыше 500 км. Ханты и манси, проживавшие на Оби

и в низовьях ее притоков, наоборот, летом ловили рыбу недалеко от тех мест, где находились их зимние жилища [Носилов, 1904. С.8, 56–57; Дунин-Горкавич, 1910. С.214–215, 238, 301; Городков, 1913. С.2, 16; Руденко, 1914. С.4; Кулемзин, Лукина, 1977. С.16; Северная Сосьва, 1992. С.21, 25; Касум-ёх, 1993. С.34]. Кроме того, были отдельные группы, как, например, ломбовожские манси, специфика природных условий мест обитания которых позволяла вести чрезвычайно продуктивный рыболовный промысел, не спускаясь в низовья притоков Оби, причем на песке около устья Ляпина рыбачили не только ломбовожские манси [Северная Сосьва, 1992. С.21].

На летнюю рыбалку уходили обычно всей семьей, используя для передвижения специальные большие лодки с каютами, как отмечалось выше, нередко брали с собой и мелкий рогатый скот. На местах зимних поселений оставались те, кто присматривал за крупным рогатым скотом, а также пастухи-оленоводы, которые в это время занимались заборным и сетевым рыболовством на небольших реках. Ханты и манси, находившиеся летом на Оби и в низовьях ее притоков (как местные, так и пришедшие туда с верховьев), могли наниматься на работу к русским рыбопромышленникам. Переселение на летнюю рыбалку всей семьей было необязательным: например, с верховьев Казыма приезжали в основном мужчины [Касум-ёх, 1993. С.35].

Начало спада воды на разных притоках Оби приходилось на различное время, поэтому периоды кратковременного заборного рыболовства, осуществляемого в индивидуальном порядке, в верхнем и среднем течении рек, не совпадали. У ряда групп обских угров этот период выпадал на конец мая—начало июня, у других же — на конец июня—начало июля, что получило свое отражение в названиях месяцев. Почти во всех известных вариантах календаря хантов фигурирует три названия периодов, сопоставимых с июнем и июлем. Первое подчеркивает то, что на это время приходится массовый ход рыбы: «месяц, несущий нельму» (июнь — березовские ханты [Старцев, 1928. С.45]), «вонзевой (массовых миграций полупроходной рыбы. — *Е.Ф.*) месяц» (июнь — сынские ханты [Соколова, 1990а. С.89]); второе указывает на основное занятие: «месяц городить малые соры» (июль — березовские ханты [Старцев, 1928. С.46]), «варовый (заборный) месяц» (июль — трюмьганские, салымские ханты [Соколова, 1990а. С.91]), «месяц малых заборов» (июль — ваховские, васюганские ханты [Sirelius, 1983. S.241]), «месяц заборов» или «месяц большие заборы» (июль — среднеобские ханты [Пелих, 1972. С.380]); третье характеризует состояние

реки: «месяц вершины (высокой) воды», «месяц большой воды» (июнь — тромьеганские, салымские, ваховские, васюганские ханты) [Соколова, 1990а. С.91, 95, 98].

Практически у всех групп хантов зафиксировано и связанное с рыболовством название августа. Это «месяц городить большие сора» (казымские [Шухов, 1916. С.30]), «рыба заходит в Обские сора, в Сынские сора» (сынские [Соколова, 1990а. С.89]), «месяц больших запоров» (ваховские, васюганские [Sirelius, 1983. S.241]), «месяц муксуна» (тромьеганские, салымские [Соколова, 1990а. С.91]), «месяц сырка» (среднеобские [Пелих, 1972. С.380]).

В мансийских календарях рыболовство отражено меньше, что лишний раз подчеркивает известное положение, согласно которому манси больше охотники, чем рыболовы. Ляпинские манси называют июль «месяц луговых озер (ловить рыбу)», а август — «лесные озера (ловить рыбу)», как и сосьвинские манси, у которых август — «месяц лесных озер» [Соколова, 1990а. С.100—101]. Как отмечает З.П. Соколова, «в мансийских календарях нет названий месяцев, связанных с запорным рыболовством» [Там же. С.81], но С.И. Руденко приводит календарь сосьвинских манси, где название июля — «месяц запирания луговых соров», августа — «месяц запирания материковых соров» [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.251]. Но в записях С.И. Руденко слово «месяц» дается не на сосьвинском (северные манси), а на кондинском (восточные) диалекте: *ёнып* вместо *этнос*.

В июле—августе практиковали как запорное, так и неводно-сетевое рыболовство. Часть населения, спустившись в низовья (например, казымцы, назымцы) на период установки большого запора («вара»), во второй половине августа обычно возвращалась обратно в верховья. Большие запоры сооружали в определенных местах и в определенное же время [подробнее см.: Касум-ёх, 1993. С.36]. Это был коллективный способ лова, в котором принимало участие от 10 до 20 семей. Известно два его варианта: первый предполагал определенное количество ловушек (1—2 морды) на каждую семью с одновременной их проверкой всеми рыбаками и дележом рыбы пропорционально числу участников, при втором каждая семья пользовалась своим участком запора [Перевалова, 1989. С.122; Северная Сосьва, 1992. С.22]. Как уже отмечалось, подобный способ, обеспечивавший значительный улов рыбы, был возможен и в низовьях Ляпина, а при подъеме рыбы в эту реку с Оби и Северной Сосьвы с начала августа хороший улов давала коллективная неводьба на ляпинских песках общим неводом в 70—80 м, которым рыбачила группа в 2—3 человека [Северная Сосьва, 1992. С.22].

Коллективной была и неводьба на Оби и в низовьях ее крупных притоков. На песках собиралось обычно 5—10 семей, объединявшихся в артели. Выделяется несколько их вариантов: артель равноправных пайщиков (5—6 хозяйств), составлявших невод из «паев» (20—40 м) и получавших долю улова, соответствующую «паю»; артель неравноправных пайщиков, руководимая владельцем лодки и снастей, включавшая помимо его семьи еще 2—3 хозяйства, с распределением добычи по числу участников коллектива с дополнительными паями хозяину лодки и снастей; небольшая семейная артель (2—3 семьи, обычно родственные), рыбачившая на небольших неводных песках малыми неводами (30—70 м) поочередно; артель из 3—4 человек, нанимавшаяся со своей лодкой-неводником к русским рыбопромышленникам и получавшая от них снасти [Перевалова, 1989. С.123; Северная Сосьва, 1992. С.26].

Переработка рыбы осуществлялась на местах промысла, но уже каждой семьей отдельно [Перевалова, 1989. С.123]. Большую часть летнего улова продавали, определенная его доля шла на плату оленеводам за выпас оленей.

Охота, как здесь уже неоднократно отмечалось, не играла в летнее время существенной роли. Наиболее важной была охота на водоплавающую птицу в период линьки (конец июля). Кроме того, в конце лета начинался промысел боровой дичи. По притокам по мере необходимости охотились и на крупных копытных, а также на некоторых пушных зверей (выдру, бобра).

Во второй половине лета женщины и подростки много времени уделяли собирательству, владельцы скота занимались заготовкой сена.

Значительно меньше времени на охоту и рыболовство уходило у оленеводов. На лето выпадает два периода, когда олени требуют особой заботы: комариный и грибной. Существует угроза потери оленей, которые разбегаются, спасаясь от комаров, или же в поисках грибов. Поэтому оленеводы имели возможность заниматься промыслами только от случая к случаю, чтобы разнообразить пищевой рацион. Немало времени уходило на строительство дымокуров, кроме того, мужчины в это время изготавливали средства передвижения, женщины делали заготовки для одежды, обрабатывали шкуры, получаемые в результате июльского забоя оленей в крупных стадах.

Несмотря на то, что у ряда групп обских угров оленеводство играло важную роль в комплексе хозяйственных занятий и летом ему уделяли, пожалуй, значительно больше внимания и сил, чем в другое время года, все же в названиях месяцев оно получало

отражение только у северных (уральских — ?) манси. В их календаре июль называется «месяц неплюя» [Источники, 1987. С.48].

Нужно отметить, что вообще для июля и августа у хантов и манси существует достаточно много названий. Это «месяц половины лета» (август) у ваховских хантов [Шатилов, 1931. С.129], июль у сосьвинских манси [Соколова 1990а. С.100], средне- и нижнеобских хантов [Головнев, 1995. С.358—359]. Лозьвинские и кондинские манси называли июль «месяц березовой заболони», у последних бытовало еще название «месяц сенокоса» [Соколова, 1990а. С.102—103; Головнев, 1995. С.358]. У среднеобских хантов, кроме упомянутых выше названий июля зафиксировано следующее: «одежды месяц», а у тромъеганских — «линьки птиц месяц», «линьки лебеда месяц», «ягодный месяц», «большой воды месяц», «нереста рыбы месяц» [Головнев, 1995. С.358]. Разнообразными были названия августа у среднеобских хантов. В дополнение к уже названному это — «месяц, когда гагара птенцов выводит», «сига месяц», «больших заповров месяц», «ягодный месяц», «желтых листьев и трав месяц», «чистки рогов хорами месяц», «чистки рогов большими хорами месяц» [Соколова, 1990а. С.96; Головнев, 1995. С.359]. Месяцем «стая уток» называли август северные манси [Источники, 1987. С.47].

Возвращаясь к оленеводческим группам обских угров, нужно сказать, что август для них был не менее значимым месяцем. С его середины начинали подготовку к гону оленей: проводили кастрацию старых и больных быков, выравнивали рога. В конце месяца животные получали свободу — их отпускали на вольный выпас для нагула перед гоном [Касум-ёх, 1993. С.42—43].

В производственной деятельности принимало участие все трудоспособное население, причем характерной чертой традиционного обско-угорского общества, особенно охотничьих групп, была слабая дифференциация мужского и женского труда [Чернецов. Манси. Архив, п.294, с.22]. В основных хозяйственных занятиях — охоте и рыболовстве — разделение труда по полу проявлялось слабо [Абрамов, 1857. С.95; Симонова, 1883. С.79; Чернецов. Манси. Архив, п.294, с.22 и др.]. Пожалуй, в большей степени оно присуще животноводству. В частности, мужчины пасли оленей, а женщины ухаживали за рогатым скотом, косили сено. Зато собирательство было делом женщин и подростков.

Разделение труда по полу отличало домашнее производство («домашние ремесла») и быт. Мужчины изготавливали средства передвижения, луки и стрелы, ловушки, плели сети, кроме того, занимались обработкой твердых материалов (дерево, кость, железо), женщины обрабатывали шкуры, шили из них одежду, мешки, делали предметы домашнего обихода из мягких материалов (меха, бересты, ткани, осоки), сухожильные нитки, обрабатывали крапиву, ткали холст (южные группы), шили одежду из тканей, заготавливали впрок рыбу и мясо, варили пищу, пекли хлеб, заготавливали дрова, устанавливали каркасные жилища, поддерживали порядок в помещениях [Георги, 1776. С.61, 68—69; Остроумов, 1904. С.170; Инфантьев, 1910. С.36-37, 57; Андреев, 1947. С.95, 98; Сергеев, 1953. С.46идр.].

К настоящему времени недостаточно материала, чтобы говорить о возрастных ограничениях в различных занятиях. Подростки и старики выполняли те работы, которые были им по силам. Успешному выполнению работы способствовало правильное распределение обязанностей между занимающимися трудовой деятельностью. Как было показано выше, рыболовный промысел в подавляющем большинстве случаев требовал участия нескольких человек. Охота также нередко была коллективной, в других видах занятий этот принцип проявлялся в меньшей степени.

Производственные коллективы были как временными, создаваемыми для выполнения определенных хозяйственных задач при меняющемся составе членов коллектива, так и более постоянными, функционирующими на протяжении длительного времени, формирующимися обычно на базе родственных или соседских (в зависимости от специфики вида коллективной деятельности, проявляющейся прежде всего в затратах физического труда) отношений. Производственным коллективом всегда руководили наиболее опытные люди.

По мере освоения территорий не мог не возникнуть вопрос об угодьях. Имеющиеся материалы ставят под сомнение существование на протяжении веков какой-то определенной системы их распределения и передачи. Во-первых, при большой подвижности населения и при комплексности хозяйства одна семья должна была заниматься промыслами на довольно обширной территории (особенно если она владела оленями). Сюда включались охотничьи и рыболовные угодья, пастбища для оленей и луга, где могли бы заготавливать сено владельцы лошадей и рогатого скота, а, поскольку населению в таежных условиях сложно было существовать без собирательства, нужны были еще ягодники и кедровники.

Во-вторых, исторические источники (археологические материалы, письменные документы), а также фольклор говорят о нестабильности обстановки: постоянно происходила борьба за территории между представителями различных этносов. На вопрос о том, могли сложиться в те относительно спокойные периоды, которым перемежались периоды нестабильности, устойчивая система пользования угодьями, ответить сложно. В-третьих, после включения обских угров в состав России, на их территориях оказалось много пришлого русского населения, а в XVIII в. началась христианизация коренного населения, что заставляло его менять места обитания. Угодья хантов и манси занимали русские промысловики, землепашцы (в южных районах), позднее в них оказались заинтересованы рыбопромышленники. На территориях занимаемых обскими уграми, издавна были обнаружены полезные ископаемые, что также привлекало к ним внимание. Например, золотопромышленниками захватывались лучшие охотничьи и рыболовные угодья на Лозьве [Сорокин, 1873. С.54]. Таким образом, система землепользования должна была неоднократно меняться, ее неустойчивости говорит, не в последнюю очередь, и такой факт как наличие «челночных миграций», в процессе формирования которых возникало право пользования угодьями, находившимися на значительном расстоянии от мест обитания.

К концу XIX в. царской администрацией уже были закреплены за отдельными общинами так называемые «дачи» — рыболовные охотничьи угодья, пастбища и сенокосы определенной площади не имевшие единой сплошной территории и строго очерченных границ, пользование которыми осуществлялось либо совместно либо индивидуально (угодья распределялись на сходке) [Северн Сосьва, 1992. С.37]. Но в «дачи» включались не все земли, из которых издавна обитали обские угры. Например, в Пельымском волости правительство сдавало в аренду кедровники, когда-то считавшиеся собственностью вогулов [Инфантьев, 1910. С.3]. Кроме того, на Пелыме же, где было много русских охотников осуществлялось совместное пользование охотничьими угодьями манси и русскими [Ahlquist, 1885. S.166].

Общинными рыболовными угодьями считались пески, соустья проток, юровые ямы, которыми пользовались совместно. Эти угодья могли сдавать в аренду с согласия всех членов общины, и никто из них не имел права на выделение своей доли [Северн Сосьва, 1992. С.37—38]. Общины-юрты (или юртовые объединения) имели рыболовные угодья не только в районе своих поселений, но и в низовьях притоков, и на самой Оби. Такая система

гмлепользования, закрепленная юридически на уровне государства, свою очередь, заставляла коренное население все больше и больше осредоточиться на рыболовстве, независимо от мест проживания.

Если наиболее продуктивные рыболовные угодья находились общинной собственности, то на небольших речках в бассейнах ритоков, особенно в среднем и верхнем их течении, рыбачили лены одной семьи или группы родственных семей. Такие угодья «вотчины») тоже не имели строго очерченных границ (последние пределялись по каким-либо внешним признакам, хорошо звестным и соседям), передавались по наследству и не спользовались посторонними. Семейная собственность на вотчину сковывалась на праве первого освоения и продолжительности)актического пользования [Перевалова, 1989. С.126; Северная :осьва, 1992. С.37-38].

Система пользования охотничьими угодьями была такой же: бщинные и семейные владения, не обязательно примыкавшие к елению. Например, ханты Большого Югана и даже Васюгана ходили хотиться на Демьянку (демьянские ханты ловили рыбу на Югане) Перевалова, 1989. С. 125]. Важно отметить что вотчины наследовались олько теми, кто имел право на совместное пользование данными годьями, т.е. не обязательно сыновьями [Северная Сосьва, 1992. ".38]. Если вотчина принадлежала не одной, а группе родственных емей, то дети после смерти отца не могли выделить своей части, [роме того, вотчины могли переходить и к посторонним людям, оказавшим право на них [Там же. С.38—39]. Таким образом, астной собственности на землю отдельных семей у обских угров, анимавшихся охотой и рыболовством, не существовало. Вместе с ем, отец отдавал часть своих угодий старшим сыновьям, когда ни выделялись из семьи (другие варианты — совместное ведение ромысла или же освоение новых, свободных ранее, территорий) Перевалова, 1989. С. 126]. Более свободным было пользование годьями, пригодными для собирательства: здесь не соблюдались икакие границы, кроме как в тех районах, где собирательство :осило товарный характер [Там же. С. 126].

Таким образом, выстраивается следующая линия: свободное ользование угодьями в целях собирательства; преобладание бщинного права пользования над семейным при рыболовном ромысле; приблизительно равное, насколько можно судить по меющимся материалам, использование общинных и семейных падений в охотничьем промысле. Здесь просматривается изначаль- ый принцип использования промысловых территорий. Собира- льство, как самое древнее занятие, ведется без ограничений в

территориальном отношении; преобладание коллективного пользования рыболовными угодьями и орудиями промысла, а так же коллективная охота мясной направленности (т.е. для удовлетворения собственных потребностей в пище) указывают на сохранение основ древней системы природопользования: только коллективными усилиями при существовавших в глубокой древности орудиях труда (кстати, как уже отмечалось, в большинстве своем сохранившихся и до начала XX в.) можно было обеспечить себя пропитанием? Позднее, в связи с распространением населения по территории тайги, с образованием малочисленных, состоящих из небольшого числа хозяйств поселений, появляются промысловые угодья, которые находятся в пользовании отдельных семей и передаются по наследству.

Таким же образом осваивались и пастбища с началом развития оленеводства у хантов и манси. Усиление товаризации промысла привело к тому, что угодья стали более жестко закрепляться за общинами или отдельными семьями (но только на правах наследственного пользования). Для того чтобы посторонние люди могли ими воспользоваться, требовалось разрешение «хозяина» — например, горы, где находились олени пастбища [Варсонофьев, 1929. С.97]. Переселенцы, в частности коми-зыряне, платили хантам и манси за право постройки дома (причем без права пользоваться какими-либо земельными угодьями) [Жеребцов, 1982. С. 183].

Наконец, как здесь уже неоднократно отмечалось, коренное население самостоятельно сдавало в аренду рыболовные угодья. Таким образом, на основной «костяк» в течение веков нанизывались все новые и новые составляющие, что и привело к формированию той системы землепользования, которая была зафиксирована этнографическими источниками на конец XIX—начало XX в. просуществовала некоторое время после Октябрьской революции; а в отдаленных районах (обычно верховья рек) или же в отдельных аспектах — на других территориях, до начала 1990-х годов.

В хозяйственно-бытовом укладе различных групп хантов и манси, как было показано, наряду с общими чертами, выявляется множество особенных, которые в сочетании и дают характеристики конкретных ХКТ или их вариантов, зафиксированных на конец XIX—первую четверть XX в. ХКТ формировались и трансформировались под влиянием различного рода факторов. Вряд ли приходится сомневаться в том, что ХКТ — явление динамичное. Это хорошо прослеживается на приведенных здесь материалах.

Первые насельники территорий, занимаемых в конце XIX—начале XX в. обскими уграми, были преимущественно, оседлым

рыболовами. Именно они освоили в эпоху неолита зоны южной и средней тайги, распространились на северные районы, включая бассейн Северной Сосьвы и Казыма, о чем свидетельствуют археологические материалы [см., например: Морозов, Стефанов, 1993. С.168—169]. Естественно, хозяйственная деятельность жителей этих территорий включала в себя и другие виды занятий — охоту и собирательство, но, в отличие от предшествующих этапов (позднего палеолита и мезолита), когда население было сосредоточено в предгорьях Урала и на юге Западно-Сибирской равнины, охота не являлась доминирующим видом деятельности.

В процессе освоения территорий происходила адаптация населения к условиям окружающей среды, выражавшаяся, прежде всего, в формировании навыков природопользования. Таким образом, постепенно складывалась база ХКТ рыболовов больших рек. Начальным этапом этого процесса следует считать возникновение в позднем палеолите и мезолите общностей охотников и рыболовов верховьев рек, позднее распространившихся по этим рекам в их низовья и вышедших на крупнейшие магистрали Западной Сибири — Обь и Иртыш в его нижнем течении. Важно отметить, что перемещение населения осуществлялось не только вниз по течению притоков и на Обь, но и с Оби на ее притоки, вплоть до верховьев.

В эпоху неолита сложилась база для большинства этнографически зафиксированных ХКТ обских угров. Это три, по определению М.Ф. Косарева, типа хозяйства, характерных для ареала присваивающей экономики: коллективная охота на лесных копытных при помощи стационарных заградительных устройств на путях их сезонных перекочевок (лесное Зауралье); охотничье-рыболовческое хозяйство, в котором охотничий и рыболовческий промыслы находились в состоянии динамического равновесия и носили выраженный сезонный характер (таежное Обь-Иртышь); оседлое рыболовство (Нижнее Притоболье) [Косарев, 1984. С.71; 1987. С.306; 1991. С.34]. Хотя, как замечает М.Ф. Косарев, последний из перечисленных типов хозяйства, в отличие от первых двух не дожил до этнографической современности и был «своего рода эпизодом», правда, по всей видимости, сыгравшим немалую роль в становлении в более позднее время уже производящей экономики на указанной территории [Косарев, 1984. С.71; 1987. С.306, 312], все же он не мог не повлиять на формирование подобного типа в других районах — по Оби и в низовьях ее притоков. Это, по сути дела, соседние территории и, видимо, простое перемещение населения могло быть даже необязательным. При тех контактах, которые явно имели

место и в глубокой древности, не исключено и распространение собственно идей (см. Введение к настоящей работе).

На юге Западно-Сибирской равнины в эпоху бронзы сформировался ареал производящей экономики [Косарев, 1987. С.305], из которого исходили импульсы в сторону более северных районов, где также начинали появляться очаги производящего хозяйства.

В железном веке процесс развития ХКТ населения таежной зоны Западной Сибири шел под влиянием тех исторических событий, которые имели место на более южных территориях. Они «выталкивали» в тайгу этносы, сложившиеся в других условиях, имевшие иные традиции.

По археологическим материалам устанавливается ряд хронологических ступеней развития одной культурной общности начиная с I в. до н.э., т.е. еще с железного века, до XVI в. н.э. — позднего средневековья [Федорова, Зыков, Морозов, Терехова, 1991]. В настоящее время в научную литературу введено понятие «Железный век II» (VIII—XVI вв.) — эпоха, сменяющая Железный век I (III в. до н.э.—начало VIII в. н.э.) [Зыков, Федорова, 1993. С.66]. На протяжении всего этого периода существует Обь-Иртышская культурно-историческая общность, ядро которой включало территории Нижнего и Среднего Приобья, Нижнего Прииртышья, бассейны рек Васюгана, Конды, Северной Сосьвы, а периферийными районами были лесостепь, южная тайга, лесотундра, предгорья Урала [Там же. С.65—66]. Именно здесь прослеживается непрерывная линия развития материальной культуры, и именно эта общность, как показывают археологические материалы, представляется базой формирования обско-угорских и самодийских народов [Там же].

Выявить хозяйственную специфику отдельных территорий на разных этапах обозначенного периода крайне сложно — они по-разному изучены в археологическом плане, как, впрочем, и в этнографическом. Но к концу Железного века II практически повсеместно существовали все рассмотренные выше хозяйственные занятия (хотя их распределение и не было равномерным).

В этот период предки современных манси и хантов уже фигурируют в русских письменных источниках как вогулы (с конца XIV в.) и остяки (с XVI в.). Ко времени прихода русских развитие их культуры продолжалось в рамках ХКТ рыболовов больших рек, охотников и рыболовов тайги, интегрированного типа — рыболовов—охотников—скотоводов—земледельцев и частично охотников-оленоводов.

На ХКТ не могло не отразиться включение обских угров в состав Российского государства. И охота, и рыболовство стали более интенсивными. Добываемая продукция должна была не только удовлетворять собственные потребности населения: требовалось платить ясак, нужны были пушнина и рыба для обмена и торговли. И ясак, и обменно-торговые отношения с соседями и даже с живущими на значительном расстоянии от мест расселения хантов и манси народами (через купцов) существовали с давних пор, но в рамках государства они регулировались уже другой системой отношений. Кроме того, государственные структуры обеспечивали определенную стабильность, в том числе и в сфере экономики, хотя она, естественно, устанавливалась далеко не сразу после того, как какой-либо народ включался в состав того или иного государства.

После вхождения хантов и манси в состав России, во-первых, сформировалось новое направление торговли, во-вторых, из-за переселений русских на территорию Западной Сибири произошли изменения в демографической ситуации; в-третьих, с появлением русских коренному населению стали доступны некоторые новые производственные идеи и технологии, а также орудия труда; в-четвертых, у южных и юго-западных групп обских угров активизировались земледелие и скотоводство; в-пятых, с развитием товарного рыболовства на Оби и в низовьях ее притоков ханты и манси были вовлечены в новую систему социально-экономических отношений [подробнее см.: Головнев, 1993. С.132—137].

Результатом взаимодействия с русскими считается возникновение так называемых «челночных миграций» [Пика, 1988. С.138—140]. Из-за сокращения добычи соболя к концу XVII в. и из-за увеличения объемов пушной охоты в целом в связи с перечисленными выше обстоятельствами таежное население перешло к промыслу белки. Это, в свою очередь, потребовало освоения новых промысловых угодий, что послужило толчком к развитию транспортного оленеводства, кроме того, увеличило сроки зимнего охотничьего сезона и заставило сконцентрироваться на охоте немалую часть трудоспособного населения, в результате чего для рыболовства «выделялся» летний период. Поскольку наиболее продуктивным в это время оно было на Оби, туда спускалось население с притоков, чтобы обеспечить себя запасами рыбы на время охотничьего сезона, а с развитием товарных отношений — еще и для целенаправленного получения прибавочного продукта.

К концу XIX в. обские угры представляли следующие ХКТ:

1. Оседлые рыболовы, проживавшие по берегам Оби и Иртыша, в низовьях их крупных притоков, а также в низовьях

р. Ляпин. Охота в их хозяйстве играла второстепенную роль. В качестве дополнительных занятий можно рассматривать товарное собирательство и скотоводство, причем разведение лошадей и рогатого скота преобладало над оленеводством. В ряде районов дополнительным занятием было земледелие или огородничество.

2. Интегрированный ХКТ у некоторых южных и юго-западных групп, где земледелие или огородничество, наряду со скотоводством, выходило на одно из первых мест. Эти группы в данный период, видимо, уже в значительной степени утратили этническую специфику.

3. Полуоседлые охотники-оленоводы верховьев притоков Оби и Иртыша. К концу XIX в. это были малочисленные группы, хозяйство которых все больше подстраивалось под потребности оленеводства. Рыболовством занимались в незначительном объеме, не перемещаясь для этой цели на большие расстояния. Подсобным занятием было собирательство. Варианты данного ХКТ имеют конкретную территориальную привязку, их возникновение обусловлено спецификой географической среды: заболоченных верховьев правых притоков или же расположенных в предгорьях — левых.

4. Полуоседлые охотники и рыболовы притоков Оби и Иртыша с практически равным значением охоты и рыболовства, с обязательными «челночными миграциями», со скотоводством и собирательством в качестве дополнительных занятий. Как признаки вариантов данного ХКТ можно рассматривать длительность сроков пребывания на летних рыболовных угодьях, расположение промысловых угодий вообще, а также то, какими видами скота владело население.

5. Кочевые и полукочевые оленеводы. Это ханты Оби ниже Березова и ее притоков в этой части, а также отдельные семьи манси, проживавшие на Урале. Их образ жизни был подчинен потребностям оленеводства. Охота, рыболовство, собирательство играли подсобную роль.

Численность представителей отдельных ХКТ могла меняться вследствие различных причин. Например, оленеводы, потерявшие свои стада, становились охотниками и рыболовами. Охотники, у которых увеличивались стада, могли превратиться в оленеводов. Этому же способствовало объединение личных стад родственников или просто проявление интереса к новому виду деятельности. Охотники и рыболовы, вынужденные по каким-то причинам переселиться, нередко должны были ставить на первое место не то занятие, которое у них было ведущим в прежних условиях.

Существование населения в сложных экологических условиях было обеспечено интенсивным использованием отдельных видов биоресурсов, несовпадение сроков оптимального использования которых и способствовало формированию, а затем функционированию комплексного типа хозяйственной деятельности [Пика, 1981. С.163].

Из-за неравномерности распределения биоресурсов в таежной зоне Западной Сибири даже на разных притоках Оби главными были различные занятия. Например, как замечал АЛ. Дунин-Горкавич, на Вахе и Югане преобладала охота, а на Агане и Тромъегане охота и рыболовство были равнозначны [Дунин-Горкавич, 1911. С.96]. Население Малой Сосьвы — пешие охотники, без лошадей и оленей [Дунин-Горкавич, 1904а. С.41] и т.п. Но в самых неблагоприятных условиях в конце XIX—начале XX в. находилось население Ваха, которое за счет местных ресурсов могло обеспечить только минимальные потребности [Дунин-Горкавич, 1911. С.31]. В то же время еще Г. Новицкий писал о богатых остяках в районе Тобольска, занимавшихся земледелием и скотоводством [Новицкий, 1884. С.42]. Ничем, кроме антропологического типа, не отличались от русских вогулы, жившие по рекам Ляле, Сосьве, в низовьях Пельма, Лозьвы, Тавды. Они вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством [Носилов, 1897. С. 1; Мурзина, 1953. С.222 и др.]. Нельзя не отметить и того, что среди представителей коренного населения были мелкие чиновники, купцы, духовные лица, фельдшеры-[Носилов, 1897. С.21].

Как установлено, сочетание признаков, характеризующих культуру северных охотников и рыболовов, с одной стороны, и скотоводов степи и лесостепи — с другой, присуще культурам аборигенов почти всех районов южной и средней полосы Западной Сибири [Томилов, 1979. С.123—124]. Такой интегрированный ХКТ рыболовов—охотников—скотоводов—земледельцев имел место у шорцев, северных алтайцев, некоторых групп хакасов, чулымцев, тобольских, тюменских, барабинских и других татар [Там же. С.122—123]. Как было показано в этой главе, многие группы обских угров (кроме самых северных оленеводов) также были рыболовами, охотниками и скотоводами (как вариант — таежными оленеводами), но они не практиковали земледелие, непродуктивное в таежных условиях. Это послужило причиной утраты навыков древнего земледельческого населения, проникавшего с юга, в то время как для скотоводства тайга оказалась более приспособленной.

Как известно, в одинаковых географических условиях у разных народов складывается один и тот же комплекс хозяйства. В условиях

тайги он включает в себя охоту, рыболовство, собирательство с преобладанием одного из первых двух занятий в зависимости от специфики местных условий. Картина начинает дробиться с появлением скотоводства, прежде всего транспортной направленности (оленоводства или коневодства). Как представляется, это — один из факторов, влияющих на формирование подтипов или вариантов ХКТ рыболовов и охотников бассейнов больших рек. Другой фактор (первый в хронологическом отношении) — роль рыболовства в хозяйственном комплексе, что диктовало степень оседлости.

Если сравнивать хозяйство и хозяйственный цикл народов таежной полосы Сибири начиная от Урала и кончая бассейном Амура, то в них обнаружится очень много общего, а в ряде случаев — и полные совпадения [см.: Алексеенко, 1967. С.37—45; Василевич, 1969. С.42—53; Смоляк, 1984. С.25—30], причем вне зависимости от лингвистической принадлежности этих народов. Но все же они и даже отдельные группы внутри каждого из этих народов различаются образом жизни и культурным обликом, на формировании которых не могла не отразиться хозяйственная ситуация. Как было показано, выявление этнической специфики в области хозяйства может идти в двух направлениях: сравнительный анализ орудий труда, различия в которых проявляются на уровне мелких деталей (что характерно и для других элементов культуры [см., в частности: Лукина, 1990. С.149]), и сравнительный анализ локальных вариантов приемов ведения того или иного занятия, сформировавшихся в узкоспецифических условиях проживания конкретной группы. Природу появления подобных различий вряд ли можно объяснить в ближайшем обозримом будущем и не только потому, что нет детальных описаний всех, без исключения, локальных групп каждого этноса: здесь необходимы совместные усилия этнографов, археологов, лингвистов, биологов, психологов.

ГЛАВА II

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

В процессе своего существования человечество приспосабливается к окружающей среде через создание материально объективированных явлений культуры. На их формирование оказывают влияние самые различные факторы: природная среда, особенности образа жизни и хозяйственных занятий населения, взаимодействие его с соседними народами. В последнее время ряд компонентов материальной культуры (пища, жилище, одежда) выделяется в особую сферу, которая называется «жизнеобеспечивающая система» [Арутюнов, Мкртумян, 1984. С.24 и др.]. Но пока термин «материальная культура» представляется более подходящим, потому что это понятие охватывает более широкий круг явлений. Хотел ни для кого не является секретом то, что само деление культуры на материальную и духовную достаточно условно.

В процессе производства объектов материальной культуры важны не только этнические традиции. В силу различных причин, например, изменения условий проживания, меняется материал, из которого делаются вещи, или их конструкция, т.е. наличие или отсутствие того или иного материала может вызвать определенные изменения его формы, вплоть до полного исчезновения первоначальной. Важно определить, какие именно формы и в силу каких причин не подлежат изменениям, иными словами, что заставляет сохраняться традицию.

Несмотря на то, что материальная культура обских угров развивалась в общих границах культуры таяжских рыболовов и охотников, фиксируется множество локальных ее вариантов, со своими особенностями, выражающимися в материале, конструкции, наборе вещей. Важно установить причины формирования этих особенностей: обусловлены ли они спецификой природной среды и хозяйственных занятий или же здесь проявляются разные этнические традиции. Поскольку, как показывают этнографические материалы, одни и те же конструктивные типы или же одинаковые материалы распространены среди разных групп хантов и манси,

представляющих различные ХКТ или их варианты, и наоборот, имеет смысл прежде всего обозначить общее и особенное у разных групп обских угров в сфере материальной культуры, а конкретно — в каждой из ее составляющих. Вторая задача заключается в выявлении, насколько это возможно, путей формирования элементов материальной культуры. В этой главе рассматривается пища, жилища, поселения, хозяйственные постройки, одежда, утварь, средства передвижения хантов и манси. Орудиям труда, используемым в сфере основных и дополнительных хозяйственных занятий, было уделено достаточно внимания в предыдущей главе. Что же касается орудий труда, с помощью которых изготавливали вещи, то они уже подробно рассматривались в этнографической литературе [Сирелиус, 1906; 1907; Кулемзин, Лукина, 1977; Лукина, 1985; Федорова, 1994в и др.].

1. Пища

Сведения о пище обских угров встречаются во многих работах, но специальных исследований по этой теме всего несколько [Шатилов, 1929; Лукина, 1985а; 1986а; 1986б; 1991; Пивнева, 1993; Федорова Е.Г., 1993; Ильина, 1997]. Пища относится к числу важнейших элементов культуры этноса, играющих большую роль в обеспечении его жизнедеятельности. Установлено, что в тесной взаимосвязи с ХКТ находятся характер и состав основной пищи, способы ее получения.

Одним из проявлений функциональных связей микросреды и хозяйственного коллектива служит так называемая «пищевая цепь», характеризующаяся составом, изменением состава по сезонам, количеством пищи [Алексеев, 1975. С. 18—25]. Поскольку обские угры, несмотря на их малочисленность и разбросанность по тайге, в течение веков сохранялись как популяция, можно говорить о том, что их питание было рациональным и в достаточной мере сбалансированным (за исключением, видимо, экстремальных ситуаций), т.е. в пище присутствовали химические вещества, соотношение которых, а также режим питания и физические свойства пищи обеспечивали нормальную жизнедеятельность человеческого организма.

Население каждого региона вырабатывало оптимальную для конкретных условий модель питания,* подбирая необходимые именно в этих условиях пищевые компоненты и отказываясь от того, что не способствовало поддержанию жизнедеятельности организма. В то же время пища — это одно из тех явлений культуры, которые оказывали существенное влияние на развитие ХКТ. В частности, состав стада определялся не только тем, каких домашних животных наиболее выгодно было содержать в данных условиях, но и тем, какие из них и в каком количестве обеспечивали семью нужной в этих условиях пищей. В другой ситуации потребность в необходимом количестве пищи, которую можно было добыть, занимаясь охотой и рыболовством, заставляла население передвигаться с места на место, и новый образ жизни отражался, соответственно, на других компонентах культуры, давая толчок к их трансформации.

Для поддержания нормальной «жизнедеятельности организма в разных ландшафтно-климатических условиях необходимы определенные наборы продуктов, что связано уже именно со спецификой этих условий. Продукты, полученные путем обмена и торговли, восполняли отсутствие или недостаток нужных для организма веществ. Возможно, именно из-за такого недостатка определенных пищевых компонентов в тех продуктах, которые можно было получить в местных условиях, среди северных охотников и оленеводов так быстро и широко распространился хлеб, хотя вопрос о вхождении в их рацион хлебной пищи не имеет однозначного решения (см. ниже).

Основой традиционной системы питания** обских угров были рыбные, мясные, в меньшей степени — растительные продукты. Интересно, что практически у всех групп хантов и манси, за исключением сугубо оленеводческих, на первом месте стояла рыба [Новицкий, 1884. С.34; Носилов, 1897. С.19; Шульц, 1926. С.32; Лукина, 1991. С.94; Пивнева, 1993. С.125 и мн. др.]. Не исключено, что рыбе стали отдавать предпочтение с возникновением

* То, за счет какого продукта обеспечивается основная калорийность пищи, соотношение продуктов, являющихся источником энергии для организма, содержащих необходимые для него вещества (жиры, белки, углеводы растительного или животного происхождения, витамины), а также, в каком виде употребляются эти продукты, определяется как модель питания [Арутюнов, 1981. С.4].

** Систему питания характеризует набор основных продуктов, употребляемых в пищу, типы блюд, которые готовят из них, наличие особых дополнительных компонентов типа приправ и специй, способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приготовлением и приемом пищи [Арутюнов, 1982. С.4].

челночных миграций. После того, как население в зимний период сосредоточилось на охотничьем промысле — добыче пушнины, интенсифицировалось летнее рыболовство в низовьях притоков и на Оби с целью заготовки на зиму рыбы как продукта, необходимого для охотников: она была легкой, следовательно, удобной в переноске, непортящейся и достаточно калорийной [Пика, 1988. С.139]. Возможно, именно в такие периоды летнего рыболовства у населения верхних и средних течений притоков произошла перестановка акцентов в системе питания. Тем более что обеспечение запасов рыбы впрок было практически гарантировано. Как установлено, вылов рыбы коренным населением, даже если он был и значительным в отдельные годы, не мог серьезно отразиться на состоянии рыбных ресурсов Оби [Там же. С.138—139]. Кроме того, люди легко переносят, во всяком случае физиологически, серьезные изменения в характере пищевого рациона, в чем проявляется общее свойство человека приспосабливаться к изменяющимся условиям среды [Уайнер, 1979. С.492]. Возможно, какое-то влияние оказывало на изменение приоритетов в пищевом рационе жителей притоков население их низовьев и собственно Оби: там безоговорочно отдавали предпочтение рыбе.

Интересно, что у обских групп как будто отсутствуют запреты, связанные с приготовлением и употреблением рыбы, в то время как они фиксируются для населения притоков, усиливаясь к верховьям [ПМА, № 1555, л.65—67; № 1614, л.55]. Эти запреты распространялись главным образом на женщин и относились к таким рыбам, как щука и налим: они считались священными у манси левых притоков Оби (Северная Сосьва с Ляпином). Нарушение запрета могло вызвать заболевание. Например, как рассказывают, у налима есть особое маленькое горло. Если женщина будет разделять налима («резать»), то у нее заболит горло, она задохнется [ПМА, № 1614, л.37]. Пищевые запреты, связанные с рыбой, были и у хантов. Например, в низовьях Казыма женщинам во время беременности нельзя было есть налима [Прыткова, 1953. С.130]. Кроме того, нельзя есть щуку и налима хантам рек Сыня и Куноват [Соколова, 1971. С.224].

Для чистки рыбы нельзя было использовать металлический нож, применяли специальный костяной или деревянный (рис. 24). Причем это касалось всех видов рыб.

Судя по имеющимся материалам, запреты, связанные с приготовлением и употреблением в пищу рыбы, тяготеют в территориальном отношении к бассейну Северной Сосьвы, включая Северное и Приполярное Зауралье, а также к тем левым и правым

Рис. 24. Деревянный нож для чистки рыбы.
Северные манси.

притокам Оби, которые впадают в нее ниже по течению, чем Северная Сосьва. Это места расселения северных групп обских угров, в хозяйстве которых немаловажную роль играла охота или же увеличивалась доля оленеводства, т.е. возможности получения здесь запасов мясной пищи были более перспективными. Интересно, что и у живших еще севернее ^амодийцев — оленеводов и охотников на дикого северного оленя — существовали запреты, связанные с разделкой или употреблением в пищу шуки и налима [Симченко, 1976. С.104]. Таким образом, запреты, связанные с употреблением определенных продуктов, возникали там, где эти продукты первоначально не были преобладающими в пищевом рационе. По мнению Ю.Б. Симченко, за ними стоят, возможно, какие-то рациональные причины [Там же], хотя они как будто не обнаруживаются.

Наиболее распространенное объяснение подобного явления, заключается в том, что запреты касались животного-тотема (в данном случае, рыбы). По этому поводу следует привести данные относительно мансийской фамилии Сайнахов. З.П. Соколовой установлено достаточно широкое ее распространение и за пределами мансийских территорий, причем повсеместно она накладывается на ареал орнамента «щучий зуб», «щучья челюсть» [Соколова, 1983. С.18] и, как считал В.Н. Чернецов [1947. С.162], происходит от фольклорного «сойнах» («щука»). Большинство Сайнаховых проживает и проживало в бассейне р. Ляпин, т.е. там, где запреты, связанные со щукой, проявляются наиболее ярко. По данным З.П. Соколовой, Сайнаховы — чистые манси, но в то же время они *ёрн колен махум* («люди ненецких чумов»), в связи с чем ею делается вывод о сложном происхождении Сайнаховых, хотя, по данным антропологии, какая-либо ненецкая примесь у них отсутствует [Соколова, 1983. С.17—18]. Но здесь возможно достаточно простое объяснение. *Ёрн кол* — это название чума (букв. «ненецкий дом») в мансийском языке, т.е. *ёрн колен махум* могут быть людьми, живущими в чумах, оленеводами, их генетическая связь с ненцами совсем не обязательна. В данном случае интерес представляет то,

что пищевые запреты, связанные со щукой, опять же касаются тех групп, в хозяйстве которых рыболовство не занимало первое место.

Противопоставление групп населения, в пищевом рационе которых ведущими были или мясо, или рыба, отражено и в фольклоре. Например, богатырь Кедровое Ядрышко говорит: «Светлый рыбий жир — обская снедь, светлый рыбий жир — озерная снедь, не для меня пища... Звериным жиром я с детства питался, на зверином жиру кости мои выросли, тело мое окрепло» [Чернецов, 1935. С. 112]. Интересно, что у манси существовал запрет варить мясо, особенно лосиное, в том котле, где перед этим лежала сырая рыба [Kannisto, 1958. S.391]. По мнению В.Н. Чернецова, такой запрет восходит к очень ранней эпохе — времени, когда осуществлялся переход от преимущественно рыболовческого быта к охотничьему, в связи с чем возникала и отдельная для каждого вида продуктов посуда, различавшаяся по орнаменту [Чернецов, 1971. С.86]. По представлениям манси, котел, в котором хранилась сырая рыба, приобретал определенные свойства и, если сварить в нем мясо, охотника могла постигнуть неудача в промысле (чтобы этого не произошло, котел следовало очистить окуриванием) [Там же].

В конце XIX—начале XX в. роль мясной пищи могла быть существенной только в тех районах, где сосредоточивались стада крупных копытных или же проходили пути их миграций, поскольку именно благодаря охоте на лося и дикого оленя обеспечивались потребности в мясной пище. Меньшую, но в целом немаловажную роль играло мясо водоплавающей и боровой дичи. Хотя охота на нее практиковалась почти повсеместно, она не могла полностью обеспечить потребности в мясной пище, ведь только при охоте с помощью перевеса на водоплавающую птицу, которая, как отмечалось, была возможна далеко не везде, получали большую добычу. Обычно же требовалось устанавливать множество ловушек, проверять их через короткие промежутки времени и, хотя эта процедура была достаточно удачно «вписана» в цикл хозяйственных и домашних занятий, все же она «дробила» его на очень мелкие периоды

Таким образом, потребность в мясной пище обеспечивалась в основном сезонной охотой (как правило, коллективной) на крупных копытных, но не повсеместно, и, наоборот, повсеместно — охотой на водоплавающую и боровую птицу, также сезонно. Несовпадение этих сезонов по времени года обеспечивало относительную непрерывность поступления мясного продукта при основном упоре на холодный период года. Зимой дополнительным источником мясной пищи была нечастая охота на боровую дичь (а также мясо

многих пушных животных, добываемых во время специальной охоты на них, потребляемое преимущественно самими же охотниками), а летом — также редкая охота на крупных копытных.

Негарантированность обеспечения мясной пищей опять же выводила на первое место рыбу, которую при сложившейся к концу XIX в. хозяйственной системе можно было в больших количествах запастись летом в низовьях притоков и на Оби, а в течение остального времени пополнять ее запасы за счет уловов на расположенных близ жилья угодьях (следует напомнить, что на промысел охотники брали запасы сушеной рыбы, сделанные летом). Перерывы в рыболовстве были незначительными (до двух недель), поэтому большим или меньшим запасом рыбы с ближайших угодий семья была обеспечена практически всегда, за исключением, конечно, тех районов, где рыболовство было почти невозможно (но их насчитывалось немного). *

К сожалению, данных о том, каковы были потребности семьи в том или ином виде продуктов, не так уж много. В основном они не конкретизированы. Например, известно, что аборигены Северной Сосьвы для личного потребления и собак вылавливали 9—10 тыс. центнеров рыбы [Пика, 1988. С.162], а для каждой мансийской семьи нужно было на зиму 5—6 пудов рыбы [Дунин-Горкавич, 1904а]С.49]. Кроме того, опять же на зиму, семье из пяти человек требовалось около 10 кг (ведро) варки (особый рыбный продукт) [ПМА, № 1614, л.53]. Потребности в мясе были такими: семья из пяти взрослых (трое из них мужчины) съедала тушу лосося за неделю, при двух взрослых и трех детях — за месяц [ПМА, № 1721, л.21]. Удачными считались те годы, когда добывали по 10—15 лосей на охотника — тогда заготовленное вяленое мясо занимало целый амбар на сваях [Чернецов, 1971. С.72]. Семья оленевода, состоящая из шести человек, к которым добавлялся еще и работник, в день съедала 2.5—3 пуда оленьего мяса [Носилов, 1904. С.42] при весе взрослого оленя в 3—6 пудов, 3—4-месячного теленка — около 1 пуда [Дунин-Горкавич, 1911. С. 111].

Обские угры, владевшие рогатым скотом, употребляли в пищу мясо коров и овец, причем, по словам современных информантов-манси, последнему отдавалось предпочтение. Судя по имеющимся материалам, в пищу мясо рогатого скота шло тогда, когда устраивалось какое-либо жертвоприношение. То же относится и к конине. Мясо лошадей вообще считалось священной пищей, особенно значимой до начала христианизации. Когда крестили вогулов, жители Нахрачевских юрт соглашались на это, но на определенных условиях, одним из которых было сохранение обычая

потребления в пищу конины, что сначала пытался запретить, а потом все же оставил Филофей Лещинский [Павловский, 1907. С.83]. Нужно отметить, что в последней четверти XX в. именно восточные манси отрицали факт употребления ими в пищу конины, в то время как в более северных районах это явление сохраняется до сих пор.

И ханты, и манси редко забивали на мясо домашних оленей (за исключением чисто оленеводческих групп). Это объясняется различными причинами, например, тем, что мясо диких оленей «чище», чем домашних, поскольку последние питаются отбросами и нечистотами около жилища [Шатилов, 1931. С.62]. Видимо, причины здесь все-таки в первую очередь рациональные: численность домашних оленей у большинства хантов и манси была ограниченной и они единственные обеспечивали возможность быстро передвигаться зимой на большие расстояния по глубокому снегу. При малочисленности стада забивать домашних оленей невыгодно.

Н.В. Лукина отмечает отрицательное отношение восточных хантов к мясу и салу свиньи, которое вряд ли могло сформироваться под влиянием татар, так как последнее было недостаточным. Таким образом, его причины остаются невыясненными [Лукина, 1991. С.98—99].

Вопрос становится еще более сложным, если вспомнить то, что было сказано по поводу свиноводства в главе I. Но пока для его прояснения слишком мало данных.

Имеющиеся материалы показывают, что в целом можно говорить об общей для всех хантов и манси модели питания с определенными локальными вариантами, которые характеризуются различным соотношением употребляемых в пищу рыбных и мясных продуктов: *а* — модель питания населения Оби, нижнего и, частично, среднего течения ее притоков, которая отличается преобладанием рыбной пищи, дополненной мясной (птица, реже — крупные копытные, рогатый скот); *б* — модель питания населения среднего и верхнего течения притоков Оби с рыбой в качестве основного продукта питания с несколько меньшим значением мяса крупных копытных и боровой и водоплавающей птицы; *в* — модель питания населения верховьев притоков с малой долей рыболовства в хозяйственном комплексе, характеризующаяся преобладанием мясной пищи. То есть основная калорийность пищи хантов и манси обеспечивается продуктами животного происхождения (рыбой, мясом).

Модель питания хантов и манси включает в себя также растительные продукты, которые служат источником углеводов, не менее важных для человеческого организма, чем белки и жиры, содержащиеся в продуктах животного происхождения. Их получали

в результате собирательства. Это были ягоды: черемуха, черника, морошка, брусника, клюква, красная и черная смородина, голубика, малина, а также кедровые орехи и некоторые растения (борщевик, дикий лук и др.), причем последние к концу XIX в., судя по тому, что они упоминаются достаточно редко, видимо, выходили из употребления. Тем более, что уже в это время в пищевой рацион, хотя и далеко не во всех районах, стали включать продукты огородничества.

Как было сказано выше, из-за неравномерного распределения кедровников по территории проживания хантов и манси, урожай кедровых орехов не везде был одинаков, что, естественно, отразилось и на пищевом рационе. То же можно сказать и про ягоды.

Если перечисленные объекты имеют местное происхождение, за исключением огородных культур, завезенных в разное время, но прижившихся даже на севере, то другой существенный источник углеводов — зерновые — для большинства групп хантов и манси был продуктом, получаемым извне.

Вопрос о происхождении хлебной пищи у хантов и манси достаточно сложен. Все авторы до середины XX в. сходились на том, что хлеб обские угры употребляли мало [см., например: Георги, 1776. С.71; Глушков, 1900. С.28; Носилов, 1904. С.239], причем даже у богатых он бывал редко [Инфантьев, 1910. С.82]. Есть даже сведения относительно манси, согласно которым они хлеб не любили и обходились без него, если было мясо [Носилов, 1897. С.20], а у чердынских вогулов в конце XVIII в. даже не все женщины умели печь хлеб [Любарских, 1782. С.79]. Но, во всяком случае, с середины XVIII в. муку на территорию проживания обских угров уже завозили. Примерно в это время на Вахе на одного человека требовалось 2—3 пуда муки в год (в начале XX в. — в 2 раза больше) [Изделия остяков, 1911. С.18]. На Среднюю и Нижнюю Обь в большом количестве муку стали завозить с середины XIX в. [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.95].

Как отмечал В.Н. Чернецов, хлеб, судя по термину (*нянь*), должен быть известен обским уграм с давних пор [Чернецов. Манси. Архив, п 294, с.28]. Действительно, термин *нянь*, *нон*, *нан*, видимо, очень древнего происхождения. Он имеется в персидском [Персидско-русский словарь. С.622], таджикском [Русско-таджикский словарь. С.813], узбекском [Русско-узбекский словарь. С.932], казахском [Русско-казахский словарь. С.874] и некоторых других языках народов Азии [см.: Лукина, 1986. С.119—120]. Кроме того, название хлеба «нянь» присутствует и в пермских языках [Краткий этимологический словарь коми языка. С.202], а на

территории Западной Сибири — в ненецком [Хомич, 1995. С. 105] и кетском [Алексеев, 1967. С. 127]. Таким образом, рассматриваемый термин локализуется на довольно обширной территории от Приуралья на западе до Енисея на востоке (Сибирь) и от побережья Ледовитого океана на севере до Индостана на юге. Его иранское происхождение уже давно установлено, вопрос заключается в том, с каким этническим компонентом он мог распространиться на такой большой территории и среди народов разной лингвистической принадлежности.

Важно отметить следующие моменты: во-первых, термин был известен представителям разных хозяйственно-культурных типов — от земледельцев до северных охотников и оленеводов. Во-вторых, у ряда народов существуют специальные глинобитные печи для приготовления хлеба. В-третьих, таежное и тундровое население Западной Сибири, у которого распространено данное название, отделено от этносов Средней Азии и более южных районов, где также бытует термин *нянь*, территорией проживания западносибирских татар, которые, насколько известно, используют для обозначения хлеба другое слово (за исключением названия пшеничного хлеба у тарских татар) [Валеев, 1980. С. 129; Томилов, 1980. С. 185], хотя печи для выпечки хлеба, аналогичные обско-угорским и кетским, у них были [Валеев, 1980. С. 115]. Ориентируясь на это, можно, вероятно, говорить о появлении в Западной Сибири хлебной пищи вместе со специальными печами до окончания процесса формирования сибирских татар. В периферийных районах оказался только один термин, который стали использовать для обозначения всех видов хлебной пищи, в то время как в центре (сибирские татары, народы Средней Азии, Казахстана, Ирана и т.п.), там, где этнические процессы были более активными и разносторонними, с развитием самого явления появлялась и распространялась и новая терминология. Важно отметить, что помимо хлебной печи (рис. 25), обские угры хлеб (лепешки) выпекали еще и в золе. Этот способ считается характерным для народов, практиковавших в прошлом полукочевой образ жизни [Шитова, Гаделгареева, 1979. С. 111].

В пользу того, что предки хантов и манси были знакомы с хлебом еще в древности, могут говорить археологические материалы (см. главу I). Возможно, важное место в пище древних угров занимал ячмень: в мансийском языке ячмень называется «тэп», буквально, пища, а основная масса зерен, обнаруженных, в частности, на городище Потчеваш, — ячмень [Чернецов, 1957. С. 239]. Кроме того, тема хлеба присутствует в фольклоре обских угров, причем в достаточно ранних его пластах, конкретно, — в богатырских сказаниях [см., например: Чернецов, 1935. С. 84].

Рис. 25. Один из этапов приготовления хлеба. Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И 2167-116)

Еще одно важное обстоятельство: в качестве праздничной пищи на медвежьем празднике употребляется каша, приготовленная из муки с сахаром [Источники, 1987. С.237]. Кроме того, обязательной принадлежностью медвежьего праздника были фигурки птиц, оленей, лосей, лошадей, выполненные из теста. Их расставляли либо на столе, между посудой с едой, либо перед головой медведя, а после окончания праздника «убивали»: разбивали их концом ритуальной палицы и раздавали присутствующим [Там же. С.216, 224]. Хлебные фигурки, известные у северных групп хантов и манси, по наиболее распространенной версии представляют собой заменителей жертвенных животных [о других вариантах см.: Новикова, 1995. С. 104—106]. Еще один факт: во время медвежьего праздника проводилось гадание на муке, насыпанной в блюдо (определяли, когда будет убит следующий медведь) [Источники, 1987. С.237]. Такое широкое использование в обрядовой деятельности хлеба, муки может служить свидетельством того, что данный продукт в культуре обских угров имеет древние корни и восходит к этническому компоненту, знакомому с земледелием. Если иметь в виду то, что в ряде случаев хлеб и мука сочетаются с «объектами» скотоводства (фигурки лошадей, мясо жеребенка как компонент ритуальной каши саламат, в состав которой входила и мука), то, видимо, можно говорить о традициях земледельческо-скотоводческого населения.

Ханты и манси покупали преимущественно муку, ржаную и ячменную, реже — готовый хлеб. По замечанию С.И. Руденко, его предпочитали оленеводы [Руденко, 1914. С.7]. Таким образом,

можно думать, что традиция приготовления собственного хлеба была более характерна для охотников и рыбаков.

Н.В. Лукиной убедительно доказана невозможность заимствования хлеба хантами от татар, коми-зырян или русских [Лукина, 19866. С.117—121]. К аналогичному выводу приводит и анализ мансийских материалов. Но существует один вопрос, на который сейчас ответить сложно: каким образом могла сохраниться столь древняя традиция (употребление хлеба в качестве повседневной и ритуальной пищи), если, по утверждению всех источников, начиная с конца XVIII в. хлеба ханты и манси почти не знали и даже, по утверждению В.Н. Чернецова [Манси. Архив, п 294, с.28], специальные хлебные печи стали распространяться только к началу XX в. До этого же делали лишь пресные лепешки, которые пекли в золе или поджаривали на костре.

Напитки, которые употребляли ханты и манси, также можно разделить на две группы. Местное происхождение имеют отвары («чай»). Для этого использовали чагу, лабазник, шиповник, чернику, бруснику (листья). Кроме того, пили воду и молоко. Последнее употребляли повсеместно там, где держали коров, из него делали еще творог и сметану [Дунин-Горкавич, 1911. С.87]. Были также попытки доения оленей [Носилов, 1904. С.45; Лукина, 1991. С.106], но они не получили распространения. Интересно, что фиксируется употребление чая с молочными продуктами: зимой в чай опускали комки замороженных сливок [Носилов, 1904. С. 170].

К числу напитков неместного происхождения следует отнести чай и водку. Как считают ханты, чай придает человеку силу и бодрость, его обязательно нужно пить перед длительными пешими переходами [Лукина, 1991. С.106]. Вопрос относительно времени появления чая у хантов и манси остается открытым: его не упоминают в источниках XVII—XVIII вв., но есть сведения о том, что в XVII в. в Сибирь привозили чай среднеазиатские купцы [Лукина, 19866. С.121]. Согласно С.И. Руденко [Угры. Архив, № 66, л.96], чай появился у обских угров в 1870-е годы. Если это так, то чай за очень короткий срок (к концу XIX в.) превратился в любимейший напиток. В способах приготовления чая усматривают некоторые параллели с монголами: известно, что манси добавляли в чай куски масла и оленьего сала [Лукина, 19866. С. 122].

Местным напитком можно считать также березовый сок, который пили в кипяченом виде. Кроме того, из него делали алкогольный напиток.

Единственной приправой к пище у хантов и манси была соль, которая употреблялась в очень небольших количествах и преимущественно при приготовлении блюд, заимствованных от

русских [Лукина, 1991. С.105], а также при выпечке хлеба. По мнению Н.В. Лукиной, соль стали применять в первую очередь при варке рыбы и выпечке хлебных лепешек [Там же]. Важно отметить, что и в конце XX в. ханты и манси по-прежнему употребляют соль в малых количествах, хотя они и стали использовать ее шире, чем в прошлом.

Помимо составляющих пищевого рациона в системе питания важны способы обработки продуктов и приготовления блюд. Прежде всего, нужно сказать, что хантам и манси были известны все три основные формы потребления пищи: сырая, термически обработанная, ферментированная. Последняя была для них мало характерна: в некоторых случаях в пищу шла квашеная рыба. Нужно заметить, что ферментированная пища распространена у скотоводов, там, где много молочных продуктов. То, что в пище хантов и манси присутствует ряд элементов, обнаруживающих аналоги в скотоводческих культурах, а такая характерная для них форма потребления пищи, как ферментированная, практикуется очень мало, можно расценивать как еще одно подтверждение того, что становление скотоводства обских угров происходило на местной основе, где молочная пища не получила своего развития. В противном случае, скорее всего, квашение продуктов широко распространилось бы у хантов и манси.

О том, насколько длительным может быть процесс вхождения в культуру той или иной формы потребления пищи, говорит такой факт, как почти полный отказ от соления пищи, что подтверждается литературными источниками и полевыми наблюдениями на протяжении, по меньшей мере, двух веков. Соление рыбы относительно широко стали применять приблизительно с 1930-х годов. Вполне возможно, что определенную (и немаловажную) роль в данном случае сыграло то, что государству требовалось сдавать большое количество рыбы, для сохранения которой были необходимы какие-либо способы консервации, например, соление, для чего рыбакам выдавали соль для обработки рыбы на местах, что и способствовало более активному внедрению в рацион хантов и манси соленой рыбы.

В сыром виде повсеместно ели только что выловленную рыбу, оленья мясо, все ягоды, кроме черемухи. Для зимнего периода было характерно употребление хантами и манси в пищу строганины из замороженных рыбы и мяса.* С употреблением в пищу в сыром виде

*Подробные описания способов приготовления различных блюд из рассматриваемых здесь продуктов уже имеются в литературе [Шатилов, 1929; 1931. С.58-68; Лукина, 1986а, 1986б, 1991; Федорова, 1986а. С.163—173; Пивнева, 1993; Ильина, 1997, а также сведения об отдельных блюдах и продуктах во многих работах, посвященных хозяйству и материальной культуре обских угров], поэтому здесь нет смысла на них останавливаться.

лосиного мяса ситуация сложнее: там, где это животное почиталось, как например, у верхнелозьвинских манси, нельзя было есть сырым его мясо, пить кровь [подробнее см.: Новикова, Федорова, 1991. С.141]. Но восточные ханты ели сырое лосиное мясо [Лукина, 1991. С.95].

Только что добытые рыба и мясо подвергались термической обработке: их жарили, варили или коптили. Наиболее древним способом считается поджаривание на рожнах у костра [Лукина, 1986а. С.66; 1986б. С.116]. Относительно происхождения такого способа, как варка, существуют две позиции. Согласно первой, это отголосок кочевническо-скотоводческого быта: такая же очередность поедания (сначала рыба или мясо, потом бульон), кроме того, варка пищи характерна именно для кочевников-скотоводов [Лукина, 1986б. С.116]. Согласно второй, варка рыбы и мяса утвердилась как естественный процесс развития местных способов, чему способствовало и широкое внедрение металлической посуды [Там же]. Если исходить из того, что, как полагает Н.В. Лукина, «местные, безводные способы обработки пищи выработали у народов предпочтение к твердой пище», поэтому сначала съедают рыбу или мясо, а затем бульон [Там же], то варка пищи, действительно, не являлась у таежных охотников и рыболовов изначальным способом ее приготовления.

Кроме того, другие виды жидкой пищи также не могли быть местными по происхождению. Это болтушки с добавлением муки (не местный компонент) и ритуальное блюдо каша саламат, которое варится на мясном бульоне (реже — на бульоне из сушеной рыбы) с добавлением муки или какой-нибудь крупы и употребляется обязательно с жиром или маслом. На Оби и низовьях притоков саламат варили из нарезанного кусочками мяса утки или какой-нибудь другой птицы и называли это блюдо «княжеской едой» [ПМА, № 1614, л.52].

Каша-загуста, приготовленная из муки на молоке или молоке со сливками, в растопленной сметане или масле, со сходным названием была известна башкирам, якутам, некоторым тюркоязычным народам Южной Сибири (алтайцам, шорцам, тувинцам) и, как предполагается, происхождением связана с монголоязычными народами (*хальмаг* — монг., *саламаад*, *саламат* — бурят., *булмуг* — калм.) [Шитова, Гаделгареева, 1979. С.95]. Важно отметить, что повсеместно саламат служит праздничной пищей.

К сказанному нужно добавить еще и то, что, согласно легендам, в далеком прошлом люди Пор и люди Мось (фратрии у северных групп хантов и манси) различались по тому, сырое или вареное мясо

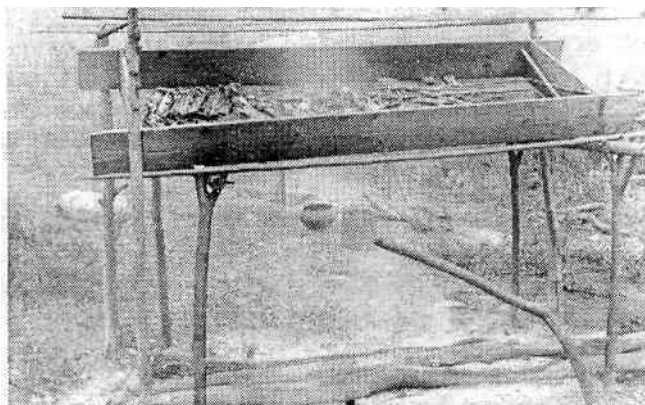

Рис. 26. Сушка рыбы. Восточные ханты.
Фото И. Мягкова (МАЭ, И-123-71).

они ели. Существует несколько вариантов этих легенд, по наиболее распространенному, — «вареномясной» народ — это Мось, которые отождествляются либо с уграми-кочевниками, либо, наоборот, с древними обитателями притоков Оби, либо — с оленеВадами Урала.

Немалая часть выловленной рыбы и добытого мяса заготавливалась впрок. Основной способ заготовки продуктов — сушка (вяление). Мясо нарезали на тонкие пласты и сушили на солнце под крышей, на помостах или у печки, а также над костром. Рыбу, в зависимости от размера, предварительно обрабатывали, а затем вялили или сушили (рис. 26) так же, как и мясо копытных. Там, где была продуктивной охота на водоплавающих птиц, заготавливали впрок мясо уток и гусей: сняв кожу, непотрошенные тушки связывали попарно и развешивали на жердях [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.93].

Очень характерен для хантов и манси такой продукт, как жир, особенно рыбий. Он всегда употреблялся в сочетании с другими продуктами (рыбой, ягодами, хлебом).

Лучше всего продукты сохранялись в берестяных емкостях — из-за особых свойства этого материала. Для кратковременного хранения скоропортящихся продуктов иногда употребляли золу [Кулемзин, 1979. С.114]. Емкости с продуктами зимой ставили в свайные амбары, у ряда групп существовали специальные наземные амбары для хранения рыбы (рис. 27). Такие постройки находились рядом с жилищем, а в лесу продукты хранили либо на помостах,

Рис. 27. Постройка для хранения рыбы. Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И-2167-163).

либо в свайных амбарах. В конце зимы оставшиеся запасы помещали в специальные ямы, выкопанные в замерзшей почве, и засыпали снегом — так они могли храниться до начала лета [Руденко. Угры. Архив, № 66, л.94].

Если сравнивать способы заготовки продуктов, приготовления блюд у разных групп хантов и манси, становится очевидным, что особого разнообразия локальных вариантов здесь не обнаруживается: более резко выделяются оленеводческие группы, у остальных же различия между группами в целом незначительны и обусловлены спецификой биоресурсов. Кроме того, по мере удаленности от Оби снижается доля покупных продуктов, что естественно, поскольку в труднодоступные районы сложнее производить завоз продуктов, там слабее инокультурные влияния. Вместе с тем, ханты и манси сами ездили зимой за продуктами в русские города, где покупали, в первую очередь, муку. В способах приготовления блюд наблюдается большее разнообразие, чем в способах заготовки продуктов. Кроме того, для всех групп было характерно сочетание в каждый сезон года сырых и консервированных (вяленых, сушеных) продуктов: свежее мясо и сушеная рыба зимой, сушеное мясо и свежая рыба летом, хотя зимой рацион дополнялся свежей рыбой, а летом — свежим мясом. Важно отметить и такой факт, как употребление продуктов в сочетании: жареную, копченую, вареную рыбу, рыбий жир ели с ягодами, хлебом (рыбий жир — с рыбой, приготовленной различными способами, и

рыбной мукой), что считается местной, североазиатской, традицией [Лукина, 1986а. С.69].

Питались ханты и манси 2—3 раза в день, обязательно — утром и вечером. Но в промежутках по несколько раз в день пили чай (с рыбой, ягодами, хлебом и т.п.), как например, охотники перед выходом на охоту. Обязательными же были и трапезы по поводу приезда гостей — они могли происходить в любое время.

Традиции в приготовлении пищи принято считать «одним из наиболее устойчивых этнодифференцирующих признаков в культуре народа» [Лукина, 1985а. С. 130]. Вместе с тем, как показали исследования, традиционная пища «очень часто носит не столько этнический, сколько региональный характер» [Арутюнов, 1989. С. 136]. Действительно, пища отражает этническую специфику: пока народ проживает на той территории, где сформировалась характеризующая его система питания, пища может служить для маркировки данного этноса. При переселении же на другие территории, что нередко ведет за собой изменения в хозяйственной деятельности, поскольку старая система обеспечения пищевыми продуктами уже может и не работать, меняется и сама система питания — она начинает ориентироваться на местные продукты питания. Но миграционные процессы не являются единственной причиной изменения системы питания. Как показывают материалы второй половины XX в., немаловажную роль играет торговля: при надлежащем ее развитии, регулярном завозе нетрадиционных продуктов и отсутствии каких-либо запретов на их употребление (хотя, как показывает практика, во всяком случае, относительно обских угров, такие продукты как будто и не завозились) местное население достаточно быстро к ним привыкает.

Кроме того, существенное влияние оказало на систему питания и пребывание детей в школах-интернатах. В XX в. через них прошло не менее двух поколений. Большинство мужчин служили в армии, где они вряд ли обеспечивались традиционными продуктами и блюдами из них. По последним наблюдениям, сейчас далеко не вся молодежь, особенно это относится к девушкам, знает названия рыб на хантыйском и мансийском языках. Многие воспитанники интернатов предпочитают питаться супами из пакетов или макаронными изделиями, в отдаленных селениях, где хозяйство полностью ориентировано на традиционные виды деятельности, в парниках пытаются выращивать помидоры и лук, разводят кроликов. То, что многие нетрадиционные продукты достаточно прочно и свободно входят в пищевой рацион и у представителей, во всяком случае, последнего поколения не вызывают отрицательного

отношения, заставляет несколько иначе подойти к вопросу о пище в общем контексте культуры. Необходимо выявить, какие же конкретно стороны этого явления несут этноспецифическую нагрузку.

Совершенно очевидно, что набор основных продуктов питания в данном аспекте рассматриваться не может: люди едят то, что им доступно. Для населения таежной зоны Сибири эти продукты поставляют охота, рыболовство, собирательство. Но их распределение в пищевом рационе народов различно. Установлено, что рыба была основным продуктом питания хантов и манси, а также селькупов, барабинских татар, ненцев в безоленных и малооленных хозяйствах, нивхов, ульчей, нанайцев, орочей, негидальцев, ительменов [Лукина, 1986а. С.64], кетов. У лесных энцев, долган, северных якутов, нганасан она шла после мяса или же наравне с ним (в зависимости от сезона), у эвенков же основной пищей была мясная [Там же]. Таким образом, выбор основного продукта находился в прямой зависимости от ХКТ или его варианта и тоже не может быть рассмотрен в связи с затронутым вопросом.

Несколько больше в этом плане дают способы заготовки продуктов, их употребления и приготовления блюд. Хотя, по сути дела, они также в основе своей одинаковы, выявленные предпочтения локализуются уже по определенному принципу. Установлено, что употребление рыбы и мяса в сыром виде более характерно для обских угров, самодийцев и кетов, чем для народов Амура и Северо-Востока Сибири, у эвенков же такое предпочтение обнаруживали группы, связанные взаимобрачными отношениями с самодийцами или хантами [Там же. С.64—65]. Кроме того, у народов Западной Сибири, по сравнению с остальным сибирским населением, был беднее набор растительных продуктов, а ханты и манси отличались еще и тем, что меньше употребляли ферментированную пищу [Там же. С.67]. Все эти особенности позволили Н.В. Лукиной на хантыйских материалах обозначить два круга пищевых традиций, относящихся к субстратному пласту: североазиатский (смешивание рыбы или мяса с ягодами непосредственно перед едой, приготовление горячих напитков с использованием местной флоры, употребление мухомора как возбуждающего средства при игнорировании остальных видов грибов, особое отношение к мясу медведя); западносибирский (сыроедение рыбы, мяса, растительных продуктов, слабая роль последних, незначительное применение ферментации продуктов, преобладание поджаривания рыбы на рожнах у костра среди

способов термической обработки), сформировавшийся, видимо, в среде древнего уральского населения [Там же. С.69].

Этнопоказательные признаки, опять же, проявляются в деталях: например, с костями или без них (хотя это, скорее, диктуется особенностями видов рыб) вялили рыбу, какое место в системе питания занимают супы и т.п.

Изменения традиций в области питания могут происходить различными темпами, что было показано выше. Здесь прослеживается влияние различных факторов: степень изолированности населенного пункта, национальный состав, возрастной состав населения. Вероятно, результат зависит от того, какой из этих показателей оказывается преобладающим.

Этническая специфика проявляется в сочетании местных и пришлых традиций. Для обских угров к последним относятся блюда из муки и крупы, тонизирующие и наркотические продукты, проникшие с юга и связанные с тюркоязычным и ираноязычным населением (Саяно-Алтайское нагорье, Средняя Азия) [Лукина, 19866. С. 116, 128]. Одно из первых мест в списке «нетаежных» продуктов занимает конина [Федорова Е.Г., 1993. С.45]. Интересно, что, по словам некоторых современных информантов-манси, самая любимая их еда — конина (а потом уже рыба). В этом как нельзя лучше проявляются отголоски древних культурных традиций, уходящих своими корнями в эпохи энеолита и бронзы.

Неместные компоненты ярче проявляются в праздничной и обрядовой пище (это конина, каша-саламат, фигурки из теста). Здесь этнические традиции более стойки. Обрядовая пища не выходит за рамки конкретной культуры. Если неоднократно приходилось встречаться с тем, что пришлое население употребляет повседневную пищу коренного (сырую рыбу, сырую оленью печень, не говоря уже о блюдах из термически обработанных рыбы и мяса или же о любимой всеми строганине), то со случаями подобного же отношения к обрядовой пище сталкиваться не приходилось, хотя представители пришлого населения и присутствуют иногда при обрядах и на праздниках хантов и манси. Вместе с тем, комплекс обрядовой пищи может иметь значительное, а иногда даже полное сходство с таковым у других народов. Эти параллели выводят на этногенетические или этноисторические процессы.

В связи с обрядовой пищей следует остановиться еще на двух моментах. Во-первых, в наборе жертвенных животных обских угров также отражаются не местные традиции. Наряду с оленем, который среди них занимает первое место лишь у отдельных, оленеводческих групп, выступают лошадь, петух или рогатый скот.

Причем лошадь, практически повсеместно — главное жертвенное животное, приносимое верховному божеству или его младшему сыну, который считается покровителем людей. У северных труп соответствующие обряды известны и сейчас, у других, судя по имеющейся информации, они с разной степенью прочно сохраняются в памяти людей среднего и пожилого возраста, в ряде случаев с ними знакома и молодежь.

Принесение в жертву определенного животного, как известно является реликтом повседневного употребления его мяса. Среди обских угров в этнографической действительности это могло быть лишь у тех групп, где имелись хозяйства, в пользовании которых находились достаточно большие стада оленей. Но основная масса населения держала малочисленные стада, поголовье лошадей и рогатого скота также было невелико. Таким образом, существующий набор жертвенных животных вполне мог возникнуть в процессе этногенеза или на ранних этапах этнической истории, а затем дополниться оленем — с внедрением в систему хозяйственных занятий обских угров оленеводства. Это можно проиллюстрировать на примере современных новосалымских хантов. Они продолжают держать оленей, хотя необходимости в этом, на первый взгляд, нет: транспортное и использование оленей прекратилось, в пищу их мясо практически не идет. Но оленей сохраняют для совершения жертвоприношений, поскольку у этой группы хантов именно они являются основными жертвенными животными. Причем существует даже очередь на получение оленя для жертвы, поскольку в целом их немного.

Второй момент связан с наличием особых правил поедания мяса медведя и лося — местных, таежных, животных. По поводу добычи медведя специальный праздник проводился повсеместно (первоначально он, как считается, был связан с людьми Пор), по поводу добычи лося, насколько можно судить, — даже не у всех групп, охотившихся на него.

Если говорить о системе питания обских угров в целом, то нужно подчеркнуть, что в ней отражено взаимодействие следующих культурных традиций: скотоводческой и охотничье-рыболовческой на начальном этапе и образовавшейся в результате их слияния — с оленеводческой на более поздних этапах. Двадцатый век, особенно вторая его половина, характеризуется трансформацией традиционной системы питания под воздействием городской культуры.

2. Поселения, жилища, хозяйственные постройки

Этот компонент материальной культуры обских угров издавна привлекал внимание исследователей и, в отличие от других, оказался, пожалуй, в более выигрышном положении: первая аналитическая работа, посвященная жилищу, появилась в начале XX в. [Sirelius, 1906—1911] и была построена на полевых материалах ее автора. В дальнейшем разработке этой темы много внимания уделила З.П. Соколова [1957а, 1957б, 1959, 1963а, 1963б, 1964, 1991, 1998], уже в первых своих работах рассматривавшая поселение и жилище как составляющую системы жизнеобеспечения. В начале 1960-х годов выходит фундаментальное исследование по типологии жилища народов Сибири, где анализируются также материалы по обским уграм [Попов, 1961]. Наконец, обобщающий все накопленные по этой теме сведения труд был опубликован сравнительно недавно (1994 г.) в рамках серии «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» — «Поселения и жилища». В нем подробно рассматривается конструкция построек, характер поселений по этнографическим, археологическим и фольклорным материалам, генезис традиций в домостроительстве. Кроме того, отдельные сведения о поселениях, жилищах и других постройках обских угров содержатся в работах почти всех путешественников и исследователей, бывавших у этих народов, а также во многих публикациях археологических материалов.

На территории, занимаемой обскими уграми, выделяются две резко различающиеся по характеру ландшафтные зоны: Уральские горы и таежная часть Западно-Сибирской равнины, отдельные участки которой имеют разную высоту над уровнем моря, но почти все они заболочены. Таким образом, поселения изначально могли быть приурочены либо к горным склонам, либо к рекам, которые, к тому же, служили основными пространственными ориентирами. Соответственно, формирование и развитие жилища происходило в разных условиях и, по всей вероятности, на принципиально различной основе.

Второй важный фактор, всегда влиявший на рассматриваемую сферу культуры, — хозяйственные занятия населения. В связи с их особенностями находились выбор места поселения, наличие сезонных поселений, набор построек жилищно-хозяйственного комплекса, а обусловленный хозяйственными занятиями образ жизни непосредственно отражался на конструкции сооружений —

переносных каркасных у кочевого населения, стационарных, для данной территории, срубных — у оседлого.

О самых древних жилищах (эпохи палеолита) на тех территориях, где по поздним источникам фиксируются обские угры, говорить сложно. Поскольку в этот период население концентрировалось вокруг Уральских гор, вероятно, жилищем служили пещеры. Более конкретные сведения, хотя и очень незначительные и отрывочные, можно почерпнуть из археологических материалов, относящихся к эпохе мезолита. В среднем Зауралье обнаружено множество долговременных поселений и сезонных стоянок, расположенных по берегам проточных озер, исследование которых позволило установить образ жизни древнего населения, занимавшего в теплое время года берега озер для охоты и рыболовства [Сериков, 1993б. С.21]. Все же долговременные стоянки располагались лишь там, где более всего удобно заниматься рыболовством: у мест впадения в озеро или вытекания из него небольшой реки [Там же. С.22]. По рекам же фиксируются только сезонные стоянки. Характер материалов на подобных памятниках позволил исследователям высказать предположение, что «в хозяйстве древнего населения берега озер имели место повторяющиеся циклы» [Там же].

Аналогичная картина наблюдается и на Конде, где выявленные материалы говорят о наличии сезонных селищ и кратковременных стоянок рыболовов и охотников [Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993. С.13-14].

Для эпохи мезолита реконструируется два типа жилища: подпрямоугольные или полуовальные каркасные полужемлянки и наземные каркасные сооружения, возможно, типа чума [Сериков, Старков, 1989. С.136—137; Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993. С.13—14; Сериков, 1991. С.26; 1993. С.23-23]. Их площадь (полуземлянки 20—25 кв. м в Среднем Зауралье и до 45 кв. м на Конде, а диаметр наземного сооружения 5—7 м [Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993. С.13—14; Сериков, 1993б. С.23]) позволяет устанавливать численность населения и характер общественных отношений. Так, число обитателей жилища наименьшей площади оценивается в 6—7 человек [Сериков, 1993б. С.23; о методике см., например: Ковалева, 1993б].

В более крупных по площади землянках могли проживать и члены какого-то долговременного производственного коллектива. Такой вывод позволяет сделать местонахождение больших полужемлянок, отражавшее, как представляется, процесс продвижения населения лесного Зауралья в таежную зону Западной Сибири. Новые территории возможно первоначально осваивались

группами охотников, которые пользовались одним на всех жилищем, возвращаясь в него каждый год. Но более вероятно то, что продвижение на новые земли происходило семейными коллективами, скорее всего, входившими в один род или общину и вынужденными уходить со старых поселений из-за перенаселенности, оскудения угодий или в силу каких-то других причин. Общая площадь наземных построек свидетельствует о том, что в них проживал значительный по численности коллектив. Если учитывать то, что таких сооружений на поселении, которое считается кратковременным сезонным, было несколько (4) и, кроме того, в центре жилищ имелись обложенные камнями очаги, а постройки всего поселения сопровождалась еще и большими наружными очагами [Сериков, 1993б. С.23], можно предположить, что такое поселение предназначалось не только для теплого времени года — ведь, по этнографическим материалам, очаг для летнего жилища при наличии зимнего стационарного не был «характерен. Таким образом, исходя из характеристики только сооружений на поселении, можно допустить, что, во-первых, в нем проживали в течение всего года, во-вторых, населяли его, видимо, большесемейные коллективы.

В связи со всем сказанным возникает вопрос: можно ли связывать поселения с наземными постройками, которые по совокупности археологических характеристик считаются кратковременными, а по аналогии с этнографическими материалами — долговременными, с населением, оставившим на той же территории Среднего Зауралья поселения с полуземлянками. Или же их следует рассматривать как поселения пришельцев, еще не закрепившихся полностью на новых территориях и не отказавшихся от той формы жилища, которой они были вынуждены пользоваться в процессе перемещения из каких-то других районов. Как отмечал М.Ф. Косарев, «надвигание» мезолита на Западно-Сибирскую равнину — с юга на север (со стороны Казахстана) и с запада на восток (со стороны Урала) в общем подтверждает гипотезу В.Н. Чернецова о заселении этих территорий [Косарев, 1991. С.32]. Может быть, в наличии двух типов жилищ и отразились какие-то этапы этого «надвигания».

Хотя на все поставленные вопросы вряд ли могут быть однозначные ответы, определенные выводы все же напрашиваются. Во-первых, уже с эпохи мезолита существуют шатровая полуземлянка и коническое наземное сооружение типа чума. Во-вторых, если соглашаться с мнением археологов, с этого времени складывался тот тип поселений, который в этнографической действительности для хантов и манси можно считать, пожалуй, классическим:

постоянные зимние поселения охотников и рыболовов в сочетании с временными и сезонными летними, с постоянными постройками в первых и с переносными — во вторых.

В эпоху неолита, как уже неоднократно отмечалось, с одной стороны, возрастает степень оседлости населения из-за возрастания роли рыболовства, с другой — продолжается освоение таежной зоны Западной Сибири. Все это оказывает влияние на дальнейшее развитие типов жилищ и поселений: возникают новые их формы, улучшаются уже существующие. Кроме того, в это время фиксируется значительное развитие рубящих орудий, что отразилось и на технике домостроительства [Эверстов, 1988. С.23; Алексахенко, Кернер, 1990. С.35].

В эпоху неолита происходит и закрепление отдельных групп населения на конкретных территориях, в Зауралье и Западной Сибири возникают первые этнокультурные общности и отдельные культуры, все большее число коллективов переходит к оседлому образу жизни, что подтверждается появлением поселений, состоящих из нескольких стационарных построек (при этом продолжают еще сохраняться одиночные большие жилища) [Борзунов, Кирюшин, Матюшенко, 1993. С.15—16]. Считается, что в эпоху неолита на территории Западной Сибири закончилось оформление двух типов поселений — стационарных и временных (сезонных, промысловых), что совпадает часто с подразделением поселений на зимние и летние [Там же. С.16]. Известно и укрепленное поселение-городище, относящееся к этому времени, причем обнаружено оно в северотаежной подзоне, на р. Амне (междуречье Оби и ее правого притока р. Казыма) и, как считают, может быть объединено вместе с памятниками Сартынья 1, Хулюм-сунт (оба — Северная Сосьва) и Кирип-Вис-Юган 2 (на притоке р. Амни) в одно культурное образование, в состав которого входили мигранты из Среднего Зауралья [Морозов, Стефанов, 1993. С.143—168]. То, что необходимость строительства укреплений вокруг поселения возникла уже в эпоху позднего неолита, является отражением процессов взаимодействия, видимо, различных по происхождению групп населения, носивших немирный характер.

В качестве жилища в эпоху неолита чаще всего использовалась полуземлянка, прямоугольная или овальная (реже) в основании, площадью преимущественно 36—96 кв.м (Зауралье) и от 100 до 190 кв.м (Нижнее Приобье, в Среднем Приобье известно жилище площадью 132 кв.м [Плетнева, 1994. С.168—169]). Такая разница в площади жилищ подтверждает предположение, согласно которому

группы населения, продвигаясь на территорию Западной Сибири со стороны Зауралья, первоначально обитали в одном жилище.

Полуземлянки реконструируются как сооружения с «достаточно сложным бревенчато-столбовым каркасом» [Борзунов, Кирюшин, Матюшенко, 1993. С. 16; подробное описание см., например: Алексашенко, Кернер, 1990. С.37, 39]. В Среднем Зауралье глубина котлована полуземлянки была сравнительно небольшой — 60—80 см, что объясняют, во-первых, отсутствием эффективных инструментов для землекопных работ, во-вторых, особенностью гшщадки-основания котлована—она состояла из массивных гранитных плит, расположенных на различных уровнях [Алексашенко, Кернер, 1990. С.37]. В таких условиях вряд ли можно было выстроить обширное по площади жилище. Возможно, по этой причине происходило и дробление больших коллективов.

Для больших по площади жилищ характерна значительная глубина котлована (до 200 см) [Плетнева, 1994. С. 172], фиксируются они уже на территории таежной части Западной Сибири, где само состояние почвы могло позволить выкопать более глубокий котлован. Жилище такой глубины, как в 180—200 см, является подземным. Как показывают археологические материалы, оно встречается очень редко и нигде не было не только единственным по типу, но даже и преобладающим [Там же. С. 173].

Уже с эпохи неолита фиксируется наличие нар вдоль стен жилища. Их ширина достигает 160 см [Плетнева, 1994. С.174], что совпадает с данными из этнографической действительности. Если учесть то, что подобные нары обнаружены в жилищах значительной площади, можно сделать вывод, что известная по этнографическим источникам система использования жилого пространства в больших домах, где проживало несколько семей, существовала еще в эпоху неолита. В эту же систему вписывается и расположение очага в неолитическом жилище: он находился в центре.

Полуземлянки были преобладающими постройками эпохи неолита, но наряду с ними зафиксированы и наземные — каркасные и каркасные с самонесущими стенами, чаще они были однокамерными и, вероятно, имели форму усеченной пирамиды [Плетнева, 1994. С. 182]. Кроме того, на поселениях лесного Зауралья реконструируются вешала для просушки сетей [Эверстов, 1988. С.29].

Множество поселений зафиксировано для периода энеолита. Они располагаются на более высоких местах, население продолжает осваивать мелкие и крупные водоемы, видимо, поэтому преобладающими оказываются поселения, которые определяются

как кратковременные или сезонные стоянки рыбаков [Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993. С.17]. Сохраняются и долговременные стационарные поселения, но жилище становится менее углубленным в землю, появляются крупные наземные жилища с обваловкой и дренажными канавами-рвами, а также сооружения небольших и средних размеров с легким каркасом из жердей [Там же]. К числу хозяйственно-бытовых сооружений, находившихся за пределами жилища, относят известные еще по предыдущим эпохам очаги, хозяйственные ямы, реконструируемые по находкам столбовых ямок легкие навесы [Там же].

В эпоху бронзы поселения увеличиваются в размерах, растет и число построек на них. Важно отметить, что под влиянием андроновского населения урало-казахстанских степей в Западной Сибири появляются поселения, где жилища располагаются рядами и «улицами» [Там же. С. 18]. Кроме этого, проявлением воздействия культуры скотоводов считается возникновение в Зауралье и Западной Сибири характерного прямоугольного жилища, колодцев, некоторых типов фортификаций, глинобитных печей-очагов [Там же. С.33]. Но все эти нововведения ограничивались территорией южной подзоны тайги.

В таежной зоне по-прежнему фиксируются зимние постоянные и летние временные поселения. Постройки на зимних поселениях характеризуются как наземные со слабоуглубленными котлованами, их максимальная площадь — 56 кв.м, а летние сооружения — наземные, каркасные и меньших размеров. Но для северной тайги по-прежнему реконструируются наземные подпрямоугольные дома площадью от 200 до 300 кв.м, причем на Конде и на Оби [Малый Атлым) они имеют укрепления в виде вала и рва. Этот тип поселения в виде одиночного жилища на Конде прослеживается с эпохи энеолита до рубежа бронзового и железного веков, когда перерастает в бревенчато-глинобитное поселение-жилище [Там же. С.27, 29, 30-31].

В целом на протяжении эпохи бронзы уменьшалась глубина котлована жилища, при этом более разнообразными становились его формы, жилище поднималось на поверхность. Каркасы стационарных построек были столбовыми или бревенчато-столбовыми, а летних — более легкими. В Сургутском Приобье выявляются и небольшие хозяйственные постройки: легкие, каркасные, наземные, иногда с неглубоким котлованом. Повсеместно за пределами жилищ фиксируются хозяйственные ямы и очаги [Там же. С.30—31]. В жилищах они продолжают сооружаться главным образом в центре, а вот нары были, видимо, менее характерны

[Плетнева, 1994. С.174, 176]. Правда, фиксируются еще и невысокие прямоугольные платформы-лежанки у боковых стен или стены против входа [Борзунов, Кирюшин, Матюшенко, 1993. С.38].

Важно отметить, что в эпоху бронзы в соседнем регионе — лесостепи, — возможно, появляются срубные постройки [Там же. С.21].

Для эпохи раннего железа характерны слабо углубленные (15—20 см), углубленные в землю на 30—50 см постройки [Борзунов, 1982. С.85; 1992. С.47; Плетнева, 1994. С.172], главным образом прямоугольные в основании, но встречаются овальные (Зауралье) и многоугольные (Сургутское и Нижнее Приобье) [Плетнева, 1994. С.168—169]. Средние размеры построек — 20—30 кв.м, в Сургутском Приобье самые большие достигали 50 кв.м, в Нижнем Приобье — 42, а в Зауралье — 30 кв.м [Там же. С.170]. Ситуация с нарами остается прежней, а вот что касается очагов, то здесь, с одной стороны, продолжают развиваться местные традиции, с другой — появляются новые черты, а в целом же «наблюдается большое разнообразие как в форме, деталях устройства, так и в расположении очагов» [Там же. С.178].

Среди поселений в эпоху раннего железа преобладали неукрепленные. Это были круглогодичные селища, сезонные и кратковременные стоянки, которые, что важно, располагались вдали от крупных западносибирских рек в верхнем и среднем течении их притоков, а также по берегам озер. Поселения были небольшими, их площадь, как правило, не превышала 300 кв.м, располагались на ней одно-два жилища [см., например: Борзунов, 1992. С.43]. Позднее стали выделяться производственные и хозяйственные помещения [Там же. С.48].

Наряду с неукрепленными встречались и укрепленные поселения. Их появление связывают с миграциями с севера (из таежной зоны Западной Сибири) в Зауралье охотников и рыболовов и внедрением их в инородную этнокультурную и экологическую среду, а, кроме того, с давлением южных соседей — скотоводов [Борзунов, Новиченков, 1988. С.99; Борзунов, 1989. С.125—128]. Происходили не только эпизодические войны из-за территорий, но и постоянные грабительские.

В Зауралье в раннем железном веке преобладали малые по площади городища (до 1000 кв.м), площадь которых увеличивалась по мере продвижения к югу, что, возможно, было связано в том числе и с включением в состав населения городищ выходцев из лесостепи [Борзунов, 1992. С.36—37]. То, что городища были не просто укрытиями на случай военной опасности, а местом постоянного

обитания и производственной деятельности, подтверждается отсутствием вокруг них селищ, а также расположением на городищах жилых и производственных комплексов [Там же. С.41]. В раннем железном веке поселения обычно располагались на высоких местах — перемещение их из низин произошло в связи с очередным увлажнением климата [Там же. С.36].

Характер поселений и жилищ железного века и раннего средневековья отражает влияние скотоводства. В частности, на территории горно-лесного Зауралья выделяется для этого времени ХКТ металлургов, охотников и скотоводов [Кернер, 1989. С.136, 139]. Таким образом, при выборе места поселения нужно было учитывать потребности не только металлургического производства, но и скотоводства. Уже с раннего железного века здесь фиксируется слабо углубленное жилище с нарами, очагом в центре, двумя вариантами покрытия (двускатным и шатровым) и, самое главное, с наземным пристроем, иногда связанным с жилищем небольшим коридором [Викторова, Кернер, 1988. С. 132], который определяется как помещение для содержания скота [Кернер, 1989. С.136].

На материалах Среднего Приобья для железного века выявляется два типа поселений. В первом случае на ограниченной территории от 1 до 3 км фиксируется несколько поселений, состоящих из 3—10 жилищ, сосредоточенных на одном участке, причем среди них, как правило, наличествует одно или несколько городищ. Во втором — имеются небольшие поселения (4—7 жилищ), разбросанные на значительном расстоянии друг от друга. Первый тип характеризует процесс выделения отдельных семей, селившихся рядом и создававших большую патриархальную общину, второй — раздробившиеся патриархальные общины [Чиндина, 1984. С.148-150].

Постройки были постоянными, полуназемными, почти квадратными в плане, площадью от 8 до 30 кв.м (изредка — до 50 кв.м), шатровыми и столбовыми, с очагом в центре или же в углу у входа [Там же. С. 147]. Предполагается наличие срубных построек, а также временных, о чем свидетельствует нахождение очагов за пределами котлованов жилищ [Там же].

В Сургутском Приобье в этот период складывается тип жилища, ставший характерным для средневековья, с более углубленным (по сравнению с тем, что было в предыдущие эпохи) прямоугольным котлованом, коридорообразным выходом, земляной подсыпкой стен и центральным очагом [Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С. 130]. Большинство же известных поселений — городища с развитой системой обороны [Там же]. В IV—VI вв. н.э. здесь

фиксируются крупные городища с уличной планировкой, жилища же меняются мало [Там же]. Затем городища становятся меньше по площади, но через незначительный отрезок времени она снова увеличивается, как и жилища, в которых кроме того чаще употребляются столбовые конструкции, более крупными становятся очаги [Там же. С. 134—135].

В этот период городища были характерны и для лесного Зауралья. Жилища в них располагались параллельно валу, с выходами на центральную площадку. Это были наземные срубы размерами 6.2 x 6.4 м, вероятно, с крышей из досок, а также с коридорообразным выходом. Фиксируются деревянные, промазанные глиной нары, наземные глинобитные прямоугольные очаги в углах, противоположных входу, и, кроме того, хозяйственная яма [Викторова, Кернер, 1988. С.138]. В данном случае предполагается влияние пришлого населения, в результате чего в лесном Зауралье появляется срубная техника, очаги типа чувалов, которые из центра перемещаются в углы [Там же. С. 140].

Помимо наземных сооружений строились и полуземлянки с прямоугольными котлованами и коридорообразным выходом, земляными нарами вдоль стен и центральным очагом (или двумя — в центре и в углу). Кроме того, реконструируется и берестяная крыша, поверх которой для утепления насыпали слой земли [Викторова, 1968. С.213; Могильников, 1987. С.165—166]. Площадь жилища невелика — от 30 до 45 кв.м. Видимо, в нем проживала одна большая семья. Важно то, что долговременные поселения тяготели к расширенным поймам, благоприятным для развития скотоводства [Викторова, 1969. С.14—15].

Среди поселений конца 1-го—начала 2-го тысячелетия н.э. преобладают городища — сравнительно небольшие в лесном Зауралье (преимущественно 440—800 кв.м) и более значительные по размерам на территории Западной Сибири (средняя площадь в Сургутском Приобье составляет 1597 кв. м) [Викторова, 1968. С.242; Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.139]. Их отличает более мощная система обороны, а также уличная или рядовая планировка [Морозов, 1986. С.102]. Вокруг некоторых городищ были расположены селища. Последние существовали и отдельно. Выявляются поселения, которые можно определить как зимники. Они находятся на некотором расстоянии от берега, другие же поселки стояли на меньшем расстоянии от воды. Кроме того обнаруживается еще одна закономерность в расположении поселений: если они на большой реке, то на высоких мысах (до

10—12 м), если же по берегам озер и в устьях мелких рек, то невысоко над уровнем воды (2—3 м) [Там же. С.101—102, 106].

Наличие множества укрепленных поселений хорошо иллюстрирует обстановку на территории, где чуть позже по историческим источникам фиксируются обские угры. Как видим, она не была мирной. Вопрос заключается в том, между кем происходили столкновения — между представителями одной этнокультурной общности или же представителями разных?

В рассматриваемый период население проживало в наземных постройках (иногда слегка углубленных), шатровых полуземлянках, дощатых сооружениях (все они были долговременными зимними), а также в легких каркасных постройках типа чума. В центре или на южной половине жилища устраивался очаг и около одного из углов — хозяйственная яма [Морозов, 1982. С.130, 133; 1986. С.102—103, 105; Кернер, 1989. С.140—141]. Важно отметить, что снова широкое распространение получают нары [Плетнева, 1994. С.174]. Площадь жилища была от 16 до 60 кв.м для Нижнего Приобья, 46.7 кв.м (средняя) — для Сургутского Приобья и 25—45 кв.м — для лесного Зауралья [Морозов, 1986. С.105; Кернер, 1989. С.141; Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.139]. Для последнего численность коллективов определяется в 15—20 семей [Морозов, 1982. С.140].

Более четко уже выявляются хозяйственные постройки: они небольшие, наземные или полуземляночные [Морозов, 1986. С.105]. Предполагают, что на городищах лесного Зауралья для содержания скота могла использоваться центральная часть площадки, куда были обращены выходами расположенные по периметру укреплений жилища [Морозов, 1982. С.140; Кернер, 1989. С.141].

В середине 2-го тысячелетия н.э. характер поселений меняется: они становятся неукрепленными и переносятся на 0.5—1 км от берега. На небольших поселениях располагается 3—4 жилища, на крупных — до 39, причем размещение скученное (Сургутское Приобье) [Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.141]. Средняя площадь построек в Сургутском Приобье была 40 кв.м [Там же], а в Нижнем Приобье — 10.8 на городищах и 13.9 кв.м на селищах [Плетнева, 1994. С.170]. Преобладающими по-прежнему являются слабо углубленные постройки, иногда с коридорообразным выходом. Отапливается помещение центральным очагом или чувалом. Практически обязательными становятся нары [Там же. С.173—174, 179].

Середина 2-го тысячелетия н.э. для обских угров — это время существования так называемых «княжеств» — потестарных

общностей со сложноконпонентной структурой, образовавшихся на территориально-этнической или территориальной основе под влиянием внешней опасности [Бабаков, 1988. С.39—40]. Возможно, «княжества» начали формироваться уже в первые столетия 2-го тысячелетия н.э. [Федорова Н.В., 1984. С.20—21]. Можно предположить, что городища, окруженные селищами, являлись центрами таких «княжеств» [подробнее см.: Патканов, 18916. С.13—16; Мартынова, 1995. С.78—81; Бахрушин, 1935].

В процессе вхождения хантов и манси в состав Российского государства «княжества» распались. Крупные общины-«городки» сменяются более мелкими образованиями (юртами), которые определяются как территориально-соседские общины промыслового типа [Пика, 1982. С.11; Мартынова, 1995. С.92], выполнявшие производственную, коммуникативную, ритуально-бытовую и религиозно-культурную функции [см.: Мартынова, 1995. С.96—98].

Община-юрт состояла из нескольких больших семей или же из нескольких родственных или неродственных семей [Пика, 1982. С.11—12; Мартынова, 1995. С.93] и входила в более крупное объединение — волость, являвшуюся уже социально-административным образованием. В процессе производственной деятельности из членов общины создавались временные и постоянные коллективы (см. выше).

В процессе освоения славянами Урала и Западной Сибири крупные общины хантов и манси не просто распались: на другие территории переселялись группы семей, в глубине тайги оказывались отдельные семьи. Например, на Лозье вогулы не группировались в поселки [Кузнецов, 1887. С.741]. Такие обособленные поселения обычно назывались по фамилии проживавших в них: например, юрты Пеликова и т.п. Крупные населенные пункты получали, как правило, двойные названия, поскольку население в них не было однонациональным. Эти названия образовывались по разным принципам. Нужно отметить, что в хантыйском и мансийском языках существуют самостоятельные названия для поселений различного типа: хант. *корт*, *курт*, *пугол*, манс. *пауль*, что можно перевести как «деревня», хотя селение могло состоять и из одного-двух жилищ (судя по всему, это название относится к постоянным населенным пунктам), и *ваш*, *вач* (хант.), *ус* (манс.) — «город», термин, оставшийся со времен существования укрепленных городков и позднее распространившийся на города, выстроенные русскими. Но слово «город» сохраняется в названиях некоторых хантыйских и мансийских деревень до настоящего времени (например, дер. Ломбовож на Ляпине).

Как известно, тип поселения и жилища связан с типом хозяйства. Считается, что «для оседлых народов характерны наземные и углубленные в землю прочные срубные или каркасные дома с располагающимися рядом хозяйственными и производственными сооружениями. Для народов, ведущих присваивающее хозяйство, более характерны временные постройки» [Кернер, 1989. С.141]. На территории Западной Сибири и лесного Зауралья с каменного века до настоящего времени сохраняется как преобладающий для хантов и манси тип поселений именно оседлого населения. Причем даже в том случае, когда существует необходимость в сезонных поселениях, наблюдается тенденция к сооружению на них постоянных построек.

В то же время многие места поселений были освоены еще в глубокой древности» и в ряде случаев наблюдается преемственность не только домостроительных, но и других традиций [Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.142]. Таким образом еще раз возникает вопрос о соотношении местных и пришлых компонентов.

Уже во второй половине XX в. сформировались новые типы базовых поселений (при определении типа учитывается национальный состав населения, показатель, который не мог рассматриваться по отношению к ранним периодам, а также наличие общественных сооружений) [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1980. С.74; 1994г. С91-92].

По «характеру оседлости или степени кочевания» выделяются следующие типы поселений хантов и манси: 1) кочевые стойбища с переносными жилищами кочевников-оленоводов (низовья Оби с ее притоками в этой части); 2) постоянные зимние поселения оленеводов в сочетании с летними кочевками и переносными летними жилищами (Северная Сосьва, Лозьва, Казым, Вогулка, Нижняя Обь); 3) постоянные зимние поселенияХотников и рыболовов в сочетании с временными и сезонными летними селениями, с переносными или сезонными жилищами (верховья Северной Сосьвы, Лозьва); 4) постоянные зимние селения рыболовов в сочетании с сезонными — летними, весенними, осенними (обские притоки, особенно их низовья и среднее течение); 5) постоянные поселения рыболовов, охотников (при подсобном значении земледелия и животноводства) в сочетании с промысловыми избушками (реки Обь, Иртыш, Конда) [Соколова, 19576. С.4—5; 1991. С.51—52]. Нужно добавить, что первый тип поселений выявляется и у манси-оленоводов, кочевавших по Уралу, а второй — у хантов Ваха, Югана,

Рассмотрим подробнее каждый из типов поселений, начиная с наиболее характерных (т.е. тех, где проживала большая часть коренного населения) для хантов и манси конца XIX—начала XX в. Нельзя не сказать, что всеми исследователями отмечалась определенная условность существующих типологий поселений обских угров, поскольку всегда фиксировались варианты, не укладывающиеся в заданную схему, сформировавшиеся на базе конкретных условий какого-либо небольшого участка территории в сочетании с оптимальным для нее хозяйственным комплексом. Кроме того, и собственно степень подвижности населения и привязанности поселений к определенным местам объясняются разными причинами [см., например: Лукина, Бардина, 1994. С.24].

Значительная часть хантов и манси в рассматриваемый период проживала в поселениях четвертого и пятого, по З.П. Соколовой, типа. Нередко население там было смешанным: на севере кроме хантов и манси в них жили еще русские и коми, на юге — преимущественно русские. Влияние иноэтнического населения, продолжавшееся на протяжении нескольких столетий, наложило отпечаток на облик населенных пунктов обских угров.

Поселения рыболовов располагались на высоком берегу реки, чтобы вода во время половодья не достигала жилья. Уже в ХУДП в. они насчитывали сравнительно много хозяйств. Например, на Оби хозяйств обских угров было 16 — в Вежакарах, 13 — в Калтасянах, 28 — в Чемашевском погосте, 33 — в Больше-Атлымских юртах, 16 — в Мало-Атлымских, На Иртыше в Цингалинских юртах было 37 хозяйств, на Конде в Болчаровских юртах — 17, в сЛеуши — 29 [Соколова, 1983. С199–201, 207–210, 223–224, 231–232, 285–286], хотя последнее располагалось на достаточно большом расстоянии от места впадения Конды в Иртыш, но эта территория издавна являлась местом обитания населения, в хозяйстве которого не последнюю роль играло скотоводство. Поселения, где фиксировались оседлые хозяйства хантов и манси, были также на реках Тавда, Пелым, Салым, Казым, Васюган [Соколова, 1991. С.51]. Дома здесь располагались обычно вдоль реки. Во многих крупных селах имелись церкви или часовни, которые стали возводить после крещения хантов и манси [Павловский, 1907. С.104, 132–134]. Там, где занимались земледелием, на одну деревню строили общее гумно [Макарий, 1853. С.17].

В культовых центрах обских угров, таких как Вежакары, существовали специальные «общественные юрты» (манс. *ялынг кол* — «священный дом»), где проводились особо важные празднества. Это были обычные дома, но больше по площади,

построенные за счет общества, и проживали в них хранители изображений предков, осуществлявшие наиболее важные жертвоприношения. Вопрос относительно общественных домов изучен слабо из-за почти полного отсутствия информации. Вероятно, последнее объясняется тем, что такие дома существуют и до сих пор, но доступ в них представителям иноэтнического населения запрещен. Судя по имеющейся информации, видимо, общественные дома были нескольких категорий: в одних, как в доме Костиных в Вежакарах, проводили празднества в честь богов, в других — какие-то иные общественные мероприятия. Это, возможно, отражено в названиях: *ахткатна кол* (манс. конд. — «дом для собраний») или *йохна кол* («танцевальная изба»), *моин хот* (сург. хант. — «гостевой дом») или *мои хот* («дом, где танцуют») [Соколова, 1963б. С.225], а в фольклоре — *мои тат танкта ене хот* (хант. Иртыш. — «большой дом для сбора гостей и воинов») [Там же]. Название «большой дом» (*яныг кол*) известно и манси [ПМА, № 1718, л.31]. Установлено, что рассказывать про него имеют право только хозяева, другим же людям делать это нельзя. В случае нарушения запрета они могут заболеть [Там же].

Вероятно, в больших населенных пунктах строили и специальные помещения для гостей. Они упоминаются в фольклоре [Чернецов, 1935. С.124] и^возможнордесь следует провести параллель с уфимскими татарами, у которых богатые строили рядом с домом помещение для гостей, используя его и для проживания летом, причем оба дома были с чувалом (камином) и между ними устраивали ход, иногда крытый [Паллас, 1786. С.8—9]. Нужно сказать, что подобное сооружение довелось наблюдать в 1987 г. у манси Верхнего Пелыма, кроме того, для обских угров вообще характерно использование какого-то дополнительного помещения (вплоть до палаток) для проживания в летнее время.

Практически неизученным остается и вопрос о расположении общественных культовых сооружений — священных амбарчиков в населенных пунктах рассматриваемого типа, их соотношение с христианскими объектами.

Усадьба в поселениях оседлых рыбаков и охотников состояла из жилища и ряда хозяйственных построек. Возможно, на ней имелись и культовые сооружения. Во всяком случае, их наличие фиксируется даже в конце XX в. (Нижняя Обь) [ПМА, № 1698, л.58].

Жилищем служили срубные наземные постройки. У оседлых хантов и манси было распространено несколько их типов: сруб «западного типа» (рис. 28) (реки Конда, Пелым, Казым, низовья

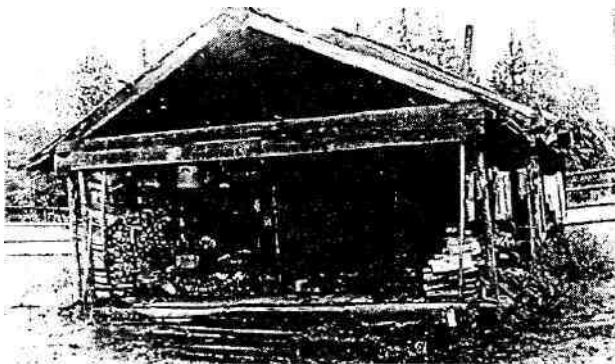

Рис. 28. Жилой дом (сруб «западного типа»).
Манси. Верховья Северной Сосьвы.
 Фото автора.

Оби), сруб «восточного типа» (рис. 29) (реки Обь, Иртыш, Конда, Салым, Казым, Васюган), сруб «русского типа» (реки Тавда, Иртыш, Обь, Пелым), сруб с двускатной крышей на коньковом стояке (низовья Иртыша, Обь, Казым, Васюган), сруб с двускатной крышей и дымовой щелью на месте конька (р. Конда), сруб с двускатной жердяной крышей (Обь ниже устья Иртыш* — территория современных Ханты-Мансийского и южной части

Рис. 29. Жилой дом (сруб «восточного типа»). Низовья Оби.
 Рис. с фотографии В.С. Ддрианова (МАЭ, И-795-77).

Октябрьского районов Тюменской области), сруб с односкатной или плоской крышей (низовья Оби, Казым) [Соколова, 1963а. С.337, карта 2; 1963б. С. 184]. Кроме того, в низовьях Оби в качестве жилища была известна шатровая полуземлянка [Соколова, 1957б. С.7].

Жилища строили из кедра, сосны, лиственницы — в зависимости от того, какой строевой лес был доступен. Если поблизости не могли найти ничего подходящего, бревна для построек сплавляли по рекам. Дома рубились «в угол» или «в охлуп», позднее, как считается, под влиянием русских, стали использовать технику рубки «в лапу». Высота сруба была в семь—одиннадцать венцов, т.е. до 2 м у стен и от 2.5 до 4 м — в центре, без потолка, а размеры — от 2 x 2 м до 6 x 8 м.

Если жилище располагалось близко к воде, его делали на фундаменте из двух или четырех бревен. Особенно для этого была хороша лиственница — как дерево, не поддающееся гниению. Крышу делали на слегах, ее крыли сначала дранкой, затем берестяными тисками, поверх которых укладывали жерди и бревна-гнета. Для покрытия использовали также доски. Часто крышу засыпали еще и землей или на нее накладывали слой дерна. По краям нередко прикрепляли водосточные желоба из выдолбленных бревен. Вход в дом был или непосредственно с улицы, или через сени. Дверь делали низкой (до 1 м), массивной. Небольшие окна устраивали в стенах или плоской крыше, вместо стекла нередко употребляли масляную бумагу, налимью кожу, брюшину оленя, зимой — кусок льда. Пол чаще всего был земляным, редко — глинобитным или же выстланным досками, жердями, плахами. Потолок, как правило, отсутствовал [подробное описание сруба см.: Соколова, 1963б. С.200—209].

Основные признаки, по которым выделяются типы срубов, относятся к устройству крыши. Причем здесь возможно и выявление вариантов внутри отдельных типов [см., например: Соколова, 1963б. С.209]. Достаточно выразителен сруб западного типа (или «со свесом крыши»). Он состоит из одного жилого помещения, в которое входили прямо с улицы. Свес располагался со стороны входа. Ширина площадки под ним равнялась ширине дома, а глубина доходила до двух метров. Свес крыши обычно поддерживался дополнительными столбами, врытыми у основания площадки под ним. Последняя покрывалась настилом из досок, широкая сторона которого ограничивалась положенным горизонтальным бревном. Характерной чертой сруба этого типа является также наличие желоба, который лежит на специальных крюках и держит доски и жерди покрытия [Соколова, 1957а. С. 102].

Сруб русского типа встречался сравнительно часто. Его отличает большая высота стен, стропильное устройство крыши. Она могла быть и четырехскатной («по-круглому») [подробнее см.: Соколова, 1963б. С.212].

Одним из важнейших элементов жилища принято считать очаг. Для срубных жилищ наиболее характерным его видом был чувал: очаг типа камина, на основании из бревен или досок, пространство между которыми засыпано землей или глиной. Каркас чувала делался из еловых жердей, переплетенных ветками тальника. Все это обмазывалось глиной, в которую для вязкости добавлялись осока и навоз. Остов чувала суживается сверху, переходя в трубу, которая через специальное отверстие выводилось на крышу [подробнее см.: Соколова, 1963б. С.213—214; 1964]. Рядом с чувалом нередко устанавливалась еще небольшая печь для приготовления пищи. Ее варили и в самом чувале, используя приспособления для подвешивания котла или же помещая последний в специальное углубление сбоку чувала. Чувал устанавливался у входа в правом или левом углу

Уже в начале XX в. вместо чувалов нередко можно было увидеть печи, типа русских, причем кирпичи для них могли делать сами [Шульц, 1913. С.3].

чу

Обязательной деталью жилища обских угров были нары — дощатые или земляные. На них спали, сидели, держали вещи. Нары всегда устраивались вдоль стены против входа, часто — вдоль левой и реже — вдоль правой, по отношению к входу стен. Высота нар от пола достигала 50 см. Перегородками их делили на отсеки, предназначавшиеся либо для отдельных семей (в том случае, если в одном доме их проживало несколько), либо для членов одной семьи (например, выделялись взрослые, не состоящие в браке дети). Под нарами было пространство для хранения вещей, там же могли находиться и собаки в особенно холодную погоду. Нары, сохранившиеся в домах на периферии современного обско-угорского мира (в частности, у манси восточных склонов Урала), массивные, почти квадратной формы. Они напоминают своего рода комнаты, прообразами каковых, видимо, и являются. Покрывали нары сеном, затем циновками, берестяными тисками и оленьими шкурами. Циновки располагались и на стенах.

На нарах ханты и манси проводили немало времени: здесь занимались шитьем, изготовлением упряжи и т.п. Здесь играли дети, взрослые принимали гостей. Ели, сидя у специального маленького столика на низких ножках, который ставили на нары. Но кроме этого был и большой стол.

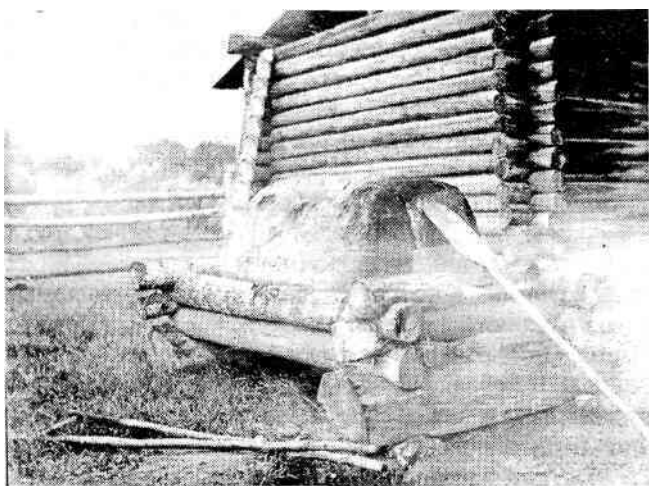

Рис. 30. Хлебная печь. Восточные ханты, р. Васюган.
Фото И. Мягкова (МАЭ И-123-25)

Помимо очага, расположенного внутри жилища, нередко имелся еще и уличный, на котором готовили пищу летом. Обязательной была хлебная печь (рис. 30), также находившаяся на улице. Ее делали на фундаменте из бревен в два-три венца. На него клали доски. В бревнах фундамента просверливали отверстия, в которые вставляли прутья каркаса (из черемухи). Изнутри и снаружи его обмазывали глиной, оставляя спереди отверстие. Обычно печь имела сферическую форму, а с противоположной устью стороны делали отверстие для того, чтобы обеспечить тягу. Так как ханты и манси, жившие по берегам крупных рек, могли покупать хлеб, печи были в тех селениях, которые не обеспечивались готовым хлебом. Например, они почти не встречались у хантов низовьев Конды [Шульц, 1926. С.29].

Поскольку оседлое население в бассейне Оби занималось скотоводством, на усадьбах располагались еще сооружения для содержания скота. Если в хозяйстве был скот нескольких видов, помещение для него состояло из двух-трех камер: отдельно содержали лошадей и крупный и мелкий рогатый скот. Другой вариант — для каждого вида скота строили отдельное помещение (рис. 31). Чаще всего постройки для содержания скота представляли собой низкий сруб с плоской крышей, на которой хранили сено. Для лошадей обязателен был загон: либо пристраиваемый к срубам, либо устанавливаемый отдельно, и тогда над ним также сооружалась плоская крыша (рис. 32) [подробнее см.: Инфантьев, 1910. С.34;

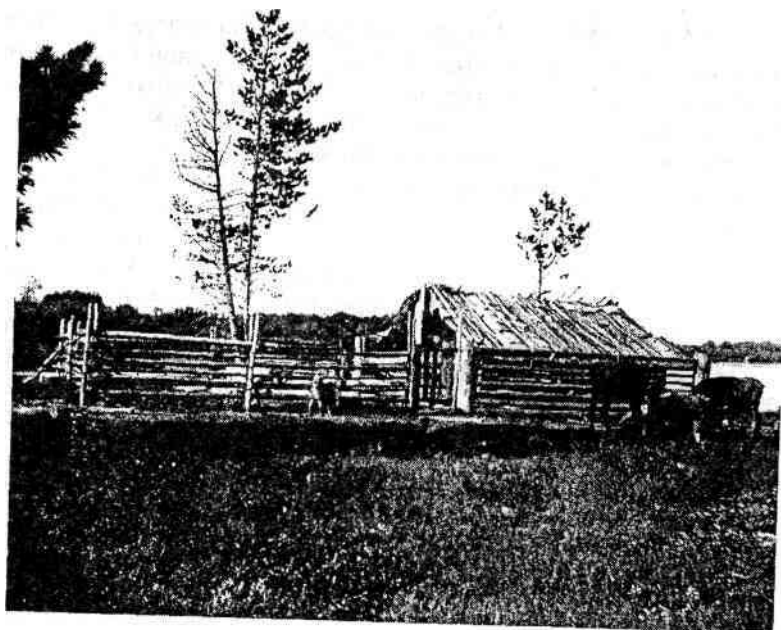

Рис. 31. Хлев для коров. Восточные ханты
Из коллекций Новоэкспорта (МАЭ И-123-23).

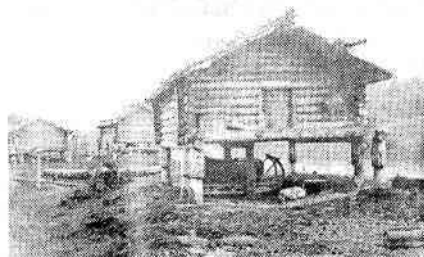

Рис. 32. Усадьба с помещениями для содержания скота.
Восточные ханты р. Васюган.
Фото И. Мягкова (МАЭ И-123-37)

Соколова, 1963б. С.223; ТГИАМЗ, Ф/ил. № 279, 404, 2679; ПМА, № 1614, л.58; № 1696, л.71 и др.]. Постройки для содержания скота могли стоять как на расстоянии от дома, так и в одной с ним связи [Макарий, 1853. С.16]. Кроме срубных, а также бревенчатых, где концы бревен врезаны в угловые столбы, построек для содержания скота, в частности овец, использовались и сооружения из косо поставленных жердей и кольев, покрытых землей (Салым) [Шульц, 1913. С.3].

а

б

Рис. 33. Хантыйские свайные амбары, (например, меховая одежда, мука, соль). Но сваи приходилось довольно часто менять, поскольку они быстро сгнивали.

Для того, чтобы защитить припасы от грызунов, сваи застругивались, и животные не могли подняться по ним в амбар. Высота свай могла достигать 2 м. Амбары рядом с жилищем ставили на 4—6 свай, поднимались в них по лестнице в виде бревна с зарубками (летом) или по сугробам (зимой) [Симонова, 1883. С.52]. Стены амбара делали из тонких бревен или досок. Бревна старались не подгонять плотно друг к другу, чтобы обеспечить проникновение через щели воздуха для

Нередко на усадьбе хантов и манси можно было увидеть коновязный столб. Его высота в среднем составляла 150—170 см, а отдельные, «многосуставные» экземпляры были, видимо, еще выше. Для привязывания лошади делалась специальная зарубка-выемка (шейка). Столбы располагались перед домом, либо на некотором расстоянии от него [подробнее см.: Соколова, 1986. С.142—143; Федорова Е.Г., 1994в. С.102-103].

Хозяйственные постройки для хранения продуктов и вещей в пределах усадьбы были двух типов: свайные и наземные. Свайные амбары (рис. 33 а, б) в первую очередь использовались для хранения тех вещей и продуктов, которые обязательно должны быть всегда сухими

вентиляции [Руденко. Угры. Архив, № 66, л. 155]. Крыша амбара была двускатной, дощатой или берестяной, сверху крытой жердями. Она нависала над выступающей за пределы передней стены с дверью частью помоста-пола амбара. Размеры амбаров были 2х2 или 3х3 м [подобное описание см.: Соколова, 1959. С.62—64; 1963б. С.222]. Внутри находились шесты, на которых развешивали одежду.

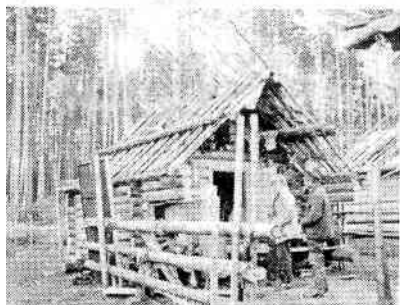
Протяженность ареала оседлого и полуоседлого населения с юга на север была значительной: от подзоны южной тайги до лесотундры. Естественно, конструкция различных построек, в том числе и свайных амбаров, имела свои особенности в различных частях этого ареала. Например, на Нижней Оби бытовали дощатые амбары небольших размеров (амбары из досок вообще были меньше бревенчатых [Дунин-Горкавич, 1911. С.74]), а на Иртыше и Васюгане встречались даже амбары, состоящие из двух срубов [Соколова, 1963б. С.222].

По имеющимся данным не устанавливается какое-либо определенное место расположения свайного амбара на территории усадьбы по отношению к дому и другим постройкам, а также ориентировка входа. Все это как будто говорит о низком статусе таких построек. Вместе с тем, по наблюдениям, туда старались не пускать посторонних, иногда даже не позволяя заглядывать внутрь. Возможно, такое отношение объясняется тем, что в амбарах хранилось основное богатство семьи, а, возможно, и какими-то другими причинами.

Меньшее распространение получил наземный амбар. По конструкции он походил на свайный бревенчатый, но ставился на своего рода фундамент из бревен, покрытый настилом (рис. 34 а,б). Наземные амбары служили в основном для хранения ягод, кедровых шишек, в них разделывали рыбу.

а

б

Рис. 34. Наземные амбары:
а — манси Северной Сосьвы. Фото автора (МАЭ, И-2087-104); б — ханты р. Васюган. Фото И. Мягкова (МАЭ, И-123-136).

Не исключено, что наземные амбары вытесняли свайные в тех районах, где особенно было сильно русское или татарское влияние. К сожалению, из-за почти полного отсутствия данных с уверенностью говорить об этом нельзя.

Еще один вид хозяйственных построек, обязательных для усадьбы обских угров — помосты и вешала, располагавшиеся рядом с другими сооружениями. Они служили для сушки и хранения рыбы, сетей, различного промыслового инвентаря. Можно выделить два основных их типа: простые вешала, состоящие из двух вбитых в землю шестов с развилками, на которые положен еще один шест (последний при отсутствии развилок может прибиваться). Подобные вешала служили для просушки сетей, шкур и т.п. Второй тип сооружений для сушки и хранения — помосты, расположенные достаточно высоко над землей на четырех или шести столбах, на верхних концах которых установлена крыша, обычно двускатная. Площадь помоста достигала 3 x 3 м. Под его крышей вешались сети, на брусья, вложенные в отверстия столбов, укладывались тонкие палочки с нанизанной на них для юшки рыбой. Для вяления и копчения рыбы и мяса такой помост устраивали над костром [подробнее см.: Руденко. Угры. Архив, № 66, л. 156; Соколова, 1963б. С.224]. Рыбу коптили и в дощатых сооружениях без крыши, в центре которых разводили костер.

Обские угры имели специальные открытые уличные очаги, на которых готовили пищу для собак. Но, насколько можно судить по имеющимся материалам, для оседлого и полuosедлого населения они были менее характерны, чем для других групп хантов и манси [см., например: Шульц, 1926. С.29].

Среди всех построек обских угров, находившихся на усадьбе, выделяется специальное сооружение для рожениц и менструирующих женщин. Оно было небольших размеров, делалось из досок или бревен (могли использовать также и полуземлянки) [подробнее см.: Соколова, 1959. С.66; 1963б. С.226]. К сожалению, об этих постройках имеется не так уж много сведений, нет, например, однозначной информации о наличии в них очага.

Большинство данных говорит о том, что для хантов и манси не было характерно огораживание усадьбы [см., например: Инфантьев, 1910. С.18]. Но есть сведения о том, что ограды были вокруг домов богатых [Макарий, 1853. С.17].

Основная отличительная черта поселений оседлых рыболовов заключается в том, что их жители не переезжали весной в летние юрты, а пользовались сезонными избушками: в них обитали промысловики на местах постоянных рыболовных или охотничьих

угодий [Соколова, 1991. С.51]. Избушки были бревенчатыми (рис. 35)^ или дощатыми, для проживания на угодьях использовали еще и полуземлянки [Там же]. Последние зафиксированы на Средней Оби [Соколова, 19636. С.217]. На Конде и Салыме охотничьими избушками служили своеобразные строения с дымовой щелью, тянувшейся параллельно коньковому бревну [подробнее см.: Инфантьев, 1910. С. 118; Соколова, 1959. С.60, 67]. Но преобладали бревенчатые срубные постройки с двускатной крышей на слегах. В охотничьей избушке помимо очага обязательно устраивались нары (иногда их заменяли доски, положенные на землю), котел нередко подвешивали на спускающемся с крыши деревянном крюке [Инфантьев, 1910. С.118].

Рис. 35. Промысловая избушка. Южные ханты. Нижнее Прииртышье.
Фото И. Шухова (МАЭ, И-1059-44).

Рядом с избушкой на охотничьем стане всегда располагался свайный амбар, в котором хранили мясо убитых лосей или диких оленей в том случае, когда не было возможности сразу транспортировать его в селение (например, пока еще не установилась зимняя дорога [Павловский, 1907. С.24]). Иногда амбар с плоской крышей напоминал большой, герметически закрывающийся ящик [Инфантьев, 1910. С. 116]. Для того, чтобы попасть в него, пользовались лестницей в виде бревна с зарубками. В знак того, что хозяина нет на стане, бревно-лестница переворачивалось зарубкам!

вниз. Кроме того, такое его положение мешало проникновению в амбар диких зверей, например рыси [Там же. С. 117].

Около амбара выкапывали в снегу яму, в которой держали мясо добытой птицы. Вообще, в охотничьей избушке полагалось иметь запас продуктов и дров — ими могли пользоваться и не хозяева (но с последующим возвратом [ПМА, № 1555, л.34]). В то же время есть и совершенно противоположная информация (Конда): в чужой охотничьей избушке ничего нельзя трогать, в ней нельзя ночевать («кто-то мешает»), если позволяют погодные условия, то лучше даже переночевать у костра [ПМА, № 1698, л.95]. Возможно, подобное разночтение следует объяснять наличием нескольких форм пользования угольями, но для окончательных выводов материала недостаточно, кроме того, необходимо сопоставление данных по этим двум аспектам вопроса — пользованию чужими избушками и угольями.

Кроме амбаров и ям для хранения продуктов на охотничьем стане использовались еще и навесы на столбах: на них ставили берестяные коробки, иногда (на Казыме) их заваливали снегом [Соколова, 1963б. С.222].

У промысловых избушек рыбаков также строились различные хозяйственные сооружения: здесь особо важны были разнообразные помосты и вешала для сушки рыбы и сетей.

Два типа поселений, о которых шла речь, не только в территориальном отношении близко примыкали друг к другу, но иногда и совмещались. Необходимость в устройстве осенних и весенних поселений возникала в том случае, когда в районе зимнего места обитания река была небогата рыбой [Соколова, 1991. С.50]. Внутри типа поселений рыболовов с постоянными зимними селениями в сочетании с сезонными выделяется два подтипа: с переносными постройками для других сезонов и с временными постройками для других сезонов. Эти подтипы могут рассматриваться и как самостоятельные типы [Лукина, Бардина, 1994. С.24]. Но, возможно, они являются отражением двух этапов в развитии поселений рыболовов, живущих в местах, где невозможен продуктивный зимний рыболовный промысел, необходимость же пополнения запасов пищи требовала перемещений в начале каждого сезона, что и обусловило возникновение четырех сезонных поселений. Строительство на них стационарных построек следует относить к более поздней стадии, они возникали в процессе «привыкания» к угольям.

В весенних и осенних юртах жили недолго — пока не закончится ход рыбы или до появления шуги. В весенних юртах оставались и на

время промысла уток перевесом [Чернецов, 1949. С.24]. Постройки во всех сезонных юртах были одинаковы: они представляли собой упрощенный вариант зимнего жилища с сенями или без них. Временные постройки на сезонных поселениях имели каркас из прутьев или тонких жердей, крытый берестой, корой пихты или травой, ветками, сеном. Зафиксировано множество вариантов подобных сооружений [подробно о конструкции см.: Соколова, 19636. С. 185, 187, 194—196]. Причем одна и та же форма каркаса повторяется на отдаленных друг от друга территориях [Там же]. Строительством каркасных сооружений занимались мужчины, они делали даже берестяные покрывки, а женщины помогали им. Нельзя не отметить и того факта, что упрощенные варианты каркасных построек (различные заслоны) широко использовались как укрытия во время кратковременных стоянок. Кроме того, они нередко были переносными, как например, чум.

На сезонном поселении имелся необходимый набор хозяйственных сооружений: вешала, помосты, амбары. В летнее время нельзя было обойтись без дымокура — для защиты от комаров. Его ставили либо в сенях, либо перед открытой стороной каркасной постройки.

Для населения среднего и верхнего течения обских притоков был характерен тип поселений, представлявший собой сочетание стационарных зимников с сезонными летними юртами, где находились постоянные или временные сооружения. Этот тип отличался от предыдущего тем, что здесь отсутствовали осенние и весенние селения, число перемещений сводилось к двум (без учета передвижений охотников во время промыслового сезона, когда они жили в охотничьих избушках или пользовались какими-то другими временными жилищами).

Расстояние между зимними и летними юртами могло быть различным. Оно зависело от того, насколько вообще богата рыболовными угодьями территория, прилегающая к месту зимнего поселения. Если на ней возможно было рыболовство в необходимых для обитателей селений объемах, то летние юрты располагались на расстоянии от 0.5 до 4 км от зимних [Макарий, 1853. С. 18; Соколова, 1991. С.49—50; ПМА, № 1698, л.73, 133 и др.]. Причем учитывалось и такое обстоятельство, как наличие сенокосных угодий (для тех мест, где держали скот) [Макарий, 1853. С.18].

Зимние юрты находились всегда в лесу. Если жившие в них ханты или манси занимались оленеводством, то при выборе места для поселения обязательно учитывалось наличие пастбищ. Жилища были срубными, с плоской или двускатной крышей (со свесом над

входом или без него), нередко без сеней, с земляным полом, без потолка, с маленькими окнами, с чувалом и нарами, разделенными перегородками, вдоль стен [Георги, 1776. С.69—70; Малиев, 1872. С.8—9; Сорокин, 1873. С.43; Кузнецов, 1887. С.740; Скалозубов, 1907. С.5—6; Изделия остяков. 1911. С.15—16; Руденко, 1914. С.8; Соколова, 1963б. С.216; Ahlquist, 1859. S.57-58; 1885. S.168 и др.]. Очаг мог располагаться в центре [Новицкий, 1884. С.36; Георги, 1776. С.60, 69], а окна — в плоской крыше [Георги, 1776. С.60]. Кроме того, зафиксированы зимние юрты с пристройками перед входом, сооруженными из вертикально поставленных плах и служившими для хранения дров, лыж. Там же находились и собаки [Чернецов, 1949. С.22].

В XVIII в. в качестве зимнего жилища использовалась полуземлянка [Георги, 1776. С.79; Паллас, 1788. С.56], которая известна в этой же роли и в XIX в. в ряде районов проживания хантов и манси [Соколова, 1963а. С.337, карта]. Встречались срубные полуземлянки и шатровые, причем последние преобладали [подробно о конструкции см.: Соколова, 1957а. С.91, 96—97; 1963а. С.33.4, 338—342; 1963б. С.198]. В центре землянки находился очаг, вдоль стен — нары.

Вокруг каждого жилища располагались амбары на сваях (рис. 36). Как правило, на одно хозяйство их приходилось несколько. Для хранения продуктов и вещей в зимних юртах использовали также открытые помосты, для просушки шкур — вешала из шестов.

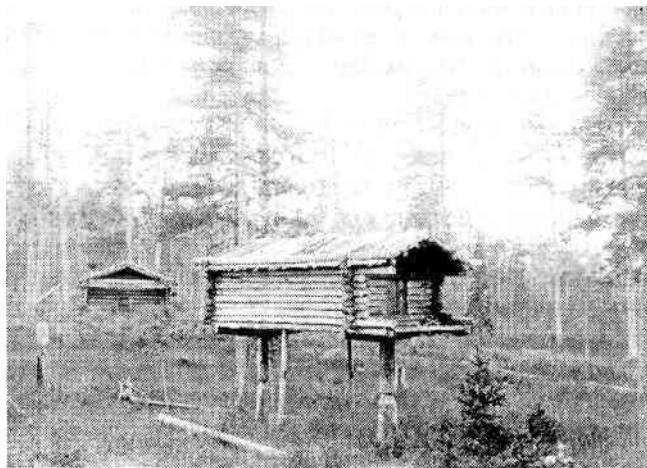

Рис. 36. Свайный амбар. Манси. Верховья Лозьвы.
Фото И.К. Зеленова (МАЭ, И-1345-2)

Поскольку проживавшие в поселениях рассматриваемого типа ханты и манси обычно имели оленей, которые, как уже говорилось, именно в течение зимнего сезона находились вблизи жилища, на усадьбе располагались специальные помосты для хранения нартов, столбы для привязывания оленей. Кроме того, на несколько хозяев приходился один загон для оленей (он служил для отлавливания ездовых животных) (см. рис.21).

Для того, чтобы говорить о повсеместном распространении подобного загона, — данных нет. Скорее, чаще всего оленей отлавливали прямо в лесу, — во всяком случае, об этом свидетельствуют литературные источники. Видимо, появление загона относится к сравнительно позднему этапу в развитии обско-угорского оленеводства. Промежуточная же стадия характеризуется возникновением изгородей вокруг разбросанных в лесу усадеб. По словам современных информантов, изгороди нужны именно для того, чтобы олени особенно не разбрелись, когда их подгоняют к дому в зимний период. Вполне возможно, что в тех районах, где оленеводством занимались в течение более длительного времени, такие изгороди уже преобразовались в отдельно стоящие загоны: и те, и другие сооружались из длинных жердей, укрепленных горизонтально между редко стоящими столбами.

Летние юрты строили на другом берегу реки протоки, или же на том берегу, где и зимние юрты, но непосредственно у воды. Наиболее удобны для этой цели были устья рек либо проток. Здесь находились постоянные летние юрты с постоянными же

Рис. 37. Летнее стойбище. Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И-2167-11).

постройками. Последние были бревенчатыми (рис. 37), обычно без окон, с очагом в центре (вместо чувала, характерного для зимних юрт) [Кузнецов, 1887. С.741—742; Дунин-Горкавич, 1911. С.74, 94; Руденко, 1914. С.8]. В летние юрты переселялись уже ранней весной.

Но не все семьи находились в течение летнего рыболовного сезона в летних юртах, расположенных рядом с зимними. Как было сказано в первой главе, многие переезжали в это время в низовья притоков и на Обь. Там строились временные жилища: берестяные

Рис. 38. Летнее стойбище рыбаков. Ханты. Низовья Оби.
Фото В.С. Адрианова (МАЭ, И-795-38).

шалаша или чумы (рис. 38) [Абрамов, 1857. С.332; Дунин-Горкавич, 1911. С.74, 94; Соколова, 19636. С.217]. В качестве летних жилищ использовались и дощатые постройки (подробно о конструкции см.: Соколова, 19576. С.8; 1959. С.60; 19636. С.212—213]. Летних жилищ в устье какой-то реки могло быть так много, что селения, состоящие из них, по мнению некоторых очевидцев, производили даже впечатление своего рода города [Ahlquist, 1885. S.155]. Кроме жилищ на таких поселениях обязательно находились хозяйственные сооружения, необходимые для промысла и заготовки рыбы впрок [см., например: Соколова, 19636. С.222, 224], хлебные печи. Многие использовали для проживания на песках также крытые лодки, в которых переезжали из зимних юрт в места летних поселений.

К рассмотренному типу вплотную примыкает тип поселений оленеводов, где постоянные зимние жилища сочетались с переносными летними, используемыми во время кочевок [Соколова, 1991. С.52]. Нужно сказать, что выделение оленеводов, зимой живущих в постоянных юртах, а летом в переносных или, в

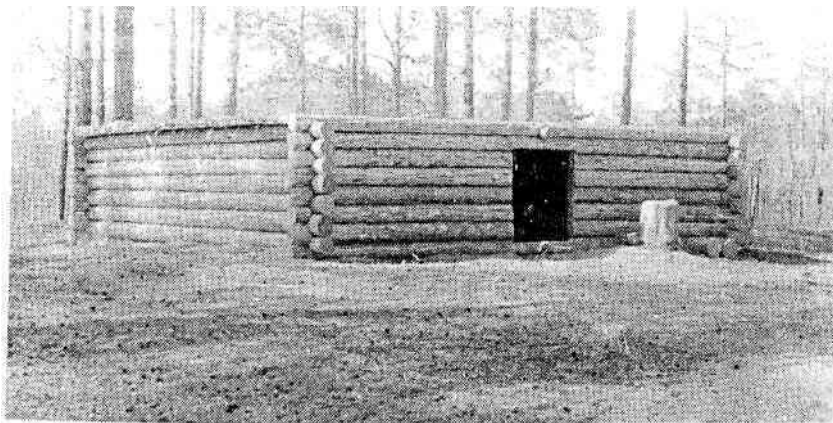

Рис. 39. «Олений дом». Восточные ханты. Пунси-2
 Фото автора (МАЭ, И-2167-27).

ряде случаев, стационарных, но временных (что было вызвано необходимостью кочевать с оленями) совсем не обязательно. Нередко зимой оленеводы жили в одних селениях с теми кто летом отдавал им своих оленей для выпаса, - т.е. типичными охотниками и рыбаками.

Жилые и хозяйственные сооружения в поселениях этих типов в целом не отличались от тех, что были характерны для других типов. Это те же бревенчатые срубные постройки или землянки, чумы и различные шалаши. Оленеводы, пасущие стада в тайге, сооружали на летних пастбищах «олений дом» - низкий бревенчатый сруб с плоской (рис. 39) или двускатной крышей, внутри которого устраивался дымокур для защиты оленей от комаров. В некоторых районах для этой цели использовали чум [о конструкции оленьих сараев см. подробнее: Соколова, 1963б. С.223].

Наконец, последний тип поселений - это стойбища оленеводов кочевавших в течение года и живших в переносных жилищах. Этот тип был характерен для хантов Оби с притоками ниже Березова и для манси Урала. Они жили в чуме (рис. 40) - каркасном жилище" крытом зимой покрывками из шкур оленя, летом - из бересты. Конический каркас составлялся из жердей, количество которых варьировало от 15-20 до 60, в зависимости от размеров чума но основных жердей было две. Очаг устраивался в центре: летом для него делалось небольшое углубление в почве, а зимой - фундамент из двух бревен, на который клали железный лист. Дым выходил в отверстие между покрывками, находившееся непосредственно

Рис. 40. Чум оленеводов. Манси. Урал.
Фото И.К. Зеленою (МАЭ, И-1345-6).

гад очагом. Из отдельного куска шкуры делали дверь [подробно о инструкции чума см.: Чернецов, 19376; Соколова, 19636. С. 189].

Установкой чума занимались женщины. Для этого требовалось так уж много времени — около 30 мин. [Глушков, 1900. С.29]. Чем более, что один чум ставили несколько женщин, а его размеры зависели в первую очередь от числа проживавших в нем людей (диаметр чума варьировал от 3 до 5 м) и, кроме того, от возможности обеспечить себя тем или иным количеством покрывших. Их возили с собой, так же как и шесты. Для переправы через реки [использовали лодки [Паллас, 1786. С.55].

На стойбище оленеводов для хранения продуктов устраивали небольшие амбарчики, но чаще всего для этого служили нарты с оленьими ящиками на них, стоявшие рядом с чумом.

Таким образом, у хантов и манси было множество разнообразных построек, и не все они в отдельности или в комплексе строго соотносятся с конкретными типами поселений. Например, из 816 хозяйств хантов, считавшихся оседлыми, но имевших переносные постройки (на первую четверть XX в.), 357 пользовались ими чумами и 697 — летними [ПП. Табл.1]. У манси таких хозяйств было 210, зимних чумов в них 33, летних — 192 [Там же]. В то же время, из 109 хантыйских хозяйств, кочевых, но имеющих постройки, у 21 хозяйства эти постройки были постоянными, среди них насчитывалось 10 юрт для жилья [Там же]. У манси кочевых

хозяйств было 15, два из них имели постоянные постройки, в том числе одно —юрту для жилья [Там же].

Рассмотренные здесь типы поселений сформировались к концу XIX—началу XX в. Их облик, в силу различных причин [см., например: Борзунов, Кирюшин, Матющенко, 1993. С.4—6], менялся на протяжении столетий. За то время, что прошло с момента появления первых поселений на территории Зауралья, были освоены новые пространства, где условия, возможно, требовали каких-то новых видов жилья, так же, как и изменение образа жизни, вызванное внедрением в хозяйственный комплекс новых занятий. Кроме того, на характер поселений оказывали влияние исторические события, происходившие в таежной зоне и на сопредельных территориях.

Достаточно подробно в литературе рассматривались вопросы, касающиеся конструкции различных форм жилища и путей их развития у обских угров (У.-Т. Сирелиус, В.Н. Чернецов, А.А. Попов, З.П. Соколова, Н.В. Лукина и П.Е. Бардина, Л.М. Плетнева, В.М. Морозов и др.). К настоящему времени можно считать решенным один из основополагающих среди них: как развивались постройки — от подземных к наземным или наоборот. Археологические материалы показывают, что они сосуществовали начиная с эпохи мезолита и преобладающими стоит считать (как в пространстве, так и во времени) жилища, слабо углубленные в землю. Кроме того, редкими были подземные жилища. По этнографическим материалам прослеживается два ареала полужемлянки: это территория расселения восточных хантов и одной из самых северных групп того же народа [Соколова, 1963а. С.337, карта].

Таким образом, в местных таежных условиях уже в древности сформировался тип жилища, использовавшегося в качестве зимнего и сохранившего свои функции до начала XX в. Это углубленное в землю каркасное сооружение в форме усеченной пирамиды (шатровая постройка), со стенами из наклонно поставленных бревен, с очагом посередине, нарами вдоль стен и отверстием для света и выхода дыма в середине крыши. По мнению З.П. Соколовой, данный тип постройки является древнесибирским — он известен многим народам Сибири, а также племенам северо-западной Америки [подробнее см. например, Соколова, 1963б. С.229—230]. О возможном общем субстрате говорит и сходство в названиях жилищ у народов, отдаленных друг от друга на значительные расстояния, как например, коренное население Западной Сибири и улчи бассейна Амура [Иванов, 1951. С.74; Симченко, 1976. С.161]. К постройке этого типа примыкает наземное каркасное

пирамидальное жилище. В эту же группу можно включить и чум. Хотя объединение названных видов жилища кажется условным, оно, все же, имеет под собой основания. Во-первых, как отмечалось, в плане когда-то углубленные в землю жилища были овальными, приближались к кругу, как и чум. Во-вторых, в основе их формирования лежит одна и та же идея: более или менее тонкие бревна (жерди) ставились наклонно к земле и соединялись вершинами. В-третьих, и в постоянном, и в переносном жилищах очаг располагался в центре.

Постепенное совершенствование основной конструкции привело к формированию углубленного в землю постоянного жилища, в качестве временного сложился чум, имеющий конструктивные варианты. Их три: северный ненецкий, заимствованный северными группами хантов и манси у ненцев; южный угорский, развившийся, видимо, самостоятельно и бытовавший в средней и южной частях Западной Сибири; кетский, вероятно, напрямую заимствованный у этого народа, поскольку бытовал он у ваховских хантов — соседей кетов [Соколова, 1963б. С.232]. У многих групп хантов и манси в названии чума присутствует слово *ёрн* — «ненецкий», указывающее на заимствование: в их представлении — это жилище ненцев. К сожалению, невозможно выявить, насколько широко распространено это восприятие чума у обских угров. Может быть, оно возникло среди тех групп, которые не пользовались чумом в качестве временного жилища, а потом получили его вместе с оленеводством от ненцев. То, что чум был одним из первых видов жилища на территории Западной Сибири, говорит его широкое распространение среди народов разной лингвистической принадлежности и различных ХКТ. Этническая специфика проявляется в данном случае в некоторых особенностях конструкции.

С течением времени чум, естественно, претерпевал определенные изменения. Как быстро сложился его оптимальный вариант, сказать трудно. По материалам XX в. можно установить, что наиболее «подвижными» являются материал покрышек чума, а также очаги, на смену которым пришли металлические печки. Такое отношение к одному из наиболее устойчивых элементов традиционного жилища требует своего объяснения.

Наконец, еще один вид сооружений, ведущих свое происхождение с глубокой древности, имеет очень широкое распространение. Это различные каркасные постройки с корьевым покрытием, необходимые в быту населения, ведущего подвижный образ жизни. Они различались не только материалом, из которого

делались (тот, что был под рукой), но и формой каркаса: она постепенно усложнялась, и в результате из простого заслона возник двускатный шалаш, а затем сооружение, по форме напоминающее по очертаниям дом с двускатной крышей. Развитие каркасных сооружений с корьевым покрытием шло под воздействием и других построек, в частности, шатровых (четырёхскатных) [Соколова, 1963б. С.231-232].

Неместным по происхождению является срубное жилище. Как было сказано, наличие срубной техники допускается по отношению к рассматриваемой территории (хотя и лишь в отдельных ее районах) с достаточно давнего времени. Срубная техника пришла на территорию Западной Сибири из Приуралья, предположительно на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий н.э. [Соколова, 1957а. С.101; 1959. С.60 и др.], а в письменных источниках срубные постройки упоминаются только с XVII в. [Соколова, 1957а. С.100]. Вместе с тем, в погребениях саргатской культуры, территориально примыкающей к таежной зоне Западной Сибири, обнаружены срубные конструкции [Корякова, 1977. С. 144, 145]. Эта техника была характерна для населения Южной Сибири скифской эпохи: она известна по погребальным сооружениям, особенности которых впоследствии проявлялись в жилищах тувинцев, бурят, алтайцев, якутов и хакасов [Дьяконова, 1995. С.41]. Таким образом, «наступление» срубной техники могло идти двумя путями: с запада и с юга. И действительно, на правом берегу Оби сруб появляется позднее, чем на ее левых притоках, кроме того, по правым притокам были распространены наиболее простые срубные постройки [Соколова, 1957а. С. 104; 1963б. С.233]. Интересно, что появление сруба в восточных районах проживания обских угров связывают с приходом русских [Соколова, 1963б. С.233], а, по мнению очевидцев, мансийские бревенчатые юрты были более удобными, по сравнению с хантыйскими [Дунин-Горкавич, 1911. С.74]. Преобладавший у манси сруб западного типа близок постройкам финно-пермских народов, встречается на севере Европейской части России и даже в Латвии [Соколова, 1963б. С.233]. Что касается обских угров в целом, то этот тип сруба локализуется в юго-западной и западной частях их ареала, через Урал связанных с Поволжьем. Таким образом, заимствование сруба с запада оказывается вполне возможным.

Нельзя исключать и того, что появление сруба связано с более ранним периодом, и для населения как Приуралья, так и Зауралья источник его происхождения один — культура населения лесостепной зоны Зауралья скифо-сарматского времени.

Интересно, что срубное жилище ассоциируется больше с манси чем с хантами. З.П. Соколова высказала предположение, согласно которому углубленное жилище манси было срубным, а не каркасный шатровым, как у хантов, поскольку у манси бытование Шатровых жилищ фактически не было никем отмечено [Соколова, 1980. С. 102]. Кроме того, сама глубина котлована, как показывают археологические источники, не настолько велика, что все углубленные в землю жилища следует считать даже полуземлянками. Скорее, это были ДОМА аналогичные известным по этнографической действительности.

Шатровые и срубные полуземлянки у хантов локализуются периферийных районах, на границах с самодийским ареалом, восточной части которого они сохраняются еще в первой половине XX в. Вместе с тем, например у селькупов, они связываются с каким-то чуждым этническим компонентом *мадет-куп* [Пелюс, 1972. С.137—138], судя по наименованию, также самодийского происхождения. Следует добавить, что и по мнению информантов (восточные ханты левых притоков Оби), землянки на территории и расселения принадлежали какому-то другому народу, не их предкам. Не отрицая того, что шатровая полуземлянка относится к числу древнейших жилищ на территории Сибири, в том числе и Западно-Сибирской, и использовалась обскими уграми, следует, все же, высказать сомнение относительно ее развития в обско-угорской среде. Тем более, что срубная техника предкам хантов и манси стала известна достаточно рано.

Позднее, в XVIII в. начинается распространение сруба русского типа [Соколова, 1957. С.8], которое происходит, во-первых, в южных частях обско-угорского ареала, во-вторых, дальше на север идет по крупным рекам.

Предполагается, что распространение сруба с запада шло уж не с нарами и с чувалом. Это в принципе не исключает возможность того, что сама идея нар в срубке связана с нарами в землянке. По трем показателям — сруб, нары, чувал — обско-угорское жилище сходно с таковым у тюркоязычных народов. Это отмечалось уже XIX в.: «...хижины остяков строятся подобно татарским, с нарами и чувалом» [Абрамов, 1857. С.331]. Нары и чувал — обязательный элемент жилища башкир [Шитова, 1984. С. 150—152], причем; связаны они именно с кочевым бытом. Исследователь культур башкир С.Н. Шитова предполагает наличие двух регионов, в каждом из которых могла самостоятельно развиваться срубная техника; Среднеобский бассейн и Саяно-Алтайская горная область [Шитова, 1976. С.67], а также проникновение ее на Урал до прихода тюрков башкир [Там же. С.66—67], что подразумевает также не западно*

а южное происхождение срубной техники у обских угров [критику этой позиции см.: Лукина, Бардина, 1994. С.78—79].

Важным в решении вопроса о путях проникновения к обским уграм срубной техники является определение времени появления на территории Зауралья и Западной Сибири чувала. Установлено, что он был здесь известен с X в. [Szokolova, 1964. S.78; Соколова, 1980. С.102]. Способ устройства чувала, а также его название свидетельствуют о том, что чувал проник к обским уграм от тюркоязычных народов [Szokolova, 1964. S.79], а наличие типа очага, видимо, предшествовавшего чувалу, на территории Южного Приуралья, позволяет предполагать, что именно здесь он и сформировался [Соколова, 1980. С. 103].

Помимо бревенчатых срубных и каркасных построек у обских угров, как уже отмечалось, существовали дощатые, в целом не имеющие аналогий у других народов [Соколова, 1959. С.67]. Если исходить из того, что технику раскалывания бревен с помощью клиньев обские угры освоили уже достаточно давно [Там же. С.66], можно предположить и то, что дощатые постройки существовали у этих народов на протяжении длительного времени. Чаще всего они служили для хозяйственных нужд.

Комплекс хозяйственных сооружений обских угров йачал складываться уже в глубокой древности. Первоначально это были хозяйственные ямы и различные вешала из шестов и палок, сохраняющиеся и сейчас. Некоторые развились до специализированных форм. По археологическим материалам не устанавливается наличие в древности свайных построек [Морозов, 1993. С. 198], но в фольклоре они фигурируют как жилие.

Свайные постройки не могли не возводиться на территории, значительная часть которой уже на протяжении 9—12 тыс. лет покрыта болотами. Видимо, сама идея устройства сооружения на сваях возникла параллельно с развитием процесса заболачивания: первоначально жилище находилось на берегу озера, затем, когда его берега стали отступать, потребовалось соорудить помост, чтобы иметь доступ к воде. Кстати, возможно, с тех пор, когда немалую часть времени проводили на помостах над водой, сохранилась традиция использовать для некоторых хозяйственных занятий и помосты для хранения продуктов или предназначенные для вяления рыбы. В.Н. Чернецов, приводит сведения о том, что, сидя на этих помостах, женщины чистили рыбу [Чернецов, 1949. С.26].

Бытование в этнографической действительности свайных построек в качестве хозяйственных, а также культовых подтверждает предположение об их давнем происхождении: ведь именно в этих двух видах сооружений

принято искать наиболее древние черты конструкции построек [см., например: Пелих, 1972. С.308; Морозов, 1993. С.198].

В процессе внедрения в комплекс хозяйственных занятий предков обских угров скотоводства у этих народов стали формироваться сооружения для содержания скота. Первоначально это были, видимо, загоны для лошадей, развитие которых шло в двух направлениях. Одно из них связано с содержанием рогатого скота — загон стали сочетать со срубной постройкой с плоской крышей для хранения сена. В качестве промежуточного варианта в данном случае можно рассматривать загон с навесом. Второе — с оленеводством. Оленеводы стали обносить свои жилища оградами, сделанными так же, как и загоны для лошадей, а затем эти ограды трансформировались в самостоятельные загоны, но уже для оленей. Кстати, о подобном переносе идей может говорить и факт использования высоких столбов для привязывания оленей по аналогии с коновязными столбами. Дальнейшие изменения сооружений для содержания оленей происходили по линии появления в них дымокуров: сначала в виде открытого костра, затем — в виде постройки, аналогичной жилищу, т.е. чума, другого каркасного сооружения или сруба.

Помимо перечисленных для содержания скота использовали и старые жилые постройки, например, полужемлянки [Соколова, 1963а. С.338. Рис.1].

Постройки для содержания скота у хантов и манси отражают все этапы развития этого вида сооружений: использование части жилого помещения для содержания телят (причем она могла отгораживаться специальной перегородкой [см., например: Руденко. Угры. Архив, № 66, л. 147]) использование для содержания скота старых жилых построек, сооружение специального хлева. Параллельно шло развитие загонов.

Основные виды хозяйственных построек, бытовавшие у хантов и манси, были известны и другим народам. В частности, свайными амбарами пользовались русские, живущие в лесной зоне, эвенки [Василевич, 1969. С.116], кеты [Алексеенко, 1967. С.106—107], коми [Белицер, 1958. С. 195] и другие народы, которые занимались охотой в зоне тайги. Срубные постройки с плоской крышей, применявшиеся для содержания скота, бытовали, с одной стороны, у русских Сибири и Европейской части, народов Поволжья и Приуралья [Шенников, 1966. С.12—14], с другой — у тувинцев [Дьяконова, 1986. С.226, рис.4]. Такие же, как у хантов, сооружения использовались оленеводами-кетами [Алексеенко, 1969. С. И 5—116]. Эти примеры, как представляется, хорошо характеризуют пути

вхождения в культуру народа тех или иных видов и типов построек. От древнего таежного населения остались свайные амбары, которые функционально оказались подходящими и для представителей других этносов, оказавшихся в тайге. Происхождение другого вида построек связано с развитием определенного вида хозяйственных занятий. И здесь можно говорить о двух линиях, по которым шло включение таких сооружений в поселенческий комплекс; конвергентное развитие от первоначальной формы — загона, обусловленное наличием у разных народов одного и того же вида занятий, или же, наоборот, заимствование окончательной формы.

Как было показано, пути формирования комплекса жилых построек хантов и манси были теми же, что и хозяйственных. Наличие общих черт в жилищах народов Сибири объясняется как конвергенцией, так и заимствованием. В некоторых случаях предполагается наличие общего субстрата, на базе которого развивались варианты конкретного явления. В них и отражена уже именно этническая специфика. Причины появления характеризующих ее признаков определить вряд ли возможно (например, почему у одного народа основные шесты чума вверху скрепляются с помощью обруча, у другого связываются, а у третьего один шест вкладывается в развилку другого), но они закрепились в этнической традиции и являются показателями конкретной этнической культуры.

3. Одежда

Сведения об одежде хантов и манси присутствуют в подавляющем большинстве работ, посвященных этим народам. Но чаще всего они сводятся к перечислению деталей костюма при практически полном отсутствии описаний их покроя. Хотя одежда обских угров неплохо представлена в коллекциях музеев России и некоторых других стран (например, Финляндия, Венгрия), в них не получили отражения все территориальные группы обских угров. Кроме того, в музеи поступали вещи с ярко выраженной этнической окраской, собиратели часто не уделяли внимания тем предметам, которые, с их точки зрения, походили на русские и не представляли интереса. В результате нет полного представления о традиционной одежде ряда этнографических групп.

Целенаправленное изучение одежды обских угров началось с середины XX в. На протяжении второй его половины ей посвящались

как отдельные статьи [Прыткова, 1953; Федорова Е.Г., 1978; 1992; Южанинова, 1992; Kodolanyi, jun. 1969], так и главы монографий [Кулемзин, Лукина, 1977; Лукина, 19856; Федорова Е.Г., 1994в]. Отдельные детали одежды исследовались в рамках крупных работ, посвященных типологии элементов культуры [Прыткова, 1961а, 1961б; Василевич, 1963]. Кроме того, одежда рассматривается обычно в работах, касающихся декоративно-прикладного искусства [Рындина, 1995; Сязи, 1995; Vahter, 1953]. В публикациях проанализирован практически весь имеющийся на сегодня материал по одежде обских угров, выявлены пути формирования целого ряда элементов костюма. Наконец, сейчас мы имеем детальные описания предметов одежды, благодаря чему и оказалось возможным сопоставление костюма хантов и манси с одеждой других народов, включение отдельных его деталей в общие типологические схемы, а также определение тех изменений, которые происходили в одежде на протяжении XX в.

Вероятно, одежда не была одинаковой на всей территории Западной Сибири, хотя возможности для возникновения большого количества ее вариантов ограничены (см. ниже). Естественно, странно было бы искать прямую связь между одеждой древнего населения и людей более поздних эпох в пределах какой-то территории: как известно, в одежде наиболее стойко сохраняется этническая специфика, и она далеко не всегда исчезает с переселением на другие территории, сменяясь какими-то новыми формами, хотя, без сомнения, и подвергается определенным изменениям в новых условиях. Таким образом одежда является одним из наиболее важных этнографических источников, используемых при решении вопросов этногенеза и этнической истории, когда при сравнительном анализе элементов костюма обнаруживаются их истоки, иногда связанные с регионами, очень далекими от тех, где эти элементы были зафиксированы. Кроме того, на развитии одежды любого населения, как коренного, так и пришлого, отражается появление новых материалов и новых технологий, импортных товаров.

Формирование одежды является сложным и длительным процессом, на котором отражаются самые разнообразные факторы. Основополагающими в данном случае можно считать географические условия и хозяйственные занятия населения. Особенно важной их роль бывает в период становления элементов костюма, проявляется она и в дальнейшем, при усовершенствовании одежды, когда последняя представляет собой уже вполне сложившееся явление конкретной этнической культуры. Привлекаемые в настоящей работе археологические материалы могут способствовать пониманию механизмов формирования и развития

костюма в целом и отдельных его элементов, несмотря на то, что зачастую непосредственное сопоставление археологических и этнографических данных, на первый взгляд, ничего не дает.

К сожалению, одежда очень плохо представлена в археологических памятниках — ведь материал, из которого она сделана, как правило, не сохраняется. Археологические данные больше возможности предоставляют для реконструкции украшений одежды, а также съемных украшений и поясов. Причем даже и эти данные относятся не к самым древним эпохам: на всей территории зауральско-западносибирской тайги до сих пор не выявлены неолитические погребения [Косарев, 1996. С.264] (погребения, как известно, в наибольшей степени насыщены различными украшениями). Много украшений содержится лишь в памятниках эпохи бронзы и последующих периодов.

Развитие этой сферы культуры становится возможным с появлением бронзолитейного производства. По всей вероятности, частично украшения из нового материала пришли на смену старым. Например, костяные нашивки и подвески могли быть заменены бронзовыми: по этнографическим материалам известны пояса с ажурными накладками одинаковой формы, но в одних случаях выполненными из кости, в других — из меди. В то же время новый материал давал возможность и для поисков новых форм украшений.

Начиная с эпохи бронзы в таежной и предтаежной зонах Западной Сибири фиксируется тот набор украшений, который бытовал здесь на протяжении нескольких тысячелетий. Это височные кольца, различной формы браслеты, подвески, бляшки и другие украшения [см., например: Косарев, 1981. С.120, 141]. К сожалению, неравномерная изученность территории, отсутствие во многих случаях материалов из могильников не позволяют определить, насколько широко были распространены эти украшения.

Некоторые представления о деталях костюма дают антропоморфные глиняные фигурки: на их поверхности нанесены орнаментальные полосы, что позволяет говорить о наличии на одежде каймы [Раушенбах, 1965. С.66-68].

В следующие за уже рассмотренными здесь историческими эпохами периоды все более широкое распространение получают металлические украшения, а именно отлитые из бронзы. Олово и оловянную бронзу привозили, предположительно, с юга, с верховьев Иртыша, где производились разработки меди и олова, хотя медь могли добывать и сами, пользуясь местными, зауральскими рудами [Чернецов, 1953а. С. 146-149].

С эпохи раннего железа до средневековья на территории таежной зоны Западной Сибири бытовали браслеты, пряжки, перстни, подвески (все — разных типов), гривны, серьги, накладки (в том числе и ажурные поясные), разнообразные бусы (золоченые, стеклянные, мастиковые) [подробнее см.: Мошинская, 1953а. С. 199, 201; 1965. С.33-34; Чернецов, 1953а. С.131; 1957. С.202, 204; Могильников, 1968. С.285-287, 289; 1987. С. 167, 170, 172-174, 177, 186, 189-190, 198-199, 211-212, 222; Федорова Н.В., 19796. С.92; 1994а. С.38—39; см. также Каталог, № 242—300; Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.142—143; Чиндина, 1984. С.31, 61-62; Борзунов, 1992. С.68, 80 и др.].

К рубежу 1-го и 2-го тысячелетий н.э. бронзовое литье приходит в упадок, появляется много привозных вещей, по аналогии с которыми начинают делать местные. С юга идет приток тюркских вещей, а с запада — финно-угорских (шумящие и лапчатые подвески, ремесленное производство которых развивается в конце 1-го тысячелетия н.э. на Вычегде и в Прикамье), в X—XIII вв. потеснивших украшения местного производства, которое никогда не развивалось до товарных форм [Чернецов, 1957. С.185, 188, 202, 204, 245; Могильников, 1968. С.286, 289].

Таким образом, в первой четверти 2-го тысячелетия н.э. на территории таежной зоны Западной Сибири бытовали украшения как местного производства, так и импортные. Материалы по некоторым районам, в частности, лесному Зауралью, включающие и украшения, распадаются на несколько групп: 1) вещи, широко распространенные в X—XIII вв. в Сибири и Восточной Европе; 2) вещи славянского происхождения; 3) вещи финно-угорского происхождения и 4) вещи, распространенные в лесном Зауралье и на Средней Оби [Викторова, 1969. С.17—18; см. также Могильников, 1987. С.174-175].

В этот же период продолжают бытовать глиняные антропоморфные фигурки, орнамент на которых считается имитацией одежды. Установлено, что эти предметы (насчитывается около сотни целых фигурок и их обломков) были созданы на протяжении небольшого временного отрезка (конец XI—XII в.) и бытовали на сравнительно небольшой территории, ограниченной бассейном Нижнего Иртыша—Средней Оби [Федорова Н.В., 19946. С.32]. Их экземпляры найдены в нижнем течении рек Иртыш, Тура, Южная Сосьва, Лозьва, Демьянка, в среднем течении Конды, в районе современных Сургута, Перегребного, Шеркалов и в некоторых других местах [Терехова, Широков, 1986. РисЛа; Могильников, 1987. Карта 32].

Фигурки небольшие, высотой от 2 до 6 см, и передают позу сидящего человека [Терехова, Широков, 1986. С.131]. С лицевой стороны они покрыты орнаментом, нанесенным тонким острым предметом или мелким штампом, предположительно металлическим [Федорова Н.В., 1979а. С. 147]. Узор составлен из прямых, наклонных и дугообразных линий, зигзагов, спиралей, меандров, кругов, в том числе концентрических, а также ромбовидных и многоугольных фигур [Терехова, Широков, 1986. С.133].

Относительно назначения этих фигурок единого мнения не существует. Их считали детскими куклами-игрушками [Мошинская, 1958], предметами религиозного назначения, связанными с очагом или хранильницей очага [Викторова, 1968. С.249]. Их относят также к «культовым изделиям, связанным с культом кузнечно-металлургического производства» {Терехова, Широков, 1986. С.137}. Вместе с тем, все исследователи сходятся в том, что орнамент на фигурках обозначает расшитую или меховую одежду и украшения.

По ряду признаков, в том числе и орнаменту, фигурки делятся на две группы. В первую входят те, на которых сверху вниз проходит кайма, заштрихованная горизонтальными отрезками или зигзагами, либо составленная из двух треугольников, соединенных вершинами или основаниями. На нескольких экземплярах на плечах намечены круги с концентрическим орнаментом (предположительно, имитация блях) со спускающимися от них вниз зигзагами, на других — по «подолу» проходит горизонтальная кайма. Фигурки, относящиеся ко второй группе, имеют вытянутые пропорции, одежда передана зигзагообразными композициями, посередине изображен пояс, а на груди — круги с концентрическим орнаментом, возможно, обозначающие круглые бляхи [подробнее см.: Федорова Н.В., 1979а. С.147-149].

Помимо орнамента как украшения одежды исследователи отмечали и присутствие выраженных с его помощью отдельных деталей кроя: треугольный вырез, капюшон, наличие которого и давало возможность считать одежду меховой. Кроме того, на фигурках просматривается орнаментированная обувь, трехлопастные височные подвески, хорошо известные по археологическим материалам из одновременных памятников [Федорова Н.В., 1994б. С.33].

Анализ орнамента на глиняных антропоморфных фигурках позволяет сделать еще некоторые выводы относительно облика одежды населения рубежа 1-го и 2-го тысячелетий н.э. Из-за отсутствия возможности сопоставить весь накопленный к настоящему времени материал эти выводы построены только на опубликованном.

Прежде всего, можно предположить, что фигурки изображали мужчин и женщин. Мужские — это те, у которых обозначены голова в небольшом капюшоне, сложенные на животе или вытянутые вдоль туловища руки и ноги в обуви. Такие фигурки покрыты орнаментом со всех сторон. У некоторых экземпляров край одежды вылеплен, у других обозначен орнаментированной каймой. В любом случае здесь обозначена короткая одежда, которая, при наличии длинной на других фигурках, могла быть только мужской, как в этнографической действительности. Выступ вокруг шеи [см.: Могильников, 1987. Табл.БХУШ-17] обозначает, скорее всего, воротник, хотя возможна и какая-либо другая его трактовка (например, откинутый капюшон или деталь доспехов). У других фигурок, которые можно считать изображениями мужчин, голова в виде небольшого выступа ограничена линией и намек на капюшон не обнаруживается. Расположение орнамента на ногах в горизонтальных и вертикальных зонах позволяет предполагать, что таким способом передавались либо обувь с орнаментом (отворотом) по краю голенища, либо обувь со штанами.

Фигурки, которые можно считать изображениями женщин, сильно стилизованы [см.: Федорова Н.В., 19946. Каталог, № 21]. По внешним очертаниям они напоминают известные в этнографии куклы хантов и манси, которые также не имеют рук и ног. В то же время, некоторые стилизованные фигурки возможно, изображают мужчин — с помощью выемки у них обозначены ноги [см.: Могильников, 1987. Табл.БХХ-28].

Второй вывод касается уже собственно одежды, которая реконструируется по орнаменту на глиняных фигурках. Он указывает на то, что на ней имелись какие-то узоры. Эту одежду называют расшитой и предположительно меховой, поскольку на некоторых фигурках просматривается капюшон. Но по этнографическим материалам образцы меховой одежды, сплошь покрытой орнаментом, не известны. У хантов и манси бытовала как мужская, так и женская одежда из меха, украшенная меховой же мозаикой, полосы которой располагаются над надставками подола, рукавов и в некоторых вертикальных швах. Существует мнение, что обилием орнамента на фигурках подчеркивается ритуальный характер изображенной на них одежды [Терехова, Широков, 1986. С. 133]. Не отрицая этой точки зрения, можно предположить, что на фигурках изображалась не меховая преимущественно, а вышитая одежда из холста, по этнографическим данным известная у южных групп обских угров. На некоторых из известных по публикациям фигурках [Терехова, Широков, 1986. Рис. 16-4—6; Угорское наследие. Каталог,

№ 21] разбивка орнамента на зоны близка к таковой на вышитых рубахах, просматривается и сходство в орнаментальных мотивах, присутствующих на некоторых из фигурок (разных типов) и в вышивке. Связь узоров последней с орнаментом на керамике андронидных культур эпохи поздней бронзы как будто ни у кого сейчас сомнения не вызывает. Таким образом, через фигурки значительно более позднего времени — эпохи средневековья — возможна реконструкция одежды населения позднего периода бронзового века. Нужно добавить, что наблюдается почти полное совпадение границ территорий (с некоторым смещением в южном направлении для ранних периодов), где были найдены глиняные антропоморфные фигурки, где фиксируется ткачество обских угров и где бытовала одежда из самодельного холста, украшенная вышивкой, а также одежда из хлопчатобумажной ткани, являющаяся производной от холщовой.

Вместе с тем, исследователи видят истоки андроновского орнамента не в керамике, а в мягких материалах, технологические особенности создания которых и породили узоры определенных очертаний [подробнее см., например: Рындина, 1995. С.376]. Это может быть еще одним свидетельством в пользу древности происхождения вышитой одежды.

Еще один источник информации об одежде населения та&жной зоны Западной Сибири — гравированные изображения на металлических зеркалах, бляшках и блюдах (византийского и сасанидского происхождения), относящихся к довольно длительному периоду: от середины 1-го тысячелетия до н.э. до XIV в. н.э. Для данной темы интерес представляют некоторые из этих предметов, а именно с изображениями остроголовых фигур в юбках, свободных кофтах [см.: Чернецов, 1953а. Табл.V!-!, 2; XIII-1, 2; XIV-1]. В.Н. Чернецов [1971. С.92] определял эти фигуры как женские (изображения предков), ориентируясь, видимо, на то, что на них одежда, похожая на женскую. Но на лицах фигур явно просматриваются усы, нанесенные ломаными линиями, головы кверху заостряются (шлемы), а идущие от головы слева и справа линии можно трактовать как косы (характерная мужская прическа обских угров, за исключением восточных хантов; в фольклоре даже существует эпитет богатыря — «косатый»). Таким образом, данные изображения правильнее, видимо, считать мужскими. Они могут трактоваться как фигуры богатырей в доспехах, состоящих из двух частей: верхней и нижней. Не исключено, что здесь изображена и какая-то другая одежда. Последний по времени изготовления предмет, где присутствует мужская одежда в виде юбки, довелось видеть в

1987 г. в верховьях р. Пелым. Это была так называемая танцующая кукла (типа марионетки), представление с которой обязательно сопровождается игрой на традиционном мансийском музыкальном инструменте *сангвылтан*. Кукла представляла собой фигуру с бородой, усами, одетую в юбку и колпак, сделанные из красного шелка. По словам информантов, она была изготовлена по образцу других, более ранних кукол.

Что касается доспехов, то по археологическим материалам они начинают появляться в конце 1-го тысячелетия до н.э. и первоначально состоят из короткого нагрудника (в виде жилета без рукавов), плечев и коротких набедренников, набранных из удлиненных железных пластин, соединенных ремешками. Не позднее середины 1-го тысячелетия н.э. появляется кольчуга, одновременно существовали пластинчатые доспехи из кости и рога. Развитие защитного вооружения проявляется и в эволюции шлема: от простейшего типа в виде шапки с нашитыми на нее костяными или металлическими пластинами, через высокие конические шлемы с массивным наносником, затем низкие полусферические шлемы, широко распространившиеся в Евразии в эпоху Великого переселения народов, к высокому сферическому шлему, увенчанному втулкой. В начале же 2-го тысячелетия н.э. появляются низкие куполовидные шлемы [подробнее см.: Зыков, 1994. С.50, 52, рис.13-15, 17-18].

Реконструкция защитного вооружения оказалась возможной не только из-за хорошей сохранности металлических деталей доспехов в археологических памятниках, но и благодаря тому, что было найдено множество бронзовых антропоморфных изображений, которые трактуются как изображения воинов.

Археологи попытались также по материалам погребений реконструировать одежду населения, обитавшего в таежной зоне Западной Сибири. Насколько известно, таких реконструкций немного. По отношению к ранним эпохам максимальная информация содержится в материалах мужского и женского погребений, обнаруженных в горной части Среднего Урала, но принадлежащих зауральскому населению, предположительно охотникам, продвигавшимся с верховьев р. Чусовой на лодках и погибшим в результате нападения на них во второй половине лета (время гибели установлено по зубам погребенных) [Сериков, 1993а. С. 138—140]. По некоторым особенностям инвентаря эти погребения могут датироваться эпохой раннего металла, а по керамике — еще более ранним периодом — развитым неолитом [Там же. С. 137].

Мужской костюм выглядел следующим образом: на голове была облегающая шапочка, возможно, с меховой опушкой, а также с украшением из зуба лисицы; нательная одежда состояла из куртки и штанов, по бокам которых были нашиты подвески в виде уточек, сделанные из таранных костей бобра; ноги были обуты в меховые сапоги, также украшенные костяными подвесками, а широкий пояс расшит резцами бобра. Костюм дополнялся меховой (?) сумкой, притороченной к поясу или надетой через плечо на перевязи. Женский костюм также состоял из куртки, штанов и сапог, но украшен он был просверленными зубами животных, главным образом выдры [Там же. С.129—130, 136, 140].

Восстановлен также костюм мальчика (вероятно, из знатной семьи), жившего в I в. н.э. в Сургутском Приобье. Его одежда и обувь были расшиты множеством бус и бисера из пастового стекла и камня (причерноморского и среднеазиатского производства). Кроме того, на одежде нашиты бронзовые зооморфные подвески, пронизки и бляшки. На грудь было положено бронзовое зеркало. Съёмные украшения представлены серебряной гривной и бронзовым витым браслетом. На поясе же висел маленький железный кинжал, специально подогнанный к детской руке. Интересно, что рядом был уложен комплект вооружения взрослого воина [Нягань^1995. С.15, 18]. Судя по расположению украшений [см.: Там же. Рис. на с.21], основная масса их приходилась на нагрудную часть одежды, а также спереди ниже пояса — зоны, традиционно отмечаемые украшениями-оберегами. Реконструируются также пояс, серьги, причёска в виде двух кос, украшенных подвесками. Обувь, судя по расположению украшений, была с высокими голенищами.

Второй костюм принадлежал угорской княжне, жившей в том же районе, но уже в первой половине XIV в. н.э. [см. Угорское наследие, 1994. Рис.20]. Здесь основной акцент сделан на переднюю часть одежды от пояса вниз, приблизительно, до уровня колена или чуть выше. Там нашито множество металлических украшений: подвески (в том числе и зооморфные), бубенчики, цепочки. Украшения в целом имитируют передник. На голове княжны находилась круглая шапочка с металлическим навершием и меховой опушкой, а также налобная повязка и височные украшения. На руке был надет двустворчатый браслет. Украшения прикреплены и к обуви или чулкам: они имели крестообразную форму и крепились на подъеме ноги.

В некоторых погребениях сохранились фрагменты изделий из органических материалов. Насколько известно, самые ранние из тех, что соотносятся с одеждой, датируются XIII в. н.э. и

были найдены в Сургутском Приобье. Это — фрагмент головного убора типа капора (XIII в.), фрагмент изделия, составленного из кусочков темного и светлого меха (XIV в.), остатки обуви из хорошо выделанной кожи (со следами прошивки, видимо, сухожильными нитками), состоявшей, вероятно, из кожаной нижней части и матерчатого (крапивный холст?) голенища (XVII в.). Обнаружены и фрагменты шерстяной ткани, относящиеся к XIV в. [подробнее см.: Федорова Н.В., 1994в. С.34—35; Угорское наследие, 1994. Каталог. № 38—42], а также свидетельства существования в позднем средневековье различных способов украшения одежды: аппликации и мозаики из меха и ткани [Федорова Н.В., 1994в. С.35]. Таким образом, можно говорить о бытовании на протяжении нескольких столетий хорошо известного в этнографии восточных хантов сборного меха для шитья одежды, одного из типов обуви и наиболее распространенных видов украшения костюма.

Археологические источники в целом практически не дают информации для реконструкции основных характеристик одежды — материала, из которого она шьется, и покроя. Поэтому судить об одежде населения таежной зоны Западной Сибири до появления более или менее подробных ее описаний в этнографической литературе, до сборов предметов национальной культуры для музеев крайне затруднительно. Вместе с тем, отдельные характеристики одежды могут быть определены чисто гипотетически, на основании принадлежности населения к конкретному ХКТ. Такие определения достаточно условны, поскольку одежда отличается высокой степенью этничности и отдельные детали костюма далеко не всегда могут быть заменены другими, более подходящими, например, к природным условиям в случае изменения среды обитания. Иллюстрацией к сказанному может быть, в частности, такой факт, как использование обскими уграми в качестве женского головного убора платка, который носили в течение всего года, хотя он был плохо приспособлен к зимним холодам [подробнее о платке см.: Лукина, 1985б. С.215-221; Федорова Е.Г., 1994в. С.187-192].

Средой обитания в первую очередь обусловлен материал, из которого шили одежду. Для таежных охотников и рыбаков характерен определенный набор видов этого материала, получение которых обеспечивалось основными хозяйственными занятиями: существенной чертой традиционно-бытовой культуры коренного населения была полная утилизация добываемого продукта.

Как говорилось выше при характеристике хозяйства обских угров, их охота развивалась в двух направлениях — мясном и пушном. Первое поставляло шкуры крупных копытных (лося, дикого

оленя), шкурки боровой и водоплавающей птицы, некоторых пушных зверей (заяц). Второе обеспечивало получение ценного меха, который, по историческим источникам, в первую очередь использовался для обмена и уплаты дани. Благодаря рыболовству можно было иметь прочные, водонепроницаемые, хотя и небольшие по размерам, кожи рыб. С развитием животноводства в обиход стали внедряться шкуры домашних животных. Рассмотрим, как же использовались эти виды материала для изготовления одежды у различных групп обских угров.

Применение шкур диких видов крупных копытных (лося и дикого оленя) для шитья одежды нельзя назвать характерным ни для обских угров в целом, ни для каких-либо групп этих народов. Этнографические источники указывают на то, что использовались части шкуры лося, из которых выкраивались головка или подошва обуви. Относительно оленьих шкур нужно сказать, что при описании одежды из них не всегда указывается, какие конкретно шкуры применялись — домашнего или дикого оленя. Практически вся информация об одежде из оленьего меха касается оленеводческих групп хантов и манси. В свое время Я. Кодолани младший высказал мнение, согласно которому шкуры оленей применялись сначала на севере, а затем распространились на юг [Kodolinyi J, jr, 1965. S.W5]. С этим не согласна Н.В. Лукина, считающая, что «по мере возможности применяли шкуры как диких, так и домашних оленей, а изредка — лосят либо взрослых лосей, шкуры которых обрабатывать трудно» [Лукина, 1985б. С.151] (речь идет о хантах). Эти противоположные точки зрения базируются на разных представлениях авторов о происхождении обско-угорского оленеводства, во-первых, и, как следует из текста, о возможностях использования шкур диких оленей для шитья одежды, — во-вторых.

Нужно заметить, что шкуры диких видов крупных копытных по ряду своих качеств плохо соответствовали тем требованиям, которые предъявлялись к материалу для одежды. Шкуру лося, действительно трудно обрабатывать. Она достаточно тяжелая, жесткая и неэластичная. Шкуры дикого оленя не отличается большой прочностью волосяного покрова — он вылезает слишком быстро. Кроме того, существовали и определенные цветовые предпочтения в одежде, развившиеся, вероятно, с течением времени, но, тем не менее, ограничивающие использование шкур диких видов крупных копытных: на некоторые виды одежды у хантов и манси идет мех белого цвета, а его могут дать только домашние олени.

Наконец, охота на крупных копытных, как говорилось выше, не была распространена одинаково у всех групп обских угров, что, соответственно, ограничивало и возможности использования в быту шкур этих животных. При сопоставлении ареалов дикого северного оленя и одежды из оленьих шкур обнаруживается их несовпадение.

Следующий вид материала — шкурки водоплавающей птицы, охота на которую существовала практически повсеместно. Использование этого материала считается характерным для приречных жителей [Алексеев, 1986. С.216]. У обских угров он был распространен на достаточно обширной территории, хотя вещей из птичьих шкурок сохранилось сравнительно мало: это непрочный материал и по возможности он заменялся другим, например, мехом домашнего оленя (на севере) или же овчиной (на юге). Птичьи шкурки, из которых собирались целые полотнища, шкуры лебедя шли на зимнюю одежду [Новицкий, 1884. С.39; Васильев В.В., 1929. С.33; Лукина, 1985. С.150; Федорова Е.Г., 1994. С.107, 177]. Она фиксируется этнографическими источниками на протяжении почти трех веков — от начала XVIII до последней четверти XX в. Дольше всего одежда из птичьих шкурок сохранялась у восточных хантов, а также у северных групп этого народа, живущих непосредственно на Оби, и обских манси. Нужно напомнить, что восточные ханты — это то подразделение этноса, в систему хозяйственных занятий которого оленеводство вошло достаточно поздно. Для групп же обских угров, занимающих берега Оби, это занятие вообще не характерно, они всегда были типичными оседлыми рыбаками.

Этнографические источники указывают также на широкое бытование в прошлом в качестве материала для шитья одежды шкурок пушных зверей: зайца, белки, выдры. У значительной части групп обских угров этот материал также оказался вытесненным шкурами оленя (дольше всего он сохранялся в детской одежде), но восточные левобережные ханты пользуются им и в настоящее время.

Пушнина как материал для шитья одежды имеет ряд преимуществ перед шкурами крупных копытных: она более легкая и ноская. В то же время одежда из шкурок пушных зверей имеет большее количество швов, что неудобно в условиях севера. Все же для охотников такая одежда оказалась более привлекательной, она легкая и в ней можно относительно свободно и бесшумно двигаться, в отличие от тяжелой, громоздкой и грубой одежды из шкур крупных копытных.

Еще один материал, который должен был использоваться рыбаками и охотниками больших рек, — рыба кожи. Сведения о его применении содержатся в источниках XVII—XVIII вв. [обзор см.: Прыткова, 1953. С.124, 142—143]. Казалось бы, он должен был занимать одно из первых мест как материал для одежды. Но, интересно, что в музейных коллекциях деталей костюма из рыбьих кож практически нет. Этим обские угры отличаются от народов Амура, таких же рыбаков и охотников тайги, одежда которых, сшитая из рыбьих кож, прекрасно представлена в музейных собраниях. То же можно сказать и о литературных источниках относящихся к XIX и XX вв. Таким образом, встает вопрос о том, насколько же широко в прошлом была распространена рыба кожа как материал для изготовления одежды. В связи с этим следует привести мнение Н.Ф. Прытковой, которая писала «Исключительный интерес, проявленный авторами того времени к одежде из рыбьей кожи, объясняется, по-видимому, тем, что материал, из которого была сшита эта одежда, встретился им впервые и привлек их внимание своей оригинальностью» [Прыткова, 1953. С.124]. Этот же автор в соответствии с большим или меньшим использованием рыбьих кож для шитья одежды делила хантов на две группы: северных оленеводов, у которых такая одежда была только летней, и всех остальных, у которых «рыбья кожа являлась вообще единственным материалом для верхней одежды, доступным малоимущей группе населения» [Там же. С.124—125]. Нужно заметить, что, во-первых, в источниках, на которые опирается Н.Ф. Прыткова, говорится об осяках (как хорошо известно, термин «ханты» в то время не употреблялся), часть из которых позднее вошла в состав манси. Во-вторых, эти источники не предоставляют материала по всем группам тех же осяков, занимавших уже достаточно большую территорию. Кроме того, имущественная дифференциация не была столь характерной для коренного населения, как считалось в течение многих десятилетий. Охотники и рыбаки, как правило, могли обеспечить получение прибавочного продукта, часть которого шла на уплату ясака, часть — на обмен. Таким образом, наличие стойкой группы малоимущего населения вряд ли возможно, соответственно, и бытование одежды из рыбьих кож нужно объяснять не отсутствием других материалов и возможности их получения, а какими-то иными причинами. Та же Н.Ф. Прыткова считает эту одежду сезонной [Прыткова, 1953. С. 143], правда, только у северных групп, где зимнюю одежду шили из оленьего меха. При этом не учитывается тот факт, что южные группы обских угров издавна держали рогатый скот, шкуры

которого вполне могли быть использованы для одежды, как это делается в XX в. Причем нередки случаи, когда зимнюю одежду шили даже из коровьих шкур, ими заменяли олени, не говоря уже о том, что достаточно широко распространилась овчина. Не исключено, что в прошлом на одежду из этого материала, как хорошо им известного, путешественники просто не обращали внимания.

Возвращаясь к одежде из рыбьих кож, нужно сказать, что она, судя по источникам [Паллас, 1788. С.51; Андреев, 1947. С.98], могла использоваться еще и для защиты от дождя и снега другой одежды, а именно суконной, или же служить просто в качестве дождевика. Следует заметить, что для вогулов, насколько известно, она вообще не была характерна.

То, что рыбы кожи были материалом для одежды аборигенного населения берегов больших рек таежной зоны Западной Сибири, сомнений не вызывает. Вопрос состоит в том, являются ли обские угры этими аборигенами, или же они расселялись по тайге с уже сложившимся костюмом, отдельные элементы которого могли заменяться другими, более приспособленными к условиям окружающей среды, каковыми и являются детали одежды из рыбьих кож.

Материалом для зимней одежды могли служить шкуры домашних животных. С распространением животноводства, о чем говорилось в главе, посвященной хозяйственным занятиям, они должны были все прочнее завоевывать свои позиции, вытесняя другие материалы. Но этот процесс происходил неравномерно. Так, у оленеводческих групп олени шкуры вышли на первое место в качестве материала для зимней одежды. У южных групп обских угров, насколько можно судить по имеющимся материалам, овчина использовалась наравне с птичьими шкурками или даже занимала ведущее место. У групп, расселенных по Оби и низовьям ее крупных притоков, овчина дополняла в одних и тех же изделиях птичьи шкурки (женские шубы) или же сочеталась с оленьим мехом, приобретенным у оленеводческих групп (мужская одежда).

Нужно отметить, что ханты и манси практически не использовали собачьи шкуры. Даже по краю подола заимствованной от ненцев зимней мужской одежды малицы пришивали опушку не из шкуры собаки, как это делали ненцы, а из оленьего меха. Лишь с течением времени этот материал занял свое место (далеко не первостепенное) у северных групп обских угров. Насколько известно, собачья шкура использовалась только для надставки подола малицы. По информации, полученной у современных манси, они первоначально отрицательно относились к применению этого

материала для одежды. Это свидетельствует об ином, нежели к другим домашним животным, отношении к собаке: она близка к человеку, ее нельзя убивать, приносить в жертву, мясо собаки нельзя есть, из ее шкуры нельзя шить одежду.

Можно предположить, что такое отношение к собаке характерно для таежных охотников. Насколько известно, одежду из собачьих шкур не шьют также кеты, эвенки. В то же время у народов амурского региона картина иная [Смоляк, 1984. С.135—136, 140—141]: здесь для шитья одежды этот материал использовался достаточно широко (нужно отметить, что народы Амура применяли также и шкуры молодого лося [Там же. С. 141]). Такое же деление обнаруживается, когда речь идет о других сферах материальной культуры, в которых оказывается задействованной собака (пища, транспорт). Следовательно, здесь нужно искать другое объяснение. Скорее всего, оно упирается в вопросы этногенеза и этнической истории.

К материалам, получение которых возможно в условиях тайги, относится еще и ровдуга. Она шла, главным образом, на изготовление обуви. Существует предположение, что первоначально она использовалась как заменитель рыбьих кож, для придания сходства с которыми и удалялся ворс со шкуры [Лукина, 1985б. С.152].

Действительно, качества ровдуги во многом совпадают с таковыми рыбьих кож. Ровдуга — непромокаемый и сравнительно легкий материал. Кроме того, она прочная и мягкая, хотя и требует размягчения после намокания, если не была предварительно пропитана (в XX в. для этого использовали растительное масло, а раньше — рыбий жир). В то же время у рыболовческого населения, практически не занимавшегося охотой на крупных копытных, не имевших оленей, ровдуга вряд ли могла появиться.

У обских угров этот материал использовался, как отмечалось, для шитья обуви, а также штанов. Ровдужная плечевая одежда не фиксируется. Вместе с тем, в определенном смысле слова, ее можно считать бытовавшей: у северных групп было распространено ношение в летний период старой, с вылезшим ворсом, зимней одежды, которая иногда еще и очищалась от его остатков. Таким образом, ровдуга, видимо, изготовлялась не как заменитель рыбьих кож, идея ее использования возникла тогда, когда человек определил ее преимущества как материала для одежды определенного назначения. Судя по тому, что использование ровдуги у обских угров было, скорее, ограниченным, чем распространенным, можно сказать, что и олени шкуры в этом качестве вошли в их обиход не так уж давно. Что же касается обуви, то, поскольку для ее

изготовления изначально применяли шкуру лося, из которой на определенной стадии могли начать делать ровдугу, распространение этого материала (уже из оленьей шкуры) в данной сфере оказалось более широким.

Рассматривать ровдугу как заменитель рыбьих кож сложно еще и потому, что у обских угров в этнографической действительности для летней одежды практически повсеместно использовались ткани (самодельные и покупные). Из них же делали голенища некоторых видов обуви. Буквально заменителем рыбьих кож ткань оказалась в плечевой одежде из птичьих шкурок: и тот, и другой материал служил подкладкой под них, а, вернее, основой, на которую они нашивались для придания большей прочности всему изделию. Из плотных тканей и сукна шили еще и межсезонную одежду. Нужно добавить, что для защиты мужской зимней меховой одежды — малицы — от сырости использовали и используют навершницу, сшитую также из ткани.

В последнее время на первое место выходит точка зрения, согласно которой одежда из ткани была известна еще далеким предкам обских угров [подробнее см.: Лукина, 1985б. С. 152—154; Федорова Е.Г., 1994в. С. 108—110]. Как известно, у южных групп обских угров до начала XX в. сохранилось ткачество. Конструкция ткацкого станка, покрой холщовой одежды, весь облик костюма обнаруживают значительное сходство с финно-уграми Среднего Поволжья, что позволяет говорить о наличии общих традиций, восходящих к глубокой древности. Платки (куски ткани) были обязательной деталью костюмов богов, выступающих на медвежьем празднике. Но названия ткани у хантов и манси различны, причем некоторые термины обнаруживают параллели с названиями тканей у ряда среднеазиатских народов, как например, мансийское *тор* [см.: Федорова Е.Г., 1994в. С. 189—190].

Таким образом, по этнографическим данным, ханты и манси шили одежду как из местных, так и из привозных материалов (в ряде случаев выменивался не материал, как например, оленья шкура, а готовые вещи). К концу XIX в. практически повсеместно бытовала одежда из ткани, причем не только летняя. Предполагается, что на ее основе сформировалась нижняя одежда [Кодолани, 1985. С. 88]. Материал для зимней одежды обеспечивался хозяйственными занятиями, причем не только основными (охотой), но и подсобными (животноводством). Достаточно рано, во всяком случае, с XVII в., в быт обских угров вошла одежда, поставляемая русскими. К концу XIX в. покупная одежда, особенно мужская, получила уже значительное распространение.

У всех групп обских угров наблюдаются одни и те же элементы одежды. Мужской костюм состоит из штанов, рубахи, верхней плечевой одежды, обуви, пояса, рукавиц, головного убора. В женском костюме штаны чаще всего заменяются поясом-повязкой.

По одежде, известной в этнографической действительности, обские угры делятся на три большие группы. Условно их можно назвать южной, северной и восточной. Каждая из этих групп характеризуется наличием локальных вариантов как костюма в целом, так и отдельных его элементов, выявляются и общие черты в одежде всех трех групп. Рассмотрим каждую из них подробнее (поскольку сейчас в этнографической литературе имеются детальные описания всех элементов одежды хантов и манси, здесь они приводиться не будут).

К первой группе можно отнести хантов Иртыша, Демьянки, Салыма, нижнего и среднего течения Конды, Оби в районе впадения в нее Иртыша, а также манси средней Конды. Видимо, к этой же группе относились манси (вогулы) Тавды, низовьев Пельма и Лозьвы, одежда которых реконструируется по литературным источникам.

Основная особенность одежды этой группы состоит в том, что для ее шитья широко использовался домотканый крапивный, льняной и конопляный холст. Из него шили мужскую одежду — штаны и рубахи (преимущественно, косоворотки, но известны и туникообразные), а также женскую — туникообразные рубахи, халаты, платки и косынки. Вторая особенность одежды данной группы — отсутствие предметов глухого покроя среди верхней плечевой одежды, причем не только женской, но и мужской (за исключением дорожной, видимо, привозной). Наконец, третья особенность — применение для украшения холщовой одежды вышивки шерстяными нитками, ряд мотивов которой связан с узорами на андронидной керамике. Кроме того, для одежды этой группы характерны использование овчины и птичьих шкурок, бытование одного из видов суконного кафтана и богатый набор бисерных украшений.

Ко второй группе относятся ханты Нижней Оби (приблизительно от устья р. Казым вниз по Оби) и ее притоков в этой части, а также манси Северной Сосьвы с притоками, верховьев Лозьвы, Пельма и Конды. Основные особенности костюма этой группы — широкое применение оленьего меха, наличие мужской одежды глухого покроя с капюшоном и заимствованной от ненцев камусной обуви. Кроме того, для одежды этой группы было характерно использование шкурок пушных зверей (белки, зайца),

сукна, хлопчатобумажной ткани. Обувь шили из шкур лося, оленя, ровдуги, сукна, покупной кожи. Материал украшений, как съёмных, так и нашивавшихся на одежду, — металл, бисер, бусы. Для украшения одежды также широко применялась меховая мозаика.

Отдельные элементы костюма могли различаться по покрою. Так, зафиксированы мужские штаны двух типов: первый — типа натазников, бытовавший и у манси, и у хантов; второй — штаны, состоящие из двух прямых, перегнутых по вертикали полотнищ с двумя большими клиньями между ними [Прыткова, 1953. С. 145]. По источникам, такие штаны были известны хантам. Возможно, они бытовали и у манси, но утверждать это не позволяет отсутствие материалов. Нужно добавить, что штаны такого покроя в прошлом носили и ханты первой группы.

Мужские рубахи шили из бумажных тканей. Выявляется два их типа: 1) с поликами и станом из четырех полотнищ, прямым разрезом спереди и рукавами, заканчивающимися манжетами (манжеты, ластовицы, полики, а также отложной воротник обычно шили из сукна); 2) широкие рубахи на кокетке, вероятно, появившиеся довольно поздно. В музейных коллекциях, собранных у манси, известны только рубахи второго типа, бытование других реконструируется по литературным источникам.

Верхняя плечевая одежда (малица, парка, меховой и суконный гуси) классифицируется не только по материалу, который выбирался в соответствии с сезоном и назначением одежды, но и по особенностям покроя (количеству шкур, приходящихся на стан, наличию или отсутствию пришивных рукавиц, покрою капюшона). Но есть признак, который, с одной стороны, объединяет глухую одежду из разных материалов, с другой — разделяет группу меховых предметов на две. Этот признак — способ выкраивания капюшона. У парки, мехового и суконного гуся, лузана (мансийская охотничья накидка, у хантов имевшая ограниченное распространение и значительно отличавшаяся по покрою [Симченко, 1976. С. 175]) его затылочная часть кроилась вместе с верхней частью спинки, у малицы же капюшон выкраивался отдельно. Данная — особенность очень важна, поскольку является свидетельством разного происхождения близких, на первый взгляд, предметов одежды (см. ниже).

Рассматриваемую группу отличает также разнообразие типов обуви: башмаковидная с голенищами или без них, поршневидная высокая обувь, обувь из узких полос камуса с союзками между ними и подошвой. Различия между хантыйскими и мансийскими экземплярами обуви заключались в том, что для хантов больше характерна башмаковидная обувь с высокими голенищами, у манси

поршневидная и сшитая из полос камуса обувь имела косой срез верха голенища. У хантов же такая особенность была характерна для заимствованной от ненцев камусной обуви, у ровдужной верх голенища был прямым или же скос выражался очень слабо. Кроме того, обувь этих двух типов у хантов украшалась орнаментом (на ровдужную его наносили краской, меховую орнаментировали в технике мозаики), у манси известны только единичные экземпляры узорчатой камусной обуви.

Локальные и этнические различия проявляются также в женской одежде рассматриваемой группы. Так, по некоторым данным, у хантов бытовали штаны типа натазников, которые шили из ровдуги или ткани. Различия в нижней плечевой одежде были те же, что и у мужчин. Отмечено также несколько вариантов покроя межсезонной верхней плечевой одежды, обусловленной, скорее, возможностями материала (ширина сукна) у манси, у хантов же основные ее детали и надставки подола и полок делались из контрастных сукон. Нужно отметить еще одну характерную деталь женского костюма хантов этой группы: обязательной составляющей был халат из бумажной ткани, надеваемый при выходе из дома. Но недостаточность материала не дает возможности определить, была ли эта черта характерна для всех хантов этой группы, или же только для тех, что жили непосредственно на Оби. Халат обязателен! для обских и нижнесосьвинских манси.

Третья группа — это восточные ханты, населявшие левые и правые притоки Оби в ее среднем течении (Большой и Малый Юган, Васюган, Пим, Аган с Тромъеганом, Вах). Одежда этой группы отличается следующими особенностями: использование для шитья зимней одежды шкурки пушных зверей, одинаковый (распашной) покрой мужской и женской верхней плечевой одежды, запахивание правой полы на левую, что отражено также в топографии украшений, больше подчеркивающих именно правую полу, обязательное подпоясывание одежды очень длинным мягким поясом. Под влиянием северных соседей (северных хантов и ненцев) у этой группы хантов появилась одежда глухого покроя из оленьего меха и женские шубы из того же материала (у правобережных групп).

При всех различиях составляющие костюма, как говорилось, у всех трех групп были одинаковы. Исключение, пожалуй, составляют только женские штаны: в источниках данные по поводу их бытования совершенно противоположные — от полного отсутствия их в костюме до описания покроя. Нужно сказать, что сбор сведений относительно этой детали одежды всегда представлял

собой определенные трудности, поскольку говорить о нижней поясной одежде женщин и показывать ее посторонним было не принято. Это может служить одной из причин возникновения разногласий по поводу бытования женских штанов у хантов и манси. Что же касается распространения всех остальных деталей одежды, то следует отметить, что говорить нужно о большей или меньшей степени этого распространения. Например, для обских угров второй из обозначенных здесь групп не было характерным ношение мужчинами зимних головных уборов, но они все же фиксируются, хотя и как заимствованные. Каким-то группам было присуще больше ношение верхней плечевой одежды с рукавицами, пришитыми к концам рукавов, у других же рукавицы являлись чаще отдельным элементом костюма и т.д.

Названные здесь группы не занимают центральной части обско-угорского ареала, хотя их нельзя отнести и к строго периферийным. В центральной же части сосредоточено население, одежда которого представляет собой сочетание элементов костюма всех групп. Это население — преимущественно ханты, а также небольшая часть манси, проживавшие непосредственно по берегам Оби в ее среднем течении и в низовьях приблизительно до современного Березовского и Белоярского районов Тюменской области. Именно здесь наиболее ярко проявляется сочетание как видов материалов для одежды, так и покроя отдельных ее деталей, характеризующих главным образом первую и вторую группы, что подтверждает факт продвижения обских угров с Иртыша на Обь, а затем от устья Иртыша вверх, но в основном, вниз по ее течению с заходом в низовья крупных притоков. В то же время распространение отдельных элементов одежды происходило и со стороны верховьев притоков — территорий, где нередко обские угры контактировали с иноэтническим населением. Кроме того, продвижение манси и хантов в бассейны крупных притоков Оби также зачастую шло со стороны их верховьев. Видимо, такое направление миграций характерно для любого населения, независимо от его этнической принадлежности: в глубокой древности для освоения человеком наиболее подходящими были верховья рек, затем, в силу ряда причин, оказался необходимым и возможным выход на крупные реки с проникновением в низовья их притоков. Этот процесс периодически повторялся, что было обусловлено различного рода историческими событиями, происходившими уже за пределами территории таежной зоны Западной Сибири, но сказанное хорошо подтверждается этнографическими материалами. Среди них в данном случае на одно из первых мест можно поставить одежду, в которой, пожалуй,

оказались наиболее стойко закрепленными этнические традиции. В то же время одежда, несомненно, приспособлялась к условиям окружающей среды и производственной деятельности человека в новой для него обстановке. Таким образом, национальный костюм обских угров в этнографической действительности сформировался в результате сложных и длительных процессов, на которых отразились самые разнообразные факторы, оказывавшие влияние на различных этапах. К числу основополагающих факторов следует относить природно-климатические условия и хозяйственные занятия населения. Они играли важную роль не только в процессе становления отдельных элементов костюма, но и в дальнейшем, при усовершенствовании одежды, когда она представляла собой уже вполне сложившееся явление конкретной этнической культуры.

Довольно долго существовало мнение, что в условиях Севера могла сформироваться только одежда глухого покроя. В процессе изучения одежды оно стало пересматриваться и сейчас не считается бесспорным [см., например: Симченко, 1976. С.182]. Как показывают этнографические данные, и глухая, и распашная одежда известна народам, живущим в разных климатических зонах, но шьется она из соответствующих конкретным условиям материалов. В принципе, оба эти типа могли развиваться на базе общей основы, а их конкретные варианты были обусловлены природно-хозяйственной спецификой.

Одна из основ для плечевой одежды — накинута на плечи шкура животного. Ее следы обнаруживаются в нескольких видах одежды обских угров, а наиболее ярко — в парке, где не только затылочная часть капюшона составляет одно целое со спинкой, но и оставлены уши оленя, которые, наряду с отмеченными ярким сукном отверстиями глаз (они зашивались), составляют украшение капюшона парки. Для того, чтобы получить из накинута на плечи шкуры одежду глухого покроя, к ней надо было добавить куски шкуры, закрывающие перед, бока, а также руки. Пример же эвенкийского кафтана-фрака показывает, как на этой же базе могла сформироваться одежда распашного покроя.

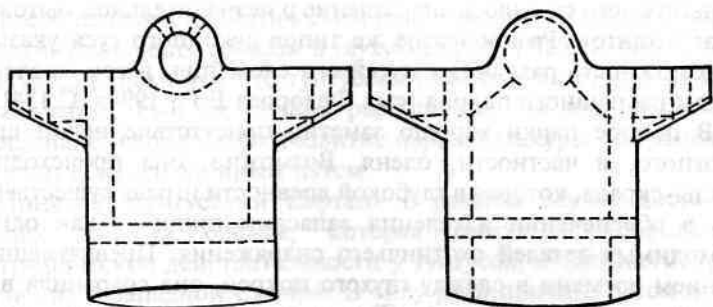
Другая линия развития одежды может идти от куска шкуры (ровдуги, ткани), в котором прорезалось отверстие для головы. Первоначально это была одежда глухого покроя, в распашную она превращалась, когда спереди делали разрез от горловины. Дальнейшее ее развитие шло по пути присоединения рукавов и боковых полотнищ. Этим путем формировалась туникообразная одежда.

Наконец, за основу могли быть взяты два куска шкуры, закрывающие перед и спину и скрепленные на плечах. В процессе формирования на этой основе одежда приобретала боковые и плечевые швы и рукава. В случае необходимости, могли пришиваться дополнительные детали, закрывающие бока. Этот принцип хорошо прослеживается в одежде северных самодийцев (малица на кокетке, женская суконная одежда) — как в глухом, так и в распашном вариантах, выполненных из разных материалов.

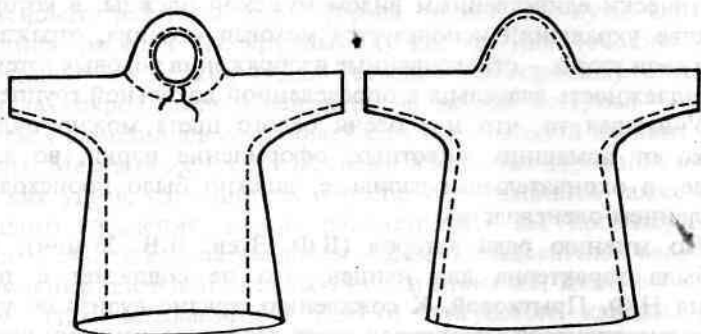
Одежда глухого покроя (рис. 41) обских угров делится на три принципиально различающиеся группы, формирование которых шло по трем рассмотренным здесь линиям. Как отмечалось выше, глухая одежда бытовала преимущественно у северных групп. В связи с этим в свое время встал вопрос о том, является ли эта одежда заимствованием от ненцев как составляющая культуры оленеводов тундры или же в ее формировании принимали участие и предки обских угров? Этот вопрос, несмотря на сделанные за последние десятилетия разработки, вряд ли можно назвать решенным, прежде всего потому, что он упирается в проблему происхождения обско-угорского оленеводства. Кроме того здесь имеется еще один важный момент — время проникновения обских угров на север таежной зоны. Следует также отметить, что обозначенные выше три линии развития одежды совсем не обязательно должны быть связаны друг с другом. Рассмотрим каждую из них.

Первая линия, давшая в этнографической действительности парку и гусь (совик), насколько можно судить по имеющимся материалам, географически привязана к низовьям Оби, территории Полярного и Приполярного Зауралья, западносибирским тундрам и п-ву Ямал. Такое широкое распространение получил один из вариантов гуся (по классификации Н.Ф. Прытковой, первого типа), наиболее близкий по покрою к парке [Прыткова, 1970. С.14]. Нужно заметить, что известные экземпляры этой одежды, как первого, так и второго типов, больше тяготеют в меховом варианте к меховой и суконной одежде северных самодийцев, отличающейся большим количеством деталей. Сходство с паркой же обнаруживает суконный гусь. Таким образом, меховой гусь (совик) может быть исключен из рассматриваемого ряда, в котором остаются меховая парка и выкраиваемый по тому же принципу суконный гусь.

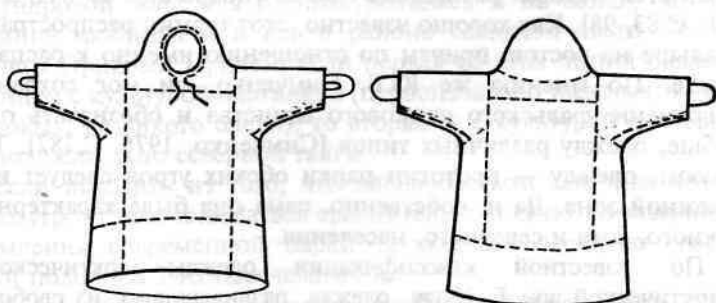
Эти два вида одежды лучше представлены в мансийских материалах [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.129—134]. Кстати, и само слово «парка», по одному из существующих мнений, происходит из мансийского языка [Прыткова, 1970. С.14]. В то же время нельзя исключать и простое отсутствие материалов, в

a

б

в

Рис. 41. Одежда глухого покроя:
a — парка; *б* — суконный гусь; *в* — малица.

результате чего создается впечатление о незначительном бытовании парки у хантов. Разнообразие же типов суконного гуся указывает на возможность различных путей его сложения, в том числе и из одежды распашного покроя [см.: Федорова Е.Г., 1994в. С. 134].

В покрое парки хорошо заметно присутствие целой шкуры животного, в частности, оленя. Возможно, она происходит от одежды-скрада, которая в глубокой древности играла существенную роль в обеспечении населения запасами пищи — как одна из необходимых деталей охотничьего снаряжения. Превратившись с течением времени в одежду глухого покроя, она сохранила в себе определенную сакральность. Так, у манси парку шили из меха белого цвета — цвета Верхнего мира и приносимых его божествам жертв, в том числе и животных. Кроме того, парка является практически единственным видом мужской одежды, в котором в качестве украшений используется меховая мозаика, отражающая через свои узоры — стилизованные изображения родовых тотемов — принадлежность владельца к определенной локальной группе.

Учитывая то, что мех оленя белого цвета можно получить только от домашних животных, оформление парки, во всяком случае, в окончательном варианте, должно было происходить с появлением оленеводства.

По мнению ряда авторов (В.Ф. Зуев, Л.В. Хомич), парка не была характерна для ненцев, что не совпадает с точкой зрения Н.Ф. Прытковой. К сожалению, трудно судить об уровне репрезентативности материалов этого автора по данному вопросу. Что же касается термина, то он представлен как в угорских, так и в самодийских (в том числе и южных) языках. У селькупов паркой называется меховая распашная одежда [подробнее см.: Прыткова, 1970. С.83, 98]. Как хорошо известно, этот термин распространился и дальше на восток, причем по отношению именно к распашной одежде. По мнению же Ю.Б. Симченко, он мог сохраниться со времени уральского языкового единства и обозначать одежду вообще, одежду различных типов [Симченко, 1976. С. 182]. Таким образом, одежду — прототип парки обских угров следует искать в таежной зоне. Да и, собственно, сама она была характерна для таежного, хотя и северного, населения.

По известной классификации одежды арктической и субарктической зон Г. Хатга, одежда, развивавшаяся из свободного плаща (первоначально простой оленьей шкуры), относится ко второй группе. Она имеет непосредственное воплощение в тунгусском кафтане, который затем, уже у северных самодийцев, будучи не

приспособленным к климатическим условиям, утратил разрез спереди, превратившись таким образом в глухую одежду [Hatt, 1934. P.2756].

Нужно напомнить, что тунгусский кафтан, в отличие от парки обских угров, был не только распашным, но еще и не имел капюшона. Следовательно, развитие парки из шкуры, наброшенной на плечи, шло все же иным путем.

Понятие «тунгусский кафтан» в данном случае достаточно условно: это та одежда, которая была зафиксирована в этнографической действительности у тунгусов, в частности, групп, обитавших в Западной Сибири. В силу ряда причин, рассмотрение которых не является целью данной работы, тунгусы сохранили реликтовый вариант одной из самых древних форм одежды, сложившейся на базе шкуры, накинутой на плечи. Западная линия дальнейшего развития этой формы пошла по пути сложения принципа раскроя из крупных* кусков шкуры (обские угры), восточная — из мелких кусков (северные самодийцы). Затем эти два вида покроя были перенесены на другой материал — сукно. Причем у самодийцев сохранился еще и распашной вариант такой одежды. меховой же гусь, известный в качестве дорожной одежды у обских угров, самодийцев, и распространившийся также среди пришлого населения, можно рассматривать как промежуточный вариант. Учитывая отмечавшееся рядом исследователей сходство в оформлении плечевой одежды энцев и нганасан, женской одежды ненцев (так называемый I тип) и тунгусского кафтана-фрака [Василевич, 1958. С.140; Прыткова, 1970. С.32, 51; Грачева, 1983. С.43], можно предположить, что первоначальной была восточная линия развития одежды на базе шкуры, накинутой на плечи. По тундровой зоне она распространилась и на запад, западная же линия вклинилась в нее в районе северной части Урала и Нижнего Приобья. Причем, если первая из этих линий оказалась связанной с культурой охотников (первоначально таежных, затем — тундровых, на дикого оленя), то вторая — с культурой оленеводов предположительно северной тайги.

Если исходить из того, что оленеводством северные группы обских угров стали заниматься сравнительно поздно, то завершение оформления современной парки произошло, вероятно, уже во второй половине 2-го тысячелетия н.э.

Следующая линия развития плечевой одежды дала детали костюма туникообразного покроя (без швов на плечах). Видимо, наиболее древним их вариантом является наплечник из куска шкуры с вырезанным в нем отверстием для головы. Он оказался прототипом до сих пор бытующей у манси охотничьей

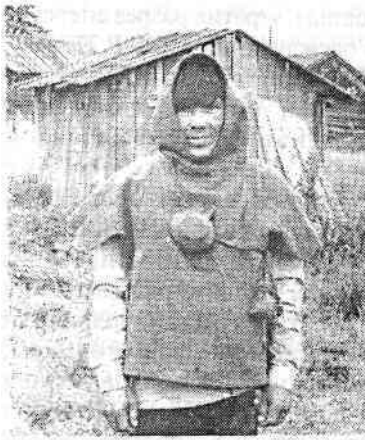

Рис. 42. Охотничья накидка — лузан. Манси. Среднее течение Северной Сосьвы.
Фото автора (МАЭ, И-2157-133).

накидки-лузана (рис.42), название которой предположительно восходит к языку палеосибирского населения [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.136—141]. По мнению практически всех исследователей, лузан является наиболее древним типом одежды населения таежной зоны. Известные же по материалам XX в. варианты его покроя зафиксированы у северных хантов, для которых, насколько можно судить, лузан в целом не был характерен. Те экземпляры, которые рассмотрены в работе Ю.Б. Симченко [1976. С.175], имеют иной покрой, связанный с третьей линией развития обско-угорской одежды (см. ниже).*

Лучше всего туникообразный покрой представлен в одежде южных групп обских угров, которые вплоть до начала XX в. занимались ткачеством. Этот покрой зафиксирован именно в одежде из тканей.

Анализ археологических материалов показал, что с ткачеством было знакомо уже население эпохи бронзы, обитавшее в южной части обско-угорского ареала, включая и территории, занимаемые позднее левобережными восточными хантами [см.: Глушкова, 1993. С.8, 10—16]. Для получения пряжи использовали шерсть и растительное сырье. Наличие шерсти обеспечивало занятие скотоводством, характерное, во всяком случае для части этого региона, уже с эпохи бронзы, о чем говорилось в первой главе. Вероятно, в дальнейшем, с появлением большого количества привозных тканей, сукна, готовой верхней одежды, необходимость в самодельных шерстяных тканях отпала. Что же касается растительного сырья, то оно применялось еще и в этнографической действительности: из крапивных ниток ткали холст до конца XIX—начала XX в. И даже во второй половине XX в. они использовались для изготовления сетей.

* У восточных хантов также фиксируется охотничья безрукавка [Sirelius, 1983. Abb. 56, 57], но она принципиально отличается от лузана и представляет собой сак без рукавов.

Анализ покроя холщовой одежды обских угров показал, что она включается в большой ареал, охватывающий огромную территорию от Среднего Поволжья до Центральной Азии и Индии, где проживают народы различной лингвистической принадлежности, являющиеся, кроме того, и представителями различных хозяйственно-культурных типов [подробнее см.: Гаген-Торн, 1960. С.12, 25, 31–32, 223–226; Жаанко, 1971. С.169–173; Лукина, 1985б. С.163–166; Федорова Е.Г., 1994в. С.166–169]. В Передней Азии, судя по древнеегипетским источникам, распространение туникообразной одежды (рубаша) происходило в результате влияния митаннийцев [Богословская, 1995. С.111], государство которых существовало в Северной Месопотамии в середине 2-го тысячелетия до н.э. В состав его населения уходил и какой-то индоиранский элемент. Несмотря на все существующие особенности, выявляющиеся при сопоставлении туникообразной одежды, хорошо просматривается ее первооснова: общие покрой и топография украшений.

Если рассматривать распространение туникообразной одежды на фоне изысканий археологов относительно перемещений носителей различных культур и этнолингвистических общностей, больше всего оснований оказывается для привязки ее к индоиранским народам^ качестве же распространителей этой одежды позднее могли выступать еще и тюрки.

Происхождение туникообразной одежды обскихугров связано, скорее всего, с тем, что в состав их предков входили носители андроионных культур Южного Зауралья. В пользу этого предположения говорит и сходство в орнаменте на андроионной керамике и вышитой одежде конца XIX—начала XX в. [см., например: Рындина, 1995. С.338, 378–379].

У хантов и манси основной деталью костюма, имеющей туникообразный покрой, была женская рубаша с узким центральным полотнищем, пришитым к нему боковинами и так называемыми

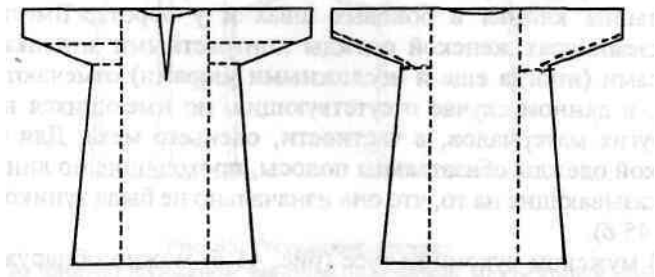

Рис. 43. Туникообразная рубаша.

входящими рукавами (рис. 43). (Этот тип туникообразной одежды дает использование одного из трех приемов раскроя [подробнее см.: Гаген-Торн, 1960. С.65], притом, что домашняя ткань всегда одинаковой ширины, соответствующей ширине берда, которое делается приблизительно по ширине грудной клетки.) На ее базе, как было отмечено еще Н.Ф. Прытковой [1953. С.174], в результате удлинения нагрудного разреза до края подола, сформировался халат. Позднее, в связи с распространением привозных хлопчатобумажных тканей, холщовые халаты были заменены на сшитые из новых материалов (рис. 44, 45 а). Этот процесс хорошо прослеживается на данных по обским группам хантов и манси XX в. [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С. 181—183].

Рис. 44. Женщина в халате. Манси низовьев Северной Сосьвы. Фотоавтора (МАЭ > И-2137, ^)

Туникообразный покрой присутствует еще в некоторых видах одежды обских угров. Это женская и мужская рубахи из покупных тканей, с воротником, манжетами и ластовицами из контрастных материалов, уже в XX в. превратившиеся в платье и рубаху на кокетке [Лукина, 1985б. С. 163] (рис.46, 47), а также женская межсезонная одежда из сукна и суконный гусь. В основе двух последних видов одежды могут лежать принципиально иные линии развития. Появление же туникообразности связано с использованием новых материалов, главным образом сукна. Оно достаточно широкое, что позволяет выкраивать одежду полностью из одного куска. Требуется, как правило, лишь надставки по концам рукавов и небольшие клинья в боковых швах и у ворота. Вместе с тем, на экземплярах женской одежды контрастными аппликативными полосами (иногда еще и несложными узорами) отмечаются линии швов, в данном случае отсутствующих, но имеющих на одежде из других материалов, в частности, оленьего меха. Для суконной женской одежды обязательны полосы, проходящие по линии плеча, т.е. указывающие на то, что она изначально не была туникообразной (рис. 45 б).

В мужском суконном гусе (рис. 41 б) можно обнаружить присутствие как первой, так и второй и третьей линий развития

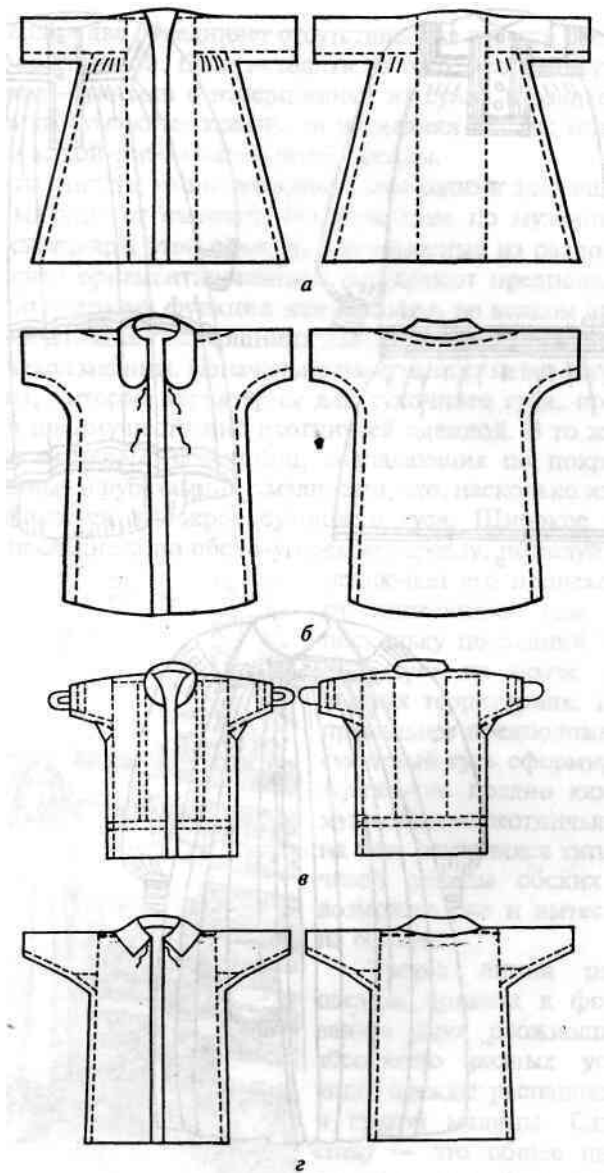

Рис. 45. Распашная одежда:

о — халат из хлопчатобумажной ткани; 5 — женская межсезонная одежда из сукна; в — шуба из оленьего меха; г — сак восточных хантов.

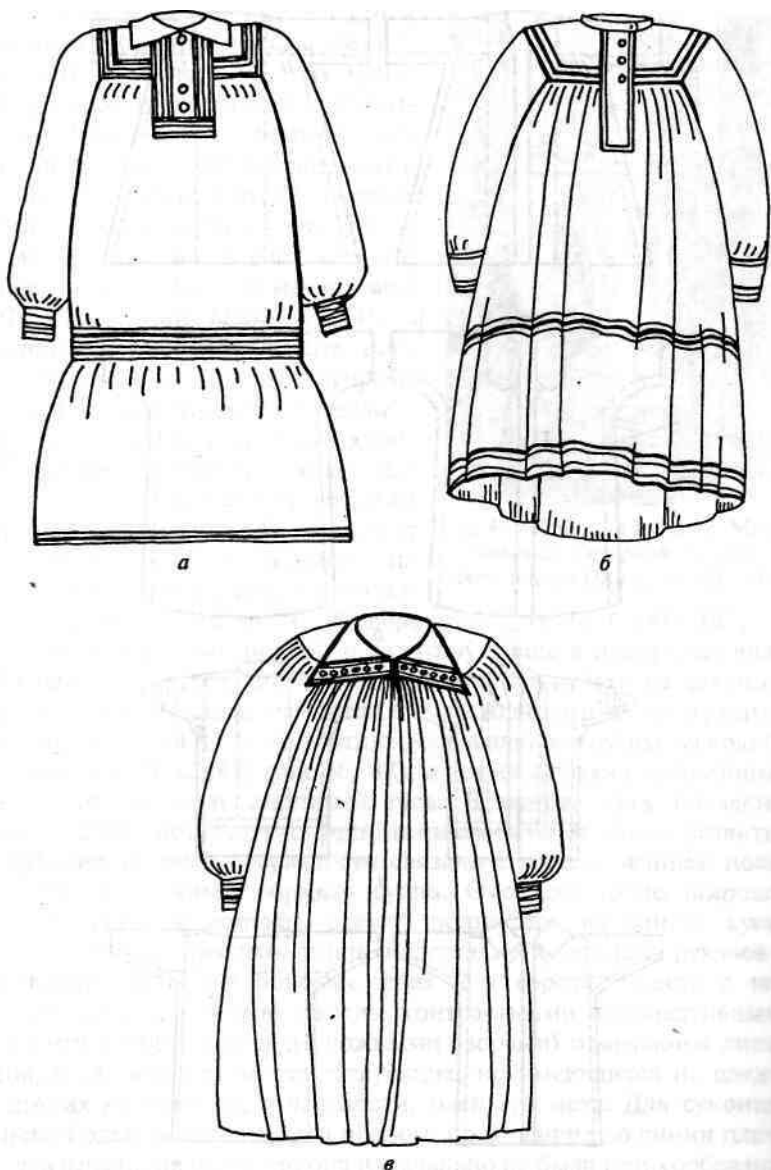

Рис. 46. Платья обских угров XX в.

а — северные ханты и обские манси; *б* — северные манси; *в* — восточные ханты.

одежды. Первые две объединяет отсутствие шва в месте соединения капюшона со спинкой. Если исходить из того, что меховую одежду — малицу — носили с наверхницей из сукна (позднее ему на смену пришли бумажные ткани), то последняя вполне могла быть прототипом какой-либо облегченной одежды.

Принято считать, что наверхница необходима для защиты поверхности малицы от сырости. Но известные по музейным коллекциям экземпляры этой одежды, выполненные из разноцветных сукон и богато орнаментированные, заставляют предполагать наличие какой-то другой функции наверхницы, во всяком случае на начало XX в. Позднее наверхница действительно превращается в защитный чехол малицы. Изначально наверхница не имела рукавиц и капюшона, которые характерны для суконного гуся, поскольку он является преимущественно охотничьей одеждой. В то же время известны экземпляры наверхниц, совпадающих по покрою и с туникообразными рубашками, и с малицами, что, насколько известно, не обнаруживается в покрое суконного гуся. Широкое распространение последнего по обско-угорскому ареалу, пожалуй, все же

Рис. 47. Женщина в летней одежде.
Манси. Верховья Лялина.
Фото автора (МАЭ, И-2067-237).

исключает его происхождение от наплечника или лузана, поскольку последний бытовал и бытует на более ограниченных территориях. Видимо, правильнее предположить, что суконный гусь сформировался достаточно поздно как преимущественно охотничья одежда на базе имевшихся типов плечевой одежды обских угров, возможно уже и вытесняемой из обихода.

Третья линия развития одежды привела к формированию двух сложившихся в абсолютно разных условиях видов одежды: распашного сака и глухой малицы. Сак (*сох, сохи*) — это общее название для распашной мужской и женской одежды обских угров, выполненной из различных материалов (рис. 45)– В

Рис. 48. Женщина в шубе из оленьего меха Манси. Верховья Фото автора (МАЭ, и-2067-243).

TM
 as Γ s? — li — , m
 s ;;
 ;,K ., , ^ №*: "%

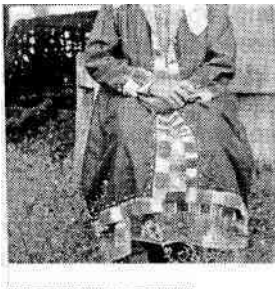

Рис. 49. Женщина в саке. Ханты, о. Васюган.

Фото И. М^{TM53} 'МА'⁹ элементов костюма обских угров, название которого встречается у всех групп. Как правило, к нему добавляется название материала из которого сделана одежда. Но этот термин получил более широкое распространение [см., например: Сухарева, 1979. С.80].

рассматриваемый здесь ряд по названию включаются шубы из оленьего меха (рис. 45 в, 48) (правда, Н.Ф. Прыткова считала, что они относятся к тому же типу, что и туникообразная одежда, а швы на плечах появились в связи с тем, что мех не дает возможности для иного раскроя [Прыткова, 1961а. С.237]), шкурок птиц и пушных зверей, овчины, которые носили женщины у различных групп обских угров и мужчины у восточных хантов, а также суконная или хлопчатобумажная одежда восточных хантов (мужская и женская) (рис. 45 г, 49).

Характерными признаками этой одежды является то, что спинка состояла из одного прямоугольного куска материала, полки — либо из прямоугольных, либо из расширяющихся в нижней части и, как правило, дополненных боковыми клиньями, заходящими иногда (в зависимости от материала, из которого выполнена одежда), на перед или на спину.

В качестве мужской одежды сак известен восточным хантам и части северных манси (верховья Лозьвы и Пельма). Важным признаком, объединяющим восточных хантов и манси в плане рассматриваемого варианта одежды, является наличие глубокого запаха: правая пола далеко заходит на левую. Одежда же обязательно под-

Рис. 50. Охотничий сак.
Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И-2167-154).

Общее название,* а также повсеместное бытование данной одежды, хотя и в разных вариантах, позволяют отнести ее к числу наиболее древних элементов обско-угорского костюма, локальные особенности которого формировались уже после расселения предков хантов и манси по тайге. На этот процесс оказывали влияние различные народы. В частности, благодаря древним тюркам мог получить свои отличия сак восточных хантов: древние тюрки носили длинные халаты, запахивающиеся налево, а вдоль верхней (правой) полы нашивалась широкая полоса из ткани другого цвета [Вайнштейн, Крюков, 1966. С.186]. Эти черты сохранились у восточных хантов до конца XX в.

Внедрение оленеводства под влиянием ненцев заставило поменять материал распашной одежды (в данном случае женской) у северных групп обских угров: ее стали шить из оленьего меха, в то время как у других групп, где оленеводство не практиковалось либо находилось на начальной стадии развития, как, например,

* По мнению Н.Ф. Прытковой [1953. С.229), оно происходит от хантыйского *сэх, sОх, sux* — «шкура», хотя другие исследователи отрицают возможность такой связи. Нужно добавить, что в мансийском языке шкура (и кожа, ровдуга) также называется *сов*.

у юганских хантов, распашную одежду шили из пушнины или птичьих шкур, а там, где разводили рогатый скот, — из овчины и шкур коровы.

Летние варианты распашной одежды одинарные, зимние же всегда двойные. Как правило, мех или птичьи шкурки идут на подклад, верх же делается из какой-либо ткани (за исключением шуб северных групп хантов и манси, где все детали шьются из оленьего меха). Ткань поверх подклада из непрочного материала делала одежду более ноской. Но нельзя не отметить того, что у всех групп, где фиксируется подобная одежда, и поверх платья женщины носили халат (кстати, на Оби халат натягивали на шубу, скомбинированную из шкур лебеда и овчины).

Пожалуй, к числу наиболее заметных признаков, по которым различалась распашная одежда разных групп хантов и манси, следует отнести запах (у восточных хантов, как было сказано, он был глубоким, в то время как у других групп полы распашной одежды соединялись встык, она не подпоясывалась) и украшения: для восточных хантов характерны ажурные бисерные полосы вдоль правой полы и над подолом, аппликативные полосы, опушка из меха выдры, для северных групп обских угров — мозаика в меховых вариантах одежды и аппликация в матерчатых. Почему у той или иной группы возникло такое предпочтение, в настоящее время объяснить сложно. Все указанные материалы и виды техники были известны повсеместно.

Второй вид одежды, который в основе своей имел две шкуры, соединенные на плечах, — это малица (рис. 41 *в*). Она получила более ограниченное распространение, ее носили мужчины северных групп обских угров, причем только тех, что занимались оленеводством, а также у правобережных восточных хантов. Иногда путем обмена эта одежда поступала и к другим группам обских угров.

По устоявшемуся мнению, малица проникла к хантам и манси от ненцев, вместе с комплексом предметов, связанных с оленеводством. В то же время, малицу, как и вообще одежду глухого покроя, не считают исконно ненецкой [см., например: Хомич, 1976. С.84—89; 1986. С.101], хотя она и явно связана с культурой тундрового населения. (Как известно, у жителей тайги, за исключением северных групп обских угров и части восточных хантов, одежда была распашной.) Кроме того, известный манси и хантам тип малицы не является особо архаичным (наиболее древний — без капюшона, с воротником) [Там же. С.87].

По мнению исследователей, в формировании глухой одежды вообще ведущая роль принадлежит аборигенному, досамодийскому,

населению тундры, хотя Н.Ф. Прыткова в одной из своих последних работ в число народов, которые могли принимать участие в ее сложении, помимо древних арктических аборигенов и самодийцев, включает еще и угров [Прыткова, 1970. С.94]. Дальнейшие исследования добавили аргументов в пользу участия в этом процессе угров [см.: Лукина, 1985б. С.187-192; Федорова Е.Г., 1994в. С.125-128, 131; Fedorova, 1992. P.71—73]. Но в данном случае речь идет о хорошо известных по этнографическим материалам видах одежды. В то же время существует предположение, согласно которому глухая одежда могла возникнуть в верхнем палеолите Прибайкалья, а затем проникнуть оттуда к древним уральцам вместе с продвинувшимся в конце палеолита населением [Чернецов, 1941. С.4—5]. Уральцы же, поскольку они проживали в более теплом климате, такую одежду сами изобрести не могли [Там же. С.5]. С этим вряд ли можно согласиться, поскольку одежда-скр«д явно имеет полицентрическое происхождение, как и наплечник из шкуры или одежда, в основе которой лежат два соединенных на плечах куска какого-либо материала, чаще тоже шкуры. Таким образом, формирование глухой одежды вполне могло происходить и в среде древнего уральского населения, как в таежной, так и в тундровой зонах.

С какой-либо конкретной этнической средой связывать процесс формирования глухой одежды сложно: начать его могли одни этносы, а завершить другие. Несомненно, на последней стадии этого процесса большую роль сыграло оленеводство, обеспечивавшее население материалом для шитья одежды, а, кроме того, и обусловившее саму необходимость существования именно такой одежды, которая требовалась при содержании оленей в тундре и лесотундре, а также северной тайге. Нужно еще раз подчеркнуть, что для тех групп обских угров, которые не практиковали оленеводство или же, как юганские ханты, находились на одной из начальных стадий его освоения, глухая одежда не была характерна. Нельзя исключать и существование связи между наличием глухой одежды и развитой охоты на крупных копытных. Относительно обских угров можно сказать, что такая связь существовала не везде. Достаточно очевидна она у северных манси, у которых, по сравнению с другими группами обских угров, получила большое распространение парка, а на территориях, занимаемых манси, издавна существовала охота на крупных копытных. Можно предположить, что когда-то для этого использовался скрад в виде шкуры, наброшенной на плечи. Причем изначально это не было связано обязательно с районами Северного и Приполярного Урала, как в этнографической действительности, процесс формирования одежды типа парки мог происходить и в

более южных районах, например, в Среднем Зауралье. Позднее, с переселением предков манси на север, где они стали заниматься оленеводством, парка приобретает близкие к современным признаки (на ее изготовление идет белый мех, она обязательно украшается мозаичным орнаментом) и превращается не просто в праздничную мужскую одежду, а становится в определенном смысле символом мансийской культуры. То же можно сказать и о женской шубе, которая к концу XX в. приобрела те же черты и стала восприниматься как праздничная одежда.

Не менее сложен вопрос о происхождении распашной одежды обских угров. Принято считать, что она оказалась в таежной зоне вместе с населением, пришедшим из более южных районов. Существует также точка зрения, согласно которой она издавна бытовала наряду с глухой одеждой и в северных областях [Симченко, 1976. С. 182]. Свидетельством наличия распашной одежды у древнего населения таежной зоны считают и некоторые элементы культа медведя, относительно местного происхождения которого сомнений не существует [Соколова, 1980. С. 104] (в данном случае речь идет о способе снятия шкуры с убитого медведя, когда ее разрезают по животу вдоль, положив предварительно несколько палочек, имитирующих завязки, поперек разреза).

Распашную одежду, так же как и наличие разрезов на одежде, принято связывать с кочевым населением. Именно разрезы обеспечивали ту свободу движений, которая была необходима при езде верхом. Таким образом, один из типов распашной одежды, — сак — скорее всего, оказался у обских угров благодаря наличию в их составе кочевнического компонента. Определение его этнической принадлежности достаточно сложно. Кочевниками принято считать древних угров, кочевниками же были восточноиранские сако-сарматские степные племена, влияние которых на культуру южнотаежного населения не вызывает сомнения. Наконец, элементы кочевничества были привнесены в культуру таежных охотников и рыболовов еще и тюркоязычным населением. Какие-то типы распашной одежды вполне могли оказаться среди артефактов, происхождение которых для обских угров связано с тюркским миром. Позднее распашная одежда приспособилась к местным условиям за счет того, что стала шиться из наиболее подходящего материала или того, что оказалось возможным получать регулярно, а также за счет надставок пол и подола.

Как было сказано, распашная одежда, во всяком случае один из ее вариантов, происходит из туникообразной рубахи, которая, в свою очередь, возможно, восходит к культуре населения эпохи поздней бронзы южнотаежных районов Западной Сибири —

охотников, рыболовов и скотоводов. Выше было приведено мнение Н.Ф. Прытковой, которая отнесла к этому типу и шубы из оленьего меха северных групп обских угров. Если возводить их к туникообразному покрою (центральное полотнище с боковыми вставками), то к этому ряду можно подключить еще и парку, у которой между шкурами, приходящимися на перед и спину, имеются боковые вставки. Таким образом, на каком-то этапе могли пересекаться различные линии развития плечевой одежды.

К числу элементов нижней поясной одежды относятся женский пояс-повязка и мужские и женские штаны [описание см.: Прыткова, 1953. С. 145, 167-169; Лукина, 19856. С.37; Федорова Е.Г., 1994в. С. 118—119. 159—160]. По мнению Н.Ф. Прытковой, пояс-повязка является очень древним элементом одежды [Прыткова, 1953. С. 168]. У хантов и манси он бытовал по XX в. включительно. На его основе сложился один из типов штанов, зафиксированных у восточных хантов, а также у манси, что позволяет предполагать более широкое их распространение в прошлом. Штаны такого покроя известны и за пределами обско-угорского ареала [подробнее см.: Лукина, 19856. С.156—157], что позволило Н.В. Лукиной высказать предположение о связи со среднеазиатскими, а, конкретнее, с ираноязычными народами [Там же. С. 157].

Для южных групп хантов были характерны холщовые вышитые штаны, которые выкраивали из двух прямых, перегнутых по вертикали полотнищ холста. Между ними вставляли большие клинья. Штаны аналогичного покроя шили и из налимьих кож. Судя по тому, что холщовая одежда манси по покрою совпадает с хантыйской, можно предположить, что у манси также бытовали подобные штаны.

У восточных хантов зафиксированы и штаны другого покроя. К сожалению, из-за отсутствия материалов по манси, трудно сказать, насколько они вообще были распространены среди обских угров. Это штаны, состоящие из двух штанин, между которыми в нижней части может быть вшит треугольный клин. Как установлено, более всего характерны они были для тюркоязычных народов, от которых через тюрков Саяно-Алтая могли попасть к восточным хантам, хотя бытовали эти штаны на очень широкой территории Евразии [Лукина, 19856. С. 157]. У восточных хантов их носили только мужчины.

Некоторые из вариантов первого покроя [см. Прыткова, 1953. Рис. 26] сближаются со вторым покроем. Исключено, что они имеют общие корни, которые уходят, опять же, в среднеазиатский регион. Для обских угров этот покрой, видимо, следует считать исконным — как в том случае, если он оказался привнесенным в

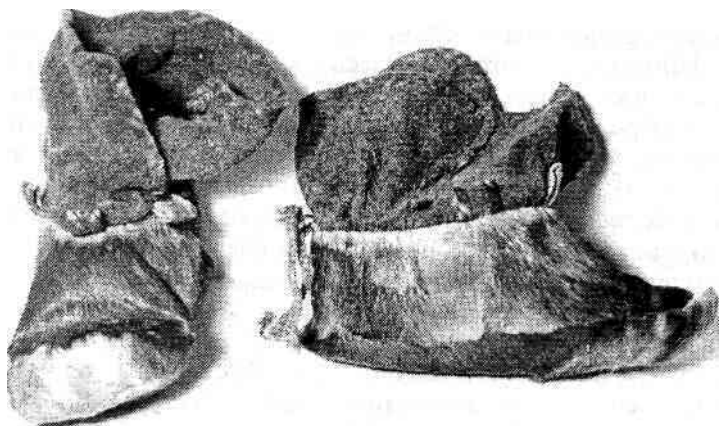

Рис. 51. Специализированный тип башмаковидной обуви — охотничья. Манси (МАЭ, кол. № 6825-7/1, 2).

глубокой древности, так и в том, если он сформировался из пояса-повязки.

— Еще один тип штанов — натазники — получил более широкое распространение среди обских угров. Он был известен как хантам, так и манси. В его основе — один кусок материала (ткань, ровдуга), сложенный по диагонали. Происхождение этого типа штанов связывают с монголами или самодийцами [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.159—160]. Наиболее реальным представляется заимствование их обскими уграми от самодийцев, которые, как показывают современные исследования, вполне могли быть предшественниками обских угров на территории северной тайги. Предки же хантов и манси в процессе расселения по ней перенимали некоторые детали костюма, наиболее приспособленные к местным условиям.

Обувь, бытовавшую у обских угров, можно свести к трем основным типам [описание см.: Прыткова, 1953; Василевич, 1963; Лукина, 1985б; Федорова Е.Г., 1994в]. Наибольшее распространение получила так называемая башмаковидная обувь (черки). Она бытовала по всей территории, занимаемой хантами и манси, и насчитывает множество вариантов, различающихся высотой головки, наличием или отсутствием голенища, которое также известно в нескольких вариантах. Эту обувь носили в разное время года, известны промысловые ее виды (рис. 51). В зависимости от назначения выбирался и материал: кожа, мех лося или оленя, ровдуга. Башмаковидную обувь носили как мужчины, так и женщины (рис. 52).

Происхождение обуви рассматриваемого типа связывают с древнейшими охотниками и рыбаками Верхнего Приобья и

Верхнего Приенисейя [Василевич, 1963. С.58]. Помимо обских угров она бытовала и у других народов Сибири: селькупов, кетов, кумандинцев, шорцев, телеутов, хакасов, забайкальских эвенков [Там же. С.48, 50], у народов Амура [Смоляк, 1984. С.183. Рис.20], а также за пределами сибирского региона — у коми [Конаков, 1983. С.54], башкир [Руденко, 1925. С.132], на севере Европы [Василевич, 1963. С.58]. Обувь такого типа была известна и на других континентах, например, она бытовала у алеутов Аляски [Перекрестки континентов, 1996. С.66]. Столь широкое ее распространение позволяет предполагать наличие нескольких центров формирования этой обуви, тем более, что принцип ее

П.От

Рис. 52. Женская башмаковидная обувь. Манси. Низовья Северной Сосьвы.

Фото автора (МАЭ, И-2137-66).

Ч

изготовления достаточно прост: к подошве пришивался один (или два, сшитых на носке и пятке) кусок кожи или меха, закрывающий стопу. В случае необходимости, пришивалось голенище.

Вместе с тем, наличие башмаковидной обуви у ближайших соседей обских угров (селькупов, кетов), а также у народов, имевших, по мнению исследователей, общий с обскими уграми этнический субстрат (северные алтайцы, шорцы), дает основание считать, что для населения достаточно большой территории — от Урала до Енисея — существовал единый источник ее происхождения.

«Классический» вариант башмаковидной обуви (из кожи, без голенища) представлен у тех групп обских угров, которые занимали пространство от Урала до Оби на севере и от Урала до Салыма (левый приток Оби в обско-иртышском междуречье), т.е. у групп, условно, западных. Именно эта обувь входит в тот костюмный комплекс, который обнаруживает больше всего параллелей с одеждой финно-угорских народов Среднего Поволжья, в частности марийцев. Но у них она в этнографической действительности оказалась замененной лаптями, хотя ее бытование в прошлом реконструируется по археологическим источникам [Архипов, 1973. С.79]. Таким образом, включение башмаковидной обуви в культуру

обских угров, скорее всего, следует связывать с тем этническим компонентом, который вошел также в состав финно-угорских народов Среднего Поволжья и Среднего Приуралья. Учитывая то, что, при всей простоте кроя, эта обувь все же не представляет собой примитивное средство для защиты ног, как например, крылья или снятые чулком шкурки птиц, либо куски шкуры и т.п. (что, кстати, известно и по материалам этнографии обских угров), можно предположить, что ее развитие происходило именно в рамках данного комплекса, включающего в себя высокохудожественные образцы одежды и тяготеющего к народам среднеазиатского региона. Таким образом, связь башмаковидной обуви с древними охотниками Верхней Оби и Верхнего Енисея может быть поставлена под сомнение.

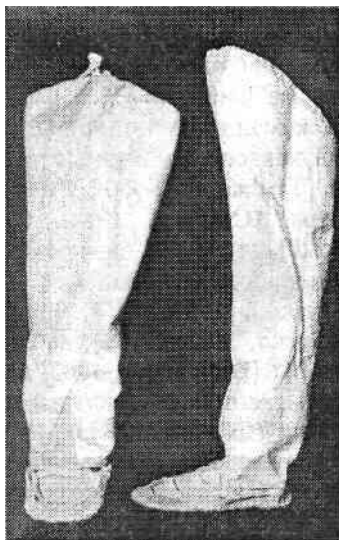

Рис. 53. Поршневидная обувь. Северные манси.

Распространение башмаковидной обуви по всему обско-угорскому ареалу, сходство в ее названиях у хантов (*нир*) и манси (*ня-ра*) свидетельствует о том, что она является исконной для этих двух народов. Ее развитие от первоначального варианта обусловлено необходимостью адаптации к природной среде и различным видам хозяйственной деятельности. Каждый из вариантов оказался приспособленным к определенному занятию, времени года или к определенным условиям местности, например, обувь для хождения на лыжах, для сырой погоды и т.п. Короткая кожаная обувь мало подходит для ношения в сильные морозы зимой, при глубоком снеге, а также в весеннюю или осеннюю распутицу. Поэтому возникали варианты с голенищем — суконным, а для определенных ситуаций — ровдужным или камусным; для головки стали использовать оленью или лосиную шкуру. Особенности каждого из вариантов башмаковидной обуви (материал, из которого она шилась, высота головки, техника и топография украшений) свидетельствуют о том, что эти варианты формировались в тот период, когда в значительной степени обособленными оказались восточные ханты. На той башмаковидной обуви, что бытовала среди

них, сказалося и влияние соседних народов [подробнее см.: Лукина, 19856. С.204-208].

Сезонной обувью у хантов и манси была ровдужная поршневидная (рис. 53). Она получила достаточно широкое распространение среди обских угров, хотя наличие ее у южных групп лишь предполагается. Бытование ее у других народов Сибири, а также за пределами сибирского региона доказывает конвергентное происхождение этой обуви. В ее основе лежит кусок шкуры животного или птичья шкура, о чем говорилось выше. Могли использоваться и другие материалы, например, кожа рыбы, т.е. тот материал, который поставляли рыболовство и охота, а также скотоводство. Формирование на базе поршня более сложных вариантов обуви, отражающих специфические черты культуры конкретного этноса, происходило, как представляется, там, где другие типы обуви получили слабое развитие или отсутствовали⁷ вообще. Если же они имелись, то поршень отходил на задний план, обувь этого типа служила сезонной или промысловой. В процессе развития поршневидной обуви какие-то общие черты могли появляться у народов, не связанных между собой ни генетически, ни территориально. Например, у обских угров и ирокезов были одинаковыми как поршень, так и способ оформления носка — клиновидной вставки [Василевич, 196[^] С.54]. Если же исходить из того, что поршневидной обувью пользовались древнейшие охотники на территории Северной Азии, то источник ее происхождения мог быть общим и для обских угров, и для североамериканского населения [Там же. С.57].

По мнению Г.М. Василевич, поршневидная обувь складывалась в среде горных пеших охотников [Там же. С.54] и распространялась с востока на запад [Там же. С.52]. Но такая же обувь, не исключено, формировалась и на западе, в частности, у горных охотников Урала, вошедших в состав обских угров. Прослеживается связь в покрое поршневидной обуви и суконных чулок, в частности, северомансийских [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.150—151], а в названиях обуви и чулок присутствует один и тот же компонент — *вай*. Нужно заметить, что так же (*вай/вей*) называется высокая обувь у северных хантов. Отсутствие этого термина у восточных хантов (он встречается для обозначения голенища только у некоторых правобережных групп и может быть заимствованным от северных) позволяет предположить, что отделение их предков от обско-угорской этнолингвистической общности происходило на стадии существования только обуви нир, няра. Это — лишнее доказательство в пользу того, что башмаковидная обувь для обских угров является исконной.

Существует также точка зрения, согласно которой поршневидная обувь считается палеосибирской чертой в культуре, во всяком случае хантов [Лукина, 19856. С.204]. Она вполне соотносится с мнением Г.М. Василевич, а также предположением о вторичности такой обуви для обских угров, поскольку могла оказаться у них в процессе расселения по тайге. Кстати, в пользу этого говорит и тот факт, что на голенище поршневидной обуви с помощью полосы красной краски или орнамента имитируется короткая башмаковидная обувь. Нужно сказать, что эта изначальность подчеркивается и в башмаковидной обуви с голенищем у хантов: многие ее варианты включают между головкой и голенищем вставку в виде полосы орнамента, полосатой ткани или ткани с аппликацией в виде узких полос (этот вариант сами ханты определяют как более поздний).

Поршневидную обувь носили преимущественно летом, хотя наличие у хантов вариантов с голенищем из меха предполагает использование ее в прошлом в течение всего года [Лукина, 19856. С.204]. Поршневидная обувь была хорошо приспособлена именно к летним условиям: высокое голенище, выполненное из плотного материала (ровдуги), хорошо защищало ногу от укусов комаров. Обувь была мягкой и непромокаемой.

По имеющимся данным, поршневидная обувь бытовала преимущественно у тех групп, которые переезжали на лето в низовья рек, где ловили рыбу. В то же время население, постоянно проживавшее в низовьях притоков и на самой Оби, испытывало трудности в получении материала для ее изготовления — здесь не занимались оленеводством, не выделяли ровдугу. Таким образом, поршневидная обувь, несмотря на всю свою приспособленность к рыболовству, оказывается, прежде всего, элементом культуры тех групп обских угров, которые занимались оленеводством: ханты и манси верховьев обских притоков, перемещавшиеся на лето в их низовья, оленей, как правило, имели (см. главу I).

Последний тип обуви — камусная — по всем данным, является поздним заимствованием от ненцев. Необходимость в ней возникла тогда, когда стали совершать длительные переезды на оленьих упряжках, для чего известная ранее обским уграм обувь оказалась плохо приспособленной. Нельзя не отметить, что вместе с оленеводством был заимствован весь комплекс сопутствующих ему элементов культуры, о чем неоднократно говорилось разными авторами. Но на некоторые из этих элементов перешли названия из обско-угорских языков. К ним всегда добавлялось определение *ёрн* — «ненецкий». Название камусной обуви представляет собой пример этого явления: *вай*, *вей* — обозначение обуви с высокими

голенищами дополнено словом «ненецкий» — *ёрн*. Камусная обувь называется *ёрн вай (вей)*.

В зависимости от типа обуви находилось использование тех или иных чулок: с башмаковидной обувью манси и ханты носили суконные (типа поршневидной обуви) или вязаные чулки (рис. 52), с камусной — меховые. У южных групп бытовали чулки, связанные из конского волоса, а у восточных хантов, в частности, юганских, — сшитые из простеганной ткани. Оба материала трудно считать характерными для охотников и рыболовов тайги. Они присущи скотоводческим культурам.

Костюм обских угров отличается разнообразием типов поясов, несмотря на то, что подпоясывание плечевой одежды не было обязательным у всех, без исключения, групп. Наиболее характерно ношение пояса для восточных хантов, у которых вся верхняя одежда была распашной, и, для того чтобы поддерживать далеко заходящие одна на другую полы, требовался пояс. Пояс был необходим также промысловикам и оленеводам. Во-первых, к нему крепились нужные во время охоты, рыбалки или на пастбище предметы (нож, крючок для развязывания узлов и т.п.), во вторых, с помощью пояса одежду можно было подтянуть выше колен, чтобы она не мешала при движении. Обязательно подпоясывались и женщины, когда отправлялись в дорогу или в лес.

Для обских угров в целом характерно три типа поясов: короткие твердые (из кожи или сукна с твердой подкладкой), тканые шерстяные и мягкие, длинные и широкие, сделанные из бумажных тканей либо сукна [подробнее см.: Прыткова, 1953. С.157—160; Лукина, 1985б. С.49-52, 95-20; Федорова Е.Г., 1994в. С.141-145; Рындина, 1995. С.31, 57—58, 86, 91, 269—270]. Локальным особенностям этой детали костюма в литературе уделено достаточно внимания, поэтому здесь стоит подчеркнуть лишь ряд моментов, связанных с функционированием каждого из типов поясов.

Прежде всего, обских угров можно разделить на две большие группы на основании такого признака, как наличие или отсутствие повседневного мягкого матерчатого пояса. Он широко бытовал у восточных хантов, у других же групп этого народа, а также у манси этот пояс известен как деталь обрядовой одежды. По мнению исследователей, у обских угров он является элементом культуры, связанной по происхождению со степным населением, проникшим на север около середины 1-го тысячелетия до н.э. [Tschernetzow, 1974. S.315]. Сохранение же у восточных хантов повседневного мягкого матерчатого пояса до конца XX в. лишний раз подчеркивает их обособленность среди общей массы обских угров.

Повсеместное бытование короткого твердого пояса обусловлено, видимо, большей приспособленностью его к быту охотников и рыболовов: к нему удобнее прикреплять все те предметы, что носят обычно на поясе, металлическая или костяная пряжка лучше держит концы пояса, его быстрее можно надеть и снять. Вместе с тем, происхождение таких поясов принято связывать с влиянием тюрков-кочевников. Основанием для этого обычно служит способ украшения кожаных поясов — нашивание на них пуговиц-бляшек, костяных или металлических ажурных накладок [см., например: Хомич, 1984. С.17-19; Федорова Е.Г., 1994в. С.143]. Кроме того, подобные пояса носили преимущественно мужчины.

Как вариант этого типа пояса можно рассматривать пояса южных групп обских угров, сшитые из полосы плотной ткани. Их украшали рядом не металлических, как у других групп, а пластмассовых пуговиц. Способ же соединения концов (при помощи пряжки или пуговиц с петлями), крепления ножен совпадали.

Помимо пуговиц и ажурных накладок твердые пояса украшались бисером. Наличие трех способов украшения такой имеющей значительную символическую нагрузку детали костюма, как пояс, нельзя объяснять простым заимствованием, несмотря на все обнаруженные к настоящему времени параллели с культурами других народов [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.143—144]. Здесь хорошо прослеживается сочетание различных культурных традиций, определить место каждой из которых, к сожалению, не позволяет недостаточная обеспеченность материалами по северным группам обских угров.

Третий тип поясов — тканые или плетеные из разноцветной шерсти. Они украшались бисерными или металлическими подвесками, прикрепленными к концам. По этнографическим материалам они представляются более характерными для южных групп обских угров, хотя встречались и у других. Их широкое распространение среди финно-угорских народов Поволжья, западных финнов, сибирских татар, северных алтайцев, шорцев дает основание предполагать наличие общего источника, из которого тканые пояса могли распространиться на запад, север и восток, видимо, еще в глубокой древности. В пользу этого говорит и сходство в орнаментальных узорах, присутствующих на таких поясах.

Сравнительно небольшим количеством видов представлены головные уборы обских угров. Наибольшее распространение получил платок, который круглый год повсеместно носили женщины, а мужчины — летом для защиты от комаров и зимой во время охоты. Такое стойкое бытование платка в качестве единственного женского головного убора хантов и манси (известные по этно-

графическим источникам случаи ношения шапок указывают на то, что они были исключением: контактная группа, неточность атрибутики музейных коллекций и т.п.) объясняется до сих пор существующим у населения отдаленных районов и широко бытовавшим обычаем избегания, когда замужняя женщина должна была закрывать лицо от определенных категорий родственников мужа [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.215-216; Федорова Е.Г., 1994в. С.190-192] (рис.54). Этот древний обычай сохранялся в суровых климатических условиях севера до первых десятилетий советской власти, когда на территориях, занимаемых обскими уграми, стали проводить кампанию по «открыванию лица», приведшую, по мнению информантов, к различным несчастьям.

Первоначально, вероятно, голову покрывали куском ткани [Лукина, 1985б. С.218; Федорова Е.Г., 1994в. С.189]. В пользу этого говорит анализ мансийской терминологии, где компонент *тор* в названии платка сопоставляется с понятием *тор* «ткань» [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.189—190]. Возможно, с этим же связаны и отсутствие специального мужского головного убора у большинства групп обских угров, ношение у них мужчинами платка, а также использование на севере капюшона глухой одежды, которые зимой иногда накидывали на голову. Получившие распространение у южных групп обских угров и у восточных хантов мужские круглые или капорообразные шапки (некоторые их типы встречались также у северных манси и хантов) [подробнее см.: Прыткова, 1961б; Лукина, 1985б. С.221—225; Федорова Е.Г., 1994в. С.153—155] под влиянием соседних народов могли вытеснить обычай ношения мужчинами на голове куска ткани. К настоящему времени не находит объяснения различие в названиях платка у манси и хантов, в то время как обозначения других элементов одежды, имеющих общие для этих народов истоки (плечевая одежда, обувь, пояс), обнаруживают

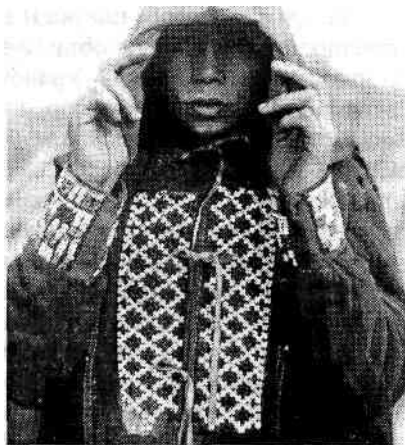

Рис. 54. Женщина в платке, прикрывающая лицо. Нижнеобские ханты. Фото В.С. Адрианова в (МАЭ, И-795-101).

сходство между собой. Кстати, по-разному у хантов и манси называются также и шапки (манс. *кент*, хант. *милъ*). Эти названия переносятся и на капюшон верхней плечевой одежды.

Анализ названий платка и ткани в мансийском языке позволил предположить наличие общего этнического компонента для манси, тюркоязычных народов Урало-Поволжского и Среднеазиатского регионов и сибирских татар, культура которого характеризовалась ткачеством из растительных волокон [Федорова Е.Г., 1994в. С.189-190].

Женские платки южных и северных групп обских угров и восточных хантов имели свои особенности. Для первых были характерны холщовые вышитые треугольные косынки («татарский платок»), по музейным коллекциям известны также вышитые четырехугольные платки, преимущественно мансийские. У всех групп платки по углам украшались бисерными подвесками, заканчивающимися металлическими жетонами или бусами. Чрезвычайно разнообразны способы ношения платка [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.218-220. Рис.18; Федорова Е.Г., 1994в. С.187-188].

Платок дополнялся налобной повязкой, которая к началу XX в., насколько можно судить по имеющимся материалам, воспринималась как элемент праздничного костюма. Обязательной составляющей такой повязки была бисерная сетка, где путем сочетания бисера разных цветов выполнялся геометрический орнамент.

Бисерные налобные повязки в большей степени представлены у южных групп обских угров. Они хорошо сочетаются с их богато декорированным костюмом. Имеющиеся в музейных коллекциях экземпляры повязок, приобретенные у других групп хантов и манси, могут лишний раз свидетельствовать о бытовании этого костюма и среди них, хотя повязки сами по себе являются, пожалуй, древнейшим видом головных уборов. Нельзя не отметить, что они входят в число элементов обрядовой одежды обских угров. В частности, повязки в виде серебряной пластины, нашитой на полосу сукна, надевали на голову мужчины-манси, исполнявшие танцы с оружием во время фратриальных праздников [Гемуев, Сагалаев, 1986. С.90], повязки из ткани или обручи из сарги были на головах как мужчин, так и женщин во время похорон у юганских хантов. Кроме того, металлические налобные пластины имелись у многих культовых изображений.

Четкое деление на две группы проявляется у обских угров и в прическах [см.: Прыткова, 1953. С.205—207; Лукина, 1985б. С.61—62, 226—230; Клюева, Михайлова, 1988. С.107—ПО; Федорова Е.Г., 1994в. С.157—158,199—201]. Для манси и западных хантов наиболее

характерной можно считать женскую и мужскую прическу в в* двух кос с вплетенными в них бисерными и металлическими украшениями, или же в виде двух оплетенных шерстяными шнурками пучков волос («ложные косы»). У восточных хантов-первых, зафиксировано большее разнообразие причесок, и вторых, мужчины у них кос не носили вообще, в-третьих, на косные украшения отличались простотой.

Оригинальную мужскую прическу дает одна из территориальных групп восточных хантов, а именно ваховская. Здесь волосы выстригали надо лбом, а на макушке оставляли длинные пряди [Шатилов, 1931. С.71—72]. Кроме того, у восточных хантов было распространено выстригание волос на затылке (причем и у мужчин* и у женщин, как считается, для охлаждения головы) и мужская* стрижка с прядями разной длины [Лукина, 19856. С.227—228]. Стрижка в кружок постепенно выясняла двухкосье у мужчин и у западных хантов, а также у манси, хотя отдельные случаи ношения кос мансийскими мужчинами — зафиксированы и в последние четверти XX в. [ПМА, 1999 г.].

При всем локальном многообразии причесок обских угуров выделяется несколько их типов, которые корродируются с костюмом в целом. Так, двухкосье у мужчин можно соотнести с традиционной одеждой северных групп хантов и манси. По мере исчезновения национальных видов одежды, вероятно, распространялась стрижка в кружок, которая до внедрения модельных стрижек была основной мужской прической на протяжении значительной части XX в. Выстригание волос с передней части головы с оставлением длинных прядей на макушке было характерно для восточных хантов, которых мужская одежда заметно отличалась от таковой других групп обских угуров: как говорилось выше, она была распашной. Женские прически более единообразны, во всех их вариантах, как с наличием ложных кос, так и без них и в случае соединения двух кос в одну — в основе лежат две косы или две пряди волос, обмотанных шнурками, начинающиеся от висков или на затылке над ушами. Более единообразна, как было показано выше, женская одежда.

Нужно отметить, что прическа обских угуров относится к числу тех немногих показателей, по которым можно судить об отличиях между разными возрастными группами этих народов: есть сведения о том, что у некоторых групп две косы носили только замужние женщины, а девушки — одну или много косичек.

Заметно отличающиеся прически, особенно мужские, у обских угуров от таковых других народов, проживавших по соседству

наводили исследователей на поиски их корней в культурах населения других регионов и других эпох. Как правило, здесь привлекаются материалы фольклора, в образцах которого присутствуют воины, сваты, богатыри с косами или со стриженным лбом/стриженной головой. Широкое распространение в фольклоре получил эпитет богатыря — «косатый». Важно отметить, что упоминания о прическе с выстриженными надо лбом волосами встречаются в фольклоре южных хантов, что позволяет считать ее в прошлом характерной для большего числа, по сравнению с зафиксированными этнографическими источниками, групп обских угров. С.К. Патканов проводил здесь параллель с прической древних мадьяр [Патканов, 1891б. С.24]. Н.В. Лукина [1985б. С.228] указывает на сходство в прическах восточных хантов и других народов: лезгин, ногайцев (традиция, восходящая к кипчакам), восточных бурят, населения Китая (где мужская прическа с выбриванием до половины головы и косой была насильственно введена маньчжурами в XVII в.) и высказывает предположение о том, что традиция удаления волос в передней части головы или вкруговую с оставлением прядей на макушке проникла к хантам с южных территорий [Там же].

Мужскую прическу в виде двух кос у обских угров принято связывать с их предками-кочевниками [Соколова, 1985б. С.96]. Анализ имеющихся материалов показал, что здесь отсутствуют параллели с тюркоязычным миром [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.228—229; Федорова Е.Г., 1994в. С.158], а также с другими народами Сибири, за исключением населения амурского региона. Для территории Сибири более характерна прическа из нечетного количества кос (1 или 3). В то же время, определенное сходство с тюрками обнаруживается: и у них (что отражают древние изваяния), и у обских угров принято соединять косы в одну. Возможно, это объясняется тем, что свободно висящие косы мешают, например, во время работы и т.п. Во всяком случае, такую трактовку приходилось неоднократно слышать от современных информантов. Но, вероятно, это современное представление. Есть данные о том, что разделенные косы носят в знак траура в течение 4 и 5 лет (по женщине и мужчине соответственно), а известный тип траурной прически — распущенные волосы — сохраняют только с момента смерти до похорон. После них косы заплетают, но «держат врозь», т.е. не сплетают концы двух кос в одну. Эта информация была получена у ляпинских манси. В праздничной женской прическе, по крайней мере у северных групп обских угров, к волосам прикрепляются ложные косы, которые также соединяются между собой, но уже цепочками.

Таким образом, ни на близлежащих территориях, ни у народов, родственных хантам и манси по происхождению, не обнаруживается мужской прически в виде двух кос или двух оплетенных шнурками пучков волос. Наличие ее у некоторых народов Амура [Клюева, Михайлова, 1988. С. 114, 115], а также у североамериканских индейцев дало возможность высказать предположение о том, что в далеком прошлом она могла быть характерной и для других народов Сибири, а впоследствии оказалась вытесненной иными прическами и сохранилась лишь на периферии региона [Федорова Е.Г., 1994в. С.158].

То, что первоначальным вариантом прически были распущенные волосы, уже доказано и вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Видимо, следующим этапом является скрепление волос с помощью какой-либо повязки. Нельзя не заметить, что ношение женщинами распущенных волос зафиксировано и у обских угров [Любарских, 1792. С.75; Лукина,* 1985б. С.61, 226]. В данном случае, опять же, фигурируют периферийные группы — западные, чердынские манси и восточные ханты. Вместе с тем, не исключено, что в каких-то ситуациях были зафиксированы траурные прически и таким образом границы ареала, где женщины носили распущенные волосы, могут быть сужены.

От идеи головной повязки, скрепляющей волосы, видимо, не сложно было перейти к идее скрепления отдельных их прядей. Именно этот вариант сохранялся у северных групп обских угров еще в середине XX в., а в праздничных женских прическах встречается и позднее. Возможно, обилие украшений в таких прическах, что придавало им значительный вес, заставило искать другой вариант убранства волос при повседневном ношении, в результате чего появилось заплетание волос в косы. Можно думать, что этот процесс необязательно следует связывать с поздними периодами — «косатым» богатырям фольклора также требовался облегченный вариант прически, т.е. реальные воины, скорее всего, заплетали волосы в косы, причем возникновение такой прически могло произойти самостоятельно, без влияния каких-то других народов, и на территории, где формировались предки современных хантов и манси. Кстати, различия в прическах лишний раз подчеркивают то, что предки восточных хантов отделились на достаточно раннем этапе. Но нельзя не заметить, что названия косы/обмотанного пучка волос одинаковы у всех (насколько известно) групп обских угров.

По украшениям волос можно выделить три ареала: северный, характеризующийся ношением особого вида ложных кос, отличающих прическу женщин, южный, где косы украшались большим количеством орнаментированных бисерных подвесок и

Рис. 55. Женские шейно-нагрудные украшения. Манси. Среднее течение Северной Сосьвы.
Фото автора (МАЭ, И-2067-18).

Рис. 56. Женское нагрудное украшение. Манси, р. Ляпин.
Фото автора (МАЭ, И-2067-72).

восточный, с относительно простыми украшениями волос. Они достаточно подробно рассмотрены в ряде исследований [Лукина, 1985б; Клюева, Михайлова, 1988; Федорова Е.Г., 1994в; Рындина, 1995; Vahter, 1953; Kodolanyi, 1969 и др.]. Сопоставление их с украшениями для волос других народов выявляют возможные связи по материалу, форме, дополнительным деталям с населением целого ряда регионов. Это тюркоязычное население Южной Сибири, некоторые народы Средней Азии, Поволжья и Приуралья. Пожалуй, наибольшее сходство обнаруживается в ложных косах женщин северных групп обских угров и ненцев, что лишний раз может свидетельствовать в пользу древнего местного происхождения как самой детали костюма, так и связанной с ней прически.

Ярким показателем культуры практически всех групп хантов и манси являются шейно-нагрудные украшения при изготовлении которых в качестве основного материала выступал бисер [описание см.: Прыткова, 1953. С.208-209; Лукина, 1985б. С.62, 231; Федорова Е.Г., 1994в. С.194-198; Рындина, 1995. С.34-35, 62-63, 89, 254-254, 266-268; Vahter, 1953. S.62-76; Kodolanyi, 1969]. Выделяется два их типа — полукруглое ожерелье

(рис. 55) и две соединенные между собой узкие длинные полосы, спускающиеся от шеи на грудь (рис. 56). Последнее выступает в нескольких вариантах, его прототипом можно считать съёмный воротник с бисерными лопастями, бытовавший у южных групп обских угров [Федорова Е.Г., 1994в. С.198; Рындина, 1995. С.116]. Украшение первого типа, насколько можно судить по имеющимся материалам, бытовало у северных манси (но не у всех их территориальных групп), у северных и восточных хантов. Манси, как правило, сочетали его с бусами или украшением второго типа. Последнее бытовало повсеместно, за исключением территорий, занимаемых восточными хантами. Особенно яркие экземпляры этого украшения зафиксированы у южных групп обских угров. В настоящее время бисерные украшения являются деталью праздничного костюма.

Еще один вид украшений, #ia который следует обратить внимание, — кольца из белого металла (как правило, серебра). Их носили и женщины, и мужчины всех групп хантов и манси. Характерной особенностью в данном случае является то, что кольца надевали на любой палец и, чаще всего, по несколько штук. Современные информанты не могут объяснить причину такого способа ношения.

у

Как известно, украшения имеют ярко выраженную этническую окраску. Они характеризуются рядом устойчивых признаков. Это материал, из которого сделаны украшения, техника изготовления, четкая топография [Федорова Е.Г., 1998а. С.119]. Наиболее нейтральным признаком оказывается топография, поскольку места расположения украшений как в костюме в целом, так и на отдельных его деталях обусловлены их охранительной функцией. Такое представление об украшениях на определенной стадии было характерно для всех народов, универсальными оказались и зоны, требующие присутствия оберега, что восходит к общим мировоззренческим установкам. Материал, из которого делают украшения, и техника их изготовления, с одной стороны, варьируют у отдельного народа, с другой — повторяются у разных народов, не связанных между собой ни генетически, ни соседством. Это необходимо учитывать при различного рода сопоставлениях.

Если сравнивать те металлические украшения, которые известны по археологическим источникам, с этнографическими данными, то обнаруживается практически полное их несовпадение. Важно отметить, что украшения позднего средневековья принадлежали именно предкам обских угров, поскольку относятся они к тому периоду, который уже отражен в письменных источниках. Но

слабая изученность поздних археологических памятников с территории таежной части Западной Сибири не дает возможности непосредственно связать их с этнографическими материалами — существует период, приблизительно в 300—350 лет, очень слабо отраженный в научной литературе, хотя он чрезвычайно насыщен историческими событиями: его начальный этап приходится на время включения коренного населения в состав Русского государства. Именно на протяжении этого периода и произошла почти полная смена украшений, причем здесь может иметь место непосредственная связь между характером событий и исчезновением украшений: запрещение производства металлических изделий, поскольку некоторые из них применялись для оказания сопротивления русским [подробнее см.: Там же. С.120—121]. Орудия труда и готовые изделия были частично конфискованы, частично спрятаны, а в основном — захоронены вместе с владельцами, поскольку украшения составляли неотъемлемую часть погребального инвентаря. Таким образом, можно объяснить исчезновение хорошо известных по археологическим памятникам украшений.

Нужно сказать, что здесь напрашивается один вывод: поскольку украшения сильно меняются на протяжении определенного периода, то они не могут использоваться в качестве маркеров этнической культуры при этногенетических сопоставлениях — этот признак не работает в диахронном плане. Следует подчеркнуть, что в ситуации с обскими уграми важна роль внешнего фактора — при других условиях картина может быть иной.

Более сложным представляется вопрос о механизме внедрения новых материалов, использовавшихся для украшений. В этнографической действительности ханты и манси использовали для их изготовления те же металл и кость, бусы, раковины-каури, разноцветные шерстяные нитки, пуговицы, очень широко был распространен бисер. Но применение металла было ограничено: из олова отливали ажурные нашивки на одежду (это было женское производство, известное еще в средневековье), из монет делали кольца, на мужские пояса нашивали покупные металлические пуговицы или старинные ажурные накладки, к концам бисерных украшений крепили медные штампованные жетоны. Бусы и раковины издавна служили украшениями, при наличии определенных торговых связей их поступление в регион не прекращалось. Столь же древним видом украшений были и пуговицы, когда-то самодельные (из кости, фрагментов керамики), затем покупные — медные, а в XX в. еще и пластмассовые. Этнографические материалы свидетельствуют об очень широком применении пуговиц в украшении одежды.

Судя по их расположению на отдельных элементах костюма, они заменили главным образом ажурные оловянные отливки. Но на некоторых вещах, например на поясах, пуговицы присутствовали изначально, с течением времени менялся только материал, из которого они выполнялись.

В то же время и металлические нашивки на одежде пришли на смену украшениям из другого материала. Вполне возможно, что это были те просверленные зубы животных и костяные подвески, о которых говорилось выше.

Использовавшийся при отделке одежды и для изготовления съемных украшений бисер — материал не местного происхождения. Его можно рассматривать наряду с некоторыми другими элементами костюма (рубахи и распашная одежда из холста, платки и косынки из этого же материала и др.) в рамках большой историко-культурной области, включающей в себя территории Среднего Поволжья и Приуралья, часть Западной Сибири и Средней Азии и в хронологическом плане соотносящейся предположительно с периодом конца 1-го тысячелетия до н.э.—серединой 1-го тысячелетия н.э. [Федорова Е.Г., 1994б. С.80; 1994в. С.109]. Расположение бисера на одежде хорошо показывает роль этого материала как оберега [Федорова Е.Г., 1994б. С.80], не остается он без внимания и в обрядах жизненного цикла [Талигина, 1998. С.228—229].

О.М. Рындина, рассматривая возможные варианты пути внедрения бисера в культуру обских угров, предполагает, что прототипом бисера в функциональном плане был камень (почитание камней получило широкое распространение у обских угров), также использовавшийся в качестве оберега [Рындина, 1998. С.222—223]. Интересно, что название бисера у южных хантов — *кев*, *кеу* — совпадает с названием камня. В данном случае это важно еще и потому, что именно с южными группами обских угров, как было сказано выше, связаны наиболее яркие образцы бисерных изделий. По всей вероятности, именно в их среде и сформировались основные виды украшений хантов и манси. Насколько известно, наиболее ранние находки бисера на территориях, занимаемых в этнографической действительности обскими уграми или примыкающих к ним, относятся к железному веку: IV—III вв. до н.э.—III—IV вв. н.э. — Сургутское Приобье [Древний город, 1994. С.53], конец 1-го тысячелетия до н.э.—первые века н.э. — Приишимье [Матвеева, 1994. С.125].

Некоторые украшения, как можно предположить, претерпели трансформацию более сложного рода. В частности, хорошо известные по археологическим материалам вплоть до эпохи

средневековья браслеты из металла совершенно не фиксируются этнографическими источниками. Вместе с тем, в отдельных видах одежды хантов и манси, а именно, на рубашках и платьях из бумажной ткани наиболее богато орнаментировались манжеты, т.е. то место, где на руке располагается браслет. Не исключено, что и обычай надевать на один палец сразу несколько колец происходит от спиралевидных колец. Они хорошо представлены в археологических материалах с территории Среднего Поволжья. Их носили предки мордвы (V—VIII вв.) и марийцев (IX—X вв.) [Финно-угры и балты. 1987. Табл. X! V—4, 5, LI—16]. Следует напомнить, что в costume этих двух народов, особенно марийцев, отмечается много общих черт с одеждой южных групп обских угров.

Изложенные здесь материалы по одежде хантов и манси еще раз говорят в пользу стойкого сохранения традиций в этой сфере этнической культуры. Достаточно четко по данным рубежа XIX и XX вв. выделяется костюмный комплекс, характерный для южных групп обских угров и имеющий сходство с одеждой финно-угров Среднего Поволжья, а в более широком плане — и населения ряда районов Средней Азии. Одежда хантов и манси, проживающих непосредственно по берегам Оби в ее среднем и нижнем течении, иллюстрирует предположение о ее распространении с Иртыша на Обь и в низовья ее крупных притоков в этой части. Особенно показательны здесь несколько элементов костюма: несохранившиеся до второй половины XX в., но зафиксированные этнографическими источниками вышитые рубахи из холста; халаты из хлопчатобумажной ткани, по покрою совпадающие с холщовой распашной одеждой южных групп, поздние экземпляры которой имеют еще и сходство с северными первой половины и середины XX в. в украшениях (аппликативные полосы на рукавах); бисерные украшения. В этот же ряд, видимо, следует включить и женские шубы из птичьих шкур.

На севере становится заметным влияние культуры тундрового населения. Территория, где бытует женская одежда из оленьего меха, мужская одежда глухого покроя, совпадает с ареалом оленеводства тундрового самодийского типа. Частично сюда относятся и восточные (правобережные) ханты, что лишним раз подчеркивает неоднократно высказывавшуюся многими исследователями мысль о заимствовании обскими уграми оленеводства от самодийцев, в частности от ненцев. Одежда восточных хантов, главным образом левобережных, говорит об особых путях формирования этой группы обских угров. В их costume практически не отражены следы оленеводства, хотя их и относят к оленеводческим группам (нартенное оленеводство таежного типа). Эти группы в большей

степени, по сравнению с остальными, сохранили одежду из сборного меха, которая что можно считать уже доказанным, является у обских угров наиболее древней и имеет южные истоки [Лукина, 1985б. С.150-151; Рындина, 1995. С.369—370; Молданова, 1999. С.32]. С этой же техникой, но уже в северных районах О.М. Рындина и Т.А. Молданова связывают происхождение меховой мозаики, широко применяющейся в настоящее время для украшения одежды и меховой утвари северными хантами и манси.

Восточных хантов можно считать той частью обско-угорского населения, которая в большей степени, по сравнению с остальными, сохранила характерный для таежных охотников материал для изготовления одежды — шкурки пушных зверей, главным образом зайца. Кроме того, здесь практически не проявляются те элементы костюма, которые так отличают одежду южных групп (см. выше). Это заставляет предполагать, что предки восточных хантов отделились от обско-угорского массива до появления тех этнических компонентов, которые способствовали формированию южноугорского костюмного комплекса.

Специфика природных условий и хозяйственных занятий как фактор сложения и развития одежды выступает на втором плане. В первую очередь она сводится к использованию определенных материалов. С развитием оленеводства олени шкуры сменяют шкурки пушных зверей, население, разводившее рогатый скот и лошадей, применяло овчину, шкуры коров, лошадей, конский волос. Учитывая то, что было сказано в первой главе относительно скотоводства, можно предполагать, что эти материалы предшествовали оленьим шкурами.

В процессе развития отдельных видов хозяйственных занятий формируется производственный костюм, прежде всего, охотничий [подробнее см.: Шатилов, 1931. С.70; Прыткова, 1953. С.163—166; Федорова Е.Г., 1994в. С.132—141, 146—148]. Зафиксированная ранними этнографическими источниками одежда из рыбьей кожи, которая, как можно предполагать, была промысловой у рыболовов, уже в XIX в. оказалась сменной одеждой из других материалов. Под влиянием ненцев, в связи с развитием оленеводства у обских угров, сложился и специальный дорожный костюм, включающий в себя меховой гусь и камусную обувь. Необходимость переездов на большие расстояния в зимних условиях заставила постепенно меняться и женскую одежду: во второй половине XX в. достаточно часто в дорогу женщины одевали одежду глухого покроя, т.е. мужскую.

Производственный и дорожный комплексы предметов одежды бытуют и в настоящее время среди тех групп обских угров, которые ведут традиционный образ жизни. Более широкое распространение,

но уже в качестве деталей праздничного костюма, получили орнаментированные предметы одежды и украшения. Кроме того, традиционная одежда продолжает бытовать среди людей пожилого возраста, а также в отдаленных районах.

4. Утварь

У обских угров зафиксировано множество разнообразных предметов утвари, использовавшихся для приготовления, хранения, употребления пищи, для хранения вещей — начиная от больших берестяных коробок и кончая маленькими карманными мешочками из хлопчатобумажной ткани, в которых держали табак, бумагу и т.д.

В этнографической литературе до недавнего времени утварь рассматривалась главным образом, постольку, поскольку она представляла интерес как компонент культуры, в котором нашли отражение художественные вкусы населения [Иванов С.В., 1963; Sirelius, 1906; Vahter, 1953] — многие предметы украшались орнаментом. В последние десятилетия появились и исследования, в которых эта сфера культуры была подвергнута более детальному анализу [Кулемзин, Лукина, 1977; Лукина, 19856; Федорова Е.Г., 1994а; 1994в]. В самых же последних работах утварь рассматривается всесторонне [Рындина, 1995; Молданова, 1999].

Материалы с памятников территории таежной зоны Западной Сибири дают множество образцов утвари, относящихся к самым различным эпохам. Но практически все это — керамика, которая в этнографической действительности не фиксируется. Почти во всех работах археологов (перечислить их здесь не представляется возможным), посвященных той или иной культуре, немалое место отводится описанию и анализу керамики, которая является одним из основных признаков, используемых при определении родства и преемственности культур. Наряду с другими (форма, состав теста) рассматривается орнамент — единственный показатель, который можно привлекать при сопоставлениях с этнографическими источниками, хотя в последних он присутствует на других материалах (береста, мех, ткань, дерево). Сопоставительный анализ данных археологии и этнографии позволил в свое время выявить сходство в орнаментике обских угров и андроновского населения эпохи бронзы [Чернецов, 1948. С.151-152; 19536. С.61; Иванов, 1963. С.161 и др.].

С начала 1990-х годов некоторые исследователи встали на иные позиции, считая, что андронидный характер обско-угорского орнамента выражен менее ярко, чем было принято считать [Кокшаров, Ермакова, 1992. С.20].

Наиболее полным и детальным исследованием орнамента обских угров на сегодня является фундаментальный труд О.М. Рындиной [1995], в котором автор предлагает свою концепцию этногенеза обских угров, выстроенную на выводах, полученных в результате изучения происхождения и развития орнаментальных мотивов, выполняемых в различных материалах, и сопоставлении этих выводов с данными археологии. По мнению О.М. Рындиной, в орнаментальном искусстве хантов ярче выражены древние западносибирские традиции, в то время как у манси больше заметно влияние южных, прежде всего иранских черт, а наличие в их орнаменте автохтонных признаков, «видимо, в значительной мере обусловлено присутствием в мансийской этнической палитре хантыйского компонента» [Рындина, 1997. С.37]. Та двухкомпонентность культуры, о которой говорил еще В.Н. Чернецов, с преобладанием в ней южного иранского компонента оказывается характеристикой мансийского этноса [Там же]. Таежными же предками обских угров, по мнению О.М. Рындиной [1995. С.386—387], были носители кулайской культуры (железный век), расселившееся из Сургутско-Нарымского Приобья, где они сформировались в конце бронзового века—начале железного, на запад и север.

Данная гипотеза представляет значительный интерес, поскольку она дает объяснение обособленности культуры восточных хантов, на что в настоящей работе неоднократно обращалось внимание и о чем еще будет сказано дальше.

Возвращаясь к керамике, нужно отметить, что этнографические источники практически не фиксируют самодельную глиняную посуду, хотя покупная нередко использовалась в относительно крупных населенных пунктах, где обитали также русские. В то же время есть данные, что и в середине XX в. в верхнем течении Северной Сосьвы у манси встречались изготовленные женщинами лепные горшки. На них шла местная глина, которая для других целей не использовалась [ПМА, 1999 г.].

В свою очередь, на археологических памятниках почти не встречаются предметы утвари, характерные для этнографической действительности: материалы, из которых их делают (дерево, береста), практически не сохраняются в земле. Известны лишь отдельные фрагменты (редко — полные предметы), по каким-либо причинам (например, находившиеся в металлическом котле) не подвергшиеся разрушению. Но и они относятся к достаточно позднему времени

(VI—XIV вв.). Это вещи с памятников, расположенных в Прииртышье (потчевашская, усть-ишимская культуры) и Сургутском Приобье (позднесредневековый Сайгатинский могильник). На этих территориях были найдены костяные ложки, концы ручек которых оформлены зооморфными скульптурами [Могильников, 1987. С.190; Финно-угры и балты, 1987. Табл.БХХХ1-28], деревянные ложки [Угорское наследие, 1994. Каталог. № 36, 37], берестяная цилиндрическая коробка [Финно-угры и балты, 1987. Табл.БХХХ1-35], фрагменты стенок орнаментированных берестяных чуманов и один чуман XIII—XIV вв., практически не имеющий повреждений [Угорское наследие, 1994. Каталог. № 34—35].

По всей вероятности, крышкой сосуда (цилиндрического или чумана) или дном цилиндрического сосуда следует считать и предмет, интерпретируемый археологами как кроильная доска [Федорова Н.В., 1994в. С.35; Угорское наследие. 1994. Каталог. № 33]. Он состоит из двух сшитых между собой круглых кусков бересты с несколькими небольшими треугольными вырезами по краям. Считать его кроильной доской позволили следы выкраивания кусочков мягких материалов (видимо, следы ножа). Но аналогичные следы ножа присутствуют и на очень многих этнографических предметах — с внутренней стороны крышки или с наружной стороны дна, которые также делались в два слоя.

К более ранним эпохам относятся предметы, найденные на уральских торфяниках и в Нижнем Приобье (Усть-Полуй). Это все те же деревянные и костяные ковши со скульптурным оформлением конца ручки [Эдинг, 1940. С.34—44; Мошинская, 1953б. С.94, 95; 1965. Табл.5—2; 1976. Табл.9—12]. Изделия с Горбуновского торфяника датируются 3—2-м тысячелетиями до н.э. [Мошинская, 1976. С.88], причем, как установлено, костяная или роговая утварь Нижнего Приобья оформлялась головами птиц, а деревянная уральская — изображениями лося [Мошинская, 1980. С.141—142]. Это и не удивительно, если вспомнить о ведущей роли лося как объекта охоты у приуральского населения с глубокой древности до этнографической действительности и о месте охоты на водоплавающую птицу у жителей больших рек.

Наличие в далеком прошлом предметов, аналогичных тем, что зафиксированы этнографическими источниками, реконструируется по некоторым особенностям керамики. Так, в бассейне Конды были найдены четырехугольные сосуды с невысокими стенками, относящиеся к позднему энеолиту [Кокшаров, 1991. С.93, 94. Рис.1—24], орнамент на кромке которых в виде косых насечек вполне сопоставим (не говоря уже о форме, размерах и пропорциях

сосуда) с теми линиями, что образуют стежки ниток при обшивке кромки берестяного чумана [Федорова Е.Г., 1994в. С.231]. К эпохе позднего энеолита—ранней бронзы относится и ладьевидная керамика Северной Сосьвы [Васильев Е.А., 1984. С.13], Конды и Лозьвы [Кокшаров, 1991. С.93, 98], по форме совпадающая с долбленными деревянными блюдами, получившими широкое распространение среди различных групп обских угров.

С достаточно раннего времени: в Нижнем Приобье с конца 1-го тысячелетия н.э. [Могильников, 1987. С.211], а в более южных районах и раньше — население таежной зоны Западной Сибири пользовалось металлическими котлами. Их широкое распространение, по мнению многих исследователей, дало толчок к исчезновению керамики.

Как представляется, данный вопрос значительно более сложен. Металлические котлы, как известно, служили для приготовления пищи на огне и вытеснить они должны были, вероятно, только один из видов керамики, совпадающий с ними в функциональном отношении. В противном случае, видимо, надо полагать, что глиняные сосуды использовались только для приготовления пищи на огне. Это не соответствует действительности, что подтверждает, хотя бы, наличие керамических четырехугольных сосудов с невысокими стенками (типа чуманов) и ладьевидных сосудов. Сама форма этих предметов показывает, что они никак не могли применяться для приготовления пищи на огне (хотя, конечно, глиняный чуман мог выступать в роли сковороды). Наличие в таежной зоне легкодоступных материалов (дерево, его кора), из которых не так уж сложно сделать утварь (и, видимо, сопоставление временных показателей здесь тоже говорит не в пользу керамики), не позволяет исследователям сомневаться относительно того, что их можно было использовать параллельно с глиной. Кроме того, как известно, приготовление вареной пищи с помощью опускаемых в воду разогретых камней возможно не только в металлической или керамической посуде.

О возможности сосуществования лепной керамики и утвари из иных материалов, в том числе и из металла, говорят материалы по другим народам. В частности, у якутов, за исключением самых северных районов, где не было подходящей глины, в конце XIX—начале XX в. бытовала лепная керамика собственного производства [Серошевский, 1993. С.363—366]. Аналогичное якутскому керамическое производство существовало и у шорцев [Прыткова, 1955. С.161—162]. Таким образом, объяснять исчезновение керамики увеличением ввоза металлической утвари вряд ли правильно, тем более, что для замены

какого-либо вида традиционной утвари на импортную требуется, как показывают материалы XX в., массовый ввоз последней, что вряд ли было возможно в условиях прошлых эпох.

Начало исчезновения керамики, как считал В.Н. Чернецов, фиксируется на памятнике Зеленая Горка около Салехарда (сейчас — в черте города). Керамика там отсутствует. Сам памятник датируется началом 2-го тысячелетия н.э. [Чернецов, 1957. С.232—233]. Важно отметить, что на нем обнаружено много литейных шлаков, что свидетельствует о наличии собственной металлургии [Там же. С.234].

На территории таежной зоны Западной Сибири лепная керамика быстро деградирует с начала XIII в. Археологи считают, что в этом процессе отразилась возросшая роль деревянной и берестяной посуды [Федорова Н.В., Зыков, Морозов, Терехова, 1991. С.141],[^] что вполне вероятно, но само по себе требует объяснения. В данном случае интересной представляется точка зрения В.Л. Серошевского, который связывал упадок керамического производства у якутов не только с появлением металлов, но и с «усилением кочевания» [Серошевский, 1993. С.366]. Видимо, при смене места обитания утрата керамики происходит в первую очередь не потому, что тяжелые, хрупкие и громоздкие предметы трудно перемещать, особенно при отсутствии для этого каких-либо специальных приспособлений, но и с исчезновением навыков, если на протяжении достаточно длительного периода не обнаруживается подходящий материал или же население пребывало в состоянии того самого «кочевания» на уровне нескольких поколений. Народы Западной Сибири с «увеличением оседлости», в отличие от якутов, не восстановили керамического производства, хотя имели глинобитные печи и очаги.

В таежной зоне основным материалом для изготовления утвари является дерево. Коренное население обычно использует все его части: древесину, кору, корни, ветки. Пугем многопоколенного опыта выявляются качества той или иной породы дерева, определяется тот набор предметов, для которых оно наиболее подходит. У обских угров одним из материалов, получивших повсеместное применение при изготовлении утвари, является береста. Она обладает свойствами, способствующими длительной сохранности продуктов. Эластичность этого материала позволяет делать из него предметы различной формы — от простых цилиндрических коробок до трапециевидных кузовов, где форма дна и устья абсолютно не совпадали. Береста — очень легкий материал, поэтому те же кузова были удобны для переноски некоторых

продуктов, например ягод, а за счет плоских стенок кузов (рис. 58 а) хорошо прилегал к спине. Для хранения продуктов использовались большие емкости — в случае необходимости их легко можно было передвинуть с места на место.

Более ограниченное распространение получила кора другого дерева — пихты. Ее в сочетании с берестой использовали для изготовления коробок восточные ханты.

Меньше, чем береста, применялась и собственно древесина, причем среди деревьев различных пород обские угры и в данном случае предпочитали березу: как говорят современные информанты-манси, в утвари, сделанной из березы, пища не меняет своих вкусовых качеств. Береза отличается особой прочностью, поэтому вещи, сделанные из нее, долговечны, меньше подвержены разрушению в связи с изменением температуры. Наросты же на березе — кап — материал, отличающийся еще и легкостью, после обработки его поверхность становится гладкой, на ней проступает узор, образующийся за счет чередования темных и светлых слоев наплыва. Из капа делали, как правило, чашки и рукоятки ножей.

На втором месте среди деревьев, древесина которых использовалась для изготовления утвари, стоит осина. Это легкое и пластичное дерево, изделия из него не ломаются и не покрываются трещинами.

В процессе производства утвари широко применялись корни, расщепленные ветки некоторых деревьев и кустарников (кедра, черемухи, тальника). С их помощью скреплялись детали предметов. Кроме того, у обских угров кедровый корень использовался для изготовления плетеной утвари.

Еще один вид материала, относящийся к числу наиболее доступных таежному населению, — шкуры зверей, птиц, рыб. Теоретически они могут использоваться для изготовления различного рода емкостей. Но качества самого материала ограничили сферу его применения. В частности, сумки больших размеров будут непрочными, если их шить из шкурок пушных зверей или птиц. Поэтому такие сумки делали из шкур крупных копытных или же из более прочных, чем птичьих или пушнина, кож рыбы, сшитых между собой. Менее прочные материалы шли на небольшие сумочки и мешочки.

Судя по имеющимся данным относительно слабо применялась ровдуга: как правило, она выступала в комбинации с другими материалами. Пожалуй, даже ткань — материал не местного происхождения — использовался чаще.

В этнографических источниках лучше всего представлена утварь северных хантов и манси, а также восточных хантов. Практически

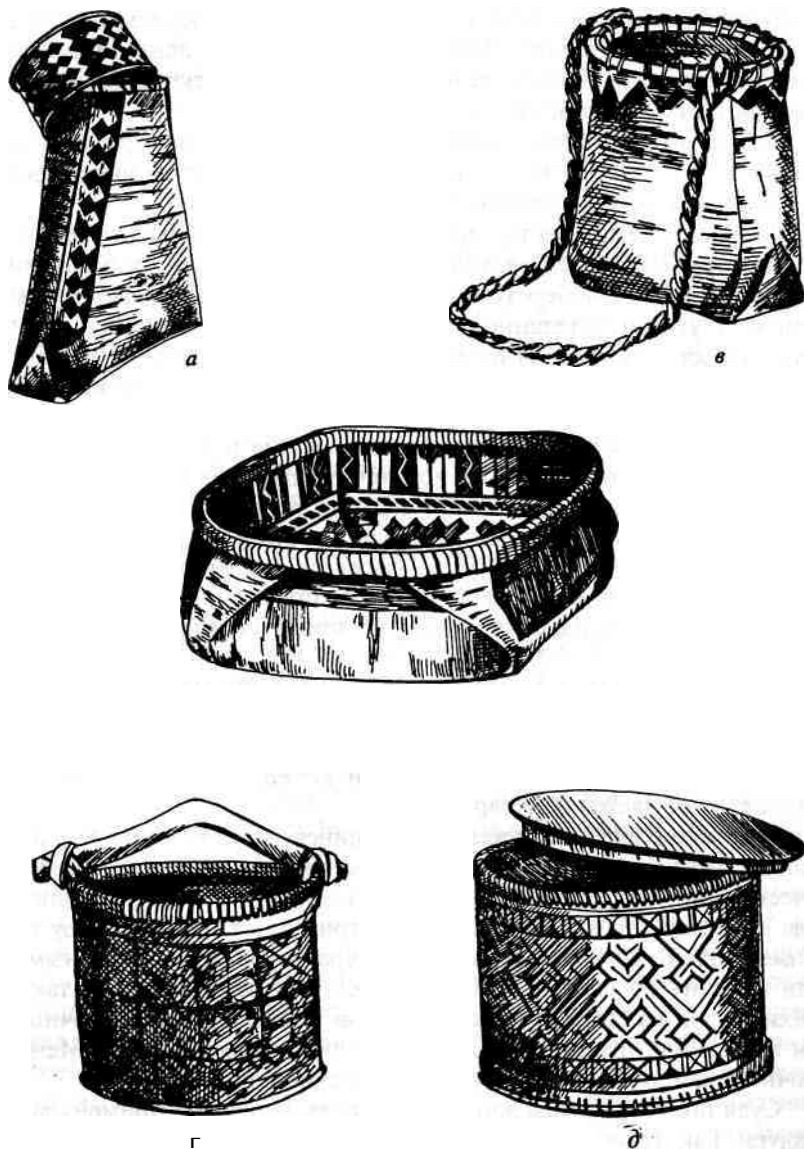

Рис. 58. Берестяная утварь:

а — кузов; б — чуман; в — набирушка для ягод; г — ведро; д — коробка для хранения вещей.

отсутствуют данные по утвари южных групп обских угров. Принято считать, что она была почти полностью вытеснена привозными вещами, внедрение которых в культуру коренного населения здесь происходило быстрее благодаря более тесным контактам с русскими.

Имеющиеся материалы уже давно позволили исследователям на первое место среди предметов утвари обских угров поставить вещи, сделанные из бересты. Они бытовали у всех групп хантов и манси, сохранивших культурную специфику, еще в XX в. По видовому разнообразию берестяной утвари, по уровню ее орнаментированности ближе всего к обским уграм оказались народы Амура. Таким образом, вероятно, данный показатель нужно отнести к числу признаков, характеризующих определенный ХКТ, а именно оседлых рыбаков больших рек. Не исключено, что собственно оседлость сыграла в процессе развития орнаментального искусства решающую роль: определенный образ жизни, устоявшаяся система распределения труда и времени, исключая их затраты на те операции, что составляют неотъемлемую часть кочевого быта, и таким образом высвобождая время, наконец, возможность использования в течение длительного времени одного и того же материала, эксперименты над которым позволили добиться оптимальных форм его применения и украшения изготовленных из него вещей. Это способствовало развитию орнаментального искусства.

Использование для изготовления утвари бересты было характерно практически для всех народов, проживавших на территориях, где произрастала береза: береста оказалась самым подходящим материалом для многих предметов. Нужно отметить, что одна и та же их форма могла бытовать у разных народов. Кроме того, как показывают обско-угорские материалы, берестяные вещи, как правило, многофункциональны именно в плане формы, дополняющие же исходный вариант детали делали предмет более специализированным. Например, один из наименее сложных в изготовлении предметов — чуман (прямоугольный или квадратный сосуд с невысокими стенками, выполненный из одного куска бересты, углы которого заворачивались конвертом) (рис. 57 б) — в наиболее простом варианте (с необработанной кромкой, без орнамента) мог применяться как временный ковшик для воды во время привала, дома в таких чуманах держали некоторые продукты и перья птиц. Чуман с более высокими стенками и прикрепленной к ним дугообразной ручкой у ряда групп хантов служил набирушкой для низкорастущих ягод или ведром для воды. В чуманах с крышками хранили краску, мыло, мелкие вещи. Повсеместно большие чуманы использовались для умывания и стирки, в них могли держать котлы, устраивать временные очаги в лодках,

для чего сосуд наполняли глиной, и т.д. Орнаментированные чуманы с тщательно отделанной кромкой применялись в культовых целях, а маленькие чуманы с орнаментом и длинной прямой деревянной ручкой служили ковшиками для воды.

Многофункциональными были и сделанные из одного куска бересты, но резко отличающиеся по форме от чумана, предметы (с узким и длинным прямоугольным дном, овальным или круглым устьем и имеющие более или менее ярко выраженную трапециевидность передней и задней стенки), как и чуман, распространенные, насколько известно, среди всех групп обских угров. Более плоские, небольших размеров предметы такой формы, не отличающиеся какими-либо украшениями, служили для хранения культовых предметов (прикладов). В емкостях больших размеров в амбарах держали продукты. Утварь разных размеров (большие кузова и маленькие набирушки (рис. 57 а, в)) применялись при сборе ягод. Кузова трапециевидной формы вообще были, насколько известно, самым распространенным среди обских угров средством для переноски груза. В них переносили даже детей, для чего в передней стенке вырезалось отверстие, через которое ребенок высовывал ноги наружу.

Следующая форма берестяной утвари — цилиндрическая. В сосудах без крышки, с дугообразной ручкой, вырезанной из куска рога или ветки дерева с естественным изгибом, держали воду (рис. 57 г). Стенки известных экземпляров таких сосудов покрыты орнаментом, выполненным в технике выскабливания. В коробках разных размеров (рис. 57 д) хранили различные вещи — от мелочи до крупных предметов одежды из ткани. В них же держали и сухие продукты.

Аналогичную функцию (хранение сухих продуктов или вещей) выполняли коробки подпрямоугольной формы, которые, как правило, имели крышки.

У хантов и манси зафиксированы предметы утвари, в которых берестяные детали сочетаются с деталями, выполненными из других материалов. Прежде всего, это туеса, резко отличающиеся от вещей той же, что и они, цилиндрической, формы по способу соединения деталей и технике орнаментации. Не из бересты, а из дерева у туесов делались дно и крышка. Они были вставными, в то время как у полностью сделанных из бересты предметов дно пришитое. Края стенок утвари с берестяным дном в месте соединения прошивалось, у туеса они соединялись «в замок» на наружном слое, внутренние же слои вообще представляли собой кору, снятую целиком с обрубка дерева. Кроме того, насколько известно, туес — это единственный вид берестяной утвари, который орнаментируется в технике штампа

(исключение составляют табакерки, но и они, как туеса, делались с деревянным дном и крышкой и берестяными стенками). Туеса использовались для хранения и переноски молока, рыбьего жира, варки. Зафиксированы они у многих групп обских угров (судя по имеющимся данным, в меньшей степени туеса бытовали у восточных хантов), хотя, видимо, не относились к числу наиболее характерных предметов обско-угорской утвари.

Другой вид утвари, скомбинированной из бересты и пихтовой коры, — цилиндрические коробки — получил ограниченное распространение в территориальном плане, но в то же время является показателем культуры локальных групп хантов. Коробки, внешняя стенка которых делалась из коры пихты (все остальные детали были берестяными), бытовали у восточных хантов. Причем использование этого материала у населения Пима, Агана и Тромьегана (правые притоки Оби) можно объяснить природным фактором — составом лесов, где преобладают хвойные породы деревьев [Лукина, 1985б. С.244]. Но пихтовые коробки имелись и у левобережных юганских хантов, на территории обитания которых было достаточно много березы, и не бытовали у других групп восточных хантов, имевших возможность пользоваться корой пихты [Там же]. Отсутствие данных о наличии подобных коробок у других групп обских угров говорит о том, что этот элемент культуры изначально имел определённую локальную привязку и характерен для тех групп восточных хантов, которые в целом принято называть сургутскими. На отличающуюся от прочих культурную традицию указывает и специфический способ нанесения орнамента на стенки — краской.

Рассмотренные здесь виды берестяной утвари, как сделанные из одного куска бересты, так и с отрезным дном, бытовали повсеместно. Большинство из этих форм известно и другим народам Сибири [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994а. С.117—118]. Действительно, простота изготовления всех этих предметов говорит в пользу конвергентного происхождения, тем более, что возможность разнообразить форму вещей ограничивается самим материалом. Из одного пласта бересты получаются две основные формы: его можно загнуть по краям, в результате чего производится предмет с прямоугольным или квадратным дном и относительно невысокими стенками (чуман), или же сложить поперек — в этом случае вещь имеет узкое и длинное прямоугольное дно и высокие стенки. Обе формы бытовали у многих народов Сибири в тех или иных вариантах, различия между которыми состоят в способах обработки устья, соединения деталей, используемом при этом материале (хотя последний и зависит в значительной степени от местных условий).

По этим признакам обско-угорские сосуды с невысокими стенками больше всего сходства имеют с таковыми у нарымских селькупов, тувинцев-тоджинцев, народов Амура, а неорнаментированные мансийские — с сосудами шорцев и тофаларов [Лукина, 1985б. С.239; Федорова Е.Г., 1994в. С.231]. В то же время выявляются и некоторые особенности этих предметов, характерные для различных групп хантов и манси. Так, у васюганских хантов при перевязывании веревок поверх крышки чумана использовалась костяная пластинка; у сургутских хантов редко встречается выскабливание орнамента на дне и внутренних стенках сосуда, что очень характерно для васюганско-ваховской группы; только у северных хантов и манси зафиксирован способ обработки кромки устья путем сплошной обшивки саргой и крепления внутреннего и наружного обруча на некотором расстоянии от ее края [Лукина, 1985б. С.239; Федорова Е.Г., 1994а. С.84]. Наиболее же значимым признаком при различении предметов данной формы (как и других) у разных групп обских угров является орнамент.

Бытование другого типа предметов из одного пласта бересты среди народов Сибири было более ограниченным, хотя и по всей Территории, включая Дальний Восток. Утварь же с сильно выраженной трапециевидностью передней и задней стенок зафиксирована в пределах западносибирского региона. Эта трапециевидность достигается за счет большой разницы по форме между дном и устьем: у первого — прямоугольник, у второго — круг (в другом варианте предметов этого типа устье делается в форме вытянутого овала).

Такую особенность обско-угорской утвари (кузова, в меньшей степени — набирушки для ягод) можно объяснить следующим образом. Как было сказано выше, кузова служили основным средством для переноски грузов, а во многих случаях — и для хранения продуктов. Следовательно, с появлением этой их функции возникла необходимость в изменении размеров в сторону увеличения, поскольку небольшие емкости неудобно носить на спине или использовать для хранения значительных по объему запасов. Большие кузова в высоту достигали 60 см, при размерах дна 10 x 30 см. Если бы устье имело овальную форму, то по размерам оно приблизительно соответствовало бы дну. Но при такой конструкции доставать содержимое из большой емкости неудобно — ее приходилось бы наклонять и переворачивать. Поэтому было введено усовершенствование: устью придавалась близкая к круглой или круглая форма за счет пришивания стенок к обручу. В дальнейшем эта форма перешла и на предметы небольших размеров, как, видимо, наиболее устоявшаяся. Она получила распространение

в таежной зоне Западной Сибири у народов разной лингвистической принадлежности, что дает основание связывать ее происхождение с древним таежным населением, у которого она, возможно, была основным средством для переноски грузов при пешем передвижении. На изначальность же формы предмета, где устье почти совпадает с дном, а края стенок идут почти параллельно друг другу, указывает, как представляется, еще и то, что такие предметы использовались в культовой практике.

Анализ известных предметов этой формы у обских угров позволил выявить некоторые локальные особенности. Так, манси набирушки при сборе ягод вешали на шею, для этого к краю устья пришивалась петля из полосы ткани или веревки. Этот же способ был известен и северным и восточным хантам. Кроме того, ханты носили набирушки на поясе, на кожаной петле, пришитой к широкой стенке. У восточных хантов зафиксирован способ, когда петля, пришитая к широкой стенке, имела косточку от ноги птицы или деревянную палочку, которые затыкали за пояс, — набирушка при этом висела на бедре [Лукина, 1985б. С.67]. Васюганские ханты крепили лямки заплечного кузова на груди с помощью специальной костяной застежки. У этой же группы бытовали кузова, имеющие накладную крышку с очень широким ободом [Там же. С.240]. Некоторые различия наблюдаются и в способах орнаментации: техника украшения двуплановой плоско-рельефной резьбой на деревянных планках боковых стенок кузовов фиксируется только у северных хантов [Федорова Е.Г., 1994а. С.85]; манси украшали свои кузова и набирушки в технике выскабливания, ханты пользовались еще и аппликацией.

Утварь с пришивным дном, как отмечалось выше, для обских угров была не менее характерна. Известно три ее формы: цилиндрическая, овальная, подпрямоугольная. Трудно сказать, которая из них была первичной. Возможно, таковой следует считать подпрямоугольную форму — для дна в этом случае берется прямоугольный кусок бересты, в то время как при изготовлении цилиндрической или овальной утвари требуется дополнительная операция: дно вырезается в виде круга или овала. Кроме того, на некоторых экземплярах цилиндрической или овальной утвари на стенках продольными планками отмечаются места, где могли бы находиться углы, если бы предмет имел прямоугольную или квадратную форму.

Характерной деталью утвари с пришивным дном является то, что дно и крышка делались в два слоя бересты, а стенки — чаще всего в один. Кроме того, все известные экземпляры, за исключением высоких бочек, орнаментированы.

Судя по имеющимся материалам, цилиндрическая утварь была распространена среди всех групп обских угров. От назначения предмета зависели его пропорции, большая или меньшая тщательность отделки, наличие или отсутствие крышки. К числу локальных особенностей можно отнести способы закрепления крышки на коробке [подробнее см.: Федорова, 1994а. С.80,86]. Кроме того, способ обработки устья с выступающей над укрепляющими элементами изнутри и снаружи планками был характерен для северных хантов манси. У этих же групп фиксируется двуплановая плоско-рельефная резьба на деревянных пластинках, нашитых снаружи на стенки только восточные ханты (васюганско-ваховские) орнаментировали коробки в технике ажурной резьбы с подкладным фоном, хотя и в них этот способ не получил широкого распространения.

Предметы овальной формы были характерны для северных (сынских и куноватских) хантов и северных манси. У восточных же, сургутских, хантов овальные коробки (как и цилиндрические) имели наружные стенки из пихтовой коры.

Бытовавшие повсеместно подпрямоугольные коробки всегда украшались орнаментом, почти все они имели крышки. Служили такие коробки преимущественно для хранения предметов рукоделия и также сухих продуктов. Именно их назначением обусловлены сравнительно небольшие размеры этих коробок. Локальные особенности выражены в различиях в пропорциях (например, ваховских хантов коробки более низкие и длинные), в способах обработки кромки устья (аналогичны цилиндрическим). Нужно отметить, что у северных хантов и манси на подпрямоугольные коробки, чаще, чем на цилиндрические, орнамент наносился краской или оленьей кровью. В связи с этим уместно привести данные по северным хантам, у которых процесс нанесения орнамента на бересту и ровдугу называется одинаково [Молданова, 1999. С.34]. На ровдугу узоры наносили краской (в данном случае подразумевается именно эта техника), что предшествовало другим способам орнаментации [Рындина, 1997. С.13]. Использование более древнего способа украшения бересты, как представляется, может свидетельствовать в пользу того, что и сами вещи (подпрямоугольные коробки) первичны по отношению к другим (цилиндрическим или овальным). Еще одна техника орнаментации этих предметов — тиснение — использовалась иногда для украшения крышек. Оно относится к числу наиболее древних приемов орнаментации.

Тиснение или нанесение узоров с помощью штампов применялись для декорирования цилиндрических и овальных туесков и табакерок — утвари, имеющей значительные конструктивные

отличия от рассмотренных берестяных предметов, о чем было сказано выше. По мнению В.Н. Чернецова, орнаментация с помощью штампа бересты происхождением связана с техникой штампа на древней керамике (железный век), поскольку обнаруживается сходство в узорах [Чернецов, 1953б. С.69; 1964а. С.59]. Но в данном случае обращают на себя внимание два факта. Во-первых, тус, украшенный штампованным орнаментом, бытовал у многих народов не только на территории Сибири, но и за ее пределами. Различались эти предметы у разных народов способом соединения краев наружного слоя стенки, наличием или отсутствием третьего слоя бересты на стенках, способом крепления ручки крышки. Во-вторых, не менее широкое распространение получило и название «тус», которое происходит, видимо, от одного из значений древнетюркского *tdz* — береста [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994а. С.116]. Таким образом, происхождение самого предмета следует, видимо, связывать с тюркоязычным миром, тем более что среди тюркоязычных народов он бытовал очень широко. В отношении восточных хантов, в частности васюганских, предполагается позднее заимствование туса от каких-то тюркских групп [Лукина, 1985б. С.245].

Если учесть то, что тус очень хорошо приспособлен для переноски жидкости (некоторые из современных информантов сравнивали его с термосом), можно предположить, что первоначально он использовался именно таким образом, что допускает включение его в число элементов кочевого быта. В связи с этим и появление тисненого орнамента иным, нежели тот, что предполагал В.Н. Чернецов, путем вполне реально: тюркоязычные скотоводы сначала использовали кожаные фляги, украшенные тиснением, с переселением каких-то их групп в районы, где возможности скотоводства оказались ограниченными, пришлось искать новый материал. Им оказалась береста, дополненная деревом. Но способ нанесения орнамента остался прежним или близким к нему. Кстати, не исключена и параллель между способами изготовления берестяного туса, вернее, его внутреннего слоя, и кожаных сосудов народов Южной Сибири, отличающихся по форме от фляги и, насколько известно, не орнаментируемых: и в том, и в другом [см. например: Тошаква, 1976. С.186—188; Дьяконова, 1988. С.66—68] случаях материал (кора с обрубка березы, кожа с какой-либо части животного) снимались целиком.

Завершая рассмотрение берестяной утвари, нужно отметить, что к числу наиболее значимых признаков, по которым предметы, выполненные из бересты, различались у разных групп обских угров,

служил орнамент, но анализ этого культурного явления не входит в задачу настоящей работы.

Менее разнообразна, по сравнению с берестяной, была утварь, сделанная из древесины. Как говорилось выше, на нее шла преимущественно береза. Изготовлением деревянной посуды занимались мужчины, в то время как берестяную делали женщины.

Можно выделить несколько видов деревянной утвари. К первому из них относятся сравнительно плоские долбленные блюда и тарелки, немного различающиеся по форме. Наибольшее распространение получили вытянутые в длину, с дном маленьких размеров и пологими стенками блюда, в которых подавали на стол вареные рыбу и мясо. Эта форма ближе всего стоит к упоминавшимся здесь ладьевидным глиняным сосудам эпохи бронзы [см.: Васильев Е.А., 1984. С.13; Эпоха бронзы, 1987. Рис.96—9, 10, 13]. Вполне допустимо, что она уже с глубокой древности выполнялась и в дереве — с появлением соответствующих орудий для ее обработки. Таким образом, можно предположить местное (Нижнее Приобье) происхождение таких блюд, бытовавших, кстати, и у всех других народов Западной Сибири.

„ Более плоские, круглые или овальные с выемками на каждой из коротких сторон (как бы разделяющими предмет пополам) блюда были характерны, насколько известно, для юганских хантов (восточная группа). Возможно, именно их следует подразумевать, если соглашаться с мнением Н.В. Лукиной о том, что деревянные долбленные блюда имеют южное происхождение и возникли они в среде кочевников-скотоводов в связи с появлением традиции варки мяса [Лукина, 1985б. С.249]. Хотя в данном случае все-таки, видимо, о корнях предмета можно говорить при полном совпадении его по форме с предполагаемым первоисточником — ведь долбленная утварь бытовала вообще достаточно широко вплоть до побережья Тихого океана. У населения бассейна Амура она использовалась в ритуальных целях — при жертвоприношении хозяину и хозяйке воды [Таксами, 1971. С.209].

Второй вид деревянной утвари — это долбленные корыта и корытца. Небольшие предметы использовались для разделки и хранения рыбы, размельчения черемухи, в корытах больших размеров толкли сушеную рыбу, превращая ее в муку-порсу. Судя по имеющимся материалам, эта утварь не была распространена по всему обско-угорскому региону. У хантов она локализуется в бассейне правобережных притоков Оби, у манси — в бассейне Северной Сосьвы. Не удалось обнаружить долбленных корыт, использовавшихся для размельчения продуктов, и у других народов Сибири. Это

заставляет считать данный элемент культуры узколокальным и сформировавшимся в среде оседлых рыбаков, поскольку достаточно очевидна связь между долбленным корытом и долбленной лодкой в ее первоначальной форме. Видимо, позднее корыта у обских угров были вытеснены другим видом деревянной утвари, также использовавшейся для размельчения продуктов, — ступами.

Ступы, насколько известно, были распространены практически повсеместно. Очень различались они по размерам: от самых маленьких, высотой около 10 см, использовавшихся для размельчения табака, до больших, высотой до 90 см, в которых толкли покупной ячмень, черемуху. Некоторое разнообразие обнаруживается и в форме ступ (близкие к цилиндру, с поддоном, с ножками и поддоном).

Н.В.Лукина, анализируя материалы по восточным хантам, допускает возможность происхождения ступ от саяно-алтайских народов, у которых их использование первоначально могло быть связано с обработкой ячменя [Лукина, 1985б. С.253]. Видимо, ступа больше, чем корыто, оказалась приспособлена и для толчения черемухи, постепенно она стала заменять корыто и при размельчении сушеной рыбы. То, что корыто предшествовало ступе, как представляется, подтверждает перенос его названия (кстати, одинакового у хантов и манси — *кури* (хант.), *хури* (манс.)) на ступу у юганских хантов.

Следующий вид деревянной утвари — чашки, из которых пили мясной бульон и уху. Чаше всего их вырезали из капа. Важно отметить, что из деревянных чашек ханты и манси не пили чай. Как предполагает Н.В. Лукина, «формирование традиций чаепития у хантов с самого начала было связано с употреблением покупных фарфоровых чашек и блюдец. В этом отношении не исключено влияние поставщиков чая — бухарских купцов» [Лукина, 1985б. С.252]. Использование же деревянных чашек только под уху и мясной бульон — пищу сугубо местного происхождения — заставляет предполагать и местное же происхождение этой утвари. В пользу этого имеется еще один аргумент: наличие у большинства из известных экземпляров чашек (к сожалению, их не так уж и много) ручки, которая завершается скульптурным изображением головы птицы. Некоторые из чашек вообще вырезались в форме птицы, что позволило предположить их связь с древней уральской скульптурой [Иванов, 1970. С.14]. В то же время нельзя исключить, что подобные чашки в далеком прошлом были распространены по всей Западно-Сибирской равнине, но сохранились только в торфяниках Урала. Они могли быть элементом культуры рыбацкого населения, как и уже упоминавшиеся здесь деревянные блюда народов Дальнего Востока, оформленные в виде птиц и использовавшиеся в ритуальных

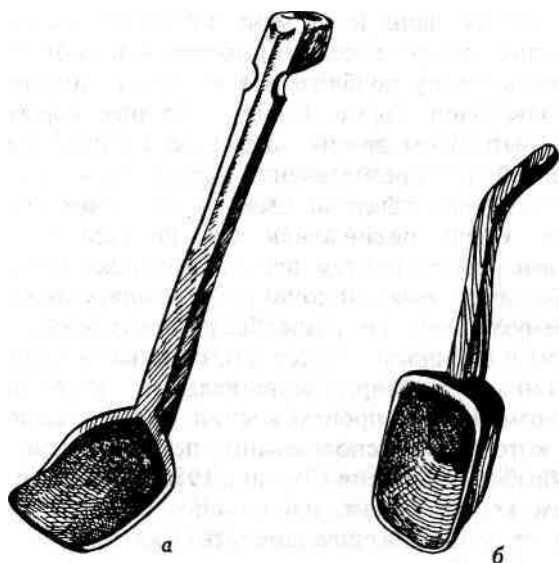

Рис. 58. Деревянные черпаки.

а — северные манси; *б* — восточные ханты.

целях. Возможно, у обских угров и сами эти вещи, и представления об их назначении оказались вытесненными более поздними напластованиями, сохранившись в виде деталей некоторых предметов.

Связь между вещами древних уральцев и обских угров этнографической действительности прослеживается также на примере деревянных черпаков (рис. 58), которые до сих пор встречаются у хантов и манси, [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.250—251; Федорова Е.Г., 1994в. С.224—225]. Скульптурное оформление конца ручки больше характерно для северных хантов и манси, что, опять же, подчеркивает возможную связь с уральской скульптурой — из-за большей территориальной близости. Нельзя не заметить, что в стилистическом плане между вещами эпохи бронзы [см., например: Эпоха бронзы, 1987. Рис.122—2, 4—7] и этнографическими имеются немалые расхождения: скульптурные изображения птиц на ручках последних более схематичны (интересно, что изображения голов лося совпадают в большей степени). Но сами вещи, найденные на археологических памятниках, можно рассматривать как прототипы поздних ковшей-черпаков: форма последних, довольно характерная и отличавшая черпаки хантов и манси от подобных вещей других народов, начинала складываться

уже в древности [см.: Там же. Рис.122—8]. По этнографическим же материалам, наибольшее сходство обнаруживается между обско-угорскими и шорскими черпаками [Лукина, 1985б. С.251; Федорова Е.Г., 1994в. С.225].

Видимо, поздним, уменьшенным, вариантом черпаков являются деревянные ложки, близкие к ним по форме. Они не были особенно характерны для хантов и манси, что лишний раз свидетельствует о наличии другого способа употребления жидкой пищи — как было сказано выше, ее пили из чашек.

Из дерева у обских угров делались еще и многие другие предметы утвари, без которых невозможен быт таежного населения. Это различные доски для разделки рыбы, лопатки, с помощью которых сажали хлеб в специальную хлебную печь, лопатки для помешивания в котле и др. *

Особую категорию предметов утвари составляют приспособления для подвешивания котла над огнем. Для всех видов очагов использовались крюки с перекладной. Различались способы крепления крюков на перекладине — с помощью отверстий или зарубок на самом крюке. Из-за отсутствия материалов определить, для каких групп характерен то или иной тип крюков, сейчас сложно. Можно лишь отметить, что у восточных хантов зафиксированы крюки с зарубками [Лукина, 1985б. С.71], у манси — крюки с отверстиями [Федорова Е.Г., 1994в. С.224]. Насколько можно судить, повсеместно бытовали крюки из изогнутой проволоки (для того, чтобы менять высоту котла над огнем, пользовались набором крюков разной длины), прототипом которых, видимо, являются известные по музейным коллекциям крюки из высушенной журавлиной лапы.

Последний вид утвари, для изготовления которого использовалось дерево, — так называемые корноватики. Это сравнительно небольшие корзинки круглой или прямоугольной формы, с крышками, сплетенные из кедрового корня, черемуховых или ивовых прутьев [о технике см.: Попов, 1955. С.106—112]. Они служили для хранения посуды, огнеприпасов, игрушек. У северных хантов бытовали плетеные тарелки, которые встречались также у восточной группы этого народа. Насколько можно судить по имеющимся материалам, корноватики больше характерны для хантов, чем для манси, хотя не исключено, что этот элемент культуры манси был плохо зафиксирован этнографическими источниками.

Существует мнение, что корноватики — палеосибирская черта в культуре хантов, поскольку наибольшее сходство по форме, способу соединения крышки они обнаруживают с чукотскими и корякскими плетеными коробками [Лукина, 1985б. С.247—248]. Но нельзя не

отметить, что плетеные коробки с крышками, по археологическим материалам, известны и на тех территориях, где в далеком прошлом могли обитать предполагаемые предки (или население, оказавшее на них влияние) обских угров. Плетеные изделия найдены на памятниках в низовьях Сырдарьи, принадлежавших кочевому племени дахов, входящему в состав сакского мира (последние века 1-го тысячелетия до н. э.) [Вайнберг, Левина, 1992. С.54], а также среди погребального инвентаря могильника Карабулак (I—IV вв., Ферганская долина, предположительно юечжи) [Заднепровский, 1992. С.91].

Распространение плетеных коробок в этнографической действительности среди многих [см., например: Ли, 1995] народов показывает, что совсем не обязательна их привязка к лесному населению. Вероятно, они возникли у жителей берегов рек, по которым росли гибкие кустарники, их ветки оказались наиболее подходящим материалом для плетения утвари. В тех регионах, где нет леса, ветки прибрежных кустов, наряду с глиной, были тем материалом, из которого возможно изготовление утвари жестких форм. Плетеные предметы прочнее глиняных, они удобны в кочевом быту. У оседлого населения было много разнообразных плетеных корзинок, значительно отличающихся по форме от коробок обских угров и тех предметов, что известны по археологическим материалам (они совпадают с обско-угорскими). Таким образом, возможно наличие нескольких очагов возникновения плетения из гибких ветвей, из каждого из которых шло развитие самостоятельных линий этого вида деятельности. Относительно обских угров можно предположить, что плетеная утварь была элементом культуры одного из южных этнических компонентов, вошедшего в состав их далеких предков на каком-то этапе этнической истории. В таежной зоне был найден новый материал — кедровый корень, который оказался не менее подходящим. Нельзя не отметить, что в Западной Сибири утварь, плетеная из корней или ветвей, не дошла до тундровой зоны, не бытует она и у ряда народов, имеющих сходство в наборе утвари с обскими уграми. Это, в частности, кеты, эвенки, ненцы.

Большую группу предметов утвари обских угров составляют различного рода мешки и сумки, использовавшиеся для хранения мелких вещей, одежды, сухих продуктов (сушеной рыбы, муки). Их делали из различных материалов. Одним из наиболее древних в данном случае, видимо, нужно считать рыбы кожи. Мешки из этого материала получили повсеместное распространение [описание см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.236]. Чаще всего применялись кожи налима, реже — других рыб, например, тайменя. Большие мешки служили для хранения муки, сушеной рыбы, маленькие — для

швейных принадлежностей, которые брали с собой, уходя на охоту, мужчины. Эта функция мешочков из рыбьих кож зафиксирована у манси, сам предмет известен под двумя названиями — *хул сов хурыг* (*хул* — рыба, *сов* — шкура, *хурыг* — мешок) и *ёвт нял 'хурыг* (*ёвт* — лук, *нял* — стрела). Последнее название, видимо, указывает на то, что мешки из рыбьих кож издавна использовались охотниками для транспортировки орудий охоты, в данном случае — лука и стрел. С распространением огнестрельного оружия надобность в них отпала, из рыбьих кож стали делать мешочки для швейных принадлежностей охотника. Это одно из возможных объяснений названия. Не исключено, что оно связано со спецификой одной из локальных групп манси. В целом же бытование мешков из рыбьих кож характерно для населения бассейнов больших рек, хозяйство которого базируется на рыболовстве и охоте и которое вело оседлый или полуседлый образ жизни. Это не только обские угры, но и кеты, нанайцы, обские ненцы, шорцы. Относительно названной группы ненцев можно предполагать, что мешки из рыбьих кож сохранились в их культуре с того времени, когда они обитали в таежной зоне. Не исключается и заимствование от обских угров, хотя это предположение представляется менее убедительным, если вспомнить о том, что самодийцы достаточно долгие жили в условиях, где основными занятиями для любого населения могли быть охота и рыболовство. Кроме того, мешки из рыбьих кож следует считать древним элементом культуры — материал, из которого они делаются, относится к числу наиболее доступных оседлым рыбакам, проживавшим по берегам больших рек. Наличие же подобных мешков у шорцев лишний раз подчеркивает сложность их этногенеза и этнической истории.

Ту же функцию, что и маленькие мешочки из рыбьих кож, выполняли своеобразные сумочки из кожи, снятой с лап лебедя, по устью надставленные полосой сукна. Кроме того, в них хранили мелкие вещи и украшения (например, ваковские ханты [Лукина, 1985б. С.259]). Как отмечалось выше, использование птичьих шкурок для

Рис. 59. Мешок для хранения вещей. Восточные ханты. Пунси-2. Фото автора (МАЭ, И-1267-18).

шитья одежды является признаком культуры приречных жителей. Это положение можно распространить и на утварь. В данном случае речь идет не только о сумочках из кожи с лап лебедя, но и зафиксированных у васюганских хантов кисетах из шкуры гагары [Там же. С.255]. Видимо, когда-то этот материал имел более широкое применение у жителей берегов больших рек, но потом во многих районах оказался вытесненным шкурами копытных или берестой. Исключение составила кожа с лап лебедя — из нее получают очень прочные и, к тому же, непромокаемые сумочки, особенно удобные в быту охотников, вынужденных нередко преодолевать большие расстояния при разных погодных условиях.

Широкое внедрение оленьих шкур как материала для изготовления различных мешков и сумок, в которых хранили вещи и продукты, произошло с развитием оленеводства. Предшественником же этого материала могли быть шкуры крупных копытных, добываемых на охоте: в основном лося (рис. 59) и дикого оленя. Кстати, лосиные шкуры и не выходили из употребления. Из них шили мужские сумки для различных охотничьих принадлежностей. Сумки имели прямоугольную или почти квадратную форму, скругленные нижние углы и широкий клапан. Такие сумки с помощью петель крепили на поясе или же носили на перевязи через плечо. Зафиксированы они у северных и восточных хантов, северных манси.

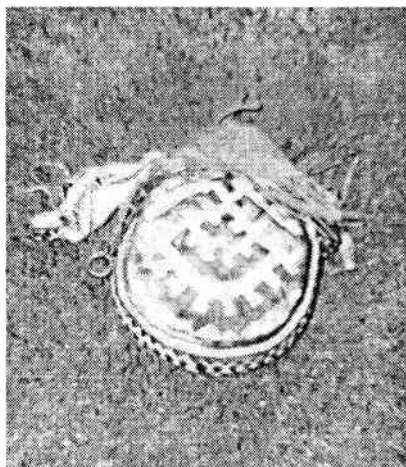

Рис. 60. Сумка для хранения рукоделия.
Манси, р. Ляпин.
Фото автора (МАЭ, И-2191-163).

Из лосиных камусов в сочетании с ровдугой шили мужские мешочки на вздержке восточные ханты [Лукина, 19856. С.257], т.е. в этнографической действительности, насколько известно, шкура лося использовалась только для изготовления мужских сумок, причем связанных с охотой (следует напомнить, что лось был основным объектом мясной охоты значительной части населения западно сибирской и зауральской тайги, у обских угров существует культ лося, особенно выраженный у крайне западных и крайне восточных групп, повсеместно, где

охотятся на лося, женщины соблюдают запреты на поедание лосиного мяса в определенных ситуациях и определенных его частей, сырое же мясо нельзя есть никому).

Наиболее простые формы сумок диктуют особенности самой шкуры. Особо подходящими оказывались ее части, снятые с головы или же с конечностей (чулком). Но у обских угров последние всегда разрезались и из-за того "что были прочными, использовались для шитья тех вещей, которые должны быть носкими. Шкуры же с головы и по размерам подходили для сумок. Лучше всего они просматриваются в ненецких сумках для швейных принадлежностей [см., например: Хомич, 1976аСЛ79, рис.5], и в сумках восточных хантов, использовавшихся с той же целью [Лукина, 19856. С.75, 258].

Принято считать, что сумки для хранения рукоделия (тутчан) (рис.60) ханты и манси заимствовали от ненцев вместе с другими предметами оленеводческого быта. Они совпадают по форме и конструкции (две закругленные в нижней части детали соединяются узкой полосой — боковой вставкой и по верху надставляются ровдугой с кулиской по краю, через которую продевается ремешок или шнурок). Совпадают и дополнительные детали (ромбовидный игольник из куска шкуры с чехлом для наперстка), а также украшения (ровдужная бахрама в швах, соединяющих детали, мозаичный орнамент). Основное различие состоит в степени орнаментированности: у обских угров она значительно выше. Кроме того, на некоторых сумках северных хантов и манси выполняются изображения священных зверей, в том числе и медведя, что требует объяснения, поскольку изображения священных животных не могут присутствовать на женских вещах (пока известно лишь, что сумки с такими орнаментами нельзя, в отличие от других, класть в могилу вместе с умершей владелицей).

Обращает на себя внимание и то, что на игольнике, прикрепляемом к сумке, орнамент вышивается подшейным волосом оленя — техника, имеющая крайне ограниченное применение у обских угров. Все вместе — форма, ведущая происхождение от шкур с голов крупных копытных, охота на которых осуществлялась с глубокой древности, использование одной из древнейших техник орнаментации, узоры, характерные только для вещей определенного круга, — заставляет по-другому посмотреть на вопрос о происхождении сумки для рукоделия. В принципе, нет оснований отрицать ее самодийское происхождение, обоснование которого строится на языковых данных [см. Хомич, 1976 а>3.179; Steinitz, 1980. S.181]. Но остальные признаки указывают на то, что сумки для рукоделия — достаточно древний элемент в культуре обских

угров. Кстати, о том же свидетельствует и название, поскольку все относительно поздние заимствования имеют либо описательное название, либо в нем присутствует компонент, указывающий на этнос-донор.

Относительно локальных особенностей обско-угорских сумок нужно сказать, что повсеместно наблюдаются некоторые различия в их размерах, а также пропорциях. Для восточных хантов характерны более вытянутые в длину сумки. Кроме того, эту группу отличает использование различных материалов в одном предмете в большей степени, чем у других групп. У восточных же хантов бытовали и сумки для рукоделия, принципиально отличающиеся от рассмотренных выше, некоторые из них обнаруживают сходство с сумками кетов и селькупов [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.257—259]. Значительные отличия наблюдаются и в украшениях восточнохантыйских сумок.

Еще один вид утвари из шкур (оленя), получивший достаточно широкое распространение — мешки для хранения вещей и продуктов. Он удобен как в жилище, так и во время переездов [описание см.: Лукина, 1985б. С.75; Федорова Е.Г., 1994в. С.249—250]. Мешки для вещей отличались от сумочек для рукоделия большими размерами, пропорциями (они вытянуты в ширину). Кроме того, надставка делалась из шкуры оленя ворсом внутрь, закрывался же мешок с помощью нескольких пар ровдужных ремешков. Существенные различия имеются и в характере декорирования этой утвари и сумок для рукоделия: общая орнаментальная композиция на лицевой стороне мешка делилась на вертикальные зоны, каждую из которых заполнял линейный геометрический узор, выполненный в технике меховой мозаики. Тильная сторона не украшалась вообще, нередко она выполнялась не из оленьих шкур, а из какого-либо плотного материала (например, грубый холст, сукно). Полностью из сукна и ровдуги шили мешки для женской обуви, которую всегда держали отдельно, поскольку с ней связаны представления о «нечистоте» [см., например, Ромбандеева, 1993. С.90—91]. В композиционном плане орнамент на таких мешках был аналогичен узору на меховых [Рындина, 1995. С.77]. При отсутствии оленьих шкур мешки могли шить из шкур коров.

Меховые мешки для хранения вещей и продуктов бытовали преимущественно у северных групп обских угров, у той части западных манси, которая занималась оленеводством, а также у восточных хантов, в том числе и левобережных, к которым они попадали, видимо, в результате обмена. В целом же их производство и бытование связано с оленеводческим населением, среди которого

присутствуют не только обские угры, но и коми, ненцы. С последних же, по всей вероятности, меховые мешки и был заимствованы другими народами. В пользу этого свидетельствует р* показателей. Во-первых, именно у ненцев данная форма оказалась наиболее разработанной, хотя в плане декорирования, как и в другие случаях, на первое место выдвигаются обско-угорские вещи. Кров того, буквальный перевод хантыйского и мансийского названия мешка — «ненецкий мешок».

По мнению Л.В. Хомич [1984. С.26—27], меховые мешки аналогичные рассмотренным, могли сформироваться в среде далеко предков ненцев, не выделившихся еще из самодийской общности поскольку эти предметы сходны с саамскими, а самодийская принадлежность протосаамов считается доказанной. Возможно данная утварь сложилась тогда, когда древние самодийцы были еще охотниками. В пользу этого говорит то, что лицевая сторона мешков скомбинирована из мелких кусочков меха оленя, которые могли сменить шкурки пушных зверей (при изначальном наличии целых шкур вряд ли имеет смысл их раскраивание на мелкие детали). С развитием оленеводства, давшего новый материал, на него был перенесена старая форма. Учитывая то, что формирование ненецкого оленеводства сейчас связывается с северными территориями, вряд ли имеет смысл искать место сложения доживших до конца XX в. меховых мешков где-то в других районах.

Как было сказано выше, обские угры использовали при изготовлении своей утвари ткань. Ее комбинировали с другими материалами, обычно при шитье различных мешков или сумок* либо все детали предмета выполняли из ткани. В первом случае чаще всего брали холст или сукно. Сукно обязательно прокладывалось швы меховых мешков, из него же делали и кисеты. Кисеты (мужские сумочки) шили и из хлопчатобумажной ткани. По ряду признаков их можно выделить в особую категорию предметов утвари хантов и манси [описание см.: Лукина, 1985б. С.74; Федорова Е.Г., 1994г. С.239—240]. Насколько известно, такие сумочки нередко брали собой в дорогу.

Нужно отметить, что вообще у хантов и манси фиксируется множество разнообразных сумочек, главным образом мужских, которые из-за недостатка материала (лучше всего им обеспечены восточные ханты) рассмотреть здесь не представляется возможным.

Особую группу вещей представляют собой предметы домашней утвари, в которую входят спальные принадлежности и мебель. В наборе спальных принадлежностей, пожалуй, лучше всего отражены

различные этапы формирования всего комплекса предметов утвари и домашнего убранства хантов и манси.

На нары (см. «Жилище») сначала клали циновки из травы [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.78—79, 267—269; Федорова Е.Г., 1994в. С.241]. Их производство было настолько развитым, что выделяется несколько их типов (для изготовления одного из них использовался даже специальный станок), параллели с которыми обнаруживаются в культурах самых различных народов — от северных самодийцев до тюркоязычных народов Средней Азии и населения бассейна Амура [Щопов, 1955. С.142; Лукина, 1985б. С.268].

В функциональном отношении использование циновок вполне оправданно: они впитывали сырость, благодаря чему постеленные сверху шкуры не портились. Но северные группы обских угров отличает то, что циновки у них еще и развешивались по стенам, что сближает их с народами Средней Азии и Казахстана [Лукина, 1985б. С.269], а также народами Дальнего Востока (у нанайцев, в частности, циновками завешивали окна, у ульчей тростниковую заслонку на шестах использовали для закрывания вентиляционных отверстий [Сем, 1973. С.54]). Таким образом, происхождение циновок обских угров можно рассматривать по трем направлениям: во-первых, как элемент культуры древних аборигенов, во-вторых, как элемент культуры представителей ХКТ рыболовов больших рек, в-третьих, как заимствование (возможно, очень древнее) от тюркоязычного населения. В пользу последнего, кстати, может свидетельствовать наличие в южной части обско-угорского ареала ковров, сплетенных из конского волоса в той же технике, что и циновки II типа (классификация А.А. Попова).

Поверх циновок, как говорилось, клали шкуры (оленя). Использование с этой целью в прошлом шкур лося как будто не фиксируется, что, видимо, можно объяснить особым отношением к этому животному. В конце XX в. случаи применения шкур лося в качестве подстилок имели место, причем у тех групп, которые придерживаются традиционного образа жизни.

Широкое использование шкур оленя возможно только либо при наличии оленеводства, либо при достаточно развитой охоте на диких животных. И то, и другое, как было сказано выше, имело место не у всех групп обских угров. Какие-то из них получали олени шкуры путем обмена; возможно, у южных групп использовались шкуры других животных, например, овцы. Все же вопрос о том, каковы были первоначальные формы подстилок, которые клали на спальные места у обских угров, остается открытым, несмотря на то, что шкура животного сама по себе является наиболее

простым их видом. Тем более, что и одеял, за исключением детских из шкур оленят, зайцев или из птичьих шеек, не зафиксировано: ханты и манси накрывались верхней распашной одеждой. Это, как было отмечено [Лукина, 1985б. С.269], отличает обских угров от других народов, занимавшихся оленеводством и имевших одеяла или спальные мешки из оленьих шкур, а именно: от ненцев, кетов, эвенков. В их число можно включить еще и народы Крайнего Северо-Востока, которые также пользовались спальными мешками из оленьих шкур.

Подушки, видимо были известны хантам и манси уже достаточно давно, хотя нередко под голову клали свернутую одежду. Во всяком случае, у восточных хантов еще в XVIII в. была зафиксирована подушка из утиных перьев в орнаментированной наволочке из налимьих кож [Лукина, 1985б. С.270]. Зафиксировано две формы подушек: квадратные и в виде сильно вытянутого прямоугольника (С.В. Иванов объединяет их в один тип с подушками народов бассейна Амура [Иванов, 1974]). Первые бытовали у восточных хантов, видимо, встречались и у других групп. Подушки такой формы клали под голову покойника, предварительно вынув из них перья (перья уток, как птиц, улетающих в южные страны, где происходит обновление, оживление всего существующего, и кроме того, использовавшихся в обряде проводов души умершего, не Югли находиться в непосредственной близости с телом умершего человека, которое должно было проходить свой путь, не совпадающий с путем души, — ей надлежит возродиться).

Подушки в форме сильно вытянутого прямоугольника зафиксированы у северных групп обских угров, причем наибольшее распространение они получили у манси. Помимо пропорции эти подушки выделяются еще двумя признаками: наличием орнамента, выполненного в технике мозаики, на лицевой стороне, которая всегда шилась из сукна, и тем, что их включали в состав приданого или же дарили на свадьбу. В связи с последним, вероятно, интересные данные можно будет получить в результате анализа орнамента на подушках в плане его семантики: не исключено, что он фиксирует узоры, обозначающие родовую принадлежность вступающих в брак (поверхность подушки делилась на четыре квадрата, один и тот же узор заполнял по два из них; хотя встречались и другие варианты композиции орнамента, этот был наиболее распространенным).

Длинные подушки в определенном смысле можно назвать дневными: ночью их чем-либо накрывали, когда спали, или же для этой цели использовали другие подголовники. Сама форма

заставляет искать аналоги в культурах тех народов, что пользовались подушками-валиками.

Обязательной принадлежностью жилища хантов и манси был полог. Его принято трактовать как микрожилище для отдельной супружеской пары, в том числе и вместе с детьми [см., например: Лукина, 19856. С.271]. К этому следует добавить, что сама идея создания полога могла возникнуть при определенных бытовых условиях, когда в общем жилище не было возможности другим способом создать «помещение» для отдельной семьи. Более всего таким условиям соответствует временное или переносное жилище, как например, чум. Следует напомнить, что в постоянном жилище с нарами они обычно делились на отдельные отсеки с помощью перегородок. В чуме же установить такие перегородки невозможно. То, что идея создания полога могла возникнуть при проживании в жилище, подобном чуму, подтверждается и использованием пвлога (из оленьих шкур) народами Крайнего Северо-Востока уже в другом переносном жилище — яранге. У обских угров полог для отдельной семьи используется и до сих пор, когда, например, в оленеводческих бригадах все работающие живут в одном чуме.

Вероятно, функция полога как средства защиты от комаров в летний период является более поздней. Она возникла с переносом полога в срубное жилище, благодаря чему отпала необходимость использовать в ночное время дымокур.

В XX в. основным материалом для изготовления пологов служили хлопчатобумажные ткани, причем, как правило, на один предмет шли ткани двух расцветок. В прошлом широкое распространение имел крапивный холст (насколько можно судить по имеющимся сведениям, — на достаточно большой территории). На Васюгане материалом для полога служила береста. В качестве первичного рассматриваются и тот и другой материал [Лукина, 19856. С.271]. У манси в фольклоре, в сюжетах, связанных с «большой огненной водой» (потопом), когда население спасалось на плотках, полог на последних был обязателен. Его делали из рыбьих кож, в частности, упоминаются стерляжки. Но в этнографической действительности рыбы кожи как материал для пологов не зафиксированы.

В рассмотренный комплекс предметов входят также детские колыбели. Этот элемент утвари обских угров достаточно подробно исследован в этнографической литературе [Лукина, 19856. С.80—82, 271—277; Федорова Е.Г., 1994в. С.243—249, Хомич, 1994].

По имеющимся материалам, повсеместно, за исключением территорий, где проживали южные группы обских угров, в качестве

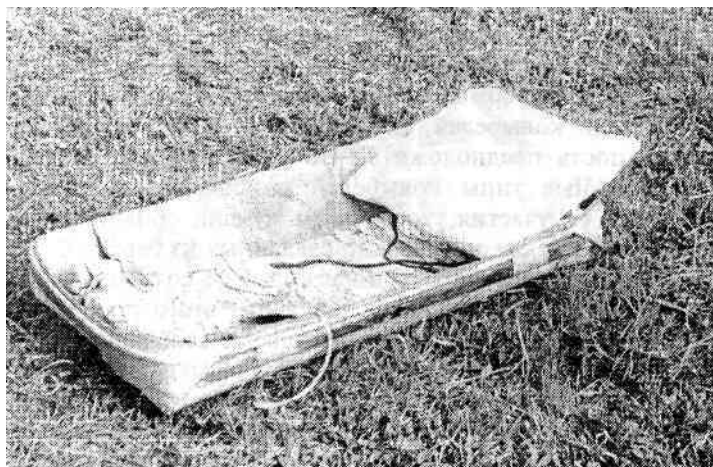

Рис. 61. Ночная колыбель. Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И-2167-53).

Рис. 62. Дневная берестяная
колыбель. •
Северные манси.

либо колыбели для новорожденных, либо вкладыша в колыбель, либо в качестве ночной колыбели выступает чуман, иногда несколько расширяющийся к головной части (рис. 61). Такое широкое бытование данной формы, кроме того, еще и наиболее простой не только среди колыбелей, но и среди всей берестяной утвари, дает возможность предположить, что она была первоначальной. Все же остальные типы колыбелей развивались позднее, возможно, и без ее участия, хотя следы чумана обнаруживаются в игрушечных колыбелях со спинкой, сделанных из бересты. Если же предположить, что дневная берестяная колыбель со спинкой (рис. 62) формировалась на основе чумана, то этапы этого процесса могут выглядеть следующим образом: от первоначальной формы-чумана к чуману с пришивной спинкой (в этнографических материалах это ночная колыбель у северных групп обских угров) и от него — к принципиально новой конструкции, где согнутый под тупым углом длинный прямоугольный кусок бересты, образующий дно и спинку, приобрел пришивные бортики.

В свое время И.Н. Глушковым была высказана мысль, что колыбель со спинкой могла сформироваться только в среде кочевого народа, поскольку она лучше приспособлена к условиям его быта [Глушков, 1900. С.20]. Возможно, эта форма и стала складываться при возникновении большей подвижности населения. Учитывая же бытование ее, причем именно в берестяном варианте, у некоторых групп башкир, можно предположить, что эти процессы происходили где-то в районе Южного Урала. Затем колыбель со спинкой, уже как дневная, распространилась с угорским населением в более северные районы.

В данном случае речь идет о колыбели из бересты. Ею пользовались северные группы обских угров, западные манси, предположительно все угорское население от Урала до Иртыша в южной части обско-угорского ареала. У восточных хантов, а также южных салымских (т.е. в междуречье Иртыша и Оби и по правым притокам Оби) бытовала дневная колыбель со спинкой, выполненная из другого материала — древесины (рис. 63). Она фиксируется и у северных хантов параллельно с берестяной в одних и тех же населенных пунктах [см., например: Сязи, 1995. Рис. на с.146—150].

Деревянные колыбели характерны для всех народов Сибири, проживающих к востоку, югу и северу от обских угров [подробнее см.: Хомич, 1994]. Колыбели со спинками бытовали у наиболее близких к хантам в территориальном отношении народов. Наиболее полное сходство обнаруживают восточнохантыйские колыбели и селькупские [Лукина, 1985б. С.277], хотя формировалась деревянная

Рис. 63. Ребенок в дневной деревянной колыбели.

Восточные ханты. Пунси-2.

Фото автора (МАЭ, И-2167-51).

колыбель восточных хантов на той же базе, что и общетунгусская, кроме того на процесс ее сложения оказали влияние алтайские народы [Там же]. По мнению Н.В. Лукиной, селькупы заимствовали деревянную колыбель со спинкой у восточных хантов, поскольку для последних она более характерна [Там же]. Учитывая то, что она бытовала и у северных хантов, которые непосредственно соприкасались с ненцами, также пользовавшимися деревянной колыбелью, можно предположить и обратное — колыбель данного типа формировалась в самодийской среде и была заимствована хантами. Во всяком случае она не проникла, насколько можно судить, южнее границ современных Березовского и Шурышкарского районов Тюменской области и совершенно не фиксируется у манси.

Вероятно, уже после того, как дневная колыбель приобрела устойчивые признаки и стала элементом еще и постоянного жилища, были изобретены крюки для ее подвешивания к потолку. Их прототипом могли быть ветки деревьев, на которые колыбель вешали во время стоянок, кстати, на воткнутый в землю под углом тонкий шест подвешивают колыбель летом на улице, когда там находится кто-нибудь из взрослых или старших детей.

Среди южных групп обских угров распространилась колыбель в виде рамы с натянутым на нее платком или тканью. Ее принято считать поздним заимствованием, но из-за бытования у разных как в лингвистическом, так и в культурном отношении народов сейчас трудно определить, в среде какого этноса она сформировалась.

В жилище хантов и манси мебели раньше почти не было. Но обязательной его принадлежностью является низкий столик. Его ставили на нары во время еды, им же пользовались и в чуме.

Низкий стол — элемент культуры очень многих народов, он бытовал практически на всей территории Сибири, как у кочевого, так и у относительно оседлого населения, поэтому о каком-то едином источнике происхождения данного предмета говорить сложно. В то же время для обских угров он как будто определяется в рамках саргатской и других культур скифо-сарматского времени лесостепной и степной зон Сибири, а также Средней Азии. Низкий столик может происходить от блюда-жертвенника на ножках, получившего распространение среди кочевников-скотоводов [Дьяконова, 1975. С.138; Могильников, 1992. С.304 и др.]. Когда-то вокруг него собиралась семья. У обских угров семья собиралась вокруг столика. В юрте отдельный столик имела каждая живущая там семья и даже одинокий человек. Столики и сейчас можно увидеть почти у каждой могилы на кладбищах отдаленных селений.

Анализ утвари обских угров показывает, что она производилась преимущественно из местного материала. Форму многих предметов можно вывести из наиболее простого ее варианта, поэтому вполне объяснимы параллели с другими культурами. Заимствования предметов утвари имели место, но на определенном этапе, в течение достаточно длительного периода они были незначительны. Резкое изменение ситуации произошло во второй половине XX в., когда начался массовый завоз посуды. Аналогичная картина имела место, видимо, намного раньше у южных групп обских угров, но она не была зафиксирована, результатом же явилась почти полная смена утвари собственного производства покупной.

5. Средства передвижения

Транспортные средства — это, пожалуй, один из наиболее исследованных компонентов материальной культуры обских угров, хотя нельзя сказать, что все их группы изучены одинаково:

южные ханты и манси плохо представлены в музейных коллекциях и этнографической литературе, поэтому они, как правило, и включаются в разработки, посвященные типологии средств передвижения, которых к настоящему времени сделано уже несколько по отдельным видам транспорта [Левин, 1946; Антропова, 1961; 1961б; Антропова, Левин, 1961; Василевич, Левин, 1961; Козьмин, 1981а, 1981б, 1983]. В некоторых исследованиях рассматривается происхождение отдельных видов средств передвижения в более широком, нежели обско-угорский, контексте [Козьмин, 1981а; Silius, 1913; 1913—1918]. Меньше всего внимания в научной литературе уделялось езде на лошадях, которая, с точки зрения большинства исследователей, являлась заимствованием от коми, татар, русских. Наиболее детальные описания средств передвижения с выявлением их локальных особенностей были сделаны по восточным хантам [Лукина, 1985б] и манси [Федорова Е.Г., 1994в].

В силу того, что транспортные средства делаются из плохо сохраняющихся в земле материалов, немного сведений о них удается извлечь из археологических источников. Насколько известно, число наиболее древних предметов входят полозья саней, найденные в относящихся к мезолиту—эпохе бронзы слоях Зауралья и торфяниках [Хлобыстин, Грачева, 1993. С. 113]. Начиная с раннего железного века до позднего средневековья сначала в лесостепной, а затем в южнотаежной зонах фиксируется множество предметов, свидетельствующих о широком распространении верховой езды, доходившей до Сургутского Приобья [см., например: Зыков, 1993. С.58]. На севере же западносибирского региона находят детские собачьей упряжи [см., например: Мошинская, 1965. С.22, табл. 17-2, 5].

Лодка (долбленка), насколько известно, появляется в материалах ранней группы погребальных сооружений (IX—IX вв.) могильника Усть-Балык в районе современного г. Нефтеюганск [Семенова, 1993. С.189], причем использовалась она, как и позднейшими хантами и манси: ее распиливали пополам.

Специфика природных условий территорий, занимаемых этнографической действительности обскими уграми, практически исключает возможность пешего передвижения в летнее время, хотя в некоторых районах пешком ходили на сравнительно небольшие расстояния, если по пути не было глубоких рек и болот, или же они подсыхали. Насколько можно судить по имеющимся материалам, этот способ передвижения наиболее доступен был населению, обитавшему по склонам Урала. У обских угров даже существовали единицы для измерения расстояния, соответствующие количеств

времени, проведенному в пути (пешком или на оленях в разное время года).

При пешем передвижении необходимы были средства для переноски груза (ими же могли пользоваться и зимой, когда перемещались на лыжах). У обских угров зафиксировано два их типа: кузов, о котором говорилось в разделе, посвященном утвари, и приспособление из дощечек с ремешками, также надеваемое на спину, и бытовавшее, насколько известно, у уральских манси, по-видимому, заимствовавших его от коми. Средством же для переноски груза во время охоты у манси служила охотничья накидка-лузан, имевшая большие карманы спереди и сзади.

Первоначальным средством для перемещения более тяжелых или больших грузов была волокуша. Самые простые ее формы возникли именно в среде таежного населения, охотников на крупных копытных. Волокушу делали либо из веток дерева (по имеющимся данным, на ней летом перетаскивали сено), либо из шкуры. Последняя зафиксирована у восточных хантов, которые пользовались ею зимой: в боках шкуры делали отверстия, через которые пропускали веревку для завязывания, чтобы на груз не попадал снег, веревку же, за которую тащили волокушу, привязывали к головной части шкуры [Лукина, 1985б. С.23]. Наконец, последний тип волокуши, который мог возникнуть только с появлением лыж, использовался охотниками. Они связывали вместе две лыжи и клали сверху груз. Именно необходимостью связывания лыж можно объяснить наличие на них спереди и сзади выступов (передний из них обычно имел вид шишечки), причем такие выступы делаются лишь на охотничьих лыжах-подволоках. Не зафиксированы они только у крайне восточных групп восточных хантов, лыжи которых по типу совпадают с кетскими и эвенкийскими.

В то же время выступы на концах лыж вряд ли присутствовали на их первоначальном варианте, появились они, явно, позднее, возможно, именно в связи с необходимостью перетаскивания груза при отсутствии по каким-то причинам других средств для транспортировки груза, как например, ручной нарты. Вместе с тем, не исключено, что выступы на концах лыж — это реликт, отражающий процесс формирования нарты на основе лыж и волокуши (см. ниже).

Необходимость освоения новой территории, развитие хозяйственных занятий требовали совершенствования средств передвижения до тех пор, пока они не достигали оптимального варианта. Вероятно, параллельно шел процесс сложения уже внутри каждого из видов транспорта специализированных форм, наиболее приспособленных для относительно узких целей, как например,

выделение лыж, использовавшихся только для охоты, лодок — для переездов на большие расстояния или же других — для рыбаков и охотников и т.д.

Одним из наиболее древних средств передвижения в зимних условиях представляются лыжи. Они возникли тогда, когда человеку понадобилось отдаляться на значительное расстояние от жилища и идти по труднопроходимой поверхности, например, нужно было пересекать болото или идти по снегу, причем такие ситуации должны были быть постоянными или часто повторяющимися. Таким образом, лыжи могли развиваться по двум направлениям: для ходьбы по болоту и для ходьбы по снегу. В сильно заболоченной таежной зоне Западной Сибири возможно было не только возникновение зимних лыж, видимо, когда-то в процессе освоения территории могли использоваться и другие лыжи — для ходьбы по болотам. Наиболее подходящей для этой цели представляется форма так называемых ступательных лыж: они сравнительно короткие, поэтому не цепляются за кочки, в то же время достаточно широкие, чтобы удержать вес человека. Кроме того, не было недостатка и в материале, из которого можно было делать такие лыжи, а именно: в дереве, гибких прутьях прибрежных кустарников, шкурах копытных.

Ступательные лыжи, по этнографическим материалам, бастовали у населения Крайнего Северо-Востока Сибири, а также у тундрового и лесотундрового населения Северной Америки, в горных районах Центральной Азии и Японии — как наиболее удобные для ходьбы по неровной поверхности [Антропова, 1953. С.8]. Если вспомнить о том, что таежная зона Западной Сибири вплотную примыкает к Уралу, где население обитало с глубокой древности, то к названным выше факторам, которые могли дать толчок процессу сложения ступательных лыж, добавляется еще один.

Но у обских угров ступательные лыжи в этнографической действительности отсутствуют. Хотя есть основания допускать их существование в далеком прошлом у населения региона не только потому, что в определенных его частях были условия для их создания. У хантов междуречья Оби и Иртыша, а также у манси бассейна Конды бытовали и бытуют лыжи-подволоки неравномерной ширины по всей длине, которая, к тому же, заметно меньше, чем длина лыж другого, наиболее распространенного типа. В целом эти лыжи имеют конфигурацию, напоминающую форму ступательных лыж, но с расширением не к носку, как у них, а к заднику [описание см.: Лукина, 1985б. С.22—23; Федорова Е.Г., 1994в. С.76—77]. Бытование коротких лыж, в частности у манси, информанты связывают с особенностями местности и охоты на некоторые виды животных.

Но в других районах, где подобные лыжи не встречаются, специфика местности и приемы охоты практически те же. Следовательно, причину бытования лыж неравномерной ширины нужно искать в другом. В данный момент наиболее вероятным объяснением представляется то, что эти лыжи являются переработанным до почти полной неузнаваемости вариантом ступательных лыж. Эта переработка происходила в процессе развития и совершенствования охотничьего промысла и используемых при его ведении орудий и различных дополнительных средств, к числу которых относятся лыжи.

Обращает на себя внимание еще одна деталь лыж этого типа., а именно: мешок из ткани, который прикрепляется к ступательной площадке и служит для защиты ноги от налипания снега. Предположительно у восточных хантов такой мешок появился достаточно поздно и распространялся с запада [Лукина, 1985б. С.23], а к концу XX в. он стал деталью уже других лыж (скользящих), наиболее характерных для современных хантов, — лыжи одинаковой ширины по всей длине (рис. 64, 65). У северных хантов, насколько известно, мешок из ткани к ступательной площадке не прикрепляется. Отсутствует он и у северных манси. Как защитное средство мешок считается менее подходящим, чем высокая ступательная площадка [Лукина, 1985б. С.22—23], кстати, некоторое возвышение под ступней делается и при наличии мешка. Таким образом очевидна связь защитного мешка с лыжами определенной конфигурации на каком-то из этапов развития данного средства передвижения. Возможно, мешок появился, когда крепления уже сформировались, но из-за того, что лыжи данного типа не имели высокой ступательной площадки, потребовалось создание защитного средства, которое возникло по аналогии с обувью. Это увязывается с предположением о распространении лыж данной конфигурации и с мешком на ступательной площадке (как обязательная детали) с запада, от тех групп обских угров, у которых охотничья обувь была короткой, — ведь мешок защищал ногу. На севере же, где распространены лыжи с высокой ступательной площадкой, тоже требовалась дополнительная защита для ноги, но там она сформировалась другим путем — обувь была соединена с чулком (у манси она могла возникнуть самостоятельно — из куска ткани, пришитавшегося к верху обуви: на это указывает сам тип голенища охотничьей обуви — оно имеет разрез, края которого заходят друг на друга).

Скользящие лыжи другого типа — с высокой ступательной площадкой и одинаковой шириной по всей длине (рис. 66, 67) — в территориальном плане соотносятся с районами, занятыми

Рис. 64. Охотничьи лыжи.
Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ,
И-2167-142).

Рис. 65. Крепление лыжи.
Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ,
И-2167-143).

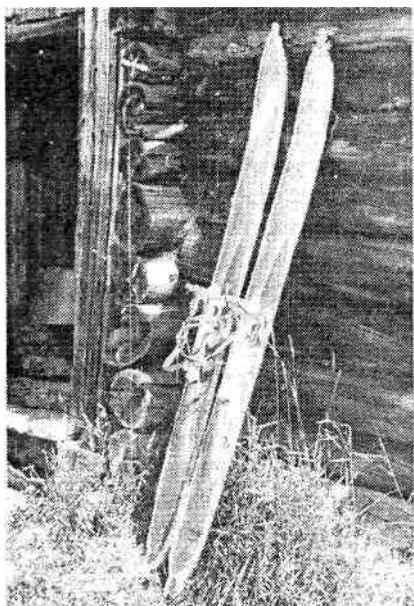
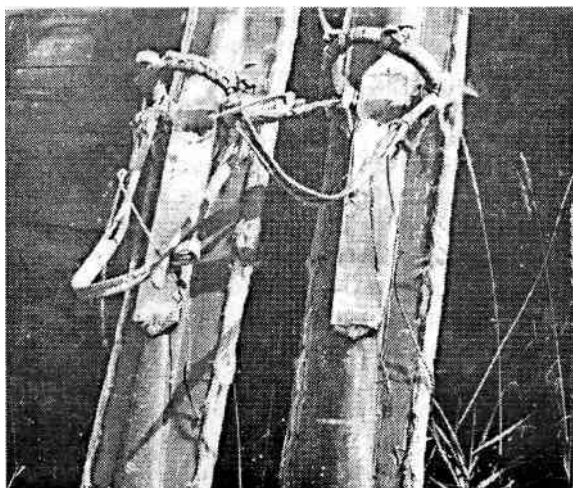

Рис. 66. Охотничьи лыжи.
Манси. Среднее течение
Северной Сосьвы.
Фото автора
(МАЭ, И-2167-5).

Рис. 67.
Крепления лыж.
Манси.
Среднее течение
Северной Сосьвы.
Фото автора
(МАЭ, И-2167-64).

преимущественно северными группами обских угров. Известны они и восточным хантам, главным образом правобережным, южным хантам и западным манси. Н.В. Лукина, проанализировав материалы по лыжам финно-угорских народов, определила, что этот тип лыж в территориальном плане от восточных хантов доходит до Финляндии [Лукина, 1985б. С.99—100]. Нужно отметить, что, как по археологическим, так и по этнографическим данным, сходство здесь наблюдается по нескольким признакам: одинаковая ширина по всей длине, выступ на носке лыж (особенно ярко выражен в археологических материалах [см., например: Валонен, 1982. Рис.6]), высокая ступательная площадка.

Лыжи с высокой ступательной площадкой (или, другое определение — с высоким подножием) по скандинавским материалам относят к северному типу, в отличие от второго, с выдолбленным подножием, — это южный тип [Валонен, 1982. С.66, 69]. Учитывая то, что лыжи с высокой ступательной площадкой фиксируются по всей зоне хвойных лесов от Скандинавии до Западной Сибири [Там же. С.69], можно было бы предположить, что они сформировались в среде уральского населения, а затем распространились на запад. Но на территории Швеции подобные лыжи встречаются на памятниках, относящихся к каменному веку [Там же], из чего может следовать два вывода: первый — древние уральцы к этому времени уже дошли до Скандинавии, второй — лыжи с высокой ступательной площадкой формировались на северных территориях у народов различных языковых семей. Согласно одной из существующих в науке гипотез, древние уральцы могли оказывать влияние на аборигенное население Финляндии уже в эпоху раннего неолита [Карпелан, 1982. С.41]. Таким образом, вполне допустимо, что лыжи с высокой ступательной площадкой имеют общие истоки как для крайне восточных, так и для крайне западных представителей уральской языковой семьи. Нужно добавить, что то возвышение под ступней, которое характерно для лыж с мешком на месте ступательной площадки (или же для их варианта без мешка), принципиально иное: здесь на основу лыжи набивается береста, в то время как у лыж другого типа ступательная площадка вырезается вместе с основой из одного куска дерева.

Более ограниченное распространение имели у хантов и манси и другие лыжи. В частности, у крайне восточных групп хантов, васюганско-ваховских, бытовали лыжи эвенкийского типа, а у обских манси в качестве варианта лыж с высокой ступательной площадкой можно выделить расширяющиеся к носку и не имеющие выступов на носке и заднике.

То, что лыжи совершенствовались именно с развитием охоты, подтверждается ограниченным бытованием лыж-голиц, изготовление которых, к тому же, не предусматривало особой тщательности. Хотя голицы были распространены повсеместно, на них ходили только на небольшие расстояния. Кроме того, голицы считались женскими и детскими лыжами. Охотники пользовались ими только весной, когда твердая корка наста могла повредить обшивку лыж-подволоков.

Подволоки,— типичное средство передвижения всего таежного населения Сибири, занимавшегося охотой. То, что меховая обшивка существовала у лыж различных типов, свидетельствует о ее конвергентном возникновении. Судя по имеющимся материалам, у обских угров в прошлом на обшивку шли шкурки выдры. Это очень прочный мех, отказаться от которого пришлось, видимо, потому, что выдра стала исчезать. Возможно, здесь существует и какая-то другая причина, поскольку ареал выдры достаточно широк, она водится практически по всем небольшим притокам основных водных магистралей таежной зоны Западной Сибири, в некоторых районах — и по крупным рекам, таким как Конда, Салым и другим, исключая их низовья [Ханты-Мансийский автономный округ, 1980. С. 13].

Обшивку подволоков из меха выдры сменила обшивка из шкур лося, оленя, жеребенка. Наибольшее распространение среди них получила первая, точнее — лосиные камусы. Только в том случае, если не было камусов лося, на подшивку шли олени камусы. Таким образом, в первую очередь применяли материал, полученный во время охоты. В связи с этим использование для подшивки лыж шкур жеребенка представляет особый интерес. Во-первых, точно не установлено, с какого времени данный материал стал применяться. Как отмечает Н.В. Лукина, у восточных хантов это — последние десятилетия XX в., причем такая подшивка ценится очень высоко [Лукина, 1985б. С. 102]. У манси шкурой жеребенка подшивают лыжи на Оби и в среднем и нижнем течении ее притока Северной Сосьвы. Это те районы, где издавна держали лошадей и не занимались оленеводством или же оно имело ограниченные размеры. По этой же причине должны были использовать шкуры жеребенка и обские ханты. В то же время во всех этих районах существовала охота на лося. Кроме того, шкуры жеребенка — менее прочный материал, плохо приспособленный для сырой погоды, хотя лыжи с такой обшивкой отличаются упругостью. Возможно, при дальнейших исследованиях эти неясности будут сняты, пока что можно констатировать, что для обшивки охотничьих лыж обские угры использовали материал, полученный как от диких животных,

являющихся основными объектами мясной охоты, так и от домашнего, которое было не только транспортным, но и главным жертвенным.

Крепления всех лыж хантов и манси обязательно имеют петлю для носка, которая у лыж с высокой ступательной площадкой делается из черемухового обода, обмотанного саргой. Остальные детали крепления, так же как и крепления на лыжах без высокой ступательной площадки, известны в нескольких вариантах [подробнее см.* Лукина, 1985б. С.21—23; Федорова Е.Г., 1994в. С.76—77], что можно рассматривать как проявление локальной специфики.

Относительно лыжного посоха следует сказать, что он не был обязателен при ходьбе на лыжах. Вероятно, это связано прежде всего с тем, что руки охотника должны быть свободны. В определенных случаях, например, для разгребания снега (одна из основных функций посоха с лопаткой), пользовались концом лыжи, в каких-то других ситуациях могли взять палку. Наибольшая необходимость в посохе существует при установке капканов, при передвижении по холмистой местности, а также осенью, когда нужно проверять почву, чтобы не провалиться в незамерзшее болото.

Обским уграм известно несколько вариантов посохов [описание см.: Лукина, 1985б. С.23; Федорова Е.Г., 1994в. С.77]. Если исходить из того, что посох сформировался позднее лыж [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.104], то, видимо, нужно искать ту этническую среду, где это произошло, и откуда данный элемент внедрился в культуру хантов и манси, поскольку необязательность его для типичных охотников, значительную часть сезона пользующихся лыжами, подразумевает, вероятно, заимствование. Н.В. Лукина считает наиболее возможными истоками посоха восточных хантов южносибирские [Там же]. В то же время функции посоха достаточно узки, чтобы исключать возможность его конвергентного происхождения. Общими функциями посоха у всех пользовавшихся им народов можно объяснить и бытование ограниченного числа его типов, разница между которыми состоит главным образом в пропорциях деталей.

То, что посох не особенно характерен для обских угров, возможно, следует объяснять спецификой охотничьего промысла и сопутствующих ему предметов. Как уже говорилось, руки охотника должны быть свободны, в случае же крайней необходимости можно взять палку, а потом оставить ее в каком-либо определенном месте для дальнейшего использования, как это делается, например, со слегами на болоте. Наиболее длинные расстояния — от дома

до охотничьих угодий — охотники преодолевали, как правило, на оленях, собаках или лошадях, следовательно, посох не нужен был и в этом случае. Возможно, в процессе формирования того облика охоты, что зафиксирован поздними этнографическими источниками, и произошел отказ от посоха, который в прошлом, когда лыжи были единственным средством передвижения в зимний период, являлся обязательным сопутствующим им предметом.

Непосредственно с лыжами, как считают исследователи, связано формирование еще одного средства передвижения — нарты. Речь идет о том ее виде, который можно рассматривать в качестве первоначального, а именно, о ручной нарте. Кроме нее обским уграм известны и другие виды нарт — собачья и оленья [описание всех видов см.: Лукина, 1985б. С.23—30; Федорова Е.Г., 1994в. С.81-84, 87-89].

Происхождению этого транспортного средства в этнографической литературе посвящен ряд серьезных работ, в которых рассматриваются возможные пути формирования и развития нарты [Sirelius, 1913—1918, 1916-1920; Левин, 1946; Василевич, Левин, 1961; Козьмин, 1981а, 1983; Лукина, 1985б]. Относительно обских угров следует согласиться с мнением Н.В. Лукиной о том, что копыльная нарта не могла произойти от долбленной лодки, поскольку для доказательства этого нет ни археологических, ни этнографических данных [Лукина, 1985б. С.105-107].

Как считает тот же автор, наиболее примитивный вариант восточно-хантыйских нарт имеет общие корни с североалтайской [Там же. С.110—111]. Несмотря на обнаруженное в процессе исследований сходство ручной нарты различных групп обских угров с селькупскими, кетскими, коми-зырянскими, эвенкийскими, с нартами тюркоязычных народов Южной Сибири, а также северных русских, у каждого из названных народов они могли развиваться самостоятельно, хотя не исключена и общая основа, которая, скорее всего, сформировалась в глубокой древности.

Лыжи и волокуша, лежащие в основе нарты, могут трансформироваться в нее несколькими путями, что в первую очередь зависит от такой детали лыж, как ступательная площадка. Если нарта сложилась на основе лыж с высокой ступательной площадкой, то, вероятно, копылья и полоз должны были составлять единое целое. Правда, в этом случае нарта вряд ли была бы достаточно высокой, поскольку для полозьев с копыльями потребовались бы очень толстые деревья. Слишком низкой нарта не может быть, потому что лежащий на ней груз все-таки должен

находиться на какой-то высоте от поверхности земли. Достижение этого, вероятно, было одной из целей, которую преследовал человек в процессе совершенствования данного транспортного средства. Видимо, следующим шагом было разделение копыла и полоза, что позволило делать копылья нужной высоты. Способ соединения же их с полозом в какой-то степени напоминая прежний: они крепились жестко, наглухо — конец копыла вставлялся в паз в полозе. Если это так, то, возможно, специфика креплений обско-угорских (и самодийских) нарт связана с характером местности и сложилась в процессе трансформации первоосновы.

Иллюстрацией к начальному этапу этой трансформации могут быть материалы, приведенные в работе У.Т. Сирелиуса. Речь идет о лыжеподобном транспортном средстве, использовавшемся в северной Финляндии для перевозки бревен. Это массивный брус, оформленный в виде лыжи с загнутым носком, на котором просматривается выступ, и прямо срезанным задником. На бруске имеется возвышение, которое можно сопоставить с высокой ступательной площадкой лыж. В это возвышение вбит металлический штырь, транспортируемые бревна привязывались к нему веревкой за концы [Sirelius, 1913—1918. S.21—22].

Вероятно, очередным этапом становления нарты было соединение между собой пары лыж. И в данном случае, видимо[^] права Н.В. Лукина, которая считает, что более ранними были копыльные вязки [Лукина, 19856. С. 107]. Но здесь хочется сделать уточнение. В варианте, который рассматривается, первоначально, скорее всего, имелся только один вязок, т.е. соединялись выступы ступательной площадки, которых было всего два. Опять же как промежуточный этап может рассцениваться способ крепления лыж с высокой ступательной площадкой: в ней просверливалось отверстие, через которое пропускался обруч, но в то же отверстие можно вставить и конец вязка.

Вместе с тем, идея создания вязкое могла одновременно распространяться как в отношении соединения копыльев, так и в отношении соединений концов полозьев, в результате чего появился головной вяз. Но настаивать на этом нет оснований, головной вяз мог возникнуть и позднее, что подтверждается отсутствием его на некоторых экземплярах восточнохантыйских нарт, а также лингвистическими материалами [подробнее о них см.: Лукина, 19856. С107].

Следующий этап формирования нарты предусматривает, вероятно, появление настила. В данном случае он, вполне возможно, изначально делался из досок. Это, на первый взгляд, противоречит

мнению исследователей, согласно которому наиболее древним вариантом настила являются еловые ветки [Козьмин, 1981а. С.32; Лукина, 19856. С.107]. Но в действительности никакого противоречия нет, так как вариант с настилом — еловыми ветками предполагает другую линию развития нарты. Здесь формирование копыльев шло от особенностей настила, когда в них могли превращаться отдельные сучки еловых ветвей, так же, как и в первом варианте, положенных на лыжи. Именно на эту линию указывают зафиксированные в конце 1960-х—начале 1970-х годов и считающиеся наиболее архаичными ручные охотничьи нарты чулымских тюрков, изготавливавшиеся непосредственно в тайге [Львова, 1972. С.148]. В качестве конечного результата процесса развития нарты от волокуши из еловых ветвей, положенной на лыжи, могут рассматриваться кетские ручные нарты, у которых копылья и вязки представляли собой естественные сучки [Алексеев, 1961. С.65-66].

Нужно отметить, что данная линия развития предполагала изначально принципиально иной тип крепления деталей, а именно, их связывание. На территории таежной зоны Западной Сибири этот тип как самостоятельный не фиксируется, но в ручных нартах он служит дополнением к пазовому.

Таким образом, по ряду показателей выявляются две линии развития ручной нарты обских угров, в основе каждой из которых в первую очередь лежат лыжи. Точкой отсчета в дальнейшем расхождении этих линий может служить тип ступательной площадки, следовательно, ареал лыж с высокой ступательной площадкой должен совпадать с ареалом нарт, у которых крепление деталей были только пазовыми. Но ручные нарты обских угров, в отличие от нарт так называемого самодийского типа, известных северным группам хантов и манси, представляют собой по данному признаку смешанный вариант. То же можно сказать и про собачье-оленьи нарты восточных хантов. Видимо, рассматриваемые здесь две линии развития нарты совместились на территории таежной зоны Западной Сибири, результатом чего было заимствование каждой из них тех деталей конструкции, что привели в конечном счете к созданию оптимального варианта. Выявленное сходство между ручной нартой обских угров и целого ряда других народов свидетельствует о том, что вторая линия развития этого средства передвижения проходила по значительной территории, или же, если учесть существующую точку зрения относительно возможности формирования нарты на более ограниченной территории, а именно на Северном Алтае [Лукина, 19856. С.109], ее распространение по таежной зоне

Западной Сибири следует связывать с очень древними периодами. В связи с этим необходимо заметить, что некоторые исследователи допускают сходство в названиях нартов манси, ненцев, селькупов и чукчей, с одной стороны, и тюркоязычных народов Южной Сибири — с другой. У последних же названия нартов и лыж одинаковы [Чернецов, 1937а. С.361; Алексеенко, 1961 С.65; Львова, 1972 С.149-151; Лукина, 1985б. С.109].

Две линии развития нарты дают и разное количество пар копыльев в их первоначальном варианте. При первой их может быть только одна пара, при второй — больше. Нельзя не заметить также, что существование в хантыйском и мансийском языках общего названия для ноги и копыла нарты говорит в пользу первой линии развития нарты на основе лыж.

Еще одна деталь нарты, на основании наличия или отсутствия которой выделяются варианты данного средства передвижения, это так называемый баран — дуга, которая привязывается к передним концам полозьев. Она выполняет две функции: во-первых, к ней привязывают веревку, за которую человек тянет нарты, во-вторых она предохраняет саму нарты от повреждений, смягчая удары при столкновении с пнями и кустарниками при езде на транспорте животных по узкой дороге. Именно в связи с этим наличие барана считают характерным для нартов таежного населения. Но по современным данным, баран — необязательная деталь нарты и таежного населения: кто-то использовал его временно, когда нужно было ехать по заросшей кустарником местности, кто-то не применял вообще. Возможно, это объясняется тем, что баран — сравнительно позднее изобретение [о пути его формирования см. Лукина, 1985б. С.110] и, поскольку в нем не было постоянно* необходимости, он не превратился и в постоянную деталь.

Последующее развитие нартов было тесно связано с появлением транспортных животных. Как известно, первой тягловой силой был человек, перетаскивающий груз на различного рода волокушах, а затем — на ручных нартах. То, что они не исчезли по прошествии тысячелетий, только подтверждает их незаменимость в определенных ситуациях. До XX в. дошли и специальные петли и лямки надеваемые через плечо или грудь [подробнее см.: Лукина, 1985б С.112—113; Федорова Е.Г., 1994в. С.81, 83]. С приручением собак их стали использовать как дополнительную тягловую силу в том случае, когда нарты была особенно тяжело нагружена. Этот способ транспортировки груза в охотничьей среде сохраняется до настоящего времени. Число запрягаемых собак диктуется, не в последнюю очередь, характером дороги, от него же зависит то, как

Рис. 68. Оленья упряжка. Урал.
 Фото И.К. Зеленова (МАЭ, И-1345-14).

собаки располагаются [подробнее см.: Лукина, 1985б. С.113—114, 336. Рис.9; Федорова Е.Г., 1994в. С.84—85].

О вхождении транспортных животных в культуру обских угров говорилось в главе, посвященной хозяйственным занятиям. Следует напомнить, что к рубежу XIX—XX вв. население Оби и низовьев ее крупных притоков, в ряде районов включая и их среднее течение, ездило на лошадях. Крайне северные группы обских угров, а также жители верховьев правых притоков пользовались оленьими (рис. 68), езда на собаках больше фиксируется в междуречье Оби и Иртыша, но, как неоднократно подчеркивалось исследователями, упряжное собаководство не было характерно для обских угров.

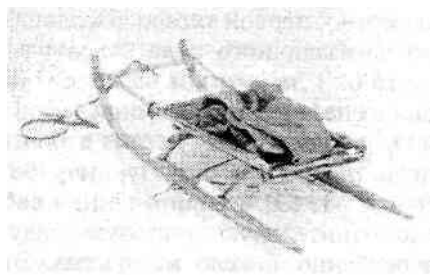

Рис. 69. Один из типов ручных нарт.
 Манси, р. Ляпин.
 Фото автора (МАЭ, И-2191-127).

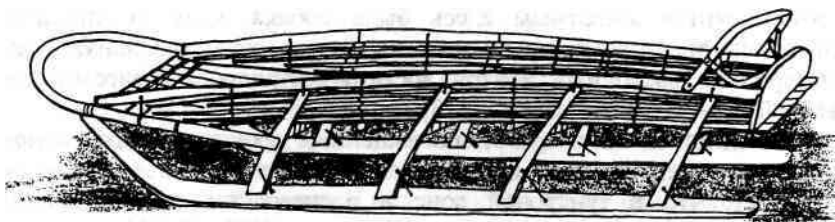

Рис. 70. Нарта восточных хантов. Р. Юган.

Нарты, на которых ездили на собаках, в большинстве районов мало отличались от ручных, что является прямым подтверждением происхождения упряжного собаководства от тяглового. В то же время под воздействием нового способа передвижения в них произошли определенные изменения. Так, у восточных хантов зафиксировано иное, наиболее удобное для запряжки собак, положение дуги-барана [Лукина, 1985б. С.ПО].

Помимо близких ручным прямокопыльным у оленеводческих групп для езды на собаках и в качестве ручных служили и нарты, представляющие собой уменьшенный вариант оленьих (рис. 69). Но они появились, видимо, уже в тот период, когда обские уфы достаточно хорошо освоили оленеводство, заимствованное от северных самодийцев. Это предположение подтверждается примером юганских хантов, до которых оленеводство дошло в последнюю очередь и у которых одна и та же нарта применяется как ручная, собачья и оленья (рис. 70).

Трансформация прямокопыльной ручной нарты в процессе развития новых способов передвижения происходила, вероятно, в первую очередь в связи с усовершенствованием оленеводства. Об этом свидетельствуют материалы по северным группам обских угров, а также по восточным правобережным хантам, оленеводство которых приближалось по своему облику к оленеводству северных групп.

Не совсем понятна ситуация с левобережными восточными хантами, практиковавшими оленеводство. Их культура этнографическими источниками раннего периода почти не зафиксирована, опубликованные материалы и построенные на них исследования относятся к последней четверти XX в., хотя эта группа (а именно, юганские ханты) в силу своей изолированности в верховьях Югана и Большого Салыма в значительной степени сохранила традиционную культуру. Тем не менее, трудно сказать, произошло ли у них преобразование прямокопыльной ручной нарты в косокопыльную универсального назначения с появлением оленеводства или же это произошло на более ранней стадии, когда единственным

транспортным животным здесь была собака. Сам же процесс превращения прямокопильной нарты в косокопильную на материалах восточных хантов достаточно подробно рассмотрен Н.В. Лукиной [1985б. С.120-123].

В одной из своих работ, посвященных происхождению оленеводства и оленьего транспорта в Западной Сибири, В.А. Козьмин отмечает, что в тундровой зоне в оленеводстве первоначально формируется грузовой транспорт [Козьмин, 1983. С.51]. Эта идея базируется на / известной гипотезе саянского происхождения оленеводства, при которой исходной формой транспортного использования оленя является вьючная. Сама идея представляется верной, что подтверждается картиной становления нартенного транспорта в таежной зоне Западной Сибири. Вместе с тем, начальный этап освоения нового средства передвижения требовал более активного, чем в дальнейшем, участия человека, ведь навыки обращения с новым транспортным животным еще не сформировались.

Некоторые данные указывают на возможность того, что использование оленя в упряжке началось еще до появления нарты. Речь идет о двух видах состязаний во время праздника День оленевода, который ежегодно проводится в пос. Саранпауль и где принимают участие манси, коми, ненцы. Это гонки на оленях, но вместо нарты используются лыжи или оленьи шкуры (т.е., по сути дела, волокуши).

Для запряжки оленей в нарту существует специальная упряжь, детали которой выполняются из шкуры лося, покупной кожи, кости, дерева, металла [описание см.: Лукина, 1985б. С.31—33; Федорова Е.Г., 1994в. С.90—93]. Зафиксировано также использование шкур медведя (северные ханты) и лошади (северные манси).

Все исследователи, занимавшиеся изучением оленьей упряжи, сходятся в том, что на ее формировании отразились, во-первых, знакомство с ездой на лошадях, а во-вторых, навыки охоты с оленем-манщиком. Выявляются также параллели с собачьей упряжью. Материалы по обским уграм показывают, что у них, как и во многих других аспектах, здесь выделяются два ареала. Первый тяготеет к северным самодийцам, что укладывается в рамки гипотезы о северном происхождении упряжного оленеводства — заимствовании от ненцев. Второй демонстрирует этапы становления оленьей упряжи. Этот ареал соответствует территории, занимаемой юганскими хантами, тем подразделением восточных хантов, на примере которых можно проследить путь формирования оленеводства, о чем говорилось в главе, посвященной хозяйству.

Оленья упряжь обских угров, при наличии локальных особенностей, которые лучше всего прослежены по материалам

восточных хантов [см. Лукина, 1985б. С.31—32], обнаруживает сходство с упряжью целого ряда других народов, причем не только самодийцев, что естественно, если учитывать их влияние на обских угров в сфере упряжного оленеводства, но и кетов, долганов, части эвенков и северных якутов. Поскольку оленеводство этих народов формировалось также под воздействием самодийцев, сходство в отдельных деталях упряжи у них и обских угров свидетельствует о том, что для последних эти детали были заимствованием: у всех перечисленных народов они имеют общее происхождение — из самодийского упряжного оленеводства.

Одним из аргументов, опровергающих заимствование обскими уграми упряжного оленеводства от самодийцев, считают сходство в упряжи оленя и лошади, что обусловлено влиянием коневодческой культуры угров [см., например: Лукина^ 1985б. С. 141]. Но, если вспомнить, что коневодство было распространено по всей территории кулайской культуры [Чиндина, 1983. С.133], самодийская принадлежность носителей которой представляется достаточно обоснованной, то в вопросе о становлении оленьей упряжи под воздействием конской, ведущую роль можно с одинаковым успехом отводить как уграм, так и самодийцам. Лыжи с высокой ступательной площадкой, на базе которых могла сформироваться косокопыльная, нарта самодийского типа, также известны таежным самодийцам [Пелих, 1972. С.26], а именно селькупам, связь которых с кулайцами вполне очевидна. Таким образом, наиболее вероятной территорией, где могло сформироваться упряжное оленеводство, представляется зона средней и северной тайги Западной Сибири, населенная самодийцами, которые в результате расселения по тайге обских угров были вытеснены в лесотундру и тундру. Там, как предполагает В.А. Козьмин [1981а. С.32], и произошло окончательное оформление копыльной нарты так называемого самодийского типа.

То, что косая постановка копыльев связана с преобразованием ручной или собачьей нарты в оленью, как будто ни у кого не вызывает сомнения. По всем имеющимся материалам, использование косокопыльной нарты в качестве ручной или собачьей — явление достаточно позднее.

Езда на оленьих упряжках у оленеводческих групп обских угров практиковалась в зимнее время, а у тех, чье хозяйство базировалось на этом занятии, — в течение всего года. Существовало множество приемов, благодаря которым удавалось максимально защитить нарту от повреждений при езде по плохой дороге или же использовать ее в тех случаях, когда она кажется совершенно непригодной. Например, манси, чтобы сохранить основные полозья, летом прикрепляли к ним

более легкие или тонкие стволы елок. Чтобы из нарты получилось средство для переправы через реку, оленей привязывали к ней и спереди, и сзади. Зафиксировано также множество способов посадки на нарту, которые нередко диктовались особенностями дороги.

В районах, где оленеводческие группы обских угров соприкасались с теми, что разводили лошадей, параллельно практиковали езду и на оленях, и на лошадях. Конкретный способ передвижения выбирался в зависимости от времени года [подробнее см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.89]. Судя по этнографическим материалам, большая часть предметов, связанных с ездой на лошадях, была заимствована от русских и коми-зырян, а также татар [см., например: Там же. С.99]. В то же время зафиксированы и специальные конные нарты, прототипом которых могли быть собачья [Лукина, 1985б. С.35] или ручная [Федорова Е.Г., 1994в. С.98—99] нарты.

В связи с тем, что езде на лошадях при фиксации материала путешественниками и исследователями в прошлом уделялось мало внимания, трудно определить, каковы же были особенности ее в тех районах, где она практиковалась, чем отличались хантыйские и мансийские упряжь и сани от русских, коми, татарских. Практически отсутствуют сведения о том, как выглядели телеги, которыми пользовались в тех районах, где возможно было летнее передвижение по суше. Некоторые особенности конного транспорта удалось выявить на мансийских материалах [подробнее см.: Там же. С.97—100].

Значительный интерес представляют данные, связанные с верховой ездой. Прежде всего, это коневодческая терминология манси и хантов, которая обнаруживает параллели с названиями соответствующих предметов в иранских и кавказских языках [Чернецов, 1937а. С.354]. Выявляются и поздние тюркские заимствования, связанные с верховой ездой [Paasonen, 1902. S.119]. Наконец, следует еще раз напомнить о том, что в религиозных представлениях и фольклоре обских угров, особенно манси, очень велика роль божества в образе всадника, культурного героя, путешествующего по мирам Вселенной верхом на лошади.

Этнографические источники почти не фиксируют у обских угров езду верхом на лошади. Скорее всего, она в этнографической действительности уже не была для них характерна, поскольку возможности такого передвижения были ограничены из-за специфики местности. Кроме того, в верховой езде отсутствовала необходимость: военные действия, в которых принимали участие всадники, не осуществлялись на протяжении нескольких веков. В связи с этим исчезли и навыки верховой езды. Но в двух случаях езда верхом на лошади практиковалась вплоть до недавнего времени.

Рис. 71. Облас.
Восточные ханты. Пунси-2.
Фото автора (МАЭ, И-2167-5).

Рис. 72. Кадданка. Манси. Верховья Лозьвы.
Фото И.К. Зеленова (МАЭ, И-1345-11).

Во-первых, там где это было возможно, верхом на лошади собирали осенью и перегоняли скот (такая информация зафиксирована у северных манси), во-вторых, в разных районах получены сведения об охоте верхом на лис, о чем говорилось выше.

Из-за сильной заболоченности местности, множества больших и маленьких рек рассмотренные выше средства передвижения использовались преимущественно в зимний период. Основным видом транспорта в летнее время была лодка. Для обских угров характерны все выделенные В.В. Антроповой для территории Сибири типы лодок: долбленая, составная, каркасная [Антропова, 1952. С.24; 1961а. С. 107—108]. Они были распространены повсеместно, локальные особенности сводятся к большему или меньшему значению лодки определенного типа у конкретной группы, как например, у восточных хантов ведущую роль играл облас (рис. 71) — долбленая лодка, у остальных же групп обских угров долбленку потеснили лодки типа кадданки (с плоским выдолбленным дном и пришитыми бортами) (рис. 72), у восточных хантов не фиксировавшиеся. Кроме того, у разных групп обских угров наблюдаются различия в конструкции лодок одного и того же типа [см., например: Лукина, 1985б. С.85—86].

В развитии лодок, бытовавших у обских угров, имеют место две принципиально различные линии. Первая из них связана с формированием лодки из одного ствола дерева, т.е. долбленки. Довольно сложно предположить, что у населения лесной зоны, ведущего оседлый образ жизни и знакомого с такими процессами обработки дерева, как долбление, сверление и раскалывание еще с эпохи неолита [Бадер, 1972. С.23; Редей, Эрдейи, 1974. С.425], в качестве изначальной бытовала лодка другого типа. Прimitивные одnodеревки считают древнейшим видом лодки как в таежной зоне Западной Сибири [Чернецов, 1937а. С.358], так и у финно-угорских народов [Sirelius, 1913. S.2]. Кажется, нет оснований предполагать, как это делает Н.В. Лукина [1985б. С.96], что праформа хантыйских долбленок — колодообразные лодки — вынесена из Южной Сибири.

Первым шагом к формированию лодки из бревна было выдалбливание середины, что привело к появлению лодки-колоды. В связи с этим следует отметить, что у обских угров фиксируются гробы-колоды (у хантов на Васюгане, в районе Сургута, на Иртыше, на Нижней Оби [Карьялайнен, 1994. С.79], у манси Пелыма, Конды [Kannisto, 1958. S.36]), широкое распространение получили гробы из лодок. Их использование связано с представлениями о том, что путь в мир мертвых лежит по воде, поскольку сам этот мир находится за водой. Данное положение, высказанное Б. Мункачи, оспаривалось К.Ф. Карьялайненом, который считал, что лодка в

захоронении была необходима для того, чтобы умерший мог с ее помощью обеспечить средства к существованию в мире мертвых [Карьялайнен, 1994. С. 119]. Использование лодки в погребальном обряде характерно для всех таежных народов Западной Сибири [подробнее см.: Кулемзин, 1994. С.429; Федорова Е.Г., 1994в. С.67—69]. Манси даже дощатым гробам старались придавать форму лодки. Все данные говорят за то, что эта черта — разные варианты лодки в качестве гроба — сложилась в среде древнего таежного населения. Причем, если учитывать локализацию гроба-колоды, который больше тяготеет к южным группам обских угров, а также к части восточных хантов, и, кроме того, может рассматриваться как первоначальная форма лодкообразного гроба, то истоки захоронений в лодке у хантов и манси следует, видимо, искать в южно- и среднетаежной зонах Западной Сибири, у оседлого рыболовческого населения. Кстати, как гроб-колода, так*и лодки-колоды (причем не только из одного ствола, но и составленные из двух, соединенных между собой дощечками-сиденьями) бытовали у финно-угорского населения [см., например: Семенов, 1992. С.9] и северных русских, которые также вели оседлый образ жизни и у которых рыболовство играло существенную роль.

Дальнейшее совершенствование лодки-колоды шло по линии изменения формы днища и разведения бортов. Это, во-первых придавало лодке большую устойчивость, во-вторых, она становилась более легкой, поскольку при обработке заготовки снимались все лишние слои дерева. У всех, насколько известно, групп обских угров долбленки предпочитали делать из осины.

Долбленка — это один из типов лодок, который сформировался на основе лодки-колоды. Второй — лодка-калданка [описание см.: Антропова, 1961а; Федорова Е.Г., 1994в. С.52—56], развитие которой шло по другому пути: уменьшение выдолбленной основы и дополнение ее надставленными бортами, которые пришивались к днищу. Калданка является наиболее характерным образцом лодок составного типа. По такому же принципу — соединения нескольких досок, составляющих дно и борта, — шло развитие лодок-горнячек (другое название — городоушка, печорская лодка), которые бытовали у северных манси и воспринимаются ими как заимствованные от каких-то этнических групп, пришедших с Печоры [подробнее см.: Там же. С.59—60] (интересно, что Л.Н. Жеребцов предполагал [1974. С.29] заимствование этой лодки, наряду с кадцанкой, коми от манси). Лодку этого типа отличало еще и наличие шпангоутов (которые, кстати, иногда встречались и на кадцанках), что подразумевает уже каркасный

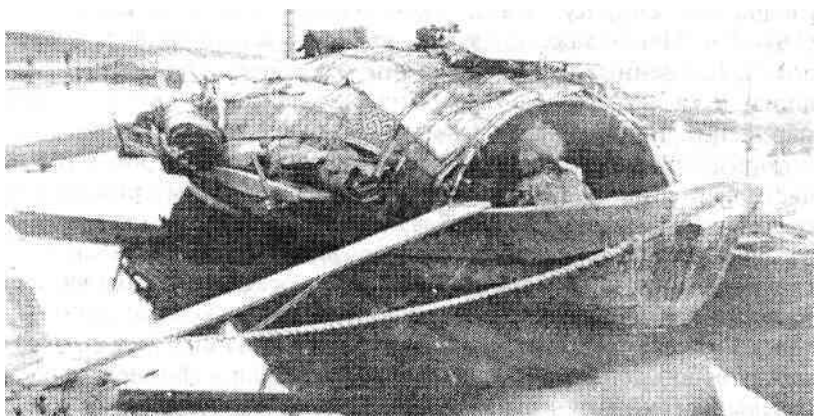

Рис. 73. Крытая лодка. Ханты.
Фото Перова (МАЭ, И-2187-44).

тип. Но в данном случае принципиальной представляется разница в последовательности операций: обшивался ли досками каркас из шпангоутов или же они накладывались на уже скрепленные между собой днище и борта, выступая вместо характерных для долбленок и калданок распорок между бортами. Во втором случае можно говорить о последовательном развитии составной лодки, сопровождавшемся еще и увеличением количества досок, приходящихся на борта.

У обских угров, а также у кетов [Алексеенко, 1961. С.90, 93] шпангоуты прикреплялись уже после скрепления бортов и днища. Аналогичным способом делались и большие крытые лодки, на которых совершали переезды всей семьей на летнюю рыбалку [описание см.: Лукина, 1985б. С.19—20; Федорова Е.Г., 1994в. С.60—62] (рис. 73).

До недавнего времени исследователи придерживались мнения о заимствовании крытой лодки от русских. При более тщательном анализе материалов появляются основания допускать возможность ее самостоятельного происхождения для обских угров и других народов. Н.В. Лукина подчеркивает вторую функцию крытых лодок, на которую раньше обращалось меньше внимания, а именно, использование ее как временного жилища. Кроме того, возможность заимствования от русских ставит под сомнение и анализ терминологии

[Лукина, 1985б. С.93—96]. Если к этому добавить то, что крытые лодки известны на территории Сибири народам, занимавшимся преимущественно охотой и рыболовством и перемещавшимся на весь летний сезон на рыболовные угодья, как это делали, например, кеты, нанайцы, то аргументов в пользу самостоятельного происхождения крытой лодки как элемента культуры народов, относящихся к определенным ХКТ, становится больше.

На возможность происхождения лодки из выдолбленного бревна у финно-угорских народов указывали еще финские исследователи У. Тойвонен, М. Лимола, А. Каннисто. Они базировались на лингвистических материалах, согласно которым название лодки *xan*, *xon* (по поздним данным, бытующее у манси и северных хантов) может быть сопоставлено с названиями корыта и других долбленых предметов [подробнее см.: Чернецов, 1937а. С.357]. В то же время Е.Л. Хелимский считает такое сопоставление, натянутым и сравнивает, вслед за Ю. Клапротом, обско-угорское название лодки с черкесским *kaf* «корабль», считая связующим звеном между ними формы енисейских языков [Хелимский, 1982. С.243]. При этом он не отрицает выявленную С.А. Старостиным [1982. С.242] связь между кетским названием лодки (берестяной), которое близко обско-угорскому, и названием лодки и сосуда, в том числе, деревянного, в кавказских языках.

Еще одно средство передвижения по реке у хантов и манси восходит к тому же источнику, что и долбленая лодка. Это плот, которым пользовались, судя по этнографическим материалам, манси, обитавшие в верховьях рек, стекающих с Урала. Действительно, специфика этих водных путей исключает или почти исключает возможность передвижения на других плавсредствах. Как известно, плоты вообще характерны для населения, проживающего в горной местности: плот устойчивее лодки, кроме того, на нем удобнее передвигаться по мелким рекам со множеством порогов, каковыми являются горные реки. Возможно, в прошлом плот у обских угров был распространен шире, ведь идея использовать для передвижения по воде связанные между собой бревна является одной из наиболее ранних. Кроме того, плот упоминается в фольклоре хантов и манси. Именно на плотях передвигались люди, когда, как считается, они расселились по земле после потопа — «священной воды», «большой огненной воды», который приходится на самое древнее время.

И у хантов, и у манси, приплывшими на плотях, считаются люди фратрии Пор [Мартынова, 1994. СИЗ; Федорова Е.Г. 1998б. С.129]. Некоторые исследователи считают, что ее название произошло от наименования плота — *пор* (манс.), *пур*, *пора* (хант.) [см., например:

Мартынова, 1994. СИЗ]. Интересно, что у восточных хантов из-за отсутствия фратриального деления для обозначения группы людей слово *Пор* не используется, не зафиксирован у них и собственно плот, хотя известен термин, именновзначении «плот*», кроме того, в их фольклоре присутствует образ женщины *Пор*, одного из злокозненных существ.

С понятием «плот» у обских угров ассоциируется уже упоминавшееся здесь средство передвижения из двух лодок с настилом между ними. У восточных хантов основой для него служили лодки-долбленки, у остальных групп обских угров — лодки типа калданки или горнячки. Настилы были удобны для транспортировки больших и объемных грузов, кроме того, сдвоенные лодки использовались при ловле рыбы неводом: невод держали на настиле и спускали его в воду по мере продвижения лодки.

По принципиально иному пути должно было идти развитие лодок каркасного типа — берестянок. По материалам XIX—XX в. у обских угров они не фиксируются, хотя у манси Юконды удалось записать способ их изготовления [см.: Федорова Е.Г., 1994в. С.50—51]. Встречаются упоминания о берестянках и в источниках XVIII в. [Георги, 1776. С.61; Паллас, 1786. С.328]. Это позволило В.Н. Чернецову высказать предположение о том, что XVIII век был тем временем, когда берестянки у манси исчезли окончательно [Чернецов. Манси. Архив, л.23]. В то же время в фольклоре обских угров берестянки очень четко связываются с иноэтническим населением, конкретно с самодийцами и тунгусами. Некоторые исследователи считают, что ханты и манси заимствовали их от самодийцев [Бояршинова, 1960. С.44] или же, другой вариант, говорят о неугорском происхождении берестянки [Лукина, 19856. С.92].

В связи с вопросом о происхождении различных типов лодок обских угров представляется возможной параллель с типами жилищ. Как известно, практически все население, пользовавшееся лодками-долбленками или составными, вело оседлый или полуседлый образ жизни и имело различные типы бревенчатых стационарных жилищ. Стволы деревьев использовались как для устройства лодок, так и для сооружения жилищ. Берестяная же лодка встает в один ряд с каркасными постройками. Они, как было сказано выше, тоже были известны хантам и манси, но преимущественно как временные. Каркасное жилище, как известно, характерно для тех ХКТ, представители которых вели подвижный образ жизни. С большинством групп обских угров ситуация иная: они издавна тяготели к оседлому образу жизни, те же элементы кочевничества, что в большей или меньшей степени присущи населению среднего и верхнего течения обских притоков, представляются вторичными,

сформировавшимися под воздействием различного рода факторов, начиная от заимствования оленеводства и кончая становлением системы взаимоотношений с государством, одной из сторон которой была регулярная уплата ясака, в результате чего, как говорилось выше, возникли сезонные «челночные» миграции.

Таким образом, и каркасные постройки, и каркасные лодки, несомненно связанные происхождением с таежной зоной Западной Сибири, о чем свидетельствует сам материал, из которого они делались, в первую очередь береста, должны были сложиться в среде не обско-угорского населения. По отношению к рассматриваемой территории это могут быть самодийцы, что, как отмечалось, подтверждается фольклорными материалами.

Из сказанного следует, что собственно угорскими должны быть лодки-долбленки. Формирование на их основе составных лодок, известных всем обским уграм, кроме восточных хантов, имеющих общее для лодок название, отличающееся от восточнохантыйского, возможно, связано с западным влиянием, в частности, они известны коми, у которых, по одной из версий, являются переходным типом от долбленки к дощанику с плоским дном [Конаков, 1983. С.86]. Следует напомнить, что распространение дощатых лодок-горнячек также шло с запада, граница их обско-угорского ареала приходите[^] на среднее течение Северной Сосьвы.

Считается, что появление составных лодок обусловлено необходимостью осваивать большие реки, для чего долбленки были мало приспособлены, а с выходом на просторы Оби началось строительство больших крытых лодок [Ahlquist, 1885. S.219; Лукина, 19856. С.97]. В связи с этим необходимо подчеркнуть такой факт, как наличие крытых лодок у населения верховьев обских притоков, что, как представляется, усложняет ответ на вопрос о путях распространения этого средства передвижения: они должны были сложиться в верховьях, тогда, когда возникла необходимость в переселениях на длительное время в низовья рек или на Обь. В этом случае из общей схемы выпадают восточные ханты, которым крытые лодки были хорошо известны, но у которых отсутствует промежуточное звено между долбленкой и крытой лодкой, а именно лодка-кадцанка, известная западным группам обских угров. Все это наводит на мысль о происхождении крытой лодки в западной части обско-угорского ареала с последующим ее распространением к восточным хантам через Обь и низовья ее притоков в их верховья. Если допустить, что крытая лодка служила средством передвижения для обских угров в процессе освоения ими новых пространств, то распространение ее через Обь не исключается и для других

групп хантов и манси. Но в этом случае нужно предполагать очень древнее ее происхождение и высокий уровень развития водного транспорта у населения южнотаежной зоны, откуда могло происходить продвижение в более северные районы.

В этнографической действительности специализация водных транспортных средств у обских угров достигла очень высокого уровня. Даже однотипные лодки были приспособлены для разных целей, в связи с чем варьировались их размеры. Например, калданки использовались, при различных способах рыболовства, при охоте, для переездов, для соревнований во время праздников, причем для обозначения каждого из вариантов существовали особые названия [см., например: Соколова, 1982. С.57; Федорова Е.Г., 1994в. С.56].

Лодки относятся к числу тех традиционных средств передвижения хантов и манси, которые не утратили своего значения и в конце XX в? Хотя для поездок на большие расстояния почти везде используются металлические лодки с подвесными моторами, охотники и рыболовы во время промысла предпочитают традиционные долбленки, калданки, горнячки (на последние сейчас, как правило, подвешивается мотор). Эти же типы лодок распространены и у некоренного населения, которое заимствовало их от хантов и манси.

До недавнего времени повсеместно сохранялись традиционные лыжи — как неотъемлемый элемент снаряжения охотника. Лишь в самые последние годы фиксируются случаи замены их охотничьими лыжами фабричного производства. На вторую половину XX в. приходится процесс исчезновения оленьих нарт, обусловленный изменениями в оленеводстве и распространением «Буранов». Оленьи нарты сохраняются лишь на периферии, в то время как потребность в ручных нартах остается у охотников на более широкой территории.

Анализ материальной культуры обских угров показывает, что отдельные ее составляющие по-разному соотносятся с характеристиками тех ХКТ, представителями которых являются ханты и манси. Наибольшее соответствие наблюдается, пожалуй, в такой сфере, как пища. Набор продуктов, способы их заготовки и приготовления блюд характерны для таежных рыболовов, охотников, оленеводов. Но в праздничной пище достаточно отчетливо просматриваются нетипичные для таежного населения элементы, свидетельствующие о значительном влиянии скотоводов. Особняком стоит хлебная пища, которая могла внедряться в рацион обских угров различными путями.

Потребностями охоты, рыболовства, оленеводства, спецификой местных природных условий диктуется набор средств передвижения хантов и манси. В то же время широкое распространение езды на лошадях и слабо развитое упряжное собаководство свидетельствуют в пользу, во-первых, присутствия все того же скотоводческого компонента, во-вторых, сравнительно позднего расселения обских угров по тайге, когда собаководство уже вытеснялось оленеводством.

О решающем значении местных таежных условий и основных и подсобных занятий хантов и манси в формировании комплекса утвари говорит материал, из которого выполняются отдельные предметы, в ряде случаев — и их форма. Но нередко она достаточно универсальна и может связываться с любыми условиями и любыми народами, поэтому в данном случае важно именно сочетание формы и материала, ограничивающее зону бытования вещей, по крайней мере, таежной полосой. Вместе с тем, отдельные элементы, как например, мансийские подушки в форме вытянутого прямоугольника, явно чужды для жителей тайги.

Типы поселений, жилых и хозяйственных построек представляют собой сочетание элементов культуры оседлого и неоседлого населения. Наличие почти у всех групп обских угров стационарных поселений, широкое распространение срубных построек (интересно, что даже некоторые типы каркасных сооружений повторяли форму срубных) свидетельствуют о том, что оседлость и полуоседлость — основные признаки образа жизни хантов и манси.

В одежде обусловленность природной средой и хозяйственными занятиями проявляется главным образом в использовании определенных материалов и наличии деталей производственного и дорожного костюмов. В этой сфере материальной культуры наиболее ярко выражена этничность. До сих пор информанты относят одежду к числу главных признаков, по которым народы различаются. Кроме того, именно в одежде особенно заметно присутствие южного компонента.

Как было показано выше, формирование материальной культуры обских угров происходило сложным путем и на протяжении длительного времени. В ряде случаев в этой сфере выявляется непосредственное влияние соседних народов. В то же время пришлое население заимствовало многие элементы материальной культуры хантов и манси. Это служит подтверждением того, что в процессе своего развития они достигли оптимального варианта. Во всех составляющих материальной культуры в большей или меньшей степени проявляется та двухкомпонентность, о которой говорил еще В.Н. Чернецов, — сочетание местных, таежных и пришлых, южных скотоводческих элементов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс формирования зафиксированной этнографическими источниками культуры обских угров растянулся на тысячелетия. Она представляет собой сочетание разнородных элементов, истоки которых лежат в культурах древнего таежного населения Западной Сибири, скотоводов лесостепной и степной зон, и включает в себя более поздние наслоения — заимствования от тех народов, с которыми обские угры соседствовали на разных этапах своей этнической истории.

Изложенные выше материалы в целом позволяют подтвердить правомерность выделения у хантов и манси конца XIX—первой половины XX в. следующих ХКТ: оседлые рыболовы больших рек, полuosедлые охотники и рыболовы притоков Оби и Иртыша, полuosедлые охотники-оленоводы верховьев притоков Оби и Иртыша, кочевые и полукочевые оленеводы. Наибольшие различия между ними лежат в сфере хозяйственной деятельности. Именно это позволяет говорить о наличии различных ХКТ у народов, имеющих общее происхождение, множество сходных черт в материальной и духовной культуре. Их детальный анализ выявляет целый ряд признаков, не соответствующих основным параметрам обозначенных ХКТ. Это свидетельствует о стойкости этнических традиций, истоки которых лежат в глубокой древности. Эти традиции формировались на других территориях и в других экологических условиях, но они оказались настолько жизнеспособны, что мало изменились в процессе адаптации к новой среде обитания, начавшемся несколько веков назад. Этот своего рода феномен обско-угорской культуры до сих пор не находит объяснения. От многих других народов Сибири ханты и манси отличаются тем, что даже в конце XX в., несмотря на все происходившие на его протяжении социально-экономические, политические и культурные преобразования, нередко производившиеся в достаточно жесткой форме, они во многом сохранили этническую специфику. В немалой степени это связано с тем, что не претерпел значительных изменений хозяйственный комплекс хантов и манси. Его устойчивость обеспечивалась, как отмечал М.Ф. Косарев, большей стабильностью ландшафтно-климатических условий в глубинных таежных районах

Западной Сибири, по сравнению со степью и тундрой [Косарев, 1984. С.92]. Таким образом, сохранение на протяжении длительного времени без особых изменений охоты, рыболовства, собирательства обеспечивало ту консервативность культуры обских угров, которую неоднократно подчеркивали исследователи. Но при констатации этой консервативности, когда подразумевался таежный характер культуры, меньше внимания уделялось тем ее элементам, что связаны с лесостепным и степным миром. В результате, как представляется, долгое время занижалась роль этого южного компонента, хотя без упоминания о нем практически никто не обходится.

Если же признать, что роль южного компонента более существенна, чем принято считать, то концепция ХКТ обских угров и их культурогенеза нуждается в определенном уточнении, что, в свою очередь, снова выводит на проблему их этногенеза. Прежде всего, следует подчеркнуть, что более значимой оказывается роль скотоводства. Как было показано, оно получило достаточно широкое распространение, а по отношению к XX в. — почти повсеместное (непосредственно скотоводством не занимаются только в верховьях некоторых обских притоков и в самой нижней части течения Оби). Важно отметить, что в исторически обозримый период распространение скотоводства происходило без всякого дашения с чьей-либо стороны. Как известно, такой ход процесса возможен только тогда, когда население подготовлено к заимствованию культурного явления. Но в данном случае оно, если можно так выразиться, было готово изначально. Об этом свидетельствует тот мощный пласт в религиозных представлениях обских угров, который мог сформироваться только в среде скотоводческого населения и который не был утрачен в процессе освоения новых пространств, так как базировался на той же, хотя и сильно деформированной в результате адаптации к таежным условиям, экономической основе. Этот пласт, насколько можно судить по имеющимся источникам, фиксируется у всех групп обских угров.

Если же допустить, что истоки обско-угорского скотоводства лежат в придомном скотоводстве предтаежного населения периода энеолита—бронзы, то форма этого вида деятельности изменилась после переселения в более северные районы, возможно, не так уж сильно. Сложнее обстоит дело с мировоззрением, в котором явно присутствуют элементы, характерные для скотоводов-кочевников. Эти элементы могли внедриться позднее, их включение в культуру облегчалось тем, что она изначально была скотоводческой.

Связь с южными скотоводами достаточно хорошо прослеживается и в материальной культуре обских угров, особенно в такой ее сфере, как одежда, в которой, как и в духовной культуре, наиболее ярко проявляется этничность. Таким образом, роль скотоводческого этнокультурного компонента в составе обских угров оказывается весьма существенной. В связи с этим конкретизируются некоторые стороны проблемы их этногенеза. В целом он представляется следующим образом.

Как в свое время установил В.Н. Чернецов, сложение урало-сибирской этнокультурной общности началось с эпохи мезолита, когда предки уральцев продвинулись из Приаралья и восточного Прикаспия в среднее Зауралье и Западную Сибирь, где смешались с аборигенами — потомками позднепалеолитического населения, проникшего в эти районы из Восточной Сибири [Чернецов, 19646. С.5]. Эти процессы происходили в 5—4-м тысячелетиях до н.э., причем, как показывают археологические данные, они охватывали территорию до Енисея и Ангары [Там же]. Позднее было установлено, что в мезолите—неолите имели место не менее трех притоков прикаспийского населения, которое осело в предтаежном ичожнотаежном Зауралье (носители боборькинской неолитической культуры), в Западной же Сибири оказалось выходцы из Приаралья [Косарев, 1991. С.12-13].

Как отмечал В.Н. Чернецов, в среднем неолите и не позднее середины 4-го тысячелетия до н.э. древние уральцы осваивают низовья Иртыша и Оби, откуда продвигаются дальше на запад и на восток, вплоть до Енисея [Чернецов, 1973]. К концу неолита на территории от Урала до Енисея выделяется два субареала: западный (от Урала до Иртыша), предположительно связываемый с отдаленными предками угорских народов, и восточный (от Оби до Енисея с частью его притоков), связываемый с предками самодийцев [Там же. С. 14]. Западные же ответвления уральской общности В.Н. Чернецов отождествляет с пра-лопарями, восточные — с пра-юкагирами [Чернецов, 19646. С. 10].

Археологическая карта памятников от верхнего палеолита до неолита включительно показывает, что сосредоточены они главным образом, по отношению к рассматриваемой территории, в Зауралье (верховья левых притоков Тобола) и Нижнем Притоболье, распространяясь дальше на восток в широтном направлении до р. Томь. В северных районах, занимаемых в этнографической действительности обскими уграми, памятники этого периода единичны [см.: Косарев, 1991. Карты 1,2]. Следует напомнить, что именно с районом Нижнего Притоболья связывается формирование

оседлорыболовческого уклада и, возможно, тех многообразных способов и орудий рыболовства, особенно запорного, которые так характерны для обских угров и в комплексе полностью соответствуют первому из названных выше ХКТ.

На территории лесного Зауралья могли сложиться те способы охоты на крупных копытных, которые тоже известны в этнографической действительности. Таким образом, здесь закладывались основы формирования еще одного ХКТ — охотников притоков Оби Иртыша, которые в дальнейшем превратились в охотников-оленоводоов, в то время, когда они оказались в более северных районах и восприняли сложившееся через несколько тысячелетий оленеводство.

Все сказанное вполне подтверждает предположение о возникновении основ того таежного компонента культуры обских угров, который в этнографической действительности является в ней ведущим, на территории лесного Зауралья и Нижнего Притоболья.

Одним из признаков для разграничения археологических и этнических культур является орнамент. Можно сказать, что в настоящее время еще не выделен какой-либо другой признак, столь же надежно, как и орнамент, позволяющий определять принадлежность вещи к какой-то культуре. На территории предтаежного и таежного Зауралья и Обь-Иртышья по отношению ко времени не позднее второй половины неолита на базе орнаментальных комплексов выделяются три культурные (этнические) линии преемственности, характеризующиеся гребенчатым, гребенчато-ямочным и отступающе-прочерченным (отступающе-накольчатым) орнаментами [Косарев, 1991. С.13]. К эпохе неолита относят и формирование наклонных прочерченных полос на бересте, а также шахматной . меховой мозаики из сборного меха, сближающих орнаментальное творчество обских угров и нганасан. Эти способы орнаментации и узоры предположительно сложились в среде урало-сибирцев, обитавших в лесных и южнотаежных районах [Рындина, 1995. С.370].

На рубеже неолита и энеолита гребенчатая орнаментальная традиция, которая в предшествующий период локализовалась преимущественно в районах, прилегающих к Уралу, к востоку от него начинает развиваться по линии андронидного геометризма (позднесуртандинские, аятские, котляковские, черкаскульско-федоровские керамические комплексы) [Косарев, 1991. С.13]. В северо-таежном Приобье эта традиция перерастает в «сотовый» геометризм (сартыннинская культура) [Там же].

Восточноуральские и западносибирские памятники андроновской эпохи в своих наиболее ярких вариантах накладываются на те территории [см.: Косарев, 1987. Карта 36], где в предшествующий период обитало оседлорыболовческое население, могли складываться основные приемы рыболовства и охоты на крупных копытных. Притом, что нет единого мнения об этнической принадлежности андроновцев (федоровцев), которых одни исследователи считают уграми, другие — иранцами, никто не сомневается, как справедливо отметил М.Ф. Косарев, в участии черкаскульско-федоровского населения в формировании обских угров. Нужно отметить, что именно орнаментация андроновидной керамики сопоставима с узорами на этнографических предметах, т.е. сравнение археологических и этнографических материалов приобретает реальную основу.

Определяющее влияние андроновская орнаментика оказала на становление обско-угорской вышивки, как в плане мотивов, так и в отношении самой идеи ее возникновения [Рындина, 1995. С.375—376]. По поводу развития орнамента на других материалах в последнее время исследователи склоняются в пользу их большей независимости от влияния андроновцев. О.М. Рындина, хотя и относит к тому же этапу активизацию развития орнамента на мехе и бересте, в котором тоже обнаруживаются андроновские мотивы, истоки его все же видит в предшествующем периоде [Там же. С.379—381]. Считая Сургутское Приобье буферной зоной между автохтонной северотаежной линией развития орнамента и более южными линиями, на которые в той или иной степени оказывала влияние андроновская орнаментика, она определяет его как территорию, где «при участии андроновидных элементов происходило становление черт, определивших орнаментальное своеобразие обских угров» [Там же. С.382].

Но на территории Сургутского Приобья на рубеже бронзового и железного веков фиксируются занимавшие в это время и более северные районы культуры гребенчато-ямочной керамики, с одной стороны, видимо, не местного происхождения, с другой — обнаруживающие сходство с восточноевропейскими культурами, также характеризующимися гребенчато-ямочной керамикой [Косарев, 1991. С.15—17]. Эти культуры сейчас считают самодийскими, а сходство их с восточноевропейскими объясняют, во-первых, едиными генетическими истоками, уходящими, видимо, в мезолитическую эпоху, и, соответственно, общим генофондом, определившим похожую «логику» этнокультурного развития, во-вторых, «сходством ландшафтно-климатических условий Восточно-

Европейской и Западно-Сибирской равнин, что обусловило похожую манеру социально-экономической и этнокультурной адаптации и длительное сохранение сходных направлений генетической преемственности» [Там же. С. 18]. Это одна из трех версий, объясняющих сходство между восточноевропейской и западносибирской гребенчато-ямочными традициями, предложенных М.Ф. Косаревым, который последовательно отстаивает древне-самодийскую принадлежность их носителей на западносибирской территории.

В связи с андронидными культурами более южных территорий нужно еще раз подчеркнуть два момента. Во-первых, в хозяйстве их носителей немалую роль играло скотоводство, во-вторых, именно здесь могут лежать истоки той вышитой одежды, которая до этнографической действительности сохранилась у южных групп обских угров. Это лишние свидетельства в пользу локализации территории формирования обско-угорской общности и предтаежной и южнотаежной полосе Западной Сибири. На западе эта территория могла быть ограничена Средним Уралом.

Андронидные культуры (черкаскульская, сузгунская, еловская) сложились на юге западносибирской тайги в результате смешения местного населения и пришлых андроновцев. Здесь была северная граница андроновской культурно-исторической общности, Ъжная же подходила к подножьям горных систем Памира, Тянь-Шаня, Тарбагатая, Алтая [Зданович, 1988. С.3]. Ареал черкаскульской культуры включает в себя Южное Зауралье (в том числе других районов) и заходит севернее Нижнего Тагила [Косарев, 1987. С.282]. Частично он перекрывает ареал нижнетобольского варианта андроновской культурной общности, который, не исключено, является разновидностью коптяковского или того же черкаскульского [Там же. С.276]. Таким образом, территории лесного Зауралья и Нижнего Притоболья оказываются заселенными носителями одной или двух близкородственных культур. На части этой территории уже письменными источниками были зафиксированы обские угры, позднее вытесненные оттуда или сменившие этническую принадлежность. Следовательно, учитывая сказанное выше, можно считать носителей черкаскульской культуры предками хантов и манси. Если же согласиться с предположением об угорской принадлежности федоровцев (хотя трудно понять, на чем оно основано), то мы имеем лишнее подтверждение этого, поскольку федоровцы близки черкаскульцам в культурном отношении. Противоположная точка зрения — об иранской принадлежности федоровцев — должна предполагать и иранское

происхождение черкаскульцев. Таким образом, если принять первую позицию, получается, что в эпоху поздней бронзы далекие предки хантов и манси включали в свой комплекс хозяйственных занятий почти все виды деятельности, известные в этнографической действительности, имели вышитую одежду, покрой которой, как показывают исследования, сопоставим с покроем одежды народов Казахстана и Средней Азии, а также определенный фонд орнаментальных мотивов, известных и по поздним этнографическим материалам.)

В связи с орнаментом следует обратить внимание на еще один факт. В андроновской орнаментации присутствует узор, который сопоставим с одним из вариантов обско-угорского мотива «заячьи уши». Он встречается и на черкаскульской керамике. Это отмечал еще В.Н. Чернецов [1948. С.151]. С.В. Иванов включает его в перечень геометрических мотивов андроновского орнамента и соответствующих им мотивов орнамента обских угров [Иванов, 1963. Рис.100]. Но О.М. Рындина считает, что этот узор (для меха) сложился в результате саморазвития орнаментальной системы, выработанной на основе архаичной сибирской традиции [Рындина, 1995. С.321]. Т.А. Молданова предполагает наличие независимых путей возникновения этого мотива для различных материалов [Молданова, 1999. С.98-99].

Возможно, это разночтение вызвано тем, что исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно материала, с которым связано возникновение андроновского орнамента, хотя все склоняются к тому, что это не могла быть керамика. Но, если предположить, что формирование и развитие узоров шло по ассоциативной линии, то наиболее подходящим материалом оказывается именно керамика: на ней проще всего изобразить такой узор. И «заячьи уши» — наиболее подходящая в данном случае иллюстрация. Среди разнообразия орнаментальных мотивов обских угров, как правило, достаточно сложных, этот относится к числу самых легко «читаемых». Наиболее простой его вариант просуществовал на протяжении нескольких тысячелетий, применялся, насколько известно, для всех материалов, за исключением, пожалуй, осоки и камыша, из которых плели циновки, и кедрового корня для корноватиков. Наконец, он дожил до конца XX в.

Этот феномен имеет свое объяснение. Оно состоит в том, что узор «уши зайца» маркирует определенные группы населения как хантов [см.: Молданова, 1999. С.102—103], так и манси. У этих групп заяц является одной из ипостасей их мифического предка. Включают они в себя те фамилии, которые относятся к

фратрии Мось. Если добавить то, что в научной литературе уже давно существует тенденция связывать происхождение людей Мось с южными территориями, можно считать наличие орнамента «заячьи уши» на вещах членов этой фратрии еще одним подтверждением их южных корней, уходящих в андроновские или андроновидные культуры.

В связи с изложенными выше фактами именно угорская принадлежность черкаскульцев представляется наиболее правильной. Именно с периодом соседства древних угров и ираноязычных андроновцев следует связывать, как это делают многие исследователи, проникновение в их среду тех элементов культуры, иранское происхождение которых подтверждается лингвистическими материалами. Нужно добавить, что к числу этих элементов можно отнести не только те, что связаны со скотоводством. По всей вероятности, это еще и целый ряд деталей костюма.

С периодом существования черкаскульской культуры соотносится и время начала распространения по евразийским степям верховой езды, которую угры могли заимствовать от иранцев, сохранив до наших дней отдельные связанные с нею иранские названия.

Черкаскульская культура существовала в XIV—XI вв. до н.э. [Косарев, 1987. С.283]. Она сложилась раньше, чем более восточные сузгунская (таежное Прииртышье, рубеж 2-го и 1-го тысячелетий до н.э. или первые века 1-го тысячелетия до н.э.) и еловская (Томско-Нарымское Приобье, XII—IX или XI—IX вв. до н.э.), и отличалась от них тем, что андроновидная орнаментальная традиция имела на занимаемой ею территории глубокие корни, тогда как для двух других культур андроновидный декоративный комплекс оказался привнесенным продвинувшимся на юг таежной зоны Западной Сибири из лесостепного Обь-Иртышья андроновским населением, уже испытавшим воздействие карасукцев [Там же. С.283, 287]. Носителей сузгунской и еловской культур определяют как угро-самодийцев [Косарев, 1991. С.20—21].

На рубеже бронзового и железного веков, в связи с изменениями климата, происходило, как говорилось выше, перемещение северных таежных культур в более южные районы. Этим миграциям в последнее время исследователи уделяют много внимания, так как видят в них те пути, по которым южные элементы культуры попадали в среду северного населения. Почему с этим трудно согласиться, уже говорилось в настоящей работе. Нужно добавить, что опубликованные материалы по орнаменту (керамика) северных пришельцев в плане их визуального сопоставления с обско-

угорскими выглядят значительно менее убедительными, по сравнению с андроновскими, хотя и претерпевают определенные изменения под влиянием последних. Неясным остается и вопрос о возможности использования орнаментальных мотивов северного населения, даже при условии их трансформации, на других материалах. Таким образом, трудно установить, какова же в действительности была роль гибридных культур переходного периода в сложении обских угров.

В то же время на территории Среднего Зауралья и частично Нижнего Приоболья памятники гибридной гамаюнской культуры накладываются на ареал межовской культуры, являвшейся прямым продолжением черкаскульской [Косарев, 1987. С.289,297 — карта 38, с.303]. Но, как отмечал М.Ф. Косарев [1991. С.21], приход гамаюнец не оказал существенного влияния на дальнейшую этническую историю населения предтаежного и южнотаежного Зауралья: достаточно очевидна генетическая преемственность межовской и позднейших иткульской, воробьевской и, видимо, баитовской культур [Там же. С.25]. Таким образом, ХКТ рыболовов, охотников и скотоводов мог на протяжении эпохи бронзы—раннего железа развиваться на местной основе, со сменой акцентов на конкретные виды деятельности в зависимости от изменений климата.

В связи с этногенезом обских угров нельзя не коснуться проблемы этнической принадлежности кулайской культуры раннего железного века Сургутско-Нарымского и части Томского Приобья. Ее считают самодийской (М.Ф. Косарев, В.А. Могильников, Л.А. Чиндина и др.) или угорской (Ю.Ф. Кирюшин, А.М. Малолетко, В.М. Молодин и др.). Но через средневековую релкинскую и более поздние памятники кулайская культура достаточно убедительно связывается с древними селькупам. Как представляется, при этнической интерпретации этой археологической культуры упускается из вида такой факт, как смешанный характер языка и культуры селькупов, которые долго назывались остяко-самоедами. Возможно, он обусловлен не сравнительно поздним влиянием восточных хантов, как принято считать, а наложением на местные культуры гребенчато-ямочной керамики пришедшей андроновской, о чем, собственно, и говорит М.Ф. Косарев. Позднейшее расселение на север, в более суровые климатические условия, возможно, сгладило южные черты, на что еще должен был повлиять и характер местных северных культур. В связи с этим, возможно, не теряет актуальности еще одна гипотеза относительно происхождения самодийцев. Она выстраивается на археологических материалах, подтверждается лингвистическими данными [подробнее см.: Косарев, 1991. С.15—18]

и сводится к тому, что начало их этногенеза нужно искать на Восточно-Европейской равнине. Если это верно, то утро-самодийцы при переселении на север наложились на близкородственных им самодийцев, причем последние оказали решающее влияние на дальнейшие процессы формирования самодийских народов.

Археологи предполагают, что кулайская волна, вышедшая в западном направлении, приняла участие в сложении потчевашской культуры, вторым из компонентов которой были саргатцы. Но роль кулайцев здесь была незначительной, т.е. можно утверждать, что здесь исчезали уже самодийские элементы, поскольку позднее свидетельств о присутствии их в таежном Прииртышье как будто не имеется.

Процесс сложения потчевашской культуры относят к 1-му тысячелетию н.э. Этому периоду предшествовало формирование в скифо-сарматское время на территории лесостепного Зауралья и примыкающей к нему части Притоболья гороховской культуры, просуществовавшей до II—I вв. до н.э. и сменившейся в это время с востока саргатской культурой, близкой ей по характеру [Могильников, 1992. С.291]. Около IV в. до н.э. гороховцы продвигаются на территории, занятые в том числе и носителями воробьевской и баитовской культур [Там же. С.283], т.е. предполагаемыми уграми.

Установлено, что основной компонент как гороховского, так и саргатского населения, занимавшего огромную территорию лесостепи Зауралья и Западной Сибири, не мог быть местным в районах Притоболья и Приишимья. Восточнее же ситуация несколько иная [Там же. С.308]. Кроме того, на развитие этих культур оказали влияние отдельные савроматские, раннесарматские и сакские группы [Там же. С.309]. С этим периодом связывают четвертую крупную волну южных воздействий на Западную Сибирь [Косарев, 1991. С.194]. Часть саргатского населения затем переместилась в южнотаежную подзону, где растворилась среди местного населения. Именно в это время, как установлено, в орнамент обских угров проникают сюжеты парных противостоящих птиц с деревом, образу медведя придаются антропоморфные богатырские черты [Рындина, 1995. С.388—390] и появляется образ божества-всадника Мир-сусне-хума — иранского Митры, который варваризируется в саргатской среде, а затем распространяется на север [Косарев, 1991. С. 195]. По отношению к этому же периоду В.Н. Чернецов говорит об уграх-савырах, которые позднее должны были уйти на север и смешаться там с таежными охотниками и

рыболовами, в результате чего сложились обские угры. Но эта гипотеза, как было замечено и М.Ф. Косаревым, и О.М. Рындиной, имеет несоответствия хронологического порядка: уход угров на север нельзя относить к 1-му тысячелетию до н.э.

В настоящее время исследователи склонны считать уграми часть саргатского населения. О.М. Рындина убедительно доказала, что происхождение названных выше орнаментальных мотивов связано с саргатской общностью [Рындина, 1995. С.390—392]. О влиянии саргатцев и гороховцев на культуру обских угров было сказано и в настоящей работе. С учетом изложенного выше по поводу угров-черкаскульцев можно обозначить следующую проблему: выявление роли первого и второго компонентов, соотносимых с уграми в процессе формирования обских угров. В данном случае речь идет о лингвистической принадлежности этих образований, поскольку культурное развитие могло идти по самостоятельной линии. По имеющимся на сегодня материалам, уграми по языку с одинаковым успехом можно считать и черкаскульцев, и саргатцев. Если же учесть, что и те, и другие формировались на андроновской основе (саргатцы — через ряд других культур), то, возможно, вопрос о том, кому отдавать в данном случае предпочтение, не имеет смысла. Но ведущую роль в плане формирования культуры, видимо, нужно отнести населению лесного Зауралья и Нижнего Притоболья, которое «сняло» некоторые черты кочевнического быта (например, доение лошадей), возможные у саргатцев.

Таким образом, имеются все предпосылки для того, чтобы увязывать территорию формирования обских угров, их двухкомпонентной культуры с лесным Зауральем и Нижним Притобольем, где в формировании сменявших друг друга археологических культур всегда присутствовал местный компонент. Там они могли находиться вплоть до средневековья. Серьезные подвижки здесь, видимо, произошли в связи с великим переселением народов, отделившим от угорского массива предков венгров и, вероятно, потеснившим лесостепное и южнотаежное население далее на север.

В дальнейшем, с появлением на территории Западной Сибири тюркоязычного населения, отношение которого с местными таежниками не было мирным, начали складываться потестарные образования, просуществовавшие до времени включения территории Западной Сибири в состав Русского государства, а некоторые — и дольше.

Расселению обских угров по тайге первый существенный толчок дали события внутри Золотой орды, ее распад и образование на ее основе новых государств. Видимо, в это время угорское

население расселилось уже по Средней Оби, занимало низовья Иртыша, часть обско-иртышских притоков и часть Нижней Оби. Самые же северные группы хантов образовались после XVII в.: все притоки Оби в ее нижнем течении в XVII—XVIII вв. были еще заняты самодийцами [Перевалова, 1997. С. 14].

В процессе расселения по тайге сложились зафиксированные этнографическими источниками ХКТ обских угров, их варианты, локальные особенности культуры — под влиянием как природных условий, так и иноэтнических культур. При детальном анализе культур хантов и манси выделяются комплексы элементов различного происхождения [Чернецов, 1964б; Лукина, 1985б, 1986б, 1986в; Федорова Е.Г., 1985, 1989, 1994в; Соколова, 1999].

Изложенная здесь точка зрения на этногенез и этническую историю обских угров отличается от высказанных ранее в основном тем, что процесс формирования этих народов представляется как последовательное развитие начиная с эпохи мезолита до средневековья на достаточно ограниченной территории предтаежной и южнотаежной полосы Зауралья и Западной Сибири с достаточно поздним расселением по западносибирской тайге. Именно таким образом, как представляется, возможно объяснить феномен устойчивости этнических характеристик культуры обских угров. Иной путь предыдущих исследователей обусловлен тем, что они изначально ориентировались на существенную разницу между различными этнографическими группами хантов и манси, которые в основном нельзя рассматривать синхронно, если речь идет о каких-то древних периодах.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов Н.* Описание Березовского края // ЗРГО. 1857. Кн. XII.
- Алексащенко Н.А., Кернер В.Ф.* Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья (по материалам пос. Исетского Правобережного). Свердловск, 1990.
- Алексеев В. П.* Антропогеоценозы: сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7.
- Алексеенко Е.А.* Средства передвижения кетов // ТИЭ. Нов» сер. Т.LXIV: Сибирский этнографический сборник. М.;Л., 1961. Вып.П1.
- Алексеенко Е.А.* Кеты: Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Алексеенко Е.А.* Оленеводство у кетов // Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М., 1969.
- Алексеенко Е.А.* Этнические и культурные взаимодействия кетов и обских угров // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986.
- Андреев А.И.* Описания о жизни и упражнениях обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев // СЭ. 1947. № 1.
- Андрианов Б.В.* Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс // СЭ. 1968. № 2.
- Андрианов Б.В.* Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985.
- Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // СЭ. 1972. № 2.
- Антропова В.В.* Из истории транспорта у народов Сибири // КСИЭ. 1952. Вып.XV.
- Антропова В.В.* Лыжи народов Сибири // СМАЭ. 1953. Т.XIV.
- Антропова В.В.* Лодки // ИЭАС. М.;Л., 1961a.
- Антропова В.В.* Лыжи // ИЭАС. М.;Л., 1961,б¹.
- Антропова В.В., Левин М.Г.* Упряжное собаководство // ИЭАС. М.;Л., 1961.
- Арнольд И.Н.* К вопросу о рационализации рыбного промысла на севере СССР // Северное промысловое хозяйство. М.;Л., 1934.

Арутюнов С.А. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Введение. М., 1981.

Арутюнов С.А. Пища // Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989.

Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

Архипов Г.А. Марийцы IX—XI вв. Йошкар-Ола, 1973.

Бабаков В.Г. Историческое место фратрии в структуре социальных связей западносибирских угров // СЭ. 1988. № 3.

Багашев А.Н. Краниологический тип нижнеиртышских хантов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. УП: Обские угры (ханты и манси). М., 1991. *

Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т.4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998а.

Багашев А.Н. Таксономические признаки и дифференциация групп по результатам многомерной статистики // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Т.4: Расогенез коренного⁵ населения. Томск, 1998б.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Баскин Л.М. Поведение северных оленей как основа технологии промыслового хозяйства // Дикий северный олень в СССР. М., 1975.

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935.

Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX—начало XX в. М., 1958.

Беневоленская Ю.Д. Расовый состав и расоэволюционная изменчивость обских угров // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

Беневоленская Ю.Д. Проблемы расовой краниологии обских угров // Народы Сибири. Кн.2: Сибирский этнографический сборник. 7. М., 1995.

Бобринский Н.А. Животный мир и природа СССР. М., 1960.

Богословская И.В. Одежда народов библейских стран (по древнеегипетским источникам XVI—XI вв. до н.э.). СПб., 1995.

Борзунов В.А. Гамаюнская культура (основные характеристики) // ВАУ. 1982. Вып. 16.

Борзунов В.А. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.

Борзунов В.А., Кирюшин Ю.Ф., Матющенко В.И. Поселения и жилища эпохи камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // ВАУ. 1993. Вып.22.

Борзунов В.А., Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угр'ов Урала // ВАУ. 1988. Вып. 19.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Бунак В.В. Антропологический тип черемис // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып.3—4.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1.

Бунак В.В. Вопросы расогенеза. Происхождение и этническая история русского народа // ТИЭ. Нов. сер. 1965. Т.88.

Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Бутанаев В.Я. Традиционные способы охоты у хакасов в XIX в. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966.

Валеев Ф.Т. Западносибирские татары во второй половине XIX—начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань, 1980.

Валонен Н. Ранние лопарско-финские контакты. Из этнической истории финских племен // Финно-угорский сборник. М., 1982.

Варсонофьева В.А. Географический очерк бассейна реки Уньи // Северная Азия. 1929. Кн.4.

Василевич Г.М. Тунгусский кафтан: К истории его развития и распространения // СМАЭ. 1958. Т.XVIII.

Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. 1963. Т.XXI.

Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII-начало XX в.). Л., 1969.

Василевич Г.М., Левин М.Т. Олений транспорт // ИЭАС. М.; Л., 1961.

Васильев В.В. Река Демьянка. Экономико-этнографический очерк. Тобольск, 1929.

Васильев В.И. Проблема происхождения орудий заповорного рыболовства обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1962. Т. LXX.

Васильев Е.Л. Ладьевидные сосуды эпохи бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.

Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

Визгалов Т.П., Фильчаков Е.Г. О рыболовстве древнего населения бассейна Конды эпохи раннего металла // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья X—XIII вв. н.э. // Уч. зап. ПГУ, № 191: Тр. Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. Г/.

Викторова В.Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1969.

Викторова Е.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. 1988. Вып. 19.

Волегов В. Звериный и рыбный промысел на Ростеском Урале // Охота. 1860. Январь.

Гаген-Торн И.И. Женская одежда народов Поволжья: Материалы и этногенез. Чебоксары, 1960.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культурные места. XIX—начало XX в. Новосибирск, 1986.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776. 4.1; 1799. Ч. П.

Герасимова Д.В. Лексика, связанная с охотничьим и рыбным промыслом, в мансийском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы // ЭО. 1900. Т. 65.

Глушкова Т.Н. Очерки по истории и древнему плетению и ткачеству населения Западной Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993.

Головнев А.В. Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII—начало XX в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Городков Б.Н. Поездка в Салымский край // ЕТГМ. 1913. Вып. XXI!

Грачева Г.Н. К семантике оформления одежды у нганасан и энцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тез. докл. обл. научной конф. по этнографии. Омск, 1983.

• *Грачева Г.Н.* О происхождении тундрового оленеводства // AD POLUS, Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10.

Гундризер А.Н., Вершинин В.К. Особенности ихтиофауны на различных этапах обитания человека в Приобье // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989.

Давыдова Г.М. Современное состояние проблемы уральской расы (по соматологическим материалам) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.

Долуханов П.М. Природные условия эпохи мезолита на территории СССР // Археология СССР: Мезолит СССР. М., 1989.

Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.

Дремав В.А. Краниология среднеобских хантов // Материалы к серии «Народы и культуры. Вып. VII: Обские угры (ханты и манси)». М., 1991.

Дремов В.А., Багашев А.Н. Краниологические данные к вопросу о формировании хантов // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993.

Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера // ИРГО. 1904а. Вып. 40.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904б. Т. I; Тобольск, 1910. Т. П; 1911. Т. Ш.

- Дунин-Горкавич А.А.* Опытное сельскохозяйственное дело на Тобольском Севере // Югра. 1992. № 12.
- Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как исторический источник. Л., 1975.
- Дьяконова В.П.* Роль традиционных народных знаний в животноводстве Тувы и Алтая // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986.
- Дьяконова В.П.* Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // СМАЭ. 1988. Т.XLII.
- Дьяконова В.П.* Жилище народов Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995.
- Елькина М.В.* Раскопки поселений раннего железа на Барсовой Горе близ г. Сургута // АО. 1975. М., 1976.
- Ермолов Л.В.* К изучению пассивной охоты у таежных этносов Западной Сибири // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.
- Ермолов Л.Б.* Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983.
- Жданко Т.А.* О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // АЭБ. 1971. Т.4. у
- Жеребцов Л.Н.* Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974.
- Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Заднепровский Ю.А.* Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
- Зданович Г.Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зенько А.П.* Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск, 1997.
- Зыков А.П.* Вооружение и военное дело // Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.
- Зыков А.П., Федорова Н.В.* Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XII УАС 19-22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.
- Иваненко А.* Хлебопашество на земле югорской // Югра. 1993. № 3.
- Иванов С.В.* Старинное зимнее жилище ульчей // СМАЭ. 1951. Т.XIII.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX—начала XX в.): Народы Севера и Дальнего Востока. М.;Л., 1963.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX—первой половины XX в. Л., 1970.

Иванов С.В. Сибирские подголовники и их место в материальной культуре народов Евразии (XIX—начало XX в.) // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. 1972, 1973. Л., 1974.

Изделия остяков Тобольской губернии // ЕТГМ. 1911. Вып. 19.

Ильина И.В. Материалы по традиционной системе питания салымских хантов // Культура народов Сибири: Материалы Третьих Сибирских чтений. СПб., 1997.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.

Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983.

Караулов Ю.Н. Хантыйский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.

Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1994. Т.1.

Касум-ёх: Материалы для обоснования проекта статусной этнической территории. Шадринск, 1993.

Кережи Винцене А. Образ коня у финно-угорских народов Волго-Камья и Зауралья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

Кернер В.Ф. Определение границ хозяйственно-культурных типов по материалам поселений и жилищ народов лесной полосы Урала в эпоху железа // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Кириков С.В. Промысловые животные, природная среда и человек. М., 1966.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетка А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетка А.М., Фирсов Л.В. Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпоху неолита и бронзы // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. М., 1979.

Клюева Н.И., Михайлова Е.Л. Накосные украшения у сибирских народов // СМАЭ. 1988. Т. XLII.

Ковалева В.Т. Динамика культуры и общества в Среднем Зауралье (неолит—бронзовый век) // Археологические культуры и культурные общности Большого Урала. Тез. докл. XII УАС 19—22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993а.

Ковалева В.Т. О реконструкции общинных структур древних обществ Среднего Зауралья по раскопкам поселений и жилищ (неолит—начало бронзового века) // ВАУ. 1993б. Вып. 21.

Кодолани Я. Возникновение и распространение нижнего белья у обских угров // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24—30. VIII. 1985. Тезисы. Сыктывкар, 1986. Т IV.

Козинцев А.Г. Краниоскопия и «расовая классификация» // СЭ. 1987. № 2.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия: Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л., 1988.

Козинцев А.Г., Мусеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // ЭО. 1995. № 4.

Казьмин В.Л. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 198D.

Казьмин В.Л. Лодка-нарта в этнографии народов Западной Сибири // Вестник ЛГУ. 1981а. № 8. Вып. 2.

Казьмин В.А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX—начале XX в.: Проблема происхождения и типология. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981б.

Казьмин В.Л. Таежное оленеводство народов Западной Сибири // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980—1981 гг., посвященная 60-летию образования СССР. Октябрь 1982. Тезисы докладов. Нальчик, 1982.

Казьмин В.Л. К вопросу о происхождении нартенного транспорта в западносибирском оленеводстве // Историческая этнография: Традиции и современность. Л., 1983.

Казьмин В.Л. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. 1991. Вып. 20.

Кокшаров С.Ф. Социально-экономическая модель кондинского общества в позднем энеолите—бронзовом веке // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

Кокшаров С.Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993.

Кокшаров С.Ф., Ермакова Н.Н. Меандровые узоры на керамике лозьвинского и атлымского типов // Орнамент народов Западной Сибири. Томск, 1992.

Конаков Н.Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX—начале XX в. М., 1983.

Конаков Н.Д. Календарная символика уральского язычества (бинарный зооморфизм) // Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар. 1990а. Вып.243.

Конак Ёв Н.Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990б.

Кориков Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа. Тюмень, 1898.

Корякова Л.Н. Ансамбль некрополя саргатской культуры // ВАУ. 1977. Вып. 14.

Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979а.

Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979б.

Косарев М.Ф. Экологические аспекты социально-экономического развития Западной Сибири в эпоху бронзы // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979в.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Косарев М.Ф. Экологический аспект археологических исследований (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986.

Косарев М.Ф. Некоторые общие закономерности и региональные особенности социально-экономического развития Западной Сибири // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология: Неолит Северной Евразии. М., 1996.

Косинцев П.А. Особенности хозяйства восточного склона Урала в раннем железном веке // ВАУ. 1986. Вып. 18.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988.

Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988.

Косинцев П.А., Стефанов В.И. Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Котов О.В. Традиционное хозяйство и промыслы // *Котов О.В., Ильина КВ., Лимеров П.Ф., Шаранов В.Э., Сюзюмов А.Л.* Салымские ханты. Научный отчет по материалам этнографического обследования традиционного хозяйственно-культурного комплекса хантыйского населения Нефтеюганского района Тюменской области // Архив Предприятия АВ КОМ, д.6, т.1.

Кузнецов Н.И. Природа и жители восточного склона Урала // ИРГО. 1887. Т.ХХIII, вып.У!

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. v

Кулемзин В.М. Об использовании дерева восточными хантами // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

Кулемзин В.М. Об использовании природных материалов в производственной деятельности хантов // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.

Кулемзин В.М. Генезис традиций // Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т.2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977.

Курлаев Е.А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. 1997. №4.

Лашук Л.П. Упряжное собаководство в северо-западном Приуралье // КСИЭ. 1954. Вып.ХХ.

Лашук Л.П. Очерки этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

Левин М.Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946. № 4.

Левин М.Г. К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // КСИЭ. 1947. Вып.ХТ.

Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4.

Лепехин И.И. Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1814. Ч.3.

Ли М. Культура плетения: Проблема сибирских истоков практики корзиноделия эскимосов Аляски // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура. СПб., 1995. Вып.2.

Лукина Н.В. Материальная культура васюганско-ваховских хантов в конце XIX—начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1972.

Лукина Н.В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX-70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6.

Лукина Н.В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. М., 1983.

Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984.

Лукина Н.В. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985а.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985б.

Лукина Н.В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986а.

Лукина Н.В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986б.

Лукина Н.В. Южные черты в пищевых традициях восточных хантов // Фольклор и этнография народов Севера. Л., 1986в.

Лукина Н.В. О задачах и методах выявления этноразличительных черт // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.

Лукина Н.В. Пища восточных хантов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII'. Обские угры (ханты и манси). М., 1991.

Лукина Надежда. Каслание в ночи // Северная книга. Томск, 1993.

Лукина Н.В., Бардина П.Е. Поселения Западной Сибири по этнографическим данным // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.1: Поселения и жилища. Томск, 1994. Кн.И.

Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган (по материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. 1975. Вып.ХУ!

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Львов Ю.А. Болотный процесс как фактор среды обитания человека в Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. *

Львова Э.Л. Лыжи и нарты чулымских тюрков // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972.

Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.

Любарских П. Краткое известие о Пермских Чердынских вогуличах // Российский магазин. СПб., 1782. 4.1.

Макаревский А.Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии, эпизоотии оленей и борьба с ними // ЕТГМ за 1906 г. 1907. Вып.ХУ!

Макарий, иеромонах. Заметки о Верхнетурских вогулах, живущих по р. Лозьве // ВРГО. 1853. Т.7, отд.8.

Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции // ТОЕ. 1872. Т.Н, №2.

Мануйлов П. На Сосьве-реке // Дружба народов. 1955. № 2.

Марков Т.Е. Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Марков Т.Е. Проблема сравнительной археологической и этнографической типологии культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Мартынова Е.П. Южные ханты в XVII—XIX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Мартынова Е.П. Охотничий промысел южных хантов в XVIII—XIX вв. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Мартынова Е.П. Пор-ёх и Мось-ёх в представлении ханты // Сургут, Сибирь, Россия. Междунар. научно-практ. конфер., поев.

400-летию города Сургута. Тез. докл. 22—25 марта 1994. Екатеринбург, 1994.

Мартынова Е.П. Общественное устройство в XVII—XIX вв. // История и культура хантов. Томск, 1995.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск, 1994.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.;Л., 1937. Кн.1.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.

Могильников В.А. Культура племен лесного Прииртышья IX—начала XIII вв. н.э. // Уч. зап. ПГУ, 1968. № 191: Тр. Камской археологической экспедиции. Т. IV.

Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

Моисеев В.Г., Козинцев А.Г. Антропологическое своеобразие уралоязычных народов // ЭО. 1998. № 2.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: Семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.

Морозов В.М. Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // ВАУ. 1982. Вып. 16.

Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // ВАУ. 1986. Вып.18.

Морозов В.М. Формы хозяйственной деятельности средневекового населения Северного Зауралья и Нижнего Приобья // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Морозов В.М. Домостроение у обских ургов (по данным различных источников) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993.

Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня-1 — древнейшее городище Северной Азии? // ВАУ. 1993. Вып.21.

Мошинская В.И. Городище и курганы Потчеваш (к вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953а. № 35.

Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // МИА. 1953б. № 35.

Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. 1958. № 75.

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ, ДЗ-8. М., 1965.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.

Мошинская В.И. Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.

Мошинская В.И. О зооморфном пластическом декоре деревянной утвари (по материалам Зауралья и Западной Сибири) // Congr. Quartus Internal. Fenno-Ugristarum. Budapestini Habitus 9—15 Sept. 1975. Budapest, 1980. Pt. II.

Мошинская В.И., Лукина Н.В. (некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.

Мурзина А.И. Манси (вогулы) в XVIII в. и первой половине XIX в. // Уч. зап. ЛГУ. 1953. № 157, вып. 2.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.

Напольских В.В. О происхождении названия югра // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы межд. симпозиума). Новосибирск, 1998. Т. 2.

Народы Севера России (1960—1980-е годы). 4.1 // Материалы к серии «Народы и культуры». М., 1992. Вып. ХУШ.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990.

Никонов С.П., Тарасенков Т.Н., Черезов И.В. География Тюменской области. Свердловск, 1968.

Новикова Н.И. Традиционные праздники манси. М., 1995.

Новикова Н.И., Федорова Е.Г. Поездка в ивдельским манси // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII: Обские угры (ханты и манси). М., 1991.

Новицкий Тр. Краткое описание о народе остячком, сочиненное... в 1715 г. СПб., 1884.

Носилов К.Д. С Оби на Печору // ИРГО. 1884. Т. 20, вып. 2.

Носилов К.Д. Юридические обычаи манси // Сб. материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888. Вып. 3.

Носилов К.Д. Путешествие к вогулам // Естествознание и география. 1897. № 6.

Носилов К.Д. У вогулов. СПб., 1904.

Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.:Л., 1950.

Оленеводство Тобольского Севера в цифрах: По материалам приполярной переписи 26—27 гг. Тобольск, 1930.

Остроумов И.Г. Вогулы-манси // МИПК. 1904. Вып.1.

Павловский В. Вогулы. Казань, 1907.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Ч.П, кн.1; 1788. Ч.З. П.1.

Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. 1891а. Вып.3, отд.1; вып.4, отд.1.

Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891б.

Патканов С.К. «По Демьянке» (бытовой и экономический очерк) // Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО. Омск, 1894. Кн.ХУ!, вып.2, 3.

Патканов С.К. Сказания о поездках остяцких князей к русским царям // Живая старина. СПб., 1898. Вып.3—4.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. 1911—1912 // ЗРГО по отд. статистики. 1912. Т.Н.

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

Перевалова Е.В. Хозяйственные объединения хантов в конце XIX—начале XX вв. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII—начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1997.

Перекрестки континентов: Культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Каталог выставки. Сост. Валери Шоссонэ. Вашигтон;М., 1996.

Персидско-русский словарь. М., 1970. Т.П.

Пивнева Е.А. Пища у манси // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып.ХХГУ: Народы Сибири. М., 1993. Кн.1.

Пика А.И. Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVII—XIX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Пика А.И. Сосьвинские манси как этносоциальная общность (XVII—XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

Пика А.И. Биоресурсы западносибирского Севера и их использование аборигенным населением в XVII—XIX вв. // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988.

Плетнева Л.М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.1: Поселения и жилища. Томск, 1994. Кн.И.

Плотников М. Простейший орнамент остяков и вогулов // Искусство народов СССР. М.;Л., 1930.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби // ЗИАН. СПб., 1877. Т.XXX.

Попова А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири // СМАЭ. 1955. Т.XVI.

Попов А.А. Жилище // ИЭАС. М.;Л., 1961.

Поселения и жилища. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т.1, кн.Н.

Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/1927 годы. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М., 1929.

Прыткова Н.Ф. Одежда хантов (XVII—XX вв.) // СМАЭ, 1953. Т.XV.

Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда у якутов // СМАЭ. 1955. Т.XVI.

Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда // ИЭАС. М.;Л., 1961а.

Прыткова Н.Ф. Головные уборы // ИЭАС. М.;Л., 1961б.

Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // ТГИМ. 1956. Вып.29.

Раушенбах В.М. Женская статуэтка со стоянки Бронзовый Мыс // МИА. 1965. № 180.

Рахманин Гр. Охотничий промысел Крайнего Севера и его социалистическая реконструкция // Северное промышленное хозяйство. Л.;М., 1934.

Редей К., Эрдейи И. Сравнительная лексика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Ромбандеева Е.И. Мансийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М., 1976.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.

- Руденко С.И.* Угры и ненцы Нижнего Приобья // СПб. филиал Арх. РАН, ф.1004, оп.1, д.67; ф.1004, оп.1, д.66.
- Руденко С.И.* Инородцы Нижней Оби. СПб., 1914.
- Руденко С.И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч.И: Быт башкир // ЗРГО. 1925. Т.63, вып.2.
- Руденко С.И.* Перевес // Материалы по этнографии России. 1929. Т.IV, вып.2.
- Русско-казахский словарь. М., 1954.
- Русско-таджикский словарь. М.; Сталинабад, 1949.
- Русско-узбекский словарь. М., 1954.
- Рындина О.М.* Орнамент // Очерки культуригенеза народов Западной Сибири. Томск, 1995. Т.3.
- Рындина О.М.* Генезис орнамента обских угров и самодийцев в контексте их истории. Автореф. дис.... докт. ист. наук. Новосибирск, 1997.
- Рындина О.М.* Камень и бисер: традиция и инновация в окультуренной среде обских угров // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. Томск, 1998.
- Савинов Д.Г.* Коновязь-псалии // Сибирские чтения 1992 г. Тезисы докладов. СПб., 1992.
- Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992.
- Селезнев А.Г.* Барабинские татары (Проблемы происхождения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991.
- Селезнев А.Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994.
- Сем Ю.А.* Нанайцы: Материальная культура (вторая половина XIX—середина XX в.). Этнографические очерки. Владивосток, 1973.
- Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян). СПб., 1992.
- Семенова В.И.* Хронология погребений могильника Усть-Балык // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XIIУАС 19—22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993.
- Сергеев М.А.* Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953.
- Серииков Ю.Б.* Некоторые итоги изучения мезолита на территории Среднего Зауралья // ВАУ. 1991. Вып.20.

Сериков Ю.Б. Исследования грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // ВАУ. 1993а. Вып.21.

Сериков Ю.Б. Первобытная техника, хозяйство и быт мезолитического населения Среднего Зауралья // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993б.

Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Мезолит Среднего Зауралья и Западной Сибири // Археология СССР: Мезолит СССР. М., 1989.

Серошевский В.Л. Якуты. М., 1993.

Симонова Л.Х. Лаача: Очерк быта вогуличей. СПб., 1883.

Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976.

Сирелиус У.Т. Домашние ремесла остяков и вогулов // ЕТГМ. 1906. Вып. 15; 1907. Вып. 16.

Скалозубов Н.Л. От Тобольска до Обдорска (Из путевого журнала) // ЕТГМ. 1907. Вып. 16.

Смирнов Н.Г. Ареалогический метод в изучении плейстоценовых млекопитающих в Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этногенетический аспект. М., 1984.

Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ. 1957а. № 2.

Соколова З.П. Обско-угорское жилище и его история. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1957б.

Соколова З.П. Обско-угорские дощатые постройки // КСИЭ. 1959. Вып. XXXI.

Соколова З.П. Из истории жилища обских угров (к вопросу о развитии обско-угорской землянки) // Congr. Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapestini Habitus 20—24.IX.1960. Budapest, 1963а.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. Нов. сер. 1963б. Т.84.

Соколова З.П. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров // СЭ. 1968. № 5.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. 1971. Т. XXVII.

Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват (этнографический очерк) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972.

Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М., 1980.

Соколова З.П. Путешествие в Югру. М., 1982.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983.

Соколова З.П. Современное культурное развитие и этнические процессы у обских угров // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985а.

Соколъва З.П. Этнокультурные связи обских угров и венгров // VI МКФУ. Сыктывкар, 24—30.VII.1985. Тез. докл. Сыктывкар, 1985б. Т. IV.

Соколова З.П. По следам одной загадки // СЭ. 1986. № 4.

Соколова З.П. Времясчисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990а.

Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990б.

Соколова З.П. Хозяйственно-культурные типы и поселения обских угров // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып.ЛШ: Обские угры (ханты и манси). М., 1991.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8—11 июня 1999 г. Тез. док. М., 1999.

Сорокин Н. Путешествие к вогулам // ТОЕ. (Казань). 1873. Т.3, №4.

Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982.

Старцев Г. Остяки: Социально-этнографический очерк. Л., 1928.

Сухарева О.А. Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» среднеазиатской одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

Сыроечковский Е.Е. Проблема дикого северного оленя в СССР на современном этапе // Дикий северный олень в СССР (материалы Первого междуведомственного совещания по охране и рациональному использованию ресурсов дикого северного оленя). М., 1975.

Сязи А.М. Декоративно-прикладное искусство хантов Нижней Оби. Тюмень, 1995.

Таксами Ч.М. К вопросу о культе предков и культе природы у нивхов // СМАЗ. 1971. Т. XXVII.

Талигина Н.М. Бисер как элемент традиционной культуры северных хантов // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология. практика. Материалы XI Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф Томск 1998.

Твершпин И.Я. «...Во мне крылось давнее желание открыть опыт хлебопашца» // Югра. 1992. № 11.

Твершпин И.Я. Священник-хлебороб. Шадринск, 1993.

Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Раневского археологического комплекса // ВАУ. 1986. Вып. 18.

Томилов Е.Л. Особенности синтеза Хозяйства и культуры у народов южной и средней полосы Западной Сибири // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

Томилов Н.А. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья (хозяйство и материальная культура). Томск, 1980.

Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Тоцакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976.

Туркин А.И. К вопросу об угорских названиях на территории Коми ССР // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Междунар. симп. Тез. докл. Сыктывкар, 16—18 мая 1991 г. Сыктывкар, 1991.

Тюрки таежного Причудымья: Популяция и этнос. Томск, 1991.

Уайнер Дж. Экология человека // *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Тэннер Дж., Барникот Н., Рейнолдс В.* Биология человека. М., 1979. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.

Федорова Е.Г. Одежда манси XIX—XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978.

Федорова Е.Г. Элементы нового и традиционного в современной материальной культуре манси // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М., 1980.

Федорова Е.Г. К вопросу об этнической истории манси (по данным материальной культуры) // VI МКФУ. Сыктывкар, 24–30 VII. 1985. Тезисы. Сыктывкар, 1985. Т. IV.

Федорова Е.Г. Современная материальная культура сосвинско-ляпинских манси. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986а.

Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986б.

Федорова Е.Г. К вопросу об этнической истории манси (по данным материальной культуры) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т.1.

Федорова Е.Г. О значении предмета (на примере плечевой одежды хантов) // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

Федорова Е.Г. Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций // Историческое познание: Традиции и новации. Тезисы Межд. теорет. конф. Ижевск, 1993. 4.1.

Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX—первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994а.

Федорова Е.Г. Бисер в культуре обских угров // Вещь в контексте культуры. Материалы научн. конф. Февраль 1994 г. СПб., 1994б.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994в.

Федорова Е.Г. О современных изменениях в поселениях и жилищах // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.1: Поселения и жилища. Томск, 1994г. Кн.П.

Федорова Е.Г. Роль женщины в мансийском обществе // Hunters and Gatherers in the Modern Context. Book of presented papers. Seventh International conference on Hunting and Gathering Societies. 18-22 August, 1993. Fairbanks. 1994д. Vol.1.

Федорова Е.Г. К проблеме археолого-этнографических сопоставлений: по материалам украшений обских угров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы VI Межд. научн. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск; СПб., 1998а. Ч.П.

Федорова Е.Г. Люди Пор и люди Мось в представлениях современных манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб., 1998б. Вып.4.

Федорова Е.Г. К вопросу о происхождении скотоводства у обских угров // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск, 1999а.

Федорова Е.Г. Обские угры: веки этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999б.

Федорова Н.В. Новые находки мелкой антропоморфной пластики на поселениях конца 1-го тысячелетия н.э. в Среднем Приобье // Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979а.

Федорова Н.В. Опыт типологического анализа западносибирского культового литья (к вопросу о взаимосвязи искусства и среды) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979б.

Федорова Н.В. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X—XIII вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

Федорова Н.В. Бронзовая художественная пластика // Угорское наследие. Екатеринбург, 1994а.

Федорова Н.В. Глиняная пластика // Угорское наследие. Екатеринбург, 1994б.

Федорова Н.В. Изделия из органических материалов // Угорское наследие. Екатеринбург, 1994в.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып.20.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1987.

Хайду П. К этногенезу венгерского народа // AL. Budapest, 1953. Т.2.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Ханты-Мансийский автономный округ. Атлас. М., 1980.

Хелимский ЕА. Keto-Uralica // Кетский сборник: Антропология, этнография, мифология. Л., 1982.

Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып.10.

Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства у народов Европейского и Западносибирского Заполярья // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып.10.

Хомич Л.В. Деревянная и меховая утварь у ненцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976а.

Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976б.

Хомич Л.В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л. 1984.

Хомич Л.В. Еще раз об арктическом субстрате в культуре ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986.

Хомич Л.В. Колыбель в традиционной культуре народы Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири СПб., 1994.

Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // ВАНУ. 1982 Вып. 16.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1971.

Чемякин Ю.П. Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Тезисы докладов X ЗСАЭС памяти В.Н. Чернецова. Томск, 1995.

Чернецов В.Н. Манси (вогулы). Архив МАЭ РАН, ф.К-1, оп.1, п.294.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки // Сб. фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935.

Чернецов В.Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Сб. «Памяти В.Г. Богораза». М., Л., 1937а.

Чернецов В.Н. Чум // Советская этнография за 1936 год. 1937б. № 6.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. II.

Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских югров // КСИИМК. 1941. Вып.9.

Чернецов В.Н. Основные этапы истории Приобья от древнейших времен до X в. н.э. Тезисы дис. ... канд. ист. наук // КСИИМК. 1946. Вып. 13.

Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6, 7.

Чернецов В.Н. Орнамент ленточного типа у обских угров // СЭ. 1948. № 1.

Чернецов В.Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. // СМАЭ. 1949. Т.Х.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953а. №35.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953б. № 35.

- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в 1-м тысячелетии нашей эры // МИА. 1957. № 58.
- Чернецов В.Н.* Исчезнувшее искусство: Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси // СЭ. 1964а. № 3.
- Чернецов В.Н.* К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII МКАЭН, Москва, август 1964. М., 1964б.
- Чернецов В.Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. В4-12(2). М., 1971.
- Чернецов В.Н.* Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Чеснов Я.В.* О социально-экономических и природных предпосылках возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1970. № 6.
- Чеснов Я.В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
- Чесноков Н.* Речной бобр // Югра. 1993. № 1.
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск, 1984.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991-
- Чупин Н.К.* О результатах экспедиции, снаряженной Казанским обществом естествоиспытателей в 1872 г. для исследования вогулов // ЗУОЛЕ. 1874. Т.1, вып.2.
- Шатилов М.Б.* Пища ваховских остяков // Тр. ТКМ. 1929. Т.2.
- Шатилов М.Б.* Ваховские остяки: Этнографические очерки // Тр. ТКМ. 1931. Т.4.
- Шенников А.А.* О русских крестьянских усадьбах XVI века // Доклады ОЭ ГО СССР. Л., 1966. Вып.2 (Доклады 1962—1965 гг.).
- Шитова С.Н.* Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976.
- Шитова С.Н.* Традиционные поселения и жилища башкир: Вторая половина XIX—первая четверть XX в. М., 1984.
- Шитова С.Н., Гаделгареева Р.Г.* Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX—начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX—начале XX в. М., 1979.
- Шиятов С.Г.* Реконструкция колебаний климата и динамики полярной границы леса на севере Западной Сибири за последние

900 лет на основе анализа радиального прироста деревьев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.

Шнирельман В.А. Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства // СЭ. 1974. № 3.

Шнирельман В.А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ. 1977. № 2.

Шнирельман Б.Л. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М., 1980.

Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // ЗГО СССР. 1957. Т.16.

Шнитников А.В. Внутривековая изменчивость компонентов общей увлажненности. Л., 1969.

Штильмарк Ф.Р., Азаров В.И. Дикий северный олень в бассейне реки Конды // Дикий северный олень в СССР. М., 1975.

Шульц Л.Р. Краткое сообщение об экспедиции на р. Салым Сургутского уезда // ЕТГМ. 1913. Вып.21.

Шульц Л.Р. Салымские остяки (Из материалов к этнографии южных остяков) // Зап. Тюменского общества научного изучения местного края. 1924. Вып.1.

Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района // Сб. «Урал» (Свердловск). 1926. № 8.

Шухов И.Н. Река Казым и ее обитатели // ЕТГМ. 1916. Вып. XXV!

Шухов И. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Изв. Гос. Зап.-Сиб. музея (Омск). 1928. № 1.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск, 1988.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // ТГИМ. 1940. Вып. 10.

Эпоха бронзы лесной полосы // Археология СССР. М., 1987.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии: Опыт сравнительной типологии. М., 1981.

Южанинова М.В. Хантыйский сах // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург, 1992.

Ahlquist A. Aus einem Briefe des Magisters A. Ahlquist an A. Schiefner (Zu le 5 novembre 1858) // BGSHP. 1859. T.XVI № 4, 5 (364-365).

Ahlquist A. Unter Wogulen und Ostjaken // ASMF. Helsingfors, 1885. T.XIV.

:

Ahlquist A. Aus einem Briefe des Magisters A. Ahlquist an A. Schiefner (Zu le 6 novembre 1858) // BGSHP. 1859. T.XVII. № 4, 5 (364-365).

Ahlquist A. Ethnographische Schilderung der Wogulen // BGSHP. 1889. T.XVI. № 4, 5 (364-365).

Collinder B. Finno-ugric vocabulary // An Etimological Dictionary of the Uralic-Languages. Stockholm, 1955.

Donner K. Ueber das Alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht // FUF. 1927. Bd XVIII. Hf.1-3.

Fedorova E.G. Interaction of North-West Siberian Native Cultures. Clothing // Specimina Sibirica. Szombathely, 1992.

Halt G. North American and Eurasian culture connections // Proceedings of the Fifth Pacific Science Congress. Canada, 1933. V.IV. Toronto, 1934.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. 1958. № 113.

Kerezi Agnes V. Die Herausbildung und die Rolle des Pferdekultes in der Obugrischen Kultur // Specimina Sibirica. 1988. T.I.

Kodolanyi J.jr. Einige Lehren der Forschungen über die materielle Kultur der obugrischen Völker // Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum. Helsinki, 23-28. VIII. 19675. Helsinki, 1965. P.II.

Kodolanyi J.jr. Frauenkleidung der Ob-Ugrier // AE. 1960. T.XVIII.

Munkacki B. Verschiedenheit in den arischen Lehnvoortern der finnisch-maguarischen Sprachen // Keleti Szemle. 1903. IV. 3.

Paasonen H. Ober die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen // FUF. 1902. Bd II. Hf.1-2.

Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. SPb., 1897. Bd 1; 1900. Bd 2.

Redei K. Die syrjanischer Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970.

Setala E. Zur Finnisch-ugrischen Lautlehre // FUF. 1902. Bd II. Hf.3.

Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingfors, 1904.

Sirelius U. T. Über die Sperrfischerei bei den finnischugrischen Völkern. Helsingfors, 1906.

Sirelius U.T. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker // Helsingfors, 1910.

Sirelius U.T. Primitive Konstruktionsteile an prahistorischen Schiffen // FUF. 1913. Bd XIII. Hf.1-2.

Sirelius U.T. frber einige Prototype des Schlittens // JSFO. 1913-1918. T.XXX.

Sirelius U.T. Uber die Art und Zeit der ZMhmung des Renttiers // JSFO. 1916-1920. T.XXXIII.

Sirelius U.T. Reise zu den Ostjaken // TESFO. 1983. T.XI.

Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Budapest, 1980. Bd IV.

Szokolova Z.P. Az obi-ugor lakohazak tuzhelyei // Muveltseg es hagyomány. Budapest, 1964.

Tschermetzow V.N. Barenfest bei den Ob-ugrien // AE. 1974. T.23(2-4).

Vahter T. Omamentik der Ob-Ugrier // SFOTE. 1953. Bd 9.

Vilkuna K. Uber die ob-ugrighen und samojedischen Pfeile und Kocher // NJSFO. 1950. Vol.XCVIII.

Vilkuna K. Das syrjanische-obugrische Vogelnetz // FUF. 1973. Bd40. Hf.1—3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия.
АЭБ	—	Археология и этнография Башкирии.
ВАУ	—	Вопросы археологии Урала.
ВРГО	—	Вестник Русского географического общества.
ЕТГМ	—	Ежегодник Тобольского губернского музея.
ЗГО СССР	—	Записки Географического общества СССР.
ЗИАН	—	Записки Императорской Академии наук.
ЗРГО	—	Записки Русского географического общества.
ЗСАЭС	—	Западно-Сибирское археолого-этнографическое совещание.
ЗУОЛЕ	—	Записки Уральского общества любителей естествознания.
ИРГО	—	Известия Русского географического общества.
ИЭАС	—	Историко-этнографический атлас Сибири.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ	—	Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
КЭСКЯ	—	Краткий этимологический словарь коми языка.
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет.
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР.
МИПК	—	Материалы по изучению Пермского края.
МКАЭН	—	Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МКФУ	—	Международный конгресс финно-угроведов.
ОЭ ГО СССР	—	Отделение этнографии Географического общества СССР.
ПГУ	—	Пермский государственный университет.
ПМА	—	Полевые материалы автора.
САИ	—	Свод археологических источников.
СМАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии.
СЭ	—	Советская этнография.
ТГИМ	—	Труды Государственного исторического музея.
ТИЭ	—	Труды Института этнографии АН СССР.
ТОЕ	—	Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете.

Тр. ТКМ	Труды Томского краевого музея.
УАС	Уральское археологическое совещание.
AE	Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae.
AL	Acta linguisticae Academiae Scientiarum Hungaricae.
ASS:F	Acta Societatis Scientiarum Fennicae.
BGSPHP	Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques.
FUF	Finnisch-Ugrische Forschungen.
JSFO	Journal de la Societe Finno-Ougrienne.
SFOTE	Societe Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques.
TESFO	Travaux ethnographiques de la Societe Finno-Ougrienne.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ	14
1. Рыболовство	24
2. Охота	50
3. Собирачество	75
4. Животноводство	80
5. Земледелие. Огородничество	128
6. Календарь и хозяйственный цикл	
Глава II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	157
1. Пища	158
2. Поселения, жилища, хозяйственные постройки	177
3. Одежда	213
4. Утварь	268
5. Средства передвижения	298
Заключение	326
Литература	338
Список сокращений	365

Елена Геннадьевна Федорова

**РЫБОЛОВЫ И ОХОТНИКИ БАССЕЙНА ОБИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ
ХАЙТОВ И МАНСИ**

Редактор и корректор *И.Н. Ионина*

Художник *А.Ю. Харитонова*

Компьютерный набор и верстка *М.П. Оняновой*

Лицензия ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90 в 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Подписано к печати 11.08.2000. Печ.л. 23. Тираж 800 экз.

О.О.О. «Европейский Дом»

191187, Санкт-Петербург, Гагаринская, 3